МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

СУДАНЦ БОРИС МАРАТОВИЧ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РЕФОРМ В СССР В 1985-1991 гг.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
кандидат исторических наук
Могилевский К. И.

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. Идеологическое оформление политики М. С. Горбачева (1985-1987) 36

1.1. От ускорения к перестройке: концептуальная эволюция реформ 36

1.2. Либерализация внешнеполитической доктрины СССР в рамках теории «нового мышления» 83

Глава 2. Пропагандистское сопровождение советских реформ (1985-1990) 116

2.1. Гласность: от инструмента поддержки преобразований к фактору дестабилизации общественной системы..... 116

2.2. Демифологизация советской истории как идеологическая основа легитимации реформ 159

Глава 3. Углубление демократических преобразований в контексте новой идеологической парадигмы (1988-1990)..... 192

3.1. Программа политической модернизации: проблема построения «социалистического правового государства» и «республики Советов» 192

3.2. В поисках концепции «социалистического рынка»..... 234

Глава 4. Политическое банкротство коммунистической идеологии на фоне союзной дезинтеграции (1990-1991) 274

4.1. Радикальная трансформация программных положений КПСС 274

4.2. Концепция обновленной советской федерации: подходы союзного Центра и республиканских элит..... 303

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 341

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 350

Список сокращений 388

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность

Уникальный опыт системных реформ в истории российской государственности всегда привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Как правило, историки выделяли следующие наиболее типичные элементы модернизационных процессов в России: инициатива реформ исходила от государства в качестве реакции на внутренний структурный кризис или внешнеполитические вызовы (т. н. «революция сверху»); у реформаторов отсутствовал чёткий и детальный план переустройства страны, поэтому принимаемые меры были непоследовательны и порой противоречивы; в ходе модернизации обнажались острые социальные конфликты внутри общества вплоть до радикального выступления низов; по окончании модернизации реформы оставались не доведёнными до конца[1].

Вышеизложенная универсальная схема выявляет закономерности проведения масштабных реформ в отечественной истории на протяжении нового и новейшего времени. В данную модель органично вписываются и преобразования М. С. Горбачева 1985-1991 гг. Однако их важнейшая особенность состоит в том, что воплощение реформаторского замысла на практике не привело к развитию и укреплению единства страны. Напротив, реализация реформаторского курса обострила и усилила имевшиеся кризисные тенденции, противоречия как в руководстве государства, так и в обществе. По мере их радикализации сформировался «кумулятивный» эффект, который предопределил разрушение прежних политических институтов, экономических связей и дальнейшую дезинтеграцию союзного государства. Таким образом, негативный финал «горбачевской перестройки» отличает ее от всех прочих попыток качественного обновления российского государства и общества. Экономический упадок, политическая нестабильность и обострившиеся социальные, межнациональные

[1] Reform in modern Russian history: Progress or cycle? / Ed. a. trasl. by Theodore Taranovski with the assistance of Peggy McInerny. Washington, 1995. P. 237-243.

конфликты – таков оказался итог «революционной» модернизации советского общества.

Во многом провал реформ обуславливался падением доверия и лояльности советского общества к партийно-государственному курсу М. С. Горбачева. Причём к кризису поддержки у населения привели не только социально-экономические последствия преобразований, но и противоречивый процесс их идеологического оформления. В связи с этим особенно важным представляется изучение идеологического обоснования «судьбоносных» реформ.

Примечательно, что объективного и целостного изучения идеологического обоснования реформ М. С. Горбачева в годы их проведения по понятным причинам не проводилось. В первые годы после развала СССР, ключевые деятели позднесоветского времени еще оставались в активной политике, а значит, глубокий анализ был также затруднён. Сейчас, пройдя сорокалетний рубеж, перестройка окончательно стала историей. Сформировались архивные фонды, появились мемуары участников событий, в целом, стала вполне сформированной источниковая база. В нынешних благоприятных условиях обозначенная тема исследования представляется своевременной для полноценного изучения.

Под идеологическим обоснованием в работе понимается комплекс организационно-политических мер правящего режима, направленных на легитимацию реформ в широком массовом сознании с помощью пропагандистских инструментов, что апеллировали к господствующим в советском обществе идеям и ценностям. Источником последних в первые годы «горбачёвской модернизации» была государственно-партийная идеология марксизма-ленинизма.

Коммунистическая идеология отвергала все иные мировоззренческие системы, а также навязывала обществу через формализованную систему ритуалов и символов единое миросозерцание. В функциональном измерении такая модель использовалась для перманентной мобилизации социума в контексте достижения утопического общества – коммунизма. Вокруг этой сверхзадачи партией выстраивалась собственная политическая мифология с целью легитимации господства правящей номенклатуры. Впрочем, советская идеология в отсутствии

конкурентной борьбы со стороны других доктрин теряла способность своевременной адаптации к новым социально-политическим условиям, тем самым тормозя собственную идейную эволюцию. Косность и догматичность коммунистической мысли лишала советских реформаторов опции на ее теоретической основе генерировать новые реформаторские идеи и концепции для эффективного обоснования системных преобразований.

В итоге данные «особенности» официальной доктрины вынудили партийное руководство обратиться к альтернативным идеологическим моделям и теориям, оправдывая кооптацию неортодоксальных идей в общественный дискурс при помощи искусственных нарративов «восстановления ленинских принципов» и «возращения к истинному социализму».

Что касается внутреннего устройства советского общества, то к середине 1980-х гг. оно представляло собой социально-политическую модель с незрелыми гражданскими институтами и авторитарным характером партийно-государственной власти. По этой причине одобрение массами проводимых преобразований зависело от точной, убедительной смысловой интерпретации реформ и аргументации необходимости перемен в риторике правящей элиты. В этих условиях изучение идей, концепций и пропагандистских практик власти помогает лучше понять особенности теоретического поиска представителей партийного руководства, в том числе степень воздействия новых партийных нарративов на восприятие реформ у советских граждан. К тому же в рамках рассмотрения этого вопроса намного очевиднее становится механизм актуализации концепций в официальной повестке.

Более того, последствия плачевных итогов советской модернизации 1985-1991 гг. до сих пор ощутимы на постсоветском пространстве. В частности, реформы М. С. Горбачева оказали сильнейшее влияние на современную российскую политическую традицию, в том числе на отечественную теорию реформ, являющуюся прямой наследницей советских практик пропагандистского обеспечения преобразований. Поэтому особенно актуальным становится выявление недостатков, внутренних противоречий в процессе идеологического

обоснования советских преобразований для исключения подобных негативных явлений в современном российском реформаторском дискурсе.

В указанном историко-политическом контексте в работе сформулирована и **научная проблема исследования**, заключающаяся в рассмотрении процесса конструирования и трансформации идей, концепций и нарративов политического руководства, а также в определении эффективности воздействия партийно-правительственной риторики на массовое сознание. Целостное понимание данной проблематики стало возможно при детальном изучении публичных выступлений лидеров КПСС, официальных документов компартии, государственных учреждений, общественных организаций, материалов периодической печати, публицистики, мемуаров и дневников современников событий, а также неопубликованных источников. Тем самым поиск точных и аргументированных ответов по проблематике идеологического обоснования перестройки будет способствовать лучшему пониманию причин, приведших к дискредитации советских реформ и провалу модели «горбачевской модернизации».

Степень разработанности темы

Несмотря на огромное количество отечественной и зарубежной литературы по истории перестройки, вопросам идеологического обоснования реформ в 1985-1991 гг. посвящено не так уж много работ.

Так, в 1985-1991 гг. ввиду сохранявшейся идеократической традиции исследования носили подчеркнуто политический характер. В этот исторический период советское научное сообщество было занято не столько объективным рассмотрением идеологической природы реформ, сколько обоснованием преобразований в марксистско-ленинском духе. Особое внимание социалистическая наука уделила легитимации политики гласности, философии нового мышления[2]. Активно прорабатывались концепции политической и экономической реформы, а также шли дискуссии о вариантах нового

[2] Гласность: Насущные вопросы и необходимые ответы: сборник / сост. А. М. Мещерский. М., 1989; Новиков А. И. Классовый подход и новое мышление. Ленинград, 1988.

государственного устройства в СССР[3]. Как правило, такие работы предназначались для оправдания партийно-государственного курса союзного руководства.

Параллельно марксистскому оправданию реформ в советском обществе, с подачи правящей элиты, формировалась альтернативная, но от того не менее политизированная трактовка перестройки, сначала объясняющая перемены как органичное соединение капиталистических и социалистических элементов, а затем как процесс полного отрицания коммунистической системы в пользу «цивилизационных форм». Проводниками новой повестки стали радикальные советские интеллектуалы, применявшие в ходе интерпретации реформ как идеологические штампы теории конвергенции систем, так и чисто либеральные доктринальные постулаты[4].

Примечательно, что партийное руководство рассматривало когнитивную и пропагандистскую деятельность интеллектуалов как важную составляющую идеологического обоснования преобразований. Несмотря на идейный радикализм интеллигенции, реформаторы солидаризировались с её некоторыми неортодоксальными концепциями для оправдания кардинальных сдвигов во внутренней и внешней политике. Разрыв с интеллектуалами произойдёт только в 1990 г., когда они сформируют политическую оппозицию Центру и будут продвигать собственную концепцию либеральных реформ, отвергавшую партийно-государственную программу преобразований.

Ситуация в историографии изменилась после распада СССР. В постсоветский период отечественная наука постепенно освобождалась от политической и идеологической предвзятости. Наравне с зарубежными авторами российские ученые применяли новые объективные и строго научные подходы, методы при изучении проблематики идеологического обоснования реформ в период перестройки.

---

[3] Советы в условиях реформы политической системы: сборник статей / Редкол.: Е. И. Кореневская и др. М., 1989; Новый союзный договор: поиски решений: Сборник статей. М., 1990.

[4] Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему: сборник статей / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Мн., 1988; Через тернии: Пролог. Что дальше?: сборник статей / составитель А. А. Протащик. М., 1990.

Надо отметить, что предметно об идеологическом обосновании реформ исследователи чаще всего пишут в контексте рассмотрения проблем политики исторической гласности. Данный факт объясняется тем, что легитимация большинства горбачевских преобразований в политической и экономической сфере сопровождалась апелляцией к необходимости преодолеть как «преступное» прошлое, так и «застойное» настоящее. В этом ряду одобренные властью дискуссии по вскрытию «белых пятен» истории, поиску ленинской концепции социализма, критике недостатков административно-командной системы были призваны воздействовать на умонастроения советских людей, убедив их в своевременности кардинального переустройства «деформированного» социалистического общества.

В частности, американский политолог Т. Шерлок анализирует одобренный коммунистическим режимом исторический ревизионизм в рамках борьбы реформаторского руководства против политических мифов, идеологически поддерживающих «сталинскую» административную систему. По мнению политолога, дискредитируя с помощью нарративов исторической гласности базисные мифы, а вместе с ними старые политические институты и практики осуществления власти, команда М. С. Горбачева намеренно создавала негативный образ советской системы в общественном сознании. Тем самым реформаторы пытались теоретически обосновывать необходимость масштабных реформ ущербностью и искаженностью нынешней политической и экономической конструкции[5].

В свою очередь, российский историк Т. М. Атнашев демонстрирует, как разработанные советскими историками М. Я. Гефтером и П. В. Волобуевым в 1960-х гг. историософские идиомы для совершенствования методологии истории заимствовались политическим руководством в контексте расширения дискуссий исторической гласности. Автор уточняет, что реформаторы, а затем рядовые участники полемики адаптировали и использовали отличительный вокабуляр вышеназванных ученых (исторический выбор, исторический путь, историческая

[5] Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России; [пер. с англ. А. Л. Раскина и А. А. Пешкова]. М., 2014. С. 34-59.

альтернатива) как теоретическую базу для обоснования актуальных политических доводов. Благодаря этим историософским идиомам партийная элита создавала и актуализировала новые понятия (социалистический выбор, альтернативы перестройки нет, возвращение к столбовой дороге мировой цивилизации), чтобы оправдать текущий реформаторский курс[6].

Несмотря на популярность темы исторической гласности у авторов, ученые также рассматривают процесс идеологического обоснования директивного курса ускорения в 1985-1986 гг. В частности, на полное соответствие лозунгов, нарративов, практических мероприятий политики ускорения фундаментальным законам социалистической политической экономии указывает отечественный исследователь А. А. Яник. Автор пишет, что любые другие идеи в тот период, не основанные на официально одобряемых научных теориях, были бы нелегитимны в глазах политической элиты. Поэтому реформаторы оправдывали первые преобразования ссылками на авторитетную концепцию политэкономии социализма. К тому же оптимистичный, социально ориентированный характер данной экономической теории находил отклик у советских людей, косвенно способствуя распространению реформаторских идей и настроений в обществе[7].

Об идейно-теоретическом обосновании концептов ускорения, перестройки в контексте субъективного фактора пишет российский политолог А. А. Вилков. Автор обращает внимание на то, что политическое руководство в этом вопросе воспроизводило классическую для советского марксизма доктрину преобладания субъективных оснований над объективными в качестве мотивирующего фактора участия советских граждан в решении грандиозных задач социалистического строительства[8].

---

[6] Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 г. «Особый путь»: от идеологии к методу / составители: Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. 2-е изд. М., 2023. С. 189-242.

[7] Яник А. А. История современной России. Истоки и уроки последней российской модернизации (1985-1999): научное издание. М., 2012. С. 77-84.

[8] Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 3. С. 303-309.

Схематично проблему оправдания М. С. Горбачевым фундаментальных изменений во внешней политике посредством увязывания их с марксистско-ленинской традицией проиллюстрировал американский политолог Дж. Бреслауэр. Используя ленинские теоретические предпосылки «нового мышления», советский лидер утверждал, что его уступчивая политика не является отступлением от национальных интересов и идеологических принципов, а, напротив, спасением для страны перед лицом реальности. Политолог уверен, что пересечение «нового мышления» с советским идеологическим наследием позволило обосновать новую внешнеполитическую доктрину как продолжение ленинской международной политики. В новой концепции утверждались знакомые для советской аудитории миссионерские, моралистические начала в рамках пропагандистской борьбы СССР и всего прогрессивного сообщества против реакционных милитаристов Запада. Тем самым советское руководство смогло временно убедить массы в идейной преемственности и рациональности обновлённой модели внешней политики[9].

Довольно оригинальное исследование всего комплекса советских экономических реформ периода перестройки, присутствует у отечественного автора Н. И. Кротова. Исследователь на основе 60 интервью с участниками исторических событий демонстрирует процесс формирования экономических теорий, ход дискуссий о принципиальных путях развития народного хозяйства в партийных и государственных структурах, а также истоки и механизмы теоретического обоснования экономических реформ при их подготовке и осуществлении[10].

Теоретическое и практическое сопровождение реформ рассматривает отечественный исследователь В. Н. Снегирев в научном труде, посвященном биографии А. Н. Яковлева. Автор изучает магистральные эпизоды идеологической деятельности Яковлева: инициирование кардинальной трансформации пропагандистской работы, противостояние «консервативной» линии Е. К. Лигачева

---

[9] Бреслауэр Дж. Горбачев и Ельцин как лидеры; [перевод с англ. А. Разина]. СПб., 2021. С. 109-118.

[10] Кротов Н. И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М., 2019.

в контексте спора о границах гласности, идеологическая проработка политических выступлений М. С. Горбачева и ключевых партийных документов. Особое внимание историк уделяет либеральным и демократическим взглядам Яковлева, которые тот пытался оформить концептуально, чтобы навязать генсеку, партии, обществу радикализацию реформ с целью слома и последующей трансформации советской системы. Тем самым Яковлев являлся одним из тех немногих высших руководителей, кто не только отвечал за идеологическое сопровождение и обоснование реформ, но и принимал активное участие в либерализации курса перестройки[11].

Тема кооптации «буржуазных идей» в идеологические тексты реформаторов затрагивается отечественным историком Н. В. Елисеевой. Так, ревизионистские положения автор выявляет в выступлениях М. С. Горбачева, особенно останавливаясь на анализе политического доклада XXVII съезду КПСС. В докладе генсек, опираясь на достижения мировой политической мысли, переосмыслил многие положения коммунистической доктрины. В дальнейшем советским руководством на основе легализованных «буржуазных идей» был задан социал-демократический вектор развития, который предопределил отказ от устоявшихся марксистской доктрины и производных от нее идеологических форм обоснования преобразований[12].

В диссертации российского политолога В. И. Головченко рассматривается одно из базовых идеологических противоречий реформ. Головченко считает, что в идейных основах преобразований реформаторы заложили как критику прежних представлений о социализме, так и ключевые ценности, принципы, воплощённые в предшествующие периоды социалистического строительства. Данный антагонизм не позволил бы создать эффективную идеологию реформ, способную убедительно обосновать цели и задачи стратегического курса М. С. Горбачева. В результате,

---

[11] Снегирев В. Н. Александр Яковлев. Чужой среди своих. Партийная жизнь «архитектора перестройки». М., 2023.

[12] Елисеева Н. В. Перестройка: советский проект реформирования СССР // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2005. № 5. С. 54-63.

заключает автор, данное противоречие не удалось разрешить, что предопределило незавершённость концептуализации и актуализации реформаторской идеологии[13].

О моральных основах реформаторских процессов рассуждает французский политолог Г. Совэ. По мнению учёного, ни разу с момента образования СССР тема нравственности не занимала такого важного места в общественной жизни, как в период правления М. С. Горбачева. Так, стартовавшие преобразования воспринималась массами как спасительная попытка исправить моральное разложение общества. Особенно широко нравственный дискурс распространился в начале перестройки. Совэ называет первыми морализаторскими мероприятиями советского руководства – антиалкогольную кампанию и гласность, призванные мобилизовать население для очищения нравов с помощью укрепления партийного контроля. В этом контексте реформы идеологически обосновывались универсальными принципами коммунистической морали, разработанными и утверждёнными КПСС в послесталинский период[14].

Самобытный взгляд на процесс обоснования реформ присутствует у американского историка С. Коткина. Автор пишет, что преобразования перестройки зиждились на воскрешении идеалов Октябрьской революции и были, в первую очередь, романтическим проектом послесталинского поколения партийной элиты. Поэтому новое партийное руководство оправдывало все нововведения авторитетным ленинским учением. Такая пропагандистская кампания оказалась не нова для коммунистического режима, поскольку прошлые советские руководители также апеллировали к сакральным положениям ленинизма для придания легитимности собственной политической власти. Однако именно команда М. С. Горбачева пошла дальше, решив воплотить ленинские идеалы на практике для построения общества «гуманного социализма». Коткин считает, что закономерным итогом реализации основных идей Октябрьской революции стал

---

[13] Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России: дис. ... док. полит. наук: 23.00.02. / Головченко Владимир Иванович. Саратов, 2009. С. 111-115.

[14] Совэ Г. Потерпевшие победу: советские либералы и крах демократии в России (1987-1993 годы); [пер. с фр. А. Герцик]. М., 2025. С. 31-51.

распад СССР. Дело в том, что возрождаемые ленинские принципы отрицали, разрушали авторитарные и централизованные структуры бюрократического государства, на которых стояла поздняя советская система власти и управления[15].

Идею С. Коткина о преимущественно идеалистическом содержании реформ разделяют политолог В. Я. Гельман и экономист Д. Я. Травин, изучая мировоззрение советской элиты периода перестройки. Ученые уделяют внимание генезису ментальных моделей политической команды М. С. Горбачева, собранной из представителей поколения шестидесятников. Этому поколению, по мнению исследователей, была свойственна парадигма очищения социализма от бюрократического наслоения в контексте его ленинского, демократического и гуманистического обновления. В рамках этой парадигмы формировались, обосновывались и проводились реформы в СССР[16].

Подробно вопрос идеологического обоснования «горбачевских реформ» затронут у российского философа и историка А. Н. Медушевского в книге «Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке». Автор обращается к дискуссиям, имевшим место на пленумах ЦК КПСС, съездах народных депутатах СССР и сессиях Верховного Совета СССР, чтобы определить изменения в подходах к проводимым преобразованиям, в том числе выявить природу идеологических интерпретаций преобразований как в риторике реформаторов, так и в аргументации консервативных и либеральных сил[17].

Непосредственно перестройку А. Н. Медушевский характеризует как ответ советской элиты на исчерпание возможности прежней коммунистической схемы объяснить смысл общественных процессов, происходивших в стране и мире. В

---

[15] Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970-2000; [перевод с английского: И. Христофоров]. М., 2018.

[16] Гельман В. Г., Травин, Д. Я. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ». [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html?ysclid=m8cxuh05r6814172258 (дата обращения: 17.04.2025). (иноагент).

[17] Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. СПб., 2017.

связи с этим М. С. Горбачев, по мнению автора, изначально руководствовался концепцией о соединении лучших черт ленинского марксизма с опытом человеческой цивилизации и был готов только на частичные реформы без изменения официальной доктрины. Однако процесс реформ быстро вышел из-под контроля, поставив под вопрос идеологические основы государства[18].

В целом, автор считает перестройка несостоятельным проектом ввиду отсутствия общего плана и цельной концепции реформ, а также границ необходимой модернизации. Среди ярко негативных черт перестройки А. Н. Медушевский выделяет следующие: приоритет идеологического конструирования над прагматическим; обращенность преобразований в прошлое, а не в будущее, что привело к противоречивому сочетанию новых идей и старых догм; преобладание импровизации над планомерным осуществлением реформ[19].

При всех достоинствах указанных работ они затрагивают только отдельные аспекты идеологического обоснования реформ. Как правило, в исследованиях рассматриваются следующие темы: теоретическое обоснование отдельных преобразований в 1985-1991 гг.; влияние «буржуазных идей» на риторику власти; участие конкретных личностей в формировании пропагандистских кампаний; нравственные истоки перестройки; идеологические противоречия реформ; гуманистический социализм партийной элиты как отправная точка для идеологического обоснования системных перемен. Таким образом, проблема смысловой интерпретации преобразований политическим руководством так и не была изучена в полной мере как единый непрерывный процесс, а также как целостная система концепций и сопровождающих их пропагандистских форм, что еще раз подтверждает то, что избранная тема диссертации является актуальной.

Объектом исследования выступают системные преобразования в СССР в 1985-1991 гг.

Предметом исследования является идейно-политический процесс, в рамках которого партийно-государственное руководство применяло новые идеи,

---

[18] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 552-553.
[19] Там же. С. 587.

концепции и нарративы для обоснования необходимости глобальных изменений во внутренней и внешней политике СССР в 1985-1991 гг.

Хронологические рамки охватывают период с апреля 1985 г. по декабрь 1991 г. Нижней границей исследования является апрельский пленум ЦК КПСС 1985 г., ставший отправной точкой «горбачевских преобразований». Верхней границей является подписание Беловежских соглашений в декабре 1991 г., которые юридически оформили роспуск СССР.

Цель исследования – изучить в динамике процесс идеологического обоснования реформ в СССР в 1985-1991 гг., в том числе рассмотреть корреляцию между легитимацией преобразований в рамках коммунистической риторики и попытками преодолеть догматичные ограничения последней.

Для выполнения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) Выявить неортодоксальные идеи, концепции в ходе идеологического обоснования первоначальных преобразований во внутренней и внешней политике;

2) Установить роль гласности при конструировании исторического дискурса по пересмотру советского прошлого как инструмента легитимации радикальных реформ;

3) Охарактеризовать обновлённое идеологическое сопровождение политической и экономической реформы на фоне преобладания в партийно-правительственной фразеологии либеральных и рыночных нарративов;

4) Рассмотреть процесс трансформации доктрины КПСС и концепции союзного государства в контексте целенаправленного свёртывания коммунистической риторики.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составила совокупность исторических и междисциплинарных методов. Так, для реализации поставленных в исследовании задач автором использовались исторические методы в рамках принципа историзма: *историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный*.

Историко-системный метод используется в нашей работе для выявления отдельных идей, концепций, нарративов, а также связей между ними. В частности, исследуется попытка реформаторов объяснить населению необходимость радикальной модернизации социалистического общества, в ходе которой партийные лидеры актуализировали коммунистическую риторику для оправдания либеральных и рыночных преобразований. Вопросы системности пропагандистской кампании правящего руководства, ее эффективности, также относятся к проблематике данного метода.

Историко-генетический метод применим для установления хронологических рамок эволюции идеологического обеспечения преобразований в динамике и трансформации его концептуальных положений. Данный способ исследования также способствует изучению развития взглядов у руководства КПСС на необходимость переформатирования идеологического обоснования реформ в условиях опасных вызовов в экономической и политической сфере.

Историко-сравнительный метод в настоящем исследовании необходим для установления специфики механизмов идеологического обоснования как проектов М. С. Горбачева, так и моделей республиканских элит по вопросу реформирования государственного устройства СССР. Сравнивается эффективность и реализуемость декларируемых положений противоборствующих сторон в рамках соперничества за право определять политику союзного государства.

Кроме того, автором применялся междисциплинарный *метод дискурсивного анализа,* сформулированный французским философом М. Фуко в 1950-1970-е гг. Этот метод акцентирует внимание на более широком комплексе идейно-политических практик и смыслов, формируемых через язык. Дискурсивный анализ позволяет исследовать и интерпретировать механизмы создания, закрепления и оспаривания идеологических конструкций путем рассмотрения текстов, публичных высказываний в обозначенных исторических границах[20].

[20] Фуко М. Археология знания; [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой]. СПб., 2004.

В применении к изучению идеологического обоснования реформ в 1985-1991 гг. дискурс-анализ позволяет: выявлять базовые нарративы и ключевые идеи, отражённые в речах руководителей партии и республиканских элит, материалах СМИ, партийных и государственных документах; исследовать механизмы формирования публичной повестки: кто был субъектом дискурса, какие группы и каким образом определяли/оспаривали легитимность реформ; реконструировать процессы становления и размывания смысловых границ – например, как в публичной риторике М. С. Горбачёва и в партийных документах происходил переход от марксистско-ленинской ортодоксии к новым политическим ценностям.

Однако основополагающим научным направлением в диссертационном исследовании стала *теория речевых актов*. Отчасти ее методология сформировалась во второй половине XX в. на основе научных изысканий британского историка Р. Коллингвуда, изучавшего эволюцию идей и «историю мышления» в конкретных исторических ситуациях. Ключевое влияние на становление методологических положений теории оказала аналитическая философия британского исследователя Д. Остина, рассматривавшего функциональное назначение речевых актов в зависимости от контекста и намерений говорящего субъекта[21].

Наиболее проработанным научным подходом теории речевых актов стал *метод лингвистического контекстуализма*, сформулированный в работах британских историков К. Скиннера, Дж. Покока и Дж. Данна по изучению «интеллектуальной истории» Западной Европы в XIV-XVII вв.[22]. Первостепенное внимание у историков уделяется «политическому мышлению», в том числе производным от него идеям и понятиям, выраженным через речевые акты авторов прошлого. «Политическое мышление» исследуется учеными строго в рамках его

[21] Мусихин Г. И. Методология исследования идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям. [Электронный ресурс] // Политическая наука. 2013. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-ideologiy-ot-povedencheskogo-analiza-k-poststrukturalistskim-kontekstualnym-modelyam (дата обращения: 19.10.2025).

[22] Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история?; [пер. с англ. Н. Эдельмана]. М., 2023.

историчности, уникальности и зависимости от идеологического контекста рассматриваемой эпохи. В этом плане Скиннер, Покок и Данн выступили критиками концепции о складывании неизменной традиции политической философии, постулирующей историческую и смысловую преемственность политических понятий, принципов[23].

Центральным термином вышеназванного метода стал «контекст», определяемый К. Скиннером как полемическая языковая ситуация. В данном случае историк имел в виду идиоматические матрицы, составляющие фон, по отношению к которому проявляет себя субъект дискуссии[24]. Так, участник полемики, готовя аргументированную позицию, совершает два действия: излагает политический тезис в конкретной исторической ситуации и далее занимает определенную позицию в отношении аргументов других авторов – дискутирует с ними, подтверждает убедительность их тезисов или, наоборот, критикует. К тому же авторы, участвующие в полемике, не только используют ряд идиом, риторических конструкций, но и трансформируют их, создавая языковые новации. В целом, базовой задачей при применении метода лингвистического контекстуализма становится освоение основных политических языков, доступных в определенный исторический период максимально широкому кругу авторов[25].

Для диссертации методология теории речевых актов использовалась с целью реконструкции политического языка (риторических конструкций, идиом) советского руководства во время реформ 1985-1991 гг. Более того, в работе рассматривается взаимодействие политической риторики и политического действия в конкретном историческом, идеологическом контексте. Изучение этой взаимосвязи помогло восстановить язык идеологии правящих элит, определить причины, приведшие к его трансформации, а также указать на риторические

---

[23] Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2 тт. М., 2018; Dunn J. The History of Political Theory and Other Essays. Cambridge, 1996; Pocock J. G. A. Intellectual History: 5 Questions. Copenhagen, 2013.

[24] Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3-53.

[25] Атнашев Т., Велижев М. “Context is king”: Джон Покок — историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 134. С. 21-44.

формулы, используемые для оправдания и поддержки партийно-государственной политики.

Важным дополнением к методологическим основам теории речевых актов стала концепция морфологического анализа идеологии, разработанная британским политологом М. Фриденом. Под идеологией ученый понимает перманентную борьбу смыслов за господство определенных понятий (национализм, интернационализм, эгалитаризм, элитаризм, традиция, прогресс) в общественно-политической среде. По мнению политолога, между понятиями уже в рамках самой идеологии также идет противостояние. Победившие понятия становятся ядром доктрины, утверждая основы ее теоретического содержания. Причем в концепции Фридена все понятия считаются универсальными и свойственными большинству политических теорий. В такой модели фундаментальные принципы идеологии определяется соотношением и иерархией понятий внутри нее. Тем самым морфологический анализ концентрируется на рассмотрении концептуальной эволюции идеологий, а также на изучении процесса рецепции идей из одной доктрины в другую[26].

На практике М. Фриден применил свою теорию при изучении изменений либерализма на фоне обострения социального вопроса в XX в. Ученый в своих работах рассмотрел процесс оформления новых концепций на основе имеющихся у либеральных доктринеров смыслов и практик. Выявив возможность бесконечного логического конструирования, ученый интерпретировал обновлённое содержание либерализма не как монолит устоявшихся принципов и ценностей, но как комбинацию актуальных в конкретный исторический момент идей и понятий[27].

В диссертации морфологический анализ идеологии способствовал раскрытию процесса трансформации коммунистической доктрины, в том числе способов идеологического обоснования реформ в контексте усвоения советскими руководителями либеральных и социал-демократических положений, концепций. В

[26] Freeden M. The morphological analysis of ideology // The Oxford handbook of political ideologies. Oxford, 2013. P. 115-137.
[27] Freeden M. Liberalism divided: A study in British political thought, 1914-1939. Oxford, 1986.

сочетании с теорией речевых актов морфологический анализ позволяет глубже рассмотреть содержание идеологической полемики между ортодоксальными коммунистами, реформаторами и демократами, а также конкуренцию их языковых формул, нарративов в информационной среде.

Источниковая база исследования состоит из широкого круга опубликованных и неопубликованных источников.

Для реализации поставленных в исследовании задач автором были привлечены следующие опубликованные источники.

Так, в диссертации использовались делопроизводственные и законодательные материалы государственных учреждений. В эту группу включены стенограммы съездов народных депутатов СССР и РСФСР, пленарных сессий Верховного Совета СССР[28], в том числе нормативно-правовые акты СССР и РСФСР[29]. Важность документов государственных структур объясняется тем, что в ходе проведения политической реформы в 1988 г. органы государственной власти Союза и республик получили полноценное право определять и изменять текущую политику страны. Корректировка реформ, наполнение их новыми идейными конструктами или разработка альтернативных преобразований ложились на плечи законодательной власти, которая постепенно выходила из-под опеки КПСС.

---

[28] Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 28 ноября-1 декабря 1988 г. Стенографический отчет. М., 1988; Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР 12-15 марта 1990 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 3; Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 1; Девятая Сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 24-26 мая 1988 г.: Стенографический отчет. М., 1988; Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 томах. М., 1992. Т. 1; Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1992. Т. 1; Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1; Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 ноября-15 декабря 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1991. Т. 4; Пятый (Внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР 10-17 июля, 28 октября-2 ноября 1991 г.: Стенографический отчет. М., 1992. Т. 2.

[29] Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»; Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-I «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик»; Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР»; Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии(объединении)»; Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР»; Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1987; Основы законодательства СССР от 23 ноября 1989 г. N 810-I «Об аренде».

Важно отметить и такой источник, как программные, директивные и делопроизводственные документы политических партий. В первую очередь были рассмотрены документы КПСС. Значимость партийных источников для исследования обуславливается той главенствующей ролью, которую играла компартия в государственной системе СССР. Все решения об утверждении стратегии преобразований, о расширении пропагандистского сопровождения реформ и о дальнейшем изменении государственного курса принимались руководством КПСС вплоть до приостановления деятельности этой организации в августе 1991 г. Среди партийных источников следует выделить следующие: программы, программные заявления, платформы, стенограммы и материалы съездов, конференций, пленумов, постановления КПСС; стенограммы и материалы съездов КП РСФСР[30].

Отдельную группу источников КПСС представляют произведения М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, Е. К. Лигачева и др., а также документы, содержащие выступления, встречи генерального секретаря и прочих партийных деятелей[31].

---

[30] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 1; XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 2; XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2-13 июля 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1; К гуманному, демократическому социализму (Программное заявление XXVIII съезда КПСС) // Правда. 1990. № 178. С. 1-2; Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986; Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 17-18 февраля 1988 г. М., 1988; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15-16 марта 1989 г. М. 1989; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. М., 1989; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. М., 1987; Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9 декабря 1989 г. М., 1989; Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР 19-23 июня, 4-6 сентября 1990. М., 1990; Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961; Программа КПСС «Социализм, демократия, прогресс» // Правда. 1991. № 189. С. 1, 3-4.

[31] Горбачев М. С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюз. научн.-практ. конф. «Совершенствование развитого социализма и идеолог. работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» 10 дек. 1984 г. М., 1984; Горбачев М. С. Избранные речи и статьи в 7 томах. М., 1987; Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещ. В ЦК КПСС по вопросам ускорения научн. техн. Прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985; Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном

Ценным источником стали документы демократических политических партий РСФСР в 1990-1991 гг. Эти материалы позволяют выделить основные идеи, концепции демократов и новых российских элит, вышедших из демократического движения, по вопросу переформатирования союзного государства. Среди документов демократических партий следует выделить декларации, резолюции, хартии, официальные заявления[32].

Не менее значимым источником представляются делопроизводственные документы общественных организаций: стенограммы съездов писателей, кинематографистов и т. д. Ценность этих материалов обуславливается тем, что в период реформ общественные организации не только приняли активное участие в утверждении нового идеологического курса, но и оказали известное влияние на процесс либерализации умонастроений советского общества[33]. Более того, намного точнее определить ключевые взгляды и нарративы социальных групп в ходе трансформации идейно-политического климата в СССР, в том числе рассмотреть динамику общественных дискуссий, помогает такой источник как публицистика[34].

торжеств. Заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ.70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987; Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988; Горбачев М. С. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.]. М., 1993; Горбачев М. С. Перестройка неотложна. Она касается всех и во всем: сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 г. М., 1986; Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988; Горбачев М. С. Углубить перестройку, прибавить в работе: Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Кубань и Ставрополье, 17-19 сентября 1986 г. М., 1986; Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. М., 1968. Т. 17; Лигачев Е. К. Избранные речи и статьи. М., 1989; Яковлев А. Н. Главное – практические дела и результаты // Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М., 1990. С. 186-199.

[32] Декларация конструктивно-демократического блока «Народное единство» // Путь. 1991. № 4. С. 5; Заявление о блоке «Союз ради прогресса» // Гражданское достоинство. 1991. № 4. С. 9; Политическая резолюция второго съезда партии конституционных демократов // Гражданское достоинство. 1991. № 2. С. 9; Российская хартия-91 // Информационная бюллетень Демократическая Россия. 1991. № 10. С. 2; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. М., 1991. Кн. 4.

[33] Восьмой съезд писателей СССР, 24-28 июня 1986 г: Стенографический отчет. М., 1988; Пятый съезд кинематографистов СССР, 13-15 мая 1986. Стенографический отчет. М., 1987; Четвертый Всесоюзный съезд колхозников, 23-25 марта 1988 г.: Стенографический отчет. М., 1988.

[34] Аганбегян А. Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М., 1988; Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991; Громыко А. А., Ломейко В. Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984; Заславская Т. И. О совершенствовании

Таким образом, анализ материалов показал, как в государственно-партийной системе и общественной среде формировалась и продвигалась реформаторская пропагандистская повестка, как она радикализировалась под влиянием социальных сил и адаптировалась к кризисным ситуациям в международной, политической и экономической сфере.

Обособленную группу источников составили опубликованные документы, способствующие рассмотрению идеологического творчества А. Н. Яковлева, а также реконструкции внутрипартийной, внешнеполитической деятельности М. С. Горбачева и процесса дезинтеграции СССР[35].

Особое место среди источников занимают материалы личного происхождения участников реформ. В воспоминаниях, дневниках, личных заметках и записях членов Политбюро, помощников М. С. Горбачева, партийных работников, представителей оппозиции анализируются этапы создания, легализации идеологических концепций и политическое участие мемуаристов в реформационных начинаниях, а также их личный вклад в идеологическое обоснование или развенчание процессов перестройки[36]. Сопоставление различных

производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Избранные произведения. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007. Т. 2; Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему: сборник статей / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Мн., 1988; Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. На пути к социалистическому правовому государству. Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют: сборник статей / сост. Ю. М. Батурин. М., 1989; Через тернии: Пролог. Что дальше?: сборник статей / сост. А. А. Протащик. М., 1990.

[35] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008; Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М., 2010; Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. / под общей редакцией В. Т. Логинова. М., 2007.

[36] Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. М., 1996; Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995; Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005; Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2020; Воротников В. И. Хроника Абсурда. Отделение России от СССР. М., 2011; Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1997; Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995; Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017; Горбачев М. С. Понять перестройку… Почему это важно сейчас. М., 2006; Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем. 2-е изд. СПб., 2002; Ельцин Б. Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... М., 2008; Лигачев Е. К. Кто предал СССР? М., 2010; Оников Л. А. Анатомия

воспоминаний в контексте выделенного события помогает сделать объективное умозаключение о нем, несмотря на известный субъективизм данных источников.

Механизмом легитимации реформ в глазах населения была советская пресса. Изучая материалы СМИ, можно сделать выводы о том, как эволюционировали общественные оценки перемен в динамике, как развивалось идеологическое обоснование преобразований, и какие проблемы стояли перед реформаторами на каждом из этапов перестройки. Следует учитывать, что в период расширяющейся политики «гласности» большинство СМИ начали склоняться к оппозиционной парадигме, что предопределило легализацию откровенно антикоммунистической периодики. Столкновение идейных течений в советской прессе предоставляет огромный массив информации, презентующий борьбу противоречивых нарративов на государственном уровне. Во многом дальнейший успех идеологического обоснования реформ определялся тем, чья политическая позиция станет доминирующей на страницах СМИ и, соответственно, в умах читательской аудитории. Поэтому источниками периодической печати в диссертации стали издания нетрадиционного, оппозиционного[37] и официального формата[38].

Основу неопубликованных источников диссертации составил комплекс документов государственных архивов: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный архив социально-политической истории

распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996; Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней. М., 1998; Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995; Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. М., 2006. Т. 3; Ситарян С. А. Уроки будущего. М., 2010; Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997; Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М., 1999; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993; Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. М., 2004; Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; Шеварднадзе Э. А. Мой выбор – в защиту демократии и свободы. М., 1991; Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993). М., 2005. Т. 1; Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2000; Яковлев А. Н. Сумерки. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.

[37] Газеты: «Господин народ», «Гражданское достоинство», «Демократическая газета», «Демократическая Россия», «Путь», «Свободное слово»; Информационные бюллетени: «Демократическая Россия», «Новости социал-демократии».

[38] Газеты: «Московские новости», «Правда», «Советская культура», «Советская Россия»; Журналы: «Вопросы истории», «Знамя», «Известия ЦК КПСС», «Коммунист», «Молодая гвардия», «Наука и жизнь», «Наш современник», «Новый мир», «Огонек», «Октябрь».

(РГАСПИ). Дополнением к данному комплексу стал документальный массив ряда неправительственных архивов: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований имени М. С. Горбачева (АГФ), The National Security Archive. Многие архивные документы вводятся в научный оборот впервые.

Так, большой объем информации для исследования был взят из фондов РГАНИ. Надо отметить, что получить доступ ко всем фондам архива не удалось. В частности, материалы Политбюро ЦК КПСС за период 1985-1991 гг. до сих пор не находятся в свободном пользовании, равно как и документы Аппарата ЦК КПСС.

В доступных фондах РГАНИ отложились делопроизводственные документы, связанные с работой партийных и государственных органов, а также документы партийных деятелей. В частности, анализ стенограмм заседаний Совета Федерации, Президентского Совета, Государственного Совета и совещаний Президента СССР поспособствовал пониманию деталей рыночной экономической реформы, а также концептуальных позиций политического руководства и республиканских элит в контексте согласования нового союзного договора[39].

Обращение к стенограммам заседаний комиссии XXVIII съезда КПСС по программному заявлению «К гуманному, демократическому социализм» позволило выявить идеологические противоречия внутри партии при трансформации доктринальных основ КПСС. В свою очередь, установить ключевые аспекты партийной дискуссии до XXVIII съезда по Платформе ЦК КПСС «К гуманному, демократическому социализму» помогли резолюции, протоколы, решения собраний местных партийных организаций КПСС[40].

Проработка стенограмм заседаний пленумов ЦК КПСС раскрыла цели, мотивы и аргументы союзного руководства при трансформации идеологического обоснования политической и партийной реформы[41].

В фондах РГАНИ получилось выявить отдельные рассекреченные рабочие записи заседаний Политбюро ЦК КПСС. Эти документы расширили научное

---

[39] РГАНИ. Ф. 121. Президент СССР (1990-1991 гг.).
[40] РГАНИ. Ф. 1. Съезды Коммунистической партии Советского Союза XX-XXVIII созыва (1955-1991 гг.).
[41] РГАНИ. Ф. 2. Пленумы ЦК КПСС (1941-1991 гг.).

знание о дискуссиях среди политического руководства в рамках организационного, информационного сопровождения конкретных реформаторских инициатив[42].

При изучении протоколов и стенограмм заседаний постоянных комиссий ЦК КПСС была рассмотрена деятельность общественно-политической и идеологической комиссии в контексте организационного обеспечения политики обновления КПСС и подготовки новой партийной программы 1991 г.[43].

Ключевое значение для исследования составили документы, связанные с участием М. С. Горбачева в обсуждениях, проработке и практической реализации кампаний по идеологическому обоснованию реформ во внешней и внутренней политике. Это, в первую очередь, стенограммы открытых и закрытых заседаний, совещаний и встреч, материалы публичных выступлений, проекты политических докладов и тезисы к ним, личные документы генерального секретаря, а также аналитические записки и обращения помощников Горбачева, ученых и партийных деятелей[44].

Не менее значимы, для диссертации, оказались материалы Г. Л. Смирнова – помощника по идеологии М. С. Горбачева, а в дальнейшем директора Института марксизма-ленинизма. Так, тексты публичных выступлений, аналитические записки и справки, личные записи Смирнова раскрывают истоки первых преобразований перестройки в части конструирования идеологических основ концепции ускорения и политики исторической гласности[45].

Материалы Совета министров СССР были выявлены в фондах ГАРФ: служебные и докладные записки, доклады государственных комиссий. Эти документы помогли реконструировать процесс практического оформления

---

[42] РГАНИ. Ф. 89. Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920-1991 гг.).
[43] РГАНИ. Ф. 101. Комиссии ЦК КПСС (1989-1991 гг.).
[44] РГАНИ. Ф. 84. Горбачев Михаил Сергеевич – Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР (р. 1931).
[45] РГАНИ. Ф. 104. Смирнов Георгий Лукич – помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, директор ИМЛ при ЦК КПСС, академик АН СССР (1922-1999 гг.).

рыночной реформы в СССР и проследить эволюцию экономической риторики партийно-государственного руководства[46].

При ознакомлении с фондами ГАРФ надо отметить ряд документов, раскрывающих идеологическую деятельность А. Н. Яковлева – автора наиболее значимых реформаторских концепций и политических кампаний перестройки. Так, были обнаружены аналитические записки, официальные отзывы, материалы к выступлениям и тезисы к докладам, интервью и авторские статьи в СМИ, личные записи Яковлева[47].

Важная информация содержится в документах заведующего отделом Государственной комиссии по экономической реформе при Совмине СССР Е. Г. Ясина. Материалы докладов, личные записи автора, а также аналитические записки ученых, направленные в Государственную комиссию, помогли определить причины доминирования либеральной риторики и механизмы легитимации концепции регулируемой рыночной экономики в официальной повестке[48].

Идейно-политические аспекты концепции ускорения и регулируемой рыночной экономики были дополнительно изучены в фондах РГАСПИ при рассмотрении документов председателя Совета министров СССР Н. И. Рыжкова: аналитические справки и материалы институтов Академии наук СССР, стенограммы партийно-правительственных совещаний, а также проекты докладов и материалы выступлений Рыжкова, его личные записи[49].

Автором также были привлечены уникальные материалы неправительственного Международного фонда социально-экономических и политологических исследований имени М. С. Горбачева (АГФ). Так, были выявлены документы помощника М. С. Горбачева по международным делам А. С. Черняева в контексте подготовки и реализации политической реформы: стенограммы встреч с помощниками генерального секретаря, аналитические

---

[46] ГАРФ. Ф. Р-5446. Совет министров СССР.
[47] ГАРФ. Ф. 10063. Яковлев Александр Николаевич, государственный, политический и общественный деятель СССР и России, академик РАН.
[48] ГАРФ. Ф. 10202. Ясин Евгений Григорьевич государственный, общественный и научный деятель России, доктор экономических наук.
[49] РГАСПИ. Ф. 653. Рыжков Николай Иванович (р. 1929 г.).

записки, проекты докладов генсека к XIX Всесоюзной партийной конференции[50]. Более того, в АГФ были обнаружены и проанализированы проекты программы КПСС 1991 г., восполнившие научное знание об эволюции идеологии компартии в период перестройки[51].

Некоторые архивные материалы были изучены при ознакомлении с неправительственным и некоммерческим электронным архивом The National Security Archive, который располагается в Университете Джорджа Вашингтона. Так, были рассмотрены документы, связанные с формированием идеологических основ новой внешнеполитической линии советского руководства.

Для прояснения роли российских коммунистов во внутрипартийной борьбе за доктринальные установки КПСС, в том числе уточнения деталей оформления альтернативных партийных программных проектов к концу 1991 г., автором было проведено интервью с И. К. Полозковым (член Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК КП РСФСР в 1990-1991 гг.). Полученная из интервью информация была включена в диссертацию.

Таким образом, системный анализ неопубликованных источников способствовал реконструкции процесса идеологического обоснования системных перемен, определению трансформации информационного сопровождения реформ в ходе их осуществления и точному описанию причин, приведших к дискредитации «горбачевских преобразований».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Структурный кризис в СССР в середине 1980-х гг. стал отправной точкой для начала назревших преобразований, потребовавших, в свою очередь, соответствующего идеологического обоснования. Идейно-политические мероприятия горбачевского руководства были направлены на убеждение как широких народных масс, так и властвующих элит в необходимости и безальтернативности нового курса ЦК КПСС.

[50] АГФ. Ф. 2. А. С. Черняев.
[51] АГФ. Ф. 6. В. Т. Логинов.

2. Идеологическое обеспечение реформ в 1985 г. формально опиралось на марксистско-ленинскую доктринальную базу. Фактически же обоснование нового стратегического курса партии включало не только идеи, концепции, нарративы, выработанные КПСС в течение XX века, но и отдельные неортодоксальные положения. Так, в экономическом дискурсе правящее руководство апеллировало к непреложным законам социалистической политэкономии, гуманистическому «человеческому фактору» и в то же время к отдельным рыночным идеям в рамках компромиссного курса ускорения.

3. Однако в начале 1986 г. поверхностные преобразования и директивные методы пропагандистского сопровождения продемонстрировали свою ограниченность в деле преодоления глубокой кризисной ситуации в экономике и социальной мобилизации советских масс. В связи с этим политическое руководство постепенно дезавуировало концепцию ускорения, поскольку она исчерпала свой идеологический потенциал. В итоге М. С. Горбачев обратился к вспомогательному тезису о революционной перестройке, чтобы преодолеть «механизм торможения» в управлении и оправдать более масштабные изменения в общественной системе. Непосредственно новая концепция перестройки уже не могла основываться только на старых коммунистических идеях и незначительных неортодоксальных принципах, поскольку они не решили поставленные партией задачи в осложнившихся условиях. К тому же марксистские догмы вступали в противоречие с явным желанием Горбачева «перестроить» партийно-советскую систему, поскольку производная от них традиционная коммунистическая риторика защищала социалистический строй от сущностных трансформаций, провозглашая его прогрессивным и совершенным. Это заставило высшее партийное руководство при оформлении волюнтаристской концепции перестройки в 1986-1987 гг. выйти за пределы идеологического ригоризма, обратившись к либеральным социально-экономическим и политическим теориям и практикам. В свою очередь, адаптация новых доктрин потребовала апелляции к ленинской теории, чтобы обосновать новации как развитие социалистической теории, сохранив, тем самым преемственность с советскими идеологическими традициями.

4. Впервые интеграция либерального подхода, выходящего далеко за рамки строгой классовой парадигмы, в официальный реформаторский дискурс была осуществлена М. С. Горбачевым во внешней политике через адаптацию концепции «нового политического мышления» в 1985-1987 гг. В результате советское руководство в международных отношениях – прежде всего с «коллективным Западом» стало постепенно отказываться от классовой, революционной и имперской фразеологии, переходя к признанию приоритета общечеловеческих ценностей, деидеологизации международных отношений, в том числе к принятию тезиса о взаимозависимости социалистической и капиталистической систем. В практической плоскости такой подход к внешней политике обернулся крупными односторонними уступками со стороны СССР западным странам (прежде всего США). Публично такой радикальный разворот аргументировался как продолжение ленинской теории международных отношений в новых условиях преодоления угрозы ядерной войны и обеспечения внешнеполитической безопасности для проведения внутренних реформ. На деле же реализация принципов нового мышления нанесла серьезный урон СССР как сверхдержаве.

5. В дальнейшем практика синтеза социалистических и либеральных идеалов получит свое продолжение при интерпретации экономических и политических преобразованиях 1988-1990 гг. Результаты идеологических поисков реформаторы переосмыслили через призму теории конвергенции. Так, в 1988 г. на основе интеграции либеральной и коммунистической доктрины партийное руководство разработало искусственные риторические конструкции, а также синкретичные концепции «социалистического правового государства», «социалистического рынка», «социалистической конкуренции» и т. д., с помощью которых в ткань общественного сознания внедрялись «буржуазные» идеи. В итоге легализация либеральных нововведений кардинально изменила не только психологию масс, но и социалистический строй. Между тем масштабные трансформации в советском обществе активизировали в 1989 г. оппозиционные силы, требовавшие более радикальных реформ. Неконтролируемые метаморфозы социалистической системы, как и социальный запрос на стремительную

либерализацию коммунистического режима, а также усиливающийся кризис повлияли на политический выбор реформаторов в 1990 г., жестко лимитировать непопулярную в изменившихся обстоятельствах коммунистическую риторику. Было принято прагматичное решение сосредоточиться на либеральных концепциях перехода к регулируемой рыночной экономике, многопартийной политической системе и на укреплении исполнительной власти в рамках президентализма.

6. Более того, радикальные реформы в СССР, как в экономике, так и в политике, во многом опирались на информационно-пропагандистское сопровождение, которое обеспечивала политика гласности. В особенности это касалось её актуализированного исторического аспекта в 1987 г.: критического переосмысления прошлого, разоблачения сталинских репрессий и десталинизации общественного сознания. Таким образом, гласность не просто сопровождала преобразования, но и создавала для них необходимый интеллектуальный и моральный фундамент. Горбачевское руководство специально стимулировало общественный интерес к советскому прошлому (прежде всего со стороны либеральной интеллигенции), но не для установления объективной научной исторической истины, а чтобы дискредитировать т.н. «командно-административную систему» и поддерживающие ее «политические мифы» как порождения сталинизма и главные препятствия на пути реформ. В течение 1988-1989 гг. партийные лидеры конструировали ревизионистскую «историческую политику», легализовавшую масштабные, полярные дискуссии о противоречивом прошлом. С другой стороны, для позитивной легитимации реформ центральным руководством формировался идеал общества, к которому должны были привести структурные преобразования. Контуры этого общества теоретически описывала концепция «истинного социализма». Однако в силу не проработанности и неубедительности концепции, она быстро перестала пользоваться популярностью в массах. Поэтому необходимость перемен наиболее эффективнее навязывалась советскому народу через очернение и критику существующей системы. Подобная политика «партии и правительства» привела в 1990 г. к разрушению базисных «советских мифов», десакрализации коммунистических ценностей и

стремительной делегитимации всего советского строя. В дальнейшем трансформация идеологических ориентиров вкупе с разрушением железного занавеса и информационной открытостью СССР усилило восприимчивость масс к альтернативным реформаторским проектам, предполагавшим полную деконструкцию социализма.

7. Тем самым трансформация общественных отношений и массового сознания поставила перед партийным руководством вопрос о создании новой идеологии в контексте исчерпания политического авторитета марксисткой теории. Последняя после отмены 6 статьи Конституции в 1990 г. уже не имела статуса государственной идеологии, а являлась доктриной фактически «полу-правящей» компартии. Новая теория должна была обосновать либеральный вектор реформ и определить новые рубежи развития советского общества. В ходе творческих экспериментов реформаторы разработали проект партийной программы в 1991 г., утверждавший социал-демократические ценности КПСС. В этом разрезе партийное руководство полностью порывало со старыми методами идеологического обоснования реформ и открыто переходило к «ревизионистским» формам интерпретации несоциалистических преобразований.

8. В этой ситуации идеологическую составляющую реформы советской федерации постигла показательная судьба. Так, к 1990 г. М. С. Горбачев полностью прекратил апелляцию к идеологическим аспектам «ленинской национальной политики» как ключевому аргументу в деле обновления союзного государства. Руководствуясь мотивацией сохранить СССР от распада любой ценой, реформаторы в 1990 г. в условиях политической дезинтеграции, экономического коллапса принципиально отбросили доктринальные штампы и полностью отказались от коммунистической фразеологии. Так, под давлением оппозиции и республиканских элит Центр согласился заключить новый союзный договор в рамках деидеологизированных концепций «дифференциации федеративных связей» и «автономизации». После «августовского путча» 1991 г. союзные силы сильно ослабли и уже не могли полноценно настаивать на собственных формулах. В конце концов, Центр согласился на формулу республик о «конфедеративном

демократическом государстве», а после заключения лидерами России, Белоруссии и Украины Беловежского соглашения без большого сопротивления принял новую реальность в виде роспуска СССР и образования на его месте СНГ.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в исследовательской практике сформирован и проанализирован оригинальный комплекс опубликованных и неопубликованных источников, раскрывающих основные направления деятельности партийно-государственного руководства по идеологическому обоснованию реформ в 1985-1991 гг.

Историческое исследование позволило автору выделить основные идеи, концепции, нарративы, используемые союзным руководством в качестве инструментов идеологического оформления реформаторской политики.

1)Впервые был рассмотрен процесс проектирования и утверждения идеологических конструкций, а также описаны причины их трансформации в официальной повестке;

2)Реконструирована динамика изменений в политическом языке реформаторов в зависимости от идеологического контекста;

3)Установлены основные факторы, предопределившие доминирование рыночных идей и нарративов в экономическом дискурсе;

4)Раскрыты ключевые аспекты либеральной эволюции политических концепций союзного руководства и социал-демократизации программных установок КПСС;

5)Продемонстрирована прямая взаимосвязь между легитимаций стратегического курса партийно-правительственного руководства и нестабильным идеологическим сопровождением реформ.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что составные части исследования могут быть использованы при создании обобщающих работ по истории перестройки в контексте изучения идеологического обоснования реформ М. С. Горбачева. Так, выводы диссертации помогают понять риски идеологической эрозии при проведении реформ «сверху», а анализ провалов пропагандистского сопровождения преобразований более чем актуален для

изучения процессов управления информацией в «переходных обществах». Материалы диссертации могут использоваться также при подготовке учебных курсов, лекций по Отечественной истории новейшего времени.

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Исторического факультета Историко-архивного института РГГУ и были представлены на Всероссийских конференциях. Помимо этого, были опубликованы 4 статьи по теме исследования в рецензируемых изданиях, включённых в Перечень ВАК.

Структура исследования исходит из задач и целей, поставленных в работе. Содержание диссертации сформировано по проблемно-хронологическому принципу и состоит из введения, четырех глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

Первая глава состоит из двух параграфов. В ней раскрывается процесс оформления либеральных идей, концепций внутри идеологического дискурса в 1985-1987 гг., которые были необходимы партийному руководству как для включения новых нарративов в информационную повестку ввиду неэффективности директивных форм пропагандистского сопровождения перемен, так и для обоснования последующей смены реформаторского вектора во внутренней и внешней политике.

Вторая глава состоит из двух параграфов. В главе рассматривается процесс идеологической дискредитации социалистической системы с помощью гласности в 1985-1990 г. В тексте показано, как на основе антибюрократических кампаний, радикальных трактовок прошлого и поддержки правящей верхушкой публичных дискуссий о спорных периодах советской истории критиковались традиционные политические институты, а также формировались новые смыслы, реабилитировались ревизионистские концепции и теории для легитимации параллельно идущих преобразований.

Третья глава состоит из двух параграфов. В ней изучается идеологическое содержание радикальной политической и экономической реформы 1988-1990 гг. Данные преобразования теоретически обосновывались в рамках теории конвергенции. На этом синкретичном фундаменте строилась обновленная риторика правящего руководства, призванная утвердить в общественном сознании «буржуазные» идеи, а также западные модели общественного устройства.

Четвертая глава состоит из двух параграфов. В главе демонстрируется, как неконтролируемая либерализация политической, экономической жизни, в том числе ментальности советских граждан в 1990-1991 гг., предопределила отказ советских лидеров от коммунистической риторики и идеологии. В конце концов, правящим руководством вынужденно был сделан выбор в пользу социал-демократических и ревизионистских форм обоснования реформ в контексте смены программных ориентиров партии и концепции обновления союзного государства.

В заключении формулируется вывод о том, что процесс идеологического обоснования советских реформ в 1985-1991 гг. на всем своём протяжении был неоднозначен и полон противоречий. Так, постоянная смена доктринальных установок, в том числе вынужденная солидаризация союзных сил с идеями демократической оппозиции, отталкивала от партийно-государственного руководства народные массы. Более того, отсутствие идеологической стабильности, преемственности подорвало авторитет партийных лидеров. Таким образом, советские граждане уже слабо верили в принципиальность, идейность реформаторов, а вместе с падением престижа, популярности правящих верхов неминуемо была утрачена и легитимность реформ.

Глава 1. Идеологическое оформление политики М. С. Горбачева (1985-1987)

1.1. От ускорения к перестройке: концептуальная эволюция реформ

К середине 1980-х гг. СССР столкнулся со структурным кризисом в недрах социалистической общественной системы. Так, кризис в идеологической сфере проявлялся в неспособности официальной доктрины объяснить нарастающие противоречия советской действительности: дефицит потребительских товаров, чрезмерная бюрократизация системы управления, замедление экономического роста и производительности труда, отставание от Запада в научно-техническом прогрессе. В свою очередь, упадок в народном хозяйстве негативно воздействовал на идеологическую монолитность общества, подрывая один из ключевых тезисов официальной пропаганды о «преимуществах советского хозяйства». В этих условиях традиционные агитационные клише о «неуклонном движении к коммунизму» и «превосходстве социалистической системы» теряли свою убедительность, порождая скептицизм в народных массах.

Стагнацию в идеологической и экономической сфере обостряли проблемы во внешней политике. В частности, Советский Союз тратил драгоценные ресурсы на продолжение военной кампании в Афганистане, а также увеличивал финансовую поддержку союзников в Восточной Европе. Кроме того, советское государство с начала 1980-х гг. с переменным успехом сопротивлялось «жесткому курсу» администрации президента США Р. Рейгана, направленному на экономическую изоляцию и морально-политическую дискредитацию СССР. По этой причине руководство КПСС было вынужденно наращивать военный потенциал, вступив в очередной виток «гонки вооружений».

В столь сложной ситуации Советский Союз терпел серьезные материальные и репутационные потери, с каждым годом все больше отставая в экономическом развитии, что с течением времени лишило бы страну статуса сверхдержавы. Этот факт осознавался еще брежневским и андроповским руководством, мотивируя

правящую элиту искать эффективную стратегию системных реформ, чтобы преодолеть внутренние и внешние вызовы[52].

Тем не менее задача окончательного формулирования концепции преобразований и средств идеологической интерпретации реформ легло на поколение «шестидесятников», которое постепенно замещало брежневские кадры в высших эшелонах власти в течение 1980-х гг. В диссертации под «шестидесятниками» понимается социально-политический срез советской управленческой элиты с умонастроениями и идеями, выходившими за пределы традиционного советского мировоззрения. Обособленный социальный слой формировался в процессе развенчания культа личности И. В. Сталина, а также силового подавления «пражской весны» 1968 г.[53]. Тем самым в условиях разоблачения «незыблемых» принципов сталинизма и одновременно борьбы с инакомыслием конструировался критический тип миросозерцания шестидесятников[54].

Команда М. С. Горбачева, пришедшая к власти после смерти К. У. Черненко 10 марта 1985 г., представляла именно это поколение. Ключевые фигуры нового политического руководства – А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, В. А. Медведев, а также личные помощники генсека: А. С. Черняев, Г. Л. Смирнов, И. Т. Фролов, Г. Х. Шахназаров – были носителями альтернативного идеологического дискурса, противопоставляемого официальной схоластике.

Мировоззрению левых «бунтарей», за редким исключением, была присуща концепция «социализма с человеческим лицом», разработанная чешскими реформаторами в конце 1960-х гг. Концепция предполагала отказ от авторитарных аспектов традиционного социализма, а также реформы, направленные на

---

[52] Спицын Е. Ю. Разгадка Горбачева. 1985-1987 годы. От «ускорения» к «перестройке», 1985-1987 годы. М., 2025. С. 200-201.

[53] Гельман В. Г., Травин Д. Я. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ». [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html?ysclid=m8cxuh05r6814172258 (дата обращения: 17.03.2025). (иноагент)

[54] Серебрякова Е. Г. Шестидесятники: биография поколения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 1 (183). С. 99-105.

децентрализацию власти, легализацию свободы слова в рамках качественной гуманизации общественной системы.

К примеру, М. С. Горбачев познакомился с положениями гуманного социализма в период ставропольской партийной карьеры в 1960-х гг., поскольку поддерживал близкое общение со своим студенческим товарищем Зденеком Млынаржем – идеологом чешских реформ 1968 г.[55]. Знакомство Горбачева с новой теорией имело далекоидущие последствия для страны, поскольку он, уже будучи генсеком, опирался на принципы чешских реформаторов при формировании политики гласности, а также во время идеологического сопровождения политической и экономической реформы.

В целом, желание шестидесятников обновить социализм на гуманистических началах подпитывалось мотивацией, которая сочетала прагматические и романтические элементы. С одной стороны, представители поколения стремились повысить конкурентоспособность СССР через модернизацию экономики и идеологических механизмов мобилизации общества. С другой стороны, их вдохновляла утопическая мечта об осуществлении на практике заветов В. И. Ленина и идеалов Октябрьской революции[56]. Идея о восстановлении в обществе традиций нерафинированного ленинизма станет идейным базисом всех разрабатываемых партией реформаторских концепций и нарративов.

Таким образом, идеологические предпосылки реформ формировались как ответ на структурный кризис советского общества и поиск новых инструментов легитимации насущных преобразований. Поколение «шестидесятников» было готово предложить концепцию «социализма с человеческим лицом» в рамках реабилитации ленинских норм, чтобы решить противоречие между необходимостью реформ и сохранением идеологической преемственности с советской традицией.

Между тем М. С. Горбачев, став новым генеральным секретарем 11 марта 1985 г., столкнулся с проблемой переосмысления андроповского реформаторского

---

[55] Зубок В. М. Коллапс. Гибель Советского Союза; [перевод Т. Алешичевой]. М., 2023. С. 63.
[56] Коткин С. Указ. соч. С. 37-38.

наследия, которое не согласовывалась с демократическим духом «гуманного социализма» из-за своей директивной и милитаристской природы. Однако этому наследию были присущи не только административные черты, но и неортодоксальные идеи: «рабочий контроль» на производствах, частичная самостоятельность предприятий при сохранении планового хозяйства, переосмысление роли кооперации в советской экономике, создание отраслевых банков, а также сокращение партийного и государственного надзора за предприятиями[57]. Компромиссная суть андроповского проекта убедила советского лидера не пойти на резкую реализацию принципов «гуманного социализма» и продолжить прежний умеренный курс во внутренней политике в рамках ускорения социально-экономического развития[58].

В понятийном контексте эпохи под «ускорением» понималось обеспечение динамизма социалистических производительных сил путем сосредоточения инвестиционных ресурсов в машиностроительных отраслях[59]. В риторике же М. С. Горбачева концепция ускорения стала первой попыткой создать новый мобилизационный дискурс, способный легитимизировать реформы в рамках традиционной марксистско-ленинской фразеологии.

Идеологическая подготовка ускорения велась в экономическом отделе ЦК КПСС под руководством Н. И. Рыжкова с конца 1982 г. При отделе собрали команду экономистов (Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, С. А. Ситарян), чтобы разработать теоретическое обоснование реформ[60]. Их задача состояла в формулировании идеологически приемлемой концепции, которая не противоречила бы основам социалистической доктрины.

В 1983-1985 гг. теоретические изыскания экономического отдела были опробованы во время экспериментального перехода отдельных промышленных

---

[57] Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965-1989 годах. М., 2023. Т. 2. С. 306-308. (иноагент)

[58] Сулейманова С. А., Комлев П. А. Реформа Андропова: политика ускорения и проблемы формирования интеллектуального потенциала // Политический вектор-L. Комплексные проблемы современной политики. 2015. № 1. С. 110-120.

[59] Яник А. А. Указ. соч. С. 69.

[60] Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977-1985 гг. М., 2000. С. 591.

предприятий на новый способ ведения хозяйства. Эти предприятия переводились на частичный хозрасчет и наделялись определенной самостоятельностью в формировании планов, ограничении числа контрольных показателей[61]. Фактически этот эксперимент, начатый еще при жизни Ю. В. Андропова, был призван исправить противоречия косыгинских реформ 1965-1970 гг. и опробовать на практике неортодоксальные идеи, которые являлись составной частью компромиссной концепции преобразований.

М. С. Горбачев, курируя эту работу от Политбюро, активно продвигал идеологические новации экономического отдела в публичном пространстве. Так, в докладе на конференции «Живое творчество народа» (10 декабря 1984 г.) он впервые использовал термин «перестройка хозяйственного механизма», который позже станет центральным понятием реформаторской риторики[62].

Впрочем, реформаторской парадигме экономического отдела противостояла влиятельная группа коммунистов-традиционалистов, идеологически обслуживающая Ю. В. Андропова, а затем и К. У. Черненко. В ее состав входили главный редактор журнала «Коммунист» Р. И. Косолапов, заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Б. И. Стукалин, партийные работники В. А. Печенев и В. В. Прибытков. Для преодоления кризисных тенденций корпус идей группы предполагал возродить сталинские механизмы регуляции общественного труда, усилить экономическое планирование, дисциплинировать общество, в том числе завершить огосударствление колхозной собственности. С приходом М. С. Горбачева на пост генерального секретаря это объединение лиц потеряло политическое влияние в партии, а консервативные концепции были временно исключены из общественной повестки[63].

В свою очередь, идеологическая легитимация неортодоксальных принципов концепции ускорения опиралась на авторитет академической науки. Так, об

---

[61] Рыжков Н. И. ПРЕМЬЕР. Проект 2017 – миф или реальность? М., 2011. С. 45-47.

[62] Горбачев М. С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюз. научн.-практ. конф. «Совершенствование развитого социализма и идеолог. работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» 10 дек. 1984 г. М., 1984. С. 21-26.

[63] Митрохин Н. Указ. соч. С. 312-323. (иноагент)

осторожных способах трансформации «командной системы» писал советский юрист Б. П. Курашвили в статье «Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития», опубликованной в 1982 г. в № 6 журнала «Советское государство и право». В работе ученый предлагал заменить директивно-приказную форму советского хозяйства на «стимуляционную» при трансформации отраслевого аппарата управления и передаче больших прав предприятиям[64].

Ключевые директивные атрибуты политики ускорения прорабатывались в Академии наук СССР. Так, в записке директора Центрального экономико-математического института АН СССР Н. Федоренко в экономический отдел ЦК КПСС «Темпы роста и пропорции экономического развития» от 24 июля 1984 г. определялись основные этапы и положения формируемой концепции: структурный маневр в распределении ресурсов; укрепление инвестиционного комплекса; обновление основных фондов на базе новой техники; ускорение развития машиностроения; сочетание активной экономии ресурсов с их рациональным наращиванием[65].

Существенные идеи НТР (научно-технической революции) концепция ускорения позаимствовала из территориально-отраслевой программы «Интенсификация-90». Программу разработал к 1984 г. первый секретарь Ленинградского горкома Л. Н. Зайков. Эта программа предусматривала компьютеризацию высокотехнологичных производств, объединение компьютеризированных систем предприятий и министерств, а также концентрировалась на активном инвестировании в машиностроение[66].

Параллельно с официальной концепцией ускорения в академических кругах формировался альтернативный идеологический дискурс «рыночного социализма», отрицавший административную составляющую реформ. Ярким примером радикального подхода к перестройке советской экономики был доклад социолога

---

[64] Курашвили Б. П. Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 38-48.
[65] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 54. Л. 7-12.
[66] Митрохин Н. Указ. соч. С. 315-316. (иноагент)

Т. И. Заславской, прочитанный на научном семинаре в апреле 1983 г. В докладе впервые ставился вопрос об исчерпании возможностей централизованной регуляции общества, её глубоких противоречиях с общественным прогрессом. Констатировалось, что проблема торможения, отставания экономики лежит в структурной плоскости, а не только в управленческих факторах[67].

Т. И. Заславская использовала марксистскую терминологию для обоснования «рыночных механизмов», аргументируя возможность преодолеть кризис централизованной системы при помощи развития и интенсификации товарно-денежных отношений, низового самоуправления предприятий[68]. Такая идеологическая мимикрия позволяла легализовать радикальные идеи в официальном дискурсе. Следует отметить, что приёмом идеологической мимикрии неоднократно будет пользоваться и партийное руководство для оправдания ревизионистских, с точки зрения коммунистической догматики, новаций.

В рамках альтернативной повестки ученые часто ссылались на положительный опыт синтеза рыночных и плановых механизмов в социалистических странах Восточной Европы. Так, о необходимости дифференцировать цены на основные потребительские товары, расширить сферу платных услуг, массово ввести кооперативное и индивидуальное производство в СССР в контексте преодоления товарного дефицита и несбалансированности денежного обращения предлагалось в материалах и. о. директора Института экономики мировой социалистической системы К. И. Микульского. Записки автора были направлены в экономический отдел ЦК КПСС 28 августа 1984 г. По существу, К. И. Микульский выступал за расширение рыночных отношений, частного сектора в пределах планового хозяйства по примеру Венгрии, Чехословакии и прочих стран Восточного блока[69].

---

[67] Заславская Т. И. О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Избранные произведения. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М., 2007. Т. 2. С. 12-14.
[68] Там же. С. 15, 19.
[69] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 54. Л. 122-125, 137-140.

Примечательно, что для советских учёных источником рыночных идей было творчество венгерского исследователя Я. Корнаи. С такими книгами автора, как «Антиравновесие», «Экономика дефицита», желающие легально знакомились в английском переводе. Так, будущий руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ в 1991-1994 гг. С. А. Васильев вспоминал, что впервые прочитал «Антиравновесие» в 1979 г. в библиотеке Центрального экономико-математического института. Впрочем, ксерокопии рукописей Корнаи и так свободно распространялись в научном сообществе по причине культового статуса автора[70].

Суть идей Я. Корнаи состояла в следующем: экономикам социализма, по его мнению, присущ перманентный дефицит, который непреодолим в рамках отсутствия децентрализованных стимулов и частной собственности. Для решения этой проблемы автор предлагал перейти к «экономике избытка», то есть капиталистической системе[71]. В этой парадигме мыслили многие молодые советские экономисты: А. Б. Чубайс, Е. Т. Гайдар, П. О. Авен, О. И. Ананьин, С. А. Васильев и др.

В середине 1980-х гг. эту группу специалистов привлекли к научному обеспечению работы Комиссии Политбюро ЦК КПСС «По совершенствованию системы управления народным хозяйством» при разработке конкретных мер реформирования советской экономики. Как свидетельствовал будущий председатель Правительств России в 1992 г. Е. Т. Гайдар, молодая команда экономистов научной секции Комиссии подготовила «Концепцию совершенствования хозяйственного механизма предприятия» по заданию Н. И. Рыжкова. В ней предполагалось на основе венгерских реформ 1968 г. и ее последующих модификаций создать основы негосударственного хозяйства в СССР[72]. В итоге летом 1985 г. политическое руководство отвергло концепцию, признав, что не готово к таким кардинальным преобразованиям.

---

[70] Колесников А. В. Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара. М., 2022. С. 29. (иноагент)
[71] Там же. С. 31.
[72] Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 35-39.

Несмотря на популяризацию альтернативных подходов в академических кругах, советское руководство изначально не намеривалось идти на радикальную экономическую реформу. Процесс интенсификации хозяйства, пересмотра компетенции отраслевых структур, а также экспериментального внедрения хозрасчета на предприятиях и прочих рыночных элементов в экономику в 1985-1986 гг. проходил в рамках командно-директивных подходов[73]. В связи с этим по форме концепция ускорения не выходила за пределы сугубо ограниченных корректировок советского базиса.

По идеологическому содержанию ускорение базировалось на непреложных «экономических законах» марксистской политической экономии. Ключевые идеи ускорения дословно излагали данные законы. Например, вся внутренняя политика М. С. Горбачева в экономике в 1985-1986 гг. исходила из фундаментального закона, который констатировал необходимость обеспечения максимального удовлетворения потребностей общества путем роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники[74]. В этих словах вкратце описана основная цель ускорения и названы способы ее достижения: структурный манёвр средств в машиностроение для ускорения научно-технического прогресса в народном хозяйстве.

Однако под покровом традиционной марксистской фразеологии скрывались элементы, противоречившие социалистической доктрине. Так, тезис о «самостоятельности предприятий» в плановой экономике фактически легализовывал рыночные механизмы, хотя и представлялся как развитие ленинских принципов хозрасчета.

О пределах автономности производств аргументировано писал А. Г. Аганбегян, один из идеологов реформ. Его концепция «экономических рычагов» (прибыль, кредитование, оптовая торговля) будучи частью ускорения идеологически маскировалась под «возврат к ленинским нормам хозяйствования».

---

[73] Саржан А. А. Экономическая политика СССР в начальный период «перестройки» (апрель 1985-январь 1987 гг.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 3(66). С. 16-23.

[74] Яник А. А. Указ. соч. С. 73-84.

Предлагаемая автором экономическая схема копировала практику НЭПа, когда государство получало с помощью императивного планирования все необходимое, предоставляя трудовым коллективам внутреннюю свободу, основанную на рыночных законах[75]. Все эти меры создавали условия для кооптации в плановую экономику капиталистических форм.

Другой вопрос, понимало ли советское руководство, что оно идет по пути внедрения отдельных элементов рыночной инфраструктуры в командную систему? Партийная верхушка, видимо, не задавалась столь глубокими экономическими вопросами, а поначалу просто воспроизводила традиционную советскую модель мобилизационного развития, полагаясь на идеологическое воздействие, как один из главных инструментов интенсификации внутренних преобразований. Популяризация экономических стимулов и рыночных компонентов в этой модели рассматривалась лишь как пропагандистское средство «повышения энтузиазма трудящихся». Однако даже такая частичная легализация либеральных идей повлияет на теоретическую и практическую траекторию реформ.

В этом смысле не существовало никакого противоречия в открытом переходе к рыночной парадигме в 1987-1988 гг., поскольку она была заранее в ограниченном виде определена в реформаторском курсе. Более того, в 1985-1986 гг. происходило подготовка к либеральному повороту на практике, так как расширялся экономический эксперимент, а на отдельных производствах реализовывались более радикальные варианты с полной хозяйственной самостоятельностью предприятий[76]. В связи с этими процессами изменение экономической политики представлялось плавным и органичным, а последующее преобладание рыночных нарративов и методов обуславливалось трансформацией взглядов партийных руководителей по причине разочарования в директивной модели сопровождения реформ.

Формальное закрепление концепции ускорения как проекта масштабных реформ произошло на апрельском пленуме 1985 г. В докладе «О созыве очередного

[75] Цит. по: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977-1985 гг. С. 594-594.
[76] Сафронов А. Большая советская экономика: 1917-1991. М., 2025. С. 676.

XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением» М. С. Горбачев представил преемственность стратегическому курсу прежних руководителей партии как следование ленинской традиции выявления и разрешения новых проблем, мешающих развитию. В речи генсек применил ключевые идеологические формулы ускорения: «интенсификация производства», «перестройка хозяйственного механизма», «заинтересованность трудящихся в результатах труда», чтобы описать общие директивные контуры предстоящих преобразований. Особое значение имело идеологическое обоснование сочетания централизованного планирования с хозрасчетом на предприятиях и их самостоятельностью – этот нарратив позволял при необходимости легитимизировать элементы рыночных отношений в экономике как «развитие социалистических принципов»[77]. Впрочем, по большей части в выступлении Горбачев использовал привычную для партийного аппарата риторику о «научно-техническом прогрессе» как движущей силе ускорения социалистического развития, что позволяло избежать идеологических противоречий с официальной доктриной.

Однако политически и организационно ускорение страдало от своей мобилизационной природы, проявлявшейся в подмене практических реформ идеологическими кампаниями. Как уже отмечалось, вместо продуманного плана преобразований воспроизводился традиционный механизм решения партийных задач через массовые пропагандистские акции. Тем самым манифестируемая руководством политическая демагогия о неисчислимых резервах командной системы формировала искажённое представление у народа о возможностях советского хозяйства[78].

Несмотря на ненадёжность такого подхода, в рамках ускорения реализовывались громкие пропагандистские мероприятия, призванные активизировать трудовые резервы населения и завоевать лояльность граждан к

---

[77] Горбачев М. С. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 153-160.

[78] Мау В. А. Экономика и власть. Политическая история экономических реформ в России, 1985-1994 гг. М., 1995. С. 8-9.

проводимой политике благодаря возрождению норм коммунистической морали. Таковой была начатая 7 мая 1985 г. «антиалкогольная кампания», осуществляемая директивными средствами для очищения советского общества от нравственных пороков[79].

Между тем мероприятия кампании за три года ее реализации нанесли серьезный урон бюджету страны и авторитету власти. В данных условиях поддержка реформ снижалась. К тому же провал антиалкогольной кампании продемонстрировал ограниченность традиционных идеологических инструментов. Аналогичные неудачи в создании Госагропрома (ноябрь 1985 г.) и введении госприемки (май 1986 г.) показали, что директивные методы мобилизации не всегда эффективно работают при системном кризисе[80]. Тем не менее окончательно от опыта крупных идеологических кампаний руководство не думало отказываться, что ярко проявится в ходе радикальной перестройки политического устройства и экономических устоев в СССР.

Так или иначе, представители горбачевской команды искренне верили в эффективность административного реформирования и громких популистских акций, что определялось не только политической конъюнктурой, но и глубинными идеологическими убеждениями. Исключением здесь была позиция А. Н. Яковлева, который уже в 1985-1986 гг. в кулуарах критиковал директивные методы и защищал рыночный путь развития, но публично вынужденно скрывал свои взгляды под маской «творческого марксизма»[81]. Несмотря на частное мнение отдельных руководителей, партийные лидеры сделали судьбоносный выбор в пользу мобилизационных и административных методов де-факто на старте реформ, когда у правящей элиты имелся доступ к разным вариантам действий в народном хозяйстве.

В связи с этим М. С. Горбачев отдавал предпочтение концепции «человеческого фактора» в идеологическом сопровождении курса ускорения.

---

[79] Совэ Г. Указ. соч. С. 48-49.
[80] Зубок В. М. Указ. соч. С. 49-50.
[81] Цит. по: Снегирев В. Н. Указ. соч. С. 284.

Концепцию разработали в 1920-1930-е гг. Она постулировала качественное возрастание роли творчества масс в ходе строительства социализма[82]. Тем самым субъективная составляющая (народная инициатива, энтузиазм молодежи, низовая активность граждан) провозглашалась важным условием органичного развития советского общества. Новое политическое руководство по достоинству оценило социальную и мобилизационную природу данного пропагандистского конструкта, сделав ставку на агитационное раскрытие созидательного потенциала народных масс. Более того, концепция импонировала «архитекторам перестройки» и тем, что поддерживала политическую репутацию социализма, так как объясняла экономические проблемы не структурными недостатками системы, а субъективными причинами: недостаточной сознательностью рядовых граждан и управленцев.

В дальнейшем концепция окажет решающее влияние на кооптацию принципов «гуманного социализма» в реформаторский дискурс. Этот процесс был обусловлен тем, что верхи, апеллируя к «человеческому фактору», продвигали нарратив о необходимости гуманизировать систему общественных отношений, а заодно преодолеть технократический подход при решении экономических задач[83].

Раскрывал на практике «человеческий фактор» тезис о психологической перестройке сознания масс. Перестройку мышления в контексте организационной трансформации методов работы, стиля принятия решений управленцев М. С. Горбачева представил в выступлении от 19 мая 1985 г. перед собранием ленинградской партийной организации. Генеральный секретарь призывал «перестраивать умы», чтобы на уровне мышления отказаться от формального отношения к делу, научному прогрессу[84]. С этого момента в пропагандистском сопровождении ускорения будет формироваться вспомогательный тезис о перестройке общественного сознания как существенном факторе успеха реформ.

---

[82] Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. № 3. С. 303-309.
[83] Яник А. А. Указ. соч. С. 69.
[84] Горбачев М. С. Настойчиво двигаться вперед // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 212-213.

Поначалу большую роль концепция «человеческого фактора» играла при обосновании экономических реформ. Например, апелляцией к творчеству масс аргументировалась идея о повышении прав и ответственности рабочих коллективов на предприятии. Гуманистические и экономические доводы в пользу низового самоуправления на производстве можно реконструировать по личным записям А. Н. Яковлева. В своих июньских подготовительных материалах по вопросам методологии идеологической и пропагандистской работы от 1985 г. он писал, что хозяйственная партийная политика должна исходить из интересов человека. Поэтому для преодоления бесхозяйственности, расточительства и отчуждения от труда следовало изменить отношение людей к собственности, сделав работника хозяином производства на фоне укрепления управленческой роли рабочего коллектива. Для повышения статуса последнего автор предлагал воспользоваться рецептами К. Маркса, описывающего социализм, как строй ассоциированных производителей, т. е. кооперированных и равноправных субъектов[85]. В результате Яковлев подкреплял тезис о повышении роли рабочих коллективов не только экономической целесообразностью, но и идеологической преемственностью с марксистской теорией.

Тем временем важные составляющие концепции ускорения были подробнее разобраны 11 июня 1985 г. на совещании в ЦК КПСС по вопросам научно-технического прогресса. В докладе генерального секретаря «Коренной вопрос экономической политики партии» реализация реформ ставилась в зависимость от перестройки хозяйственного механизма. Ключевой идеологической формулой трансформации хозяйственного управления стало укрепление принципа «демократического централизма» в народном хозяйстве, сочетавшего централизованное начало плана с более гибкими и эластичными экономическими методами. Это позволяло легитимизировать рыночные элементы (хозрасчет, самостоятельность предприятий, товарно-денежные отношения) как составную часть командной экономики. Отдельный акцент в речи М. С. Горбачев сделал на

[85] ГАРФ. Ф. 10063. Оп 1. Д. 141. Л. 2-3, 31.

важности перестройки сознания индивида. По мнению докладчика, без метаморфоз в психологии и настроениях научных, партийных кадров ничего не получилось бы изменить в экономике и управлении[86]. Эта волюнтаристская установка предопределила дальнейшую эволюцию реформаторской парадигмы от жестоко технократического содержания в сторону гуманистического наполнения в 1986-1987 гг.

После июньского совещания идеологическая неопределённость концепции ускорения стала проявляться в практических противоречиях. Если при утверждении стратегической политики партии на апрельском пленуме, а затем на июньском совещании, приоритет в развитии отдавался машиностроению как самой перспективной отрасли, способной после качественного усовершенствования оживить всю экономическую систему Советского Союза, то в публичных речах М. С. Горбачева в период его июньской поездки на Украину к ключевым сферам добавилась химическая промышленность, металлургия и биотехнологии[87].

В дальнейшем эта тенденция только нарастала. К примеру, на совещании в ЦК КПСС 23 августа 1985 г., обсуждая план на 1986 г. и 12-ю пятилетку генеральный секретарь информировал Политбюро, что начали осуществляться принятые постановления о развитии черной металлургии и капитального строительства[88].

Председатель Совета министров Н. И. Рыжков вспоминал, что резкие заявления генсека противоречили поступательной политике, предполагавшей выбор нескольких фундаментальных направлений для реформирования системы. Таковыми, кроме машиностроения, были жизненно важные аграрная сфера и военно-промышленный комплекс. Так, в сентябре М. С. Горбачев уже выдвинул ориентацию на совершенствование газовой и нефтяной промышленности после

---

[86] Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещ. В ЦК КПСС по вопросам ускорения научн.техн. прогресса 11 июня 1985 г. М., 1985. С. 22-23, 29-30.
[87] Горбачев М. С. Активно действовать, не терять времени // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 285-286.
[88] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / [А. Черняев и др.]. 2-е изд. М., 2008. С. 17.

поездки в Западную Сибирь в сентябре 1985 г., превращая экономическую политику в очередную пропагандистскую кампанию[89].

Таким образом, популистские обещания советского лидера облачались в конкретные директивные указания по расширению списка отраслей, требующих немедленной модернизации. Неспособность четко определить стратегические цели подрывала доверие к официальной риторике и распыляла ограниченные резервы советской системы.

Несмотря на возникшие противоречия, на пленуме 15 октября 1985 г. М. С. Горбачев попытался идеологически институционализировать концепцию ускорения через ее включение в новую редакцию Программы КПСС. Примечательно, что еще 29 июня 1985 г. на заседании Политбюро генсек предлагал соединить программные установки с главной идеей – «идеей ускорения социально-экономического развития». Кроме того, в документе предполагалось сделать акцент на роли и значении народных масс в истории, а также в утверждении линии на общественный прогресс[90].

В выступлении на октябрьском пленуме М. С. Горбачев стремился представить ускорение не как временную антикризисную меру, а как стратегический путь к коммунизму, что должно было придать реформам идеологическую легитимность. Центральным элементом новой идеологической конструкции стала бы активизация «человеческого фактора», который объединял и интенсифицировал экономические, социальные и идеологические аспекты преобразований[91]. В итоге все предложения советского лидера учитывались в проекте и вводились в итоговый пленарный доклад.

Вопреки принимаемым мерам к концу 1985 г. стало очевидно, что консервативный курс идеологического обоснования реформ не приносит ожидаемых результатов в мобилизации советских граждан. По воспоминаниям

---

[89] Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 86-87.
[90] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 206. Л. 67, 69.
[91] Горбачев М. С. О проектах новой редакции программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 8-9.

помощника генсека В. И. Болдина, глобальная концепция преобразований не сложилась в партии, многие действия носили случайный характер, а первые шаги по улучшению положения не отличались от того, что делалось в прошлом[92]. Это свидетельствовало о кризисе традиционных пропагандистских инструментов убеждения масс.

Отдавая себе отчет в первых пробуксовках ускорения, команда М. С. Горбачева сосредоточилась на подготовке политического доклада к XXVII съезду. Только по результатам партийного Съезда можно было усовершенствовать идеологический курс партии во внутренней политике и преодолеть наметившиеся трудности.

Некоторые материалы для доклада разработали помощник по идеологии генсека Г. Л. Смирнов и заведующий отделом агитации и пропаганды А. Н. Яковлев. Так, записка Смирнова «О переломном, поворотном характере развития советского общества» от 5-6 декабря 1985 г. стала важным этапом идеологической эволюции. Автор предложил новую интерпретацию кризиса, объясняя его причины «несовершенным политическим механизмом» брежневского руководства[93].

Характеризуя ускорение, Г. Л. Смирнов замечал, что концепции не хватало социальной направленности. Автор предлагал повысить экономическую вовлеченность народа с помощью кооперации в контексте углублении социалистических преобразований и достижении нового качественного состояния социалистического общества. Измышления Смирнова предваряли идеологический переход от технократического «ускорения» в сторону гуманизации концепции с упором на «человеческий фактор»[94].

Таким образом, для решения возникших проблем автор предлагал скорректировать политический механизм, ввести в ускорение социальную повестку, направленную на развитие личности, а также создать в экономике

---

[92] Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 98-99.
[93] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 74. Л. 3-4.
[94] Там же. Л. 7-9.

кооперативный сектор, чтобы стимулировать граждан активнее участвовать в преобразованиях. Измышления Г. Л. Смирнова генеральный секретарь принял во внимание при составлении доклада.

Идейным радикализмом отличалась записка М. С. Горбачеву «Императив политического развития» А. Н. Яковлева в конце декабря 1985 г. В ней автор представил системный проект идеологической альтернативы концепции ускорения. Яковлев кардинально пересмотрел иерархию приоритетов, заявив об общегосударственной потребности реформ в политической системе, выходящих на первый план по сравнению с экономическими преобразованиями. Идеологическая модель автора означала революционный сдвиг к политической «перестройке». Яковлев отказался от марксистского тезиса о первичности экономического базиса и поставил во главу угла «морально-психологические факторы», что фактически означало приоритет идеологических преобразований над материальными[95].

Наиболее любопытным было предложение о коренном переустройстве политического режима. В записке верховная партийная и государственная власть передавалась президенту СССР. КПСС замещалась Союзом коммунистов, объединяющем в себе две социалистические партии. Введение института президентства и многопартийности представлялось как «революционная перестройка исторического характера» – эта формула впервые использовалась в официальных документах[96]. А. Н. Яковлев сознательно применял революционную риторику для легитимации либеральных реформ, представляя их как продолжение Октябрьской революции.

Ревизионистские рецепты А. Н. Яковлева остались на уровне абстрактных предложений, хода им не дали, что отражало идеологические ограничения того периода. По воспоминаниям самого автора, М. С. Горбачев спокойно отреагировал на его умозаключения, но посчитал присланные тезисы преждевременными[97]. В любом случае содержание записки шло вразрез с умеренными методами политики

---

[95] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 28-34.
[96] Там же. С. 37-38.
[97] Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2000. С. 250.

ускорения. Тем не менее записка предвосхитила будущую политическую реформу, когда в 1988 г. либеральные идеи парламентаризма, альтернативных выборов, президентализма будут инкорпорироваться в советскую систему.

У двух вышеприведенных записок есть много общего в смысловом ключе. Так, авторы были уверены, что нынешняя стратегия преобразований неспособна выполнить поставленные апрельским пленумом задачи. Они настаивали на реализации реформаторского замысла, прибегнув к новым, ранее не рассматриваемым методам. Оба автора считали, что только активизация социальных факторов обеспечит победу партийному курсу и выведет страну из тяжёлого положения.

Если говорить об отличиях, то первое, что следует отметить – это коренной характер предполагаемых мер. В варианте Г. Л. Смирнова преобразования поступательные, не затрагивающие сущность политического режима и несущие на себе отпечатки идеологии «гуманного социализма», а также позднего ленинизма в вопросах внедрения кооперации.

В случае А. Н. Яковлева переустройству, а точнее, как он сам писал, «революционной перестройке», подвергались все этажи советской системы с включением в нее откровенно либеральных механизмов политического управления и представительства. Видно, что в отношении концептуализации партийного курса появились две тенденции: умеренная и радикальная. Первая шла в разрезе планомерного совершенствования социализма, вторая все более адаптировалась под коренную перестройку общества.

Благодаря ознакомлению с этими записками в риторике генсека произошли незначительные понятийные изменения. Как фиксировал в своем дневнике председатель Совета министров РСФСР В. И. Воротников, 2 января 1986 г. на заседании Политбюро во время обсуждения проекта программы М. С. Горбачев впервые обозначил словом «перестройка» буксующие преобразования в стране. Примечательно, что ранее перестройка употреблялась в контексте ускорения, предполагая трансформацию хозяйственного механизма, а также перековку

психологии кадров[98]. Теперь же данный термин, на первый взгляд, прошел смысловую эволюцию, приобретая черты самостоятельной концепции реформаторских процессов. Однако в политическом дискурсе перестройка все еще не замещала собой концепцию ускорения, а только дополняла ее. Как вспоминал генеральный секретарь, публично формула перестройки только начнёт употребляться наравне с ускорением с весны 1986 г.[99].

Так или иначе, генсек ограниченно воспринял некоторые предложения записок в части выхода за пределы консервативной природы ускорения и конструирования обновлённой концепции преобразований, включавшей ранее не используемые идеи.

Этой линии М. С. Горбачев придерживался во время XXVII съезда 25 февраля 1986 г., когда осуществил фундаментальную идеологическую ревизию концепции ускорения, расширив ее на политическую, социальную и духовную сферы. Тем самым она теряла свой изначальный сугубо экономический характер. Обновление концепции произошло на фоне редакции третьей программы КПСС, в которой партийное руководство отказалось от задачи построения коммунизма к конкретному сроку, провозгласив курс на «всестороннее совершенствование социалистического общества»[100]. Эта идеологическая корректировка должна была освободить реформаторов от устаревших догм и развязать им руки в деле кооптации в официальную повестку альтернативных реформаторских нарративов. В свою очередь, признание утопичности коммунистических целей означало переход к более прагматичным задачам.

Ключевой идеологической формулой «Политического доклада ЦК КПСС к XXVII съезду КПСС» М. С. Горбачева стало определение ускорения как стратегического курса партии, нацеленного на качественное преобразование всех сторон жизни советского общества. Горбачев представил всеобъемлющую концепцию обновления общественного строя, включавшую развитие

---

[98] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2020. С. 99.
[99] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 336.
[100] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 128.

социалистического самоуправления народа, увеличение самостоятельности Советов, утверждение социальной справедливости[101]. Большие надежды при осуществлении этих инициатив возлагались на прогрессивную самодеятельность масс при рациональном партийном контроле[102]. В выступлении высоко оценивалась не исчерпавшая своих возможностей в производстве, распределении и торговле кооперативная собственность[103].

В политической части доклада М. С. Горбачев конкретизировал идеологические цели гласности: «Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс...»[104]. Впервые на высшем партийном уровне генсек определил гласность как вопрос политический. Осознание застойного положения в экономической сфере располагало советского лидера к использованию волюнтаристских нарративов для нового витка социальной мобилизации масс.

Тем не менее обновлённая концепция ускорения не могла быстро принести ощутимых результатов в народном хозяйстве. В связи с этим практические проблемы экономической политики партии обсуждались на совещании секретарей ЦК КПСС и заместителей председателя Совмина Н. И. Рыжкова от 12 марта 1986 г. В речи оратора констатировалось, что перестройка в машиностроении не чувствуется, а новый хозяйственный механизм не обеспечивает существенных сдвигов в увеличении экономического роста. Упадочные тенденции также наблюдались в ускорении научно-технического прогресса. Причину подобных провалов Рыжков усматривал в неудовлетворительной работе высших государственных и партийных кадров[105].

С председателем Совмина соглашался М. С. Горбачев: «Беда в нас, в верхних эшелонах». Главное в этой ситуации, по мнению генсека, была «перестройка нас самих», чтобы создать у всех понимание, что с пути прошедшего Съезда партия не свернет[106].

---

[101] Там же. С. 21-22, 55.
[102] Там же. С. 24.
[103] Там же. С. 40.
[104] Там же. С. 60.
[105] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 78. Л. 11, 18-23.
[106] Там же. Л. 28-29, 136.

После совещания генеральный секретарь плотно занялся вопросом скорейшего улучшения морально-политической ситуации в контексте применения новых пропагандистских лозунгов. Уже 8 апреля 1986 г., выступая перед трудящимися города Тольятти, советский лидер впервые публично использовал термин «перестройка» как центральное понятие реформаторской риторики. Перестройка сознания человека обуславливала успех коренного обновления всех сфер общества. Утверждалось, что в условиях сохранения нынешнего научно-технического потенциала страны можно ускорить развитие экономики в рамках перестройки подходов к работе, делу[107]. Данный тезис противоречил всему ранее сказанному высшим политическим руководством о техническом отставании СССР и важности сосредоточения на решении вопросов интенсификации хозяйства.

М. С. Горбачев в данном выступлении абсолютизировал «человеческий фактор», поставив от него в зависимость все последующие преобразования. Примечательно, что гиперболизация «человеческого фактора» кардинально противоречила первоначальной сути концепции ускорения, основанной на преобладании объективных факторов над субъективными.

Таким образом, опора на волюнтаристские нарративы объяснялась отсутствием видимых результатов от технократического курса КПСС. Более того, экономический упадок усилился после антиалкогольной кампании, расточительного использования основных фондов, понижения мировых цен на нефть и газ в начале 1986 г., неудач с экспериментом в создании суперминистерства в аграрном секторе[108]. В этих условиях реформаторы уповали на социальную и гуманистическую составляющую концепции ускорения как последнего аргумента в борьбе с застойными тенденциями.

К этому времени серьёзное разочарование советские руководители испытали от контрпродуктивных управленческих практик в принятии важных для страны

---

[107] Горбачев М. С. Быстрее перестраиваться, действовать по-новому // gorby.ru: сайт. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/chronicle_1986_04_6.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

[108] Полынов М. Ф. Реформаторская деятельность М. С. Горбачева: первый этап перестройки 1985-1986 гг. // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. 2016. Т. 4. С. 251-261.

решений. Так, в своих воспоминаниях М. С. Горбачев обращал внимание на утверждённый в мае 1986 г. Закон «О борьбе с нетрудовыми доходами». Этот закон стал символом идеологических противоречий внутри реформаторского курса. Первоначально задуманный как инструмент борьбы с коррупцией и спекуляцией, на практике он ударил по зарождающемуся частному сектору – кустарям, мелким посредникам и самозанятым, которые поддерживали функционирование советского рынка услуг. Неоправданно грубое применение правовых норм закона на практике генеральный секретарь связывал с внутренней партийной фрондой перестройке в лице консервативной бюрократии. Горбачев все больше убеждался в неэффективности директивных методов управления, номенклатурного стиля принятия решений, губящих инициативу в экономике[109].

В этом плане интерес представляет заседание Политбюро от 13 июня 1986 г., обсудившее вопросы подготовки к июньскому пленуму. На нем М. С. Горбачев обличал ортодоксальных партийцев, выражавших недовольство из-за пренебрежения к принципам социализма. В догматизме «левых» генеральный секретарь видел источник отставания. По его мнению, противники реформ преобладали в аппарате, министерствах, в низовых партийных структурах, ставя перед переменами серьезные препятствия[110].

Более взвешенную позицию по данной проблеме публично излагал А. Н. Яковлев 13 июня 1986 г. перед секретарями отделов промышленности, строительства и сельского хозяйства ЦК компартий и обкомов КПСС. В материалах выступления Яковлев осуждал отдельных партийных работников, которые продолжают прежний отрыв слова от дела, ратуют за перестройку, но ничего не меняют по существу, призывают к обновлению, оставаясь верными устаревшим стереотипам[111].

В связи с появлением новых «препятствий» в лице ненадёжной бюрократии советское руководство пришло к выводу, что экономические преобразования не

---

[109] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 345.
[110] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 46.
[111] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 148. Л. 5.

заработают без лимитированного обновления политических институтов с опорой на раскрытие социальной активности советских граждан. В частности, нарратив о «демократизации общества» провозглашался действенным способом искоренения консервативных и бюрократических пережитков в социуме, что означало идеологическое переосмысление роли народных масс в социалистическом строительстве. Теперь народ должен был принять прямое участие не только в управлении экономикой, но и в политических преобразованиях.

Некоторые аргументы в пользу перехода преобразований в политическую плоскость звучали во время пленума ЦК КПСС от 16 июня 1986 г., на котором обсуждался план социального и экономического развития СССР в 1986-1991 гг. К примеру, в докладе генсек возлагал большие надежды на прогрессивный потенциал установки Съезда о «развитии творчества масс» как основы ускорения. Этот тезис, исходивший из приоритетности «человеческого фактора», предполагал активизацию процесса демократизации в социуме руками самого общества при разумном партийном контроле[112].

Отчасти обсуждаемый на пленуме план 12-й пятилетки стал последним примером, когда концепцию ускорения рассматривали в традиционных идеологических рамках. Несмотря на формальное соответствие решениям XXVII съезда и использование привычной риторики об «интенсификации хозяйства» и «социалистическом соревновании», в ходе выступления М. С. Горбачев сместил акцент на идеологически новый концепт «демократизации экономики» в рамках разработки Закона «О социалистическом предприятии». Этот закон позволил бы юридически закрепить рыночную составляющую реформ: хозрасчёт, автономию предприятий, особые права трудовых коллективов, разумные пределы взаимоотношений между центром и отдельными производствами[113].

Продолжением разговора о связке экономических реформ с политическими преобразованиями стало заседание Политбюро от 20 июня 1986 г. На нем

---

[112] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. М., 1988. Т. 16. Ч. 2: февраль-декабрь 1986 г. С. 316, 318-319.

[113] Там же. С. 320, 338.

М. С. Горбачев высказался за предоставление широких прав Советам, чтобы через низовые структуры включить народ в государственные процессы и хозяйственное управление. Как писал в дневнике В. И. Воротников, инициатива генсека передать властные функции Советам являлась прологом к политической реформе[114].

По результатам обсуждений было принято постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР от 5 июля 1986 г. «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС». Документ оказался очередной полумерой и содержал общие рассуждения о расширении власти Советов[115]. Несмотря на абстрактный, директивный характер постановления и прочих практических мер, в теоретическом плане политическое руководство поставило идею политической демократизации на одну доску с проблемой экономических реформ.

В результате идеологические поиски М. С. Горбачева привели его к мысли использовать термин «перестройка», ставший к этому времени ключевым лозунгом перемен, для оправдания реформ в политической плоскости и углубления экономических преобразований. Так, генсек приравнял перестройку к революции на совещании с секретарями ЦК КПСС от 23 июня 1986 г.: «Революция в умах, в производстве… во всей надстройке, во всем». Через новую терминологическую связку, подсказанную генсеку в декабрьской записке А. Н. Яковлева от 1985 г., манифестировалось намерение преобразить все структуры советской системы. Отдельно Горбачев высказал суждение о потребности в партийной реформе в контексте «малой революции», без которой обновление общества не получится довести до конца[116]. Новая формула перестройки означала идеологическую легитимацию системных преобразований через апелляцию к революционной

---

[114] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 120-121.
[115] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. Т. 16. Ч. 2: февраль-декабрь 1986 г. С. 386-387.
[116] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 49.

традиции. Как системный нарратив, она сформировалась в ходе атаки Горбачева на партийный аппарат.

Подробнее идею «перестройки-революции» М. С. Горбачев раскрыл во время поездки на Дальний Восток. В ходе выступления перед активом хабаровской партийной организации 31 июля 1986 г. он говорил: «Я бы поставил знак равенства между словами – перестройка и революция». Далее советский лидер интерпретировал перестройку как путь к ускорению, как процесс, завладевший всеми сферами общественной жизни. Для успокоения слушателей генсек создавал из перестройки образ всенародного движения за обновление социализма. В риторике Горбачева особое внимание уделялось терминам «консерватизм» и «бюрократизм», которые стали идеологическими ярлыками для противников реформ, что позволяло представить политическую борьбу с ними как «очищение социализма от чуждых наслоений»[117].

В связи с выступлением в Хабаровске к М. С. Горбачеву 5 августа 1986 г. обратился с аналитической запиской инспектор отдела пропаганды и агитации ЦК Л. А. Оников. В тексте автор делился своими опасениями, что спустя полтора года после апрельского пленума 1985 г. КПСС и обществу так и не было представлено четкой концепции перестройки партийной работы. Именно компартии, считал Оников, следовало уделить особое внимание, поскольку изменить систему в СССР оказалось невозможно без преобразований прежде всего в вопросе организационно-партийной работы[118].

Отсутствие концепции после апрельского пленума и XXVII съезда автор аргументировал личным анализом ситуации, сложившейся в партийных комитетах. Автор провел уникальное социологическое исследование восприятия перестройки партийными кадрами, проведя беседы с секретарями и заведующими отделами горкомов и райкомов. Результаты оказались показательными: «Мы за перестройку, а что делать не знаем», – отвечали опрашиваемые. Отсутствие у руководителей

---

[117] Горбачев М. С. Перестройка неотложна. Она касается всех и во всем: сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 г. М., 1986. С. 36-38.
[118] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 232. Л. 111-115.

плана чётких действий отражало идеологический вакуум на местном уровне. В результате, заключал Оников, в партийной работе все также господствовала фрагментарность и бессистемность[119].

Но инспектор подчеркивал, что не следует винить только местные органы в неудовлетворительных результатах. В отсутствии концепции повинен Центр. Поэтому автор предлагал немедленно приступить к разработке стройной доктрины. Концепция перестройки партии, пишет Л. А. Оников, обязана базироваться на ленинской методологии организационно-партийной работы с учетом достижений современной науки управления[120].

Таким образом, в вышеприведенной записке явно присутствует тревога у сторонников проводимых преобразований ввиду расплывчатости, бессистемности провозглашаемых КПСС лозунгов в рамках перестройки партии и общества. Новая парадигма только вступала в этап своего формирования. По этой причине было бы наивно ожидать, что команда М. С. Горбачева приложит максимальные усилия в системном обосновании, научной разработке стратегической концепции реформ. Их вполне устраивала неопределенность смысловых конструкций, наполненных претенциозными заявлениями и общими фразами, поскольку цель данных обращений состояла в повышении энтузиазма масс, их социальной мобилизации, то бишь в стимулировании того самого «человеческого фактора».

В этом плане показательным примером идеологической стагнации стал доклад А. Н. Яковлева от 26 сентября 1986 г. на курсах Академии общественных наук перед заведующими отделами пропаганды и культуры по вопросам агитационной работы. Принимая во внимание обстоятельства выступления, а речь идет о качественном изменении идеологической работы на местах в связи с перестройкой, можно предположить, что докладчик должен был отразить общие фундаментальные черты формируемой концепции, представить теоретический базис перестройки перед теми, кто будет реализовывать её принципы на практике. Проанализировав текст Яковлева, можно констатировать, что докладчик

[119] Там же. Л. 120-122.
[120] Там же. Л. 123.

ограничился в концептуальной части повторением ранее высказанных М. С. Горбачевым утверждений о революционном характере перестройки, о ее обновленческой и демократической составляющей. Однако не прозвучало ни одного слова, конкретизировавшего данные положения, раскрывавшего механизм перестройки общества, экономики, партии[121].

Довершает общую картину факт копирования доклада точь-в-точь с тезисного плана А. Н. Яковлева от 26 июля 1986 г., также готовившегося для курсов Академии общественных наук, но уже с другой аудиторией. В сухом остатке выходит, что за два месяца никаких кардинальных изменений в риторике Яковлева не последовало. Это свидетельствует об отсутствии серьезной работы по концептуализации идей перестройки, которые касались и трансформации КПСС[122].

Таким образом, реальные факты идеологической неопределенности в верхах подтверждали справедливость опасений Л. А. Оникова. В своих воспоминаниях он критически рассмотрел реформаторскую практику М. С. Горбачева, характеризуя действия советского лидера как непродуманные, половинчатые и оторванные от реальной жизни. По мнению автора, конкретной программы перестройки партии, как стержня успешного обоснования и осуществления реформ, так и не было представлено обществу. Все ограничилось претенциозными лозунгами и общими рассуждениями без конкретных шагов[123].

Обличительные пассажи Л. А. Оникова в отношении советского лидера обуславливались и тем, что к его советам политическое руководство так и не прислушалось, посчитав их слишком абстрактными. Причина игнорирования М. С. Горбачевым вышеприведенных предложений, судя по воспоминаниям В. И. Болдина, состояла в предельно скептичном отношении генсека к идейно-политическому творчеству Оникова. Советский лидер не воспринимал содержание аналитических записок всерьез, объясняя свои сомнения тем, что расходится с автором по принципиальным вопросам. Вследствие этого конструктивные

---

[121] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 154. Л. 2-10.
[122] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 152. Л. 1-6.
[123] Оников Л. А. Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 67-69.

предложения по концептуализации перестройки в рамках преобразования общества и партии вряд ли могли быть реализованы в скором времени. Горбачев имел на этот счет свои особые соображения, о которых не знал даже его ближайший помощник[124].

Тем временем к осени 1986 г. реформаторский курс продолжал КПСС давать сбои, показывал неэффективную практику израсходования вложенных средств при минимальном результате. М. С. Горбачев прямо заявил на заседании Политбюро 30 октября 1986 г., что финансовая система полностью расстроена. Результаты реформ демонстрировали крах директивных постулатов концепции ускорения[125].

По этой причине правящее руководство обратилось к проработке альтернативных способов повышения эффективности советского хозяйства. Так, началось мягкое кооптирование рыночных идей через идеологическую реабилитацию НЭПа как возврата к ленинским принципам, что позволяло в дальнейшем легитимизировать капиталистические механизмы под видом исторической преемственности. Например, в СМИ до снятия всех тематических запретов презентовалась в положительном ключе концепция «социалистического рынка» в период НЭПа. Пример тому была статья Л. Воскресенского от 30 ноября 1986 г. «На пути к социалистическому рынку» в газете Московские новости[126]. В целом, к концу 1986 г. задача прессы заключалась в мягкой подготовке общественного мнения к восприятию рыночной модели, а также принятых законов, оформлявших новые отношения в народном хозяйстве[127].

В частности, рыночные отношения закреплялись на правовом уровне 19 ноября 1986 г., когда Верховный Совет СССР принял закон № 6051-XI «Об индивидуально-трудовой деятельности», легализовавший частную инициативу в кустарно-промысловой сфере и бытовом обслуживании населения. И хоть в нормативно-правовом акте прописывался запрет наемного труда, вводился

---

[124] Болдин В. И. Указ. соч. С. 415-416.
[125] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 121-122.
[126] Воскресенский Л. На пути к социалистическому рынку // Московские новости. 1986. № 48. С. 12.
[127] Сафронов А. Указ соч. С. 685-686.

налог в 65% с деятельности индивидуального предпринимателя – факт законодательного закрепления и поощрения рыночных форм организации трудового процесса создавал неизбежные противоречия социалистической риторике правящей партии[128].

Активными сторонниками нестандартных средств выхода из финансового кризиса были ученые, привлекаемые к разработке материалов к предстоящим пленумам. В воспоминаниях бывшего премьер-министра СССР в 1991 г. В. С. Павлова приведены интересные моменты, связанные с разработкой документов к июньскому пленуму 1987 г. по экономической реформе. Так, в одном из проектов пленарного доклада в декабре 1986 г. для М. С. Горбачева вводилось предложение закрепить конституционно право частной собственности в дополнение к государственному сектору. Инициатива на тот момент немыслимая в той идеологической повестке, охватившей общество, ведь практически каждый день советское руководство публично отвергало тлетворную для марксизма мысль, что хозяйство должно перестраиваться в рамках реставрации капиталистических отношений. Введение в текст частной собственности помешали не прагматичные соображения, а устоявшиеся догмы социалистической политической экономии[129].

Догматичная тенденция дала о себе знать 4 декабря 1986 г. на заседании Политбюро. Заседание стало символом идеологического раскола в высшем руководстве, поскольку между участниками разгорелся серьёзный конфликт по вопросу повышения цен на мясо в кооперативной торговле. В итоге решение данного вопроса пришлось отложить во избежание политического разлада в верхах. Этот случай выявил фундаментальные противоречия между экономической необходимостью и идеологическими принципами социализма[130].

Таким образом, к концу 1986 г. отсутствие конкретной концепции перестройки партии и общества, а также многочисленные противоречия курса

---

[128] Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об индивидуальной трудовой деятельности» // Правда. 1986. № 325. С. 1, 3.
[129] Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 42-43.
[130] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 112-113.

ускорения тормозили ход реформаторских процессов. Однако политическое руководство, несмотря на господствующие в обществе ограничительные коммунистические принципы, начало поиск рецептов, выходящих за пределы марксисткой догматики и директивных методов управления, примером чему стали отдельные нововведения в публичном дискурсе, законодательной практике. Кардинальный пересмотр риторики и идеологических ориентиров будет проведен высшим руководством в течение следующего года.

В частности, на заседании Политбюро от 6 января 1987 г. согласовали дату проведения пленума по кадрам на 27-28 января 1987 г. Во время обмена мнениями М. С. Горбачев определил основные задачи предстоящего пленума: курс точечных и контролируемых политических реформ. Это утверждение предвосхитило переход к приоритетному реформированию в государственных и общественных структурах, а также перестройку всех звеньев КПСС с опорой на низовые коллективы, которая содержала революционный потенциал демократизации партийной системы[131].

Более подробно о принципах перестройки М. С. Горбачев сказал в докладе «О перестройке и кадровой политике партии» на пленуме от 27 января 1987 г. В речи генеральный секретарь формально не отказывался от концепции ускорения, обозначив её как стратегический курс партии. Тем не менее реализация задач ускорения напрямую зависела от перестройки. Последняя провозглашалась механизмом ускорения и должна была преодолеть т. н. «механизм торможения» реформ в системе социализма. Теперь именно перестройка несла в себе дух тотального обновления политической, экономической, социальной и духовной составляющей общества[132].

Центральным элементом идеологической парадигмы перестройки стала активизация «человеческого фактора» как наиболее весомого аргумента в движении реформ[133]. В этом контексте включить в революционный процесс народ должна была углублённая демократизация общества[134]. Первичные меры

---

[131] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 139-140.
[132] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 5, 15.
[133] Там же. С. 51.
[134] Там же. С. 24-25.

установления подлинного народовластия состояли в изменении, пока в качестве эксперимента, избирательной системы в Советах на основе альтернативной системы выборов, расширении их прав, демократизации партии, поддержке гласности. Дальнейшие перемены в политической плоскости отводилась решить XIX партийной конференции в следующем, 1988 г.[135].

Таким образом, после долгих теоретических размышлений М. С. Горбачев полноценно ввел в пропагандистскую повестку революционный тезис о политической составляющей реформ. Причем экономическая реформа не отодвигалась в незапланированное будущее, ведь готовился июньский пленум по данному вопросу. В подобном разрезе курсу ускорения с хозяйственно-социальным уклонном уже не будет места в риторике партийного истеблишмента, её окончательно вытеснит формирующаяся концепция перестройки.

Тем временем в идеологической сфере проходила теоретическое апробирование выдвинутых генеральным секретарем положений революционной концепции перестройки. Так, Г. Л. Смирнов 3-4 февраля 1987 г. на международной научной конференции «Социализм на современном этапе: диалектика общего и особенного» представил официальную трактовку происходивших в стране перемен. В его размышлениях перестройка являлась продолжением Октябрьской революции, а именно полной реализацией ленинских представлений о социализме. Оратор также дал определение процессу демократизации – фундаменту проводимой партией политики: «Это способность власти… распознавать проблемы, своевременно находить способы решения проблем и энергично осуществлять эти решения. Это тоже субъективный фактор»[136]. Тем самым советский идеолог старался органично соединить проводимые реформы с ленинским наследием, чтобы актуализировать необходимость кардинальных перемен в сознании советского общества.

Обращение к «актуальным» ленинским истинам отчасти обуславливалось личным интересом М. С. Горбачева. Как вспоминал его помощник В. И. Болдин,

---

[135] Там же. С. 29-33, 65.
[136] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 88. Л. 6, 21.

генсек в 1986-1987 гг. особенно сильно увлекся работами В. И. Ленина и хотел предложить концепцию, которая продолжила идеи вождя и потрясла мир не меньше, чем все сделанное В. И. Лениным[137]. На этой основе будет формироваться главное доктринальное кредо реформаторов. Кратко его суть выразил А. Н. Яковлев в выступлении на встрече с молодыми коммунистами от 9 июля 1990 г. во время XXVIII съезда КПСС. Речь «идеолога перестройки» сохранилась в стенограмме. Ключевые слова Яковлева из стенограммы приводит историк В. Н. Снегирев в своем исследовании: «Если в марксизме ценен ранний Маркс, то Ленин – поздний»[138]. Именно в этой парадигме будет происходить идеологическое обоснование большинства последующих реформ.

Далее в подготовленном тексте выступления Г. Л. Смирнова на семинаре пропагандистов Бабушкинского района города Москвы от 19 февраля 1987 г., посвященном итогам январского пленума, упор был сделан на раскрытии революционного характера перестройки. В понимании докладчика термин «революция» относительно идущих в государстве процессов применим в части критики результатов социалистического строительства. Самокритичность – характерная черта пролетарских революций. Но перестройка ни в коем случае, замечает автор, не содержит признаки социально-политической революции, поэтому общественно-экономические основы советского строя остаются неизменными. Она направлена на преодоление чуждых социализму форм жизнедеятельности и в утверждении новых форм организации социалистического общества[139].

В статье «Революционная суть обновления» в газете Правда от 13 марта 1987 г. Г. Л. Смирнов суммировал теоретические изыскания концепции перестройки. Дабы оправдать тезис о перестройке как революции автор сравнивает её с коллективизацией и культурной революцией 1920-1930-х гг., носивших по своей сути кардинальный характер. Коренное же отличие сегодняшних

---

[137] Болдин В. И. Указ. соч. С. 132-133.
[138] Цит. по: Снегирев В. Н. Указ. соч. С. 474.
[139] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 88. Л. 41-42, 49.

преобразований, по мнению Г. Л. Смирнова, от процессов прошлого состоит: во-первых, в отсутствии антагонистических классов, во-вторых, во всеохватывающих мерах, затрагивающих все общество и, наконец, идущие перемены основывались на продолжении дела В. И. Ленина. Перемены были призваны упрочить существующий строй и отбросить чуждые социализму элементы. Именно в радикальной, глубинной модернизации общественных отношений с опорой на широкие массы и в отрицании консервативных пережитков в мышлении, руководстве и управлении состоит революционный смысл перестройки, заключает автор[140].

Таким образом, директор главного идеологического и теоретического центра партии в лице Института марксизма-ленинизма на основе тезисов М. С. Горбачева сформулировал первоначальную базу революционной концепции перестройки в ее ленинском осмыслении. В данном случае апелляция к ленинизму и революционному пафосу ранней советской власти использовались реформаторами для обоснования и реализации моделей модернизации, которые ранее считались ревизионистскими. Это позволило выйти за рамки классического марксизма на практике, но на словах оставаться верными приверженцами коммунистического учения.

В дальнейшем от этого фундамента будут отталкиваться и другие партийные иерархи в своем теоретическом творчестве. Так, свой вклад в развитие доктрины внесут Е. К. Лигачев и А. Н. Яковлев в публичных выступлениях и на страницах периодической печати, поддерживая тезисы о ленинских истоках перестройки, «человеческом факторе», революционных преобразованиях и демократизации социума[141].

Несмотря на появление политического тезиса в концепции перестройки, формулирование её экономической составляющей оставалась в приоритетных задачах у высшего руководства. На январском пленуме преобразования в базисе

---

[140] Смирнов Г. Л. Революционная суть обновления // Правда. 1987. № 72. С. 2-3.

[141] Лигачев Е. К. О революционной сущности перестройки в СССР // Избранные речи и статьи. М., 1989. С. 195-204; Яковлев А. Н. Главное – практические дела и результаты // Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М., 1990. С. 186-199.

именовались «радикальной реформой хозяйственного управления», свидетельствовавшие о переходе к методам коренной модернизации в данной сфере[142].

Интересно и смысловое значение слов «радикализм» и «реформа» в советском официальном лексиконе. Так, в первом случае шла негативная ассоциация с крайне левой доктриной европейских «новых левых», подпитанной мелкобуржуазной стихией[143]. Во втором варианте подразумевалось постепенное преобразование существующих порядков в обществе победившего социализма[144]. В народной среде «реформу» иногда путали с «реформизмом» – оппортунистической практикой европейской социал-демократии противоположной революционной энергии пролетарских партий. Поэтому до 1980-х гг. в любых нововведениях советской власти старались избегать слова «реформа».

Потребность в новых понятиях для объяснения массам кардинальных изменений во внутренней политике раскрыл сам М. С. Горбачев после развала СССР в теоретических рассуждениях о значении Октябрьской революции. В его понимании политика перестройки была бы невозможна без определённой ревизии проблем, стоявших перед страной в международном и национальном контексте, в том числе изменения теоретических принципов коммунистических догм[145]. Этим же мотивом можно объяснить некорректное употребление слова «революция», означавшей в марксизме не совершенствование форм общественного строя – это как раз дело реформы, а насильственный слом отжившей свой век социально-экономической формации и переход к более прогрессивным производственным отношениям, соответствующим производительным силам.

Так или иначе, адаптация откровенно ревизионистских понятий в партийную риторику была необходима для легитимации радикальных экономических и политических принципов концепции перестройки, так как к январю 1987 г. даже

---

[142] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 156.
[143] Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М., 1983. С. 559.
[144] Там же. С. 580-581.
[145] Горбачев М. С. Октябрьская революция: смысл и значение // Размышления о прошлом и будущем. 2-е издание. СПб., 2002. С. 77.

обновленная концепция ускорения окончательно показала свою несостоятельность в плане достижения качественных темпов экономического роста и мобилизации населения в идеологических кампаниях реформаторов.

Так, на заседании Политбюро 12 февраля 1987 г. об откровенных провалах плана за январь лаконично сказал Е. К. Лигачев: «Все движение в сфере экономики в январе было расстроенно. Производство сократилось на 6 процентов в этом месяце по сравнению с декабрем». М. С. Горбачев объяснял упадок субъективными факторами, защищая плановые методы в экономике[146].

В ходе заседания Политбюро 24 марта 1987 г. М. С. Горбачев описал общую ситуацию с экономическими неурядицами в стране, обосновал значение поддержки атмосферы перестройки в обществе, готовя страну к коренным преобразованиям. Он говорил, что новизна обстоятельств не должна никого смущать: «… если бы в апреле 1985 года нам сказали, вот что, мол, будет у нас, мы бы возмутились: как можно!». На перестройку возлагалась миссия слома причины «пробуксовки» реформ. Вследствие этого новая революция нуждалась в решительных действиях. Нельзя, говорил генеральный секретарь, делать революцию и действовать как в 1985 г.[147]. В итоге от курса ускорения в первой половине 1987 г. пришлось отказаться.

В частности, нацеленность реформаторов трансформировать экономическую политику партии просматривается в докладе Н. И. Рыжкова «Ленинизм – основа теории и политики перестройки» от 22 апреля 1987 г. по случаю празднования дня рождения В. И. Ленина. Спикер использовал классическую формулу о том, что партия, следуя ленинскому учению, отказывается от власти догм и готова обновить стратегические установки, что позволяло легитимизировать радикальные экономические преобразования под видом «возврата к ленинским принципам»[148].

---

[146] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 140-141.
[147] Горбачев М. С. В поисках новой модели управления экономикой. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.]. С. 67-70.
[148] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 115. Л. 3-4, 9-13.

Крепнувшая уверенность советского руководства в необходимости изменить консервативный курс ускорения располагала к поиску новых концепций обновления советской экономики. Как вспоминал О. Ожерельев – помощник М. С. Горбачева по экономике, в первой половине 1987 г. этим вопросом занялись две команды: группа ЦК из ведущих ученых во главе с В. А. Медведевым (заведующий отделом ЦК КПСС по связям с соцстранами) и правительственная группа Н. И. Рыжкова[149]. Обе группы готовили предложения к июньскому пленуму и представляли принципиально разные идеологические концепции реформ.

По воспоминаниям В. А. Медведева, корень разногласий лежал в понимании характера и содержания назревших преобразований. Так, команда Н. И. Рыжкова выступала лишь за совершенствование нынешней плановой экономики. Правительственная группа воспроизводила многие принципы «косыгинской реформы» 1965-1970 гг., подразумевая сохранение директивного планирования, твердых цен при расширении самостоятельности предприятий. Тем временем сторонники Медведева настаивали не только на передаче предприятиям хозяйственной автономии, но и на необходимости кардинальных изменений в самой командной системе. Группа Медведева считала, что нужно идти в сторону экономических методов хозяйствования, заменяя директивное планирование индикативным, а также постепенно перейти к рыночному механизму ценообразования, оптовой торговле средствами производства[150]. Именно более «либеральная» концепция от команды ЦК была принята М. С. Горбачевым за основу и в дальнейшем с небольшими компромиссными корректировками утверждена на июньском пленуме 1987 г.

В свою очередь, в мемуарах Н. И. Рыжков указывал, что т. н. «ультрарадикалы» в лице В. А. Медведева, А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе

---

[149] Волин Д. Автор забытой радикальной экономической реформы в СССР. К 90-летию Вадима Медведева // ТАСС: информационное агентство России: сайт URL: https://tass.ru/politika/6273402?ysclid=m2xjrmd71373396115 (дата обращения 19.03.2025).

[150] Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР // История государства: сайт. URL: https://statehistory.ru/books/YU--Olsevich--P--Gregori_Planovaya-sistema-v-retrospektive--Analiz-i-intervyu-s-rukovoditelyami-planirovaniya-SSSR/11 (дата обращения: 19.03.2025).

требовали вообще отказаться от плана, утверждая, что производители сами наладят экономическую коммуникацию между собой. Подобное свидетельство выглядит слишком предвзятым, поскольку в замыслах команды от ЦК плановая экономика не отвергалась, а подлежала контролируемой трансформации в сторону преобладания в ней рыночного начала[151].

Параллельно работе двух групп конкретные экономические меры и стратегии обсуждались на Политбюро. Принятые на этих заседаниях решения повлияли на окончательную концепцию реформ, принятую июньским пленумом. В частности, на заседании от 23 апреля 1987 г. Н. И. Рыжков выступил с докладом, призвав покрывать финансовый дефицит радикальными средствами. Докладчик остановился подробно на вопросе изменения ценообразования в розничной, продовольственной торговле, а также на коммунальные услуги[152]. Поддержал премьер-министра и генеральный секретарь, сказав, что нормальной системы цен в стране нет[153].

На заседании от 30 апреля 1987 г. советский лидер призывал придать в подготавливаемом Законе «О государственном предприятии» ориентирующий характер контрольным цифрам для производств. При этом генсек яростно обличал устаревшие структуры командной системы управления советской экономикой. Для него единственный выход из сложившегося кризиса состоял в переходе к демократической структуре. Наверное, впервые на таком уровне критика касалось не столько хозяйственного механизма, сколько всей надстройки советской экономики. Горбачев все больше убеждался в том, что нынешняя система руководства в широком смысле этого слова не отвечает объективным потребностям советского государства[154].

Во время дискуссий на Политбюро генеральный секретарь подготовил тезисы к июньскому пленуму. К 9 мая 1987 г., как свидетельствовал в

---

[151] Рыжков Н. И. ПРЕМЬЕР. Проект 2017 – миф или реальность? С. 200-201.
[152] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 161-162.
[153] Горбачев М. С. В поисках новой модели управления экономикой. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.]. С. 72-75.
[154] Там же. С. 76, 79; В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 167-170.

воспоминаниях М. С. Горбачев, они были закончены. В своем кратком изложении они формировали общие направления перестройки в рамках предложений группы В. А. Медведева. Так, в тексте критиковалась этатизация собственности, обосновывалась замена централизованного планирования рекомендательным, расписывалась реформа ценообразования, а также аргументировалось необходимость превращения низового предприятия в социалистического товаропроизводителя, ведущего хозяйство самостоятельно[155].

На заседании Политбюро от 14 мая 1987 г. М. С. Горбачев претенциозно заявил, что к 13-й пятилетке страна должна выйти с новым хозяйственным механизмом[156]. В целом, тезисы получили одобрение. Тем не менее члены Политбюро вновь поддержали полумеры по ценовой политике[157]. Так, партийное руководство отринуло важнейший финансовый механизм поддержки экономической реформы.

В течение 21-22 мая на заседании Политбюро обсуждались механизмы эффективного сокращения министерств, численности их аппарата, в том числе оптимального перераспределения прав, компетенции между центральными и республиканскими ведомствами, отраслями и низовыми предприятиями[158].

В итоге к концу мая высшее руководство обсудило основной тематический пласт будущей реформы. Перед июньским пленумом с готовыми предложениями реформаторы вышли на совещание в ЦК КПСС от 8-9 июня по вопросам коренной перестройки управления экономики. М. С. Горбачев во время выступления поставил перед собравшимися три главных вопроса хозяйственной реформы. Первый вопрос касался процесса перестройки не только в экономике, но и в обществе в целом. Второй состоял в обмене мнениями по проекту Закона

---

[155] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 349-350.
[156] Горбачев М. С. В поисках новой модели управления экономикой. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.]. С. 82.
[157] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 178-182.
[158] Горбачев М. С. В поисках новой модели управления экономикой. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.]. С. 83-84.

«О государственном предприятии». И третий вопрос относился к определению роли центральных органов управления в грядущих реформах[159].

В процессе обсуждения мнения разделились на две поляризованные точки зрения. Большинство участников совещания высказывались за общепринятые партией решения в духе умеренной перестройки. Например, секретарь ЦК КПСС Н. Н. Слюньков ратовал за ликвидацию затратного механизма в экономике путем перевода предприятия на хозрасчет, определения гармоничного соотношения между централизованным планированием и самостоятельностью производств, а также перехода к экономическим методам руководства вкупе с коренной трансформацией ценообразования. О пагубности директивно спускаемых контрольных цифрах говорил заместитель генерального директора объединения «АвтоЗИЛА» А. И. Бужинский: «Я хочу сказать – до тех пор, пока это не будет сломано, порядка не будет»[160].

Более радикальные предложения были высказаны с рыночных позиций. Например, директор института США и Канады Г. А. Арбатов отстаивал тезис о прогрессивном значении здоровой «социалистической конкуренции» для предприятий, что оппонировало командной практике «социалистического соревнования». Директор института экономики мировой социалистической системы АН СССР О. Т. Богомолов предлагал ввести регулируемый рынок и наконец признать, что в советской экономике спрос должен определять предложение. В том же ключе говорил заведующий кафедрой МГУ Г. Х. Попов, требовавший создать участок рынка и оптовой торговли со свободными ценами[161].

Подвел итоги прениям М. С. Горбачев. Он раскритиковал тех, кто пытался предложить слишком кардинальные рыночные альтернативы, сам ссылаясь на мнение народа, который не хочет менять социалистическую систему. Таким образом, генеральный секретарь вновь лимитировал чрезмерно рыночные шаги в

[159] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 123. Л. 1-3.
[160] Там же. Л. 5-10, 16.
[161] Там же. Л. 19, 30-31, 35.

экономической части, предпочтя защитить позиции постепенной либерализации плановой экономики[162].

Тем временем в СМИ складывалась противоположная ситуация, поскольку противники командной системы получили публичную трибуну для изложения альтернативной позиции по дальнейшей экономической политике. В отличие от мягкой информационной кампании осени 1986 г., в первой половине 1987 г. радикально прорыночная позиция ряда авторов резко противоречила партийной концепции развития. Так, в мае-июне в популярных изданиях «Новый мир», «Знамя» и «Аргументы и факты» вышли статьи, призывающие советский народ принять преимущества т. н. «рыночного социализма», похоронив нынешний «административный социализм». Однако в условиях все еще жёсткой цензуры против публикаций никто не протестовал в компартии, что наводит на мысль о молчаливом одобрении политическим руководством информационной атаки на плановую экономику[163].

Видимо, в тех политических обстоятельствах реформаторы не могли прямо и публично заявить о поддержке полнокровных рыночных преобразований в виду пока еще присущих им идеологических ограничений, а также страха перед возможным недовольством в КПСС, народных масс. Поэтому параллельная легитимация либеральных подходов, способных в теории помочь разрешить накопившиеся проблемы, осуществлялась косвенно при помощи печати и радикальной интеллигенции.

Тем временем на пленуме 25 июня 1987 г. М. С. Горбачев выступил с докладом «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой». Выступление было разделено на две части: политическую характеристику перестройки и прагматические меры в реформации советского хозяйства. В политическом разделе он провозгласил новый этап преобразований, где демократизация управленческой системы, расширение гласности и народный

---

[162] Там же. Л. 44.
[163] Спицын Е. Ю. Указ. соч. С. 442-445.

контроль за бюрократией объявлялись инструментами решения проблем советского общества[164].

В экономической части генеральный секретарь обозначил важнейший фактор трансформации управления хозяйством, основанный на положениях Закона «О государственном предприятии», вступающего в силу в 1988 г. С нормативным актом в Верховный Совет СССР вносился пакет предложений, призванный привести в соответствии с законом принципы социалистического управления. Далее к 1989 г. все предприятия должны были перейти на новые условия хозяйствования. Вместе с тем до 1991 г. года предполагалось перестроить ценообразование, финансы и кредит, планирование, материально-техническое обеспечение[165].

Большое значение в выступлении М. С. Горбачев отвёл теме поиска эффективного стимула повышения эффективности производства на социалистической основе. По словам докладчика, эта проблема имела решение при превращении труженика в хозяина общественной собственности и предоставлении широчайшим массам возможности управлять народным хозяйством. Подобная общественная трансформация достигалась в ходе активного внедрения индивидуальной трудовой деятельности, кооперации, способствующих демократизации экономики. Тем самым генсек интерпретировал размывание государственной собственности, а заодно передачу существенных прав рабочим коллективам как органичное развитие социалистической мысли. Примечательно, что похожая риторика в контексте «раскрепощения инициативы человека» использовалась докладчиком при обосновании эффективности новых форм коллективного и семейного подряда в аграрной сфере[166].

Завершая доклад, М. С. Горбачев высказал суждение, что нынешний пленум сформировал окончательную концепцию перестройки. Радикальная экономическая

---

[164] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. М., 1987. С. 9, 32-35.
[165] Там же. С. 67-68.
[166] Там же. С. 27-28, 44.

реформа смыкалась с демократизацией общественной системы, составляя две фундаментальные стороны доктрины реформ[167].

О сходном теоретическом фундаменте реформаторской модели писал в своих тезисах, посвящённых значению июньского пленума, А. Н. Яковлев к заседанию Политбюро от 1 июля 1987 г. Он полностью соглашался с идеей об увязке социалистической демократии с радикальной экономической реформой в концепции преобразований. На базе этих двух составляющих в рамках духовно-воспитательной работы предлагалось сформировать новое сознание у масс, развить личную инициативу, обучить демократии на практике[168]. В итоге фокус популяризации сформированной концепции перестройки также переходил в область политической пропаганды.

Более того, усилия политического руководства в этом вопросе были сосредоточены уже на публичной защите официального курса преобразований от альтернативных реформаторских проектов. Так, о конкуренции политических мировоззрений как объективной составляющей социализма писал в докладе А. Н. Яковлев к встрече с руководством СМИ, работниками науки и культуры от 1 декабря 1987 г. Автор допускал, что социалистическое общество не может быть свободно от наличия спектра внутриполитических сил со своими интересами и моделями развития. Яковлев обозначал, что психология носителей данных интересов формирует определенные общественные явления: консерватизм, допускающий частичную модернизацию нынешнего строя, но без кардинальных изменений, и авангардизм, предполагавший «штурмовщину» и «ультра-перестроечные лозунги» без системной стратегии реформ. С этими явлениями автор требовал бороться демократическими методами, поскольку консерватизм и авангардизм, по его мнению, являлись прямой угрозой партийному курсу[169].

В этом разрезе экономическая реформа уступала более насущным идеологическим рецептам защиты доктрины перестройки и ее закрепления в

---

[167] Там же. С. 72-75.
[168] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 110-112.
[169] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 173. Л. 13-15.

массовом сознании. Тем более после июньского пленума советское руководство столкнулось с многочисленными противоречиями экономической политики, тормозивших ее полноценную реализацию. К примеру, по воспоминаниям В. С. Павлова, «архитекторы перестройки» затянули подготовку пакета из двенадцати постановлений, предусматривавших коренную перестройку планирования, развитие товарно-денежных отношений, введение государственного заказа и оптовой торговли[170].

В. А. Медведев в мемуарах констатировал кризис перестроченного курса, поскольку спустя несколько месяцев после пленума наметился отход от реформы ценообразования. Массированная кампания против повышения розничных цен в СМИ стала проявлением идеологического сопротивления рыночным механизмам, а правительство не противодействовало этому, что отражало внутренние противоречия в правящей элите. В ноябре 1987 г. экономисты и финансисты высказались за то, что реформу цен в ближайшее время проводить нельзя. В итоге к концу года данная тема больше официально не поднималась властями[171].

Неодобрительную оценку нерешительности и слабой адаптивности советских руководителей к новым условиям дал в теоретических размышлениях один из составителей хозяйственной реформы – экономист Л. И. Абалкин. Преобразования, по его мнению, носили поэтапный, эволюционный характер и не предполагали внедрения революционных механизмов, несмотря на боевую риторику политического руководства. По этой причине практически не рассматривалось переустройство базисных отношений – функционирования частной собственности[172]. М. С. Горбачева не раз заявлял, что реформы будут идти в границах общественной, социалистической собственности.

Таким образом, половинчатый характер экономической реформы объясняется не только практическими трудностями реализации реформаторского замысла, но и фундаментальными идеологическими ограничениями. Вновь страх перед

---

[170] Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. С. 56-57
[171] Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 54-55.
[172] Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. М., 1996. С. 20-22.

непредсказуемыми последствиями трансформации ценообразования, банковской, финансовой системы и мораторий на частную собственность отражали неготовность правящей верхушки к полному разрыву с социалистическими догмами и приоритет идеологических соображений над экономической логикой.

Противоречивый путь экономической реформы компенсировался радикальными изменениями в политической сфере: экспериментальные выборы на альтернативной основе в Советы в 1987 г., демократизация партийных структур, историческая гласность и социалистический плюрализм, в том числе принципы «нового мышления» во внешней политике. Эти новации представляли собой идеологическую революцию, подрывавшую основы марксистско-ленинской доктрины.

В этом плане интересна реакция зарубежных ученых и советологов на происходящие в СССР экономические и политические изменения. Взгляды западного научного сообщества по данному вопросу были представлены Г. Л. Смирновым в справке «О воздействии Октябрьской революции на ход мирового развития» в сентябре 1987 г. для высшего партийного руководства.

В тексте автор останавливался на сознательных манипуляциях американских и европейских советологов в деле отрыва практики перестройки от провозглашенных ею социалистических принципов. Например, конкретные шаги КПСС рассматривались зарубежными учеными как доказательство демонтажа социализма. Особенно активно использовался Закон об «Индивидуальной трудовой деятельности», получившей наименование в буржуазной прессе Закон «О частном предпринимательстве». Аналогично на Западе анализировались политические преобразования в форме постепенного приближения к либеральной модели плюралистической демократии[173].

Далее Г. Л. Смирнов обращался к взглядам конкретных персоналий. Такие авторы, как экономист Дж. Гэлбрейт и политический обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Ф. Таубман считали, что перестройка является детищем теории

[173] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 100. Л. 3-4.

конвергенции. Об экономической реформе в СССР как осмысленном использовании рыночных законов для регулирования плановой экономики писал идеолог троцкизма Горье. Более того, ряд советологов склонны были рассматривать перестройку как простое повторение НЭПа. Но наиболее прозорливые зарубежные интеллектуалы приводили аргументы о том, что под влиянием неуправляемых процессов советское общество ждет дальнейшее «обуржуазивание»[174].

Несмотря на откровенно пропагандистские нарративы западного научного сообщества с целью дискредитировать реформы идеологически, заранее объявив победу в СССР либеральной доктрины, в измышлениях советологов просматривается рациональное зерно. Действительно, политические и экономические инициативы реформаторов в 1986-1987 гг. создавали условия для более радикальных идейно-политических изменений в будущем. Так, в 1988-1991 гг. советский режим прошел этап резкой либерализации, а партийное руководство фактически отказалось от прежней авторитарной политической системы, как и от плановой экономики и коммунистической идеологии. В этом плане прогноз зарубежных интеллектуалов исторически оправдался.

Вместе с этим в ноябре 1987 г. концепция перестройки приобрела текстуальный, системный вид в форме книги-манифеста «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» и доклада «Октябрь и перестройка: революция продолжается», зачитанном М. С. Горбачевым на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г. В вышеназванных текстах концепция перестройки закреплялась в качестве революционного способа обновления общества без выхода за пределы социалистической формации. Непосредственно трансформация социалистического общества предполагала восстановление в СССР истинного ленинского наследия в контексте высвобождения творческого потенциала народных масс в экономической, политической сфере и преодоления консервативных пережитков в хозяйстве,

[174] Там же. Л. 5-7.

государственном управлении[175]. Составными элементами концепции перестройки стали также философия нового мышления и политика гласности.

Таким образом, период 1985-1987 гг. демонстрирует четкую и последовательную эволюцию реформаторской мысли от первоначального технократического курса ускорения к комплексной программе перестройки, предполагавшей кардинальное обновление советского общества через его демократизацию и гуманизацию. Этот процесс был обусловлен кризисом, охватившим к середине 1980-х гг. все сферы жизни СССР.

Начальный этап реформ (1985 г.), проходивший под лозунгом «ускорения социально-экономического развития», по своей форме являлся попыткой модернизировать советскую систему традиционными командными методами. Однако, по сути, концепция ускорения, разработанная еще при Ю. В. Андропове, базировалась не только на классических марксистских постулатах, но и на важности гуманистических принципов «человеческого фактора», а также отдельных неортодоксальных идеях. В дальнейшем провал громких идеологических кампаний, таких как антиалкогольная, неудачи при внедрении Госагропрома и госприемки, а также общий крах первых экономических реформ продемонстрировали неэффективность директивных методов мобилизации и ограниченность коммунистической идеологии, которая легитимизировала командную систему и препятствовала использованию альтернативных моделей реформирования.

Поворотный момент произошел в 1986-1987 гг., когда партийное руководство пришло к выводу, что экономические преобразования невозможно осуществить без постепенной переориентации к рыночной парадигме и ограниченного обновления политических институтов. В этих условиях стартовал процесс формирования идеологических основ волюнтаристской концепции перестройки, который

---

[175] Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. Заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ.70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 31-32; Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., 1988. С. 48-56.

характеризовался постепенным отходом от марксистских догм и поиском новых форм легитимации радикальных преобразований. Примечательно, что этот процесс осуществлялся под лозунгом «возврата к ленинским нормам» и идеалам Октября, что позволяло идеологически оправдать внедрение неортодоксальных, в том числе либеральных идей и рыночных механизмов под видом восстановления «истинного социализма». Эта «идеологическая мимикрия» оказалась необходима для кооптации новых положений в официальный дискурс без прямого разрыва с советской традицией.

Окончательное оформление концепции перестройки произошло на пленумах ЦК КПСС в январе и июне 1987 г. На них была провозглашена неразрывная связь радикальной экономической реформы с демократизацией всех сторон общественной жизни. В итоге к концу 1987 г. перестройка из вспомогательного лозунга превратилась в самостоятельную доктрину, ознаменовавшую окончательный отказ от ограниченной модели ускорения в пользу системной и революционной трансформации советского строя. Более того, перестройка как полноценная концепция включила в свой арсенал политику гласности и философию «нового мышления». Их нарративы стали ключевыми инструментами обновления официального дискурса.

1.2. Либерализация внешнеполитической доктрины СССР в рамках теории «нового мышления»

Советская внешнеполитическая доктрина к 1980-х гг. прошла долгую идейную эволюцию. В ходе этого процесса оформились концепции, призванные оправдать действия партийного руководства в рамках сотрудничества и конкуренции с империалистическими державами. В этом разрезе советская теория международных отношений содержала в себе одно явное противоречие. С одной стороны, теория содержала ленинскую концепцию пролетарского интернационализма, заключавшуюся в оказании помощи союзным коммунистическим партиям, национально-освободительным движениям в схватке

с мировым империализмом. Этот концепт социалистической солидарности базировался на идее классовой борьбы как главном факторе движения общественных сил к коммунизму, составляя сердцевину марксистского учения о мировой социалистической революции. С другой стороны, с пролетарским интернационализмом соседствовала противоположная по смыслу ленинская концепция мирного сосуществования с буржуазным окружением. Она предполагала сотрудничество и ненасильственное соревнование со странами капиталистической формации[176].

Фактическое единство двух концепций было закреплено в третьей программе КПСС 1961 г. в двусмысленном положении о мирном сосуществовании как основы мирного соревнования между социализмом и капитализмом в рамках специфической формы классовой борьбы между ними[177]. Таким образом, идеологическая дихотомия приобрела формальный и текстуальный вид.

Впрочем, синтез двух концепций отвечал высокому положению СССР в международной иерархии как сверхдержавы, поскольку уравновешивал прагматические и идеальные нарративы во внешней политике. Внутреннее противоречие внешнеполитической доктрины не сильно сказывалось на прочности социалистической системы и на международном престиже государства, пока у советской стороны имелись ресурсы для борьбы с США за влияние в мировом масштабе. Сбой такая модель могла дать в случае образования упадочных тенденций у Советского Союза в экономической плоскости, влекущих военное и политическое ослабление страны на международной арене. Именно с такой ситуаций столкнулась команда М. С. Горбачева в 1985 г. Поэтому правящее руководство поставило во главу угла скорейшую реализацию курса ускорения для преодоления предкризисного состояния в советском хозяйстве[178].

---

[176] Мухаметов Р. С. Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Политические науки. Востоковедение. 2012. Вып. 12. № 33(287). С. 7-11.

[177] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 59.

[178] Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977-1985 гг. С. 602.

Однако технократический план по переустройству советской экономики наталкивался на внешний источник нестабильности, мешающий проводить реформы в безопасном режиме. Новый этап «холодной войны» набирал обороты, заставляя СССР все больше вкладываться в «гонку вооружений». Многочисленные траты на оружие массового поражения для ядерного сдерживания предполагаемого противника, в том числе разработка ответа на американскую программу «звездных войн» (Стратегическая оборонная инициатива – далее «СОИ»), тормозили развитие гражданских отраслей и интенсификацию технически устаревших производств[179].

Ещё одна проблема заключалась в сохранении международного престижа СССР в контексте экономического отставания от стран «развитого капитализма». Об этом при обсуждении курса ускорения откровенно говорил М. С. Горбачев на заседании Политбюро от 23 мая 1985 г. Генеральный секретарь был твердо убежден, что усовершенствование социалистического уклада сказалось бы не только на благополучии советского общества, но и на победе нового строя в развивающихся странах. Пока же, по словам советского лидера, советской экономике нечего предложить миру. По этой причине СССР нужен мощный хозяйственный потенциал, способный увлечь в социалистическое содружество другие страны[180].

Для реанимации советской экономики и подтверждения политической гегемонии в мировом масштабе партийное руководство предприняло серьезные шаги по реабилитации духа «разрядки» в международных отношениях. Однако в сложной хозяйственной ситуации середины 1980-х гг. восстановление мирных отношений вряд ли было возможно с помощью «брежневских методов». Вместе с тем советская бюрократия в это время утратила веру в скорую победу социализма в мировом масштабе, а также в перспективу продолжения антиимпериалистической борьбы в странах третьего мира. Растущие затраты на эту борьбу, как и понимание того, что капиталистический уклад вряд ли будет разрушен в ближайшее время, ставили под сомнения многие принципы старой доктрины, обостряя заложенное в

---

[179] Полынов М. Ф. Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945-1991 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2005. Вып. 3. С. 92-103.
[180] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 206. Л. 47-48.

ней идеологическое противоречие[181]. Одновременно концепция мирного сосуществования не давала достаточных оснований для радикального сокращения внешнеполитических обязательств без потери статуса сверхдержавы. В этой ситуации концепция пролетарского интернационализма теряла свою актуальность в общественном сознании, а концепция мирного сосуществования нуждалась в серьёзной реконструкции.

Тем самым у партийных верхов создавался запрос на поиск и апробирование новых теорий, способных внятно объяснить как советской аудитории, так и западным элитам важность скорейшего приостановления экономической и политической эскалации в рамках «холодной войны». Так, сформировались условия для инкорпорирования в теорию международных отношений идей «нового мышления».

Концепция «нового мышления» вела свою историю с Пагуошского движения ученых-пацифистов, принявшего в 1955 г. Манифест «Эйнштейна-Рассела». Лейтмотив документа призывал мировое сообщество «мыслить по-новому», добиваясь скорейшего прекращения гонки вооружений, сокращения ядерного оружия, а также разрешения международных конфликтов в политической плоскости[182].

Наиболее примечательна идеология манифеста. Формально в документе утверждалось, что его авторы не являются приверженцами политических вероучений. Тем не менее антропоцентричный характер текста, равно как и очевидная симпатия авторов к универсальным ценностям, а также некоторые предложения ученых вроде ограничения национального суверенитета государств ради сохранения мира, позволяет определить идейный источник манифеста в либеральной теории, которая неизбежно стала идеологической основой и для концепции «нового мышления».

---

[181] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 111-112.

[182] Цит. по: Надточий З. Ю., Бухтоярова И. М. Пагуошское движение ученых как ответ на коллективное сострадание // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 6. С. 241-245.

В СССР идеи «нового мышления» нашли своих сторонников в среде работников МИДа. Например, в философском труде «Новое мышление в ядерный век» 1984 г. под редакцией советских дипломатов А. А. Громыко и В. Б. Ломейко наряду с положениями Манифеста «Эйнштейна-Рассела» выдвигалась оригинальная мысль о взаимосвязанности, взаимозависимости мира независимо от взглядов и убеждений субъектов международных процессов. Авторы утверждали, что: «Международная безопасность должна основываться на простой формуле: выжить можно лишь друг с другом, а не друг против друга»[183].

Мысль о взаимосвязанности мира порывала с положением внешнеполитической доктрины СССР о непримиримом антагонизме реакционной капиталистической формации с прогрессивным социалистическим строем, создавая предпосылки для признания правомерности теории конвергенции систем (синтеза лучших элементов социализма и капитализма в единой модели). Несмотря на очевидный ревизионизм идей А. А. Громыко и В. Б. Ломейко, предложения работников МИДа изучались в высших эшелонах власти.

Впрочем, некоторые неортодоксальные идеи партийные руководители самостоятельно черпали из диссидентской литературы. Как вспоминал М. С. Горбачев, с признанной в СССР буржуазной теорией конвергенции систем он познакомился в книге популяризатора данной концепции – советского академика и политического диссидента А. Д. Сахарова. Труд учёного «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» в западном издании Горбачев, по его признанию, контрабандой привёз своей жене Раисе Максимовне[184]. В дальнейшем теория конвергенции была органична встроена в доктрину «нового мышления».

М. С. Горбачев, будучи «вторым секретарем» ЦК КПСС, впервые публично обратился к формуле «нового мышления» в речи перед парламентом Великобритании в декабре 1984 г. «Новое мышление» Горбачев прочно связывал с выживанием человечества в ядерный век. В этом выступлении будущий генсек

[183] Громыко А. А., Ломейко В. Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984. С. 267-269.
[184] Цит. по: Никитинский Л. В. Михаил Горбачев: «Главное – начать». М., 2024. С. 241.

предвосхитил многие положения, что войдут в инструментарий его гибкой внешней политики. К примеру, он настаивал на компромиссах, основанных на «балансе интересов» между Востоком и Западом, а также называл Европу «нашим общим домом». При этом Горбачев обосновывал мирные инициативы необходимостью решить внутренние дела в СССР, чем продемонстрировал экономическую уязвимость страны от внешнеполитического фактора[185].

Таким образом, к моменту прихода М. С. Горбачева на пост генерального секретаря «новое мышление» имело прочный теоретический фундамент и исходило из либеральных принципов. Экономические неурядицы в СССР и кризис веры части советской бюрократии в эффективность революционных идеалов актуализировали поиск политических теорий, способных создать условия мировой безопасности и разрешить идеологические противоречия советской внешнеполитической доктрины. В этой ситуации Горбачев попытался «развить и углубить» доктринальные положения нового мышления в своих выступлениях для их адаптации в советский дискурс.

На пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г. М. С. Горбачев выступил с программной речью «нового мышления», адресованной не только партии и народу, но и всему миру. В разделе внешней политики генсек сделал упор на продвижении концепции мирного сосуществования с капиталистическими странами. Приоритетным направлением в практической плоскости сотрудничества стало бы взаимное сокращение, а затем полное уничтожение ядерного оружия[186]. В данном случае возвращение к духу «разрядки» становилось во главу угла международной повестки лидера Советского Союза.

В действительности предложение о взаимной ликвидации оружия массового поражения выглядело утопично с точки зрения глобальных игроков и больше походило на пропагандистский трюк советского лидера. Однако эта утопичность была функциональной: она позволяла представить СССР как миролюбивую

---

[185] Горбачев М. С. Выступление перед членами парламента Великобритании // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 110-115.
[186] Там же. С. 131.

державу, готовую к радикальным шагам ради мира. Как покажут дальнейшие события, иллюзорность реализуемости подобной инициативы не помешает генеральному секретарю сделать тезис об избавлении от ядерного оружия основным в своей публичной риторике.

Как вспоминал М. С. Горбачев, в скрытом виде слова об изменении подходов к внешнему курсу СССР прозвучали 13 марта 1985 г. во время похорон К. У. Черненко[187]. В своем выступлении генеральный секретарь огласил план дальнейших действий партии по наращиванию усилий в устранении угрозы термоядерной катастрофы и прекращении гонки вооружений. Свою платформу добрососедских отношений между государствами Горбачев предлагал выстроить на принципах взаимовыгодного, равноправного диалога, делая акцент на неотъемлемом праве человека жить в условиях мира и свободы[188]. Смысловая часть в послании генерального секретаря приобретала отчетливо примиренческий характер, а острые заявления о классовой солидарности и пролетарском интернационализме отходили на второй план.

Миролюбивая риторика дала первые плоды при личных беседах М. С. Горбачева с лидерами капиталистических стран 13-14 марта 1985 г., прибывших на похороны К. У. Черненко. В рабочей записи совещания секретарей ЦК КПСС от 15 марта по результатам мартовского пленума генеральный секретарь отметил, что наиболее продуктивный диалог получился с премьер-министром Великобритании М. Тетчер в части налаживания экономического сотрудничества, а также с президентом Франции Ф. Миттераном, согласившимся на поддержку курса по всеобщему разоружению. Продолжительное общение выдалось с вице-президентом США Д. Бушем, который, по мнению Горбачева, выглядел не слишком серьезным в разговоре и больше намекал на потенциальную встречу

---

[187] Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М., 2010. С. 9.

[188] Похороны Константина Устиновича Черненко. Речь М. С. Горбачева // Правда. 1985. № 73. С. 1.

советского лидера с президентом Р. Рейганом[189]. (Письмо Р. Рейгана с предложением о встрече в США было передано вице-президентом М. С. Горбачеву в день похорон К. У. Черненко.)

Интерес вызывает содержание беседы с Д. Бушем с точки зрения развития теории «нового мышления». Так, М. С. Горбачев представил вице-президенту новый взгляд на советскую внешнюю политику, проводимую из принципа поддержания баланса интересов государств и исключавшую ретроградный принцип силы в качестве основы международного диалога[190]. Это выглядело как довольно спорное умозаключение, учитывая тот факт, что любая внешнеполитическая акция государств уровня США или СССР имела под собой явную силовую составляющую. Генсек фактически предлагал идеалистическую модель международных отношений.

Однако кажущийся идеализм советского лидера выполнял важную стратегическую функцию: позволял представить потенциальные уступки как проявление высших принципов, а не слабости; формировал основу для отказа от дорогостоящих силовых методов внешней политики.

Далее М. С. Горбачев на совещании секретарей высказал мнение, что с международными визитами советского лидера в США следует повременить, поскольку первоначально удалось наладить продуктивный диалог с Западом, и теперь можно сосредоточиться на внутренней политике[191].

Идея оттягивания встречи с президентом США принадлежала директору Института мировой экономики и международных отношений А. Н. Яковлеву. В своей записке М. С. Горбачеву от 12 марта 1985 г. автор исходил из

---

[189] Рабочая запись совещания секретарей ЦК КПСС, состоявшегося у Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, с обсуждением итогов мартовского Пленума ЦК КПСС. Л. 4-6. // National Security Archive: site. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/25710-2-rabochaya-zapis-soveschaniya-sekretarey-ck-kpss-sostoyavsh (дата обращения: 23.02.2025).

[190] Горбачев М. С. Новое мышление: вчера, сегодня и завтра // Размышления о прошлом и будущем. С. 209.

[191] Рабочая запись совещания секретарей ЦК КПСС, состоявшегося у Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, с обсуждением итогов мартовского Пленума ЦК КПСС. Л. 6, 8. // National Security Archive: site. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/25710-2-rabochaya-zapis-soveschaniya-sekretarey-ck-kpss-sostoyavsh (дата обращения: 23.02.2025).

пропагандистской позиции Р. Рейгана в переговорах, который фактически ничего не терял в случае их провала, ибо преследовал политическую задачу демонстрации перед мировым сообществом образа «лидера-миротворца». Вопреки неконструктивной позиции Рейгана, Яковлев писал, что встреча с президентом должна состояться, потому что она в национальных интересах СССР: «На нее надо идти, но не поспешая. Не следует создавать впечатление, что только Рейган нажимает на кнопки мировых событий». По мнению автора, в сложившейся ситуации важно использовать все рычаги политического давления на США, в том числе зондировать почву на предмет параллельных переговоров с союзниками по НАТО. Основная цель встречи – возродить процесс «разрядки», но на основе взаимности и не пренебрегая государственными интересами Советского Союза[192].

Тем самым рекомендации А. Н. Яковлева отражали попытку совместить идеалистическую риторику «нового мышления» с прагматическими интересами СССР, создав стратегию, позволявшую восстановить переговорный паритет с США, несмотря на структурную слабость советской позиции.

В тех же числах марта состоялось короткое общение с делегациями стран Организации Варшавского договора (ОВД). В диалоге с союзниками М. С. Горбачева выступил нетрадиционными тезисами об уважении суверенитета, невмешательстве во внутренние дела дружественных республик и ответственности коммунистических партий за политическое положение в собственных странах[193]. В одном из своих поздних интервью Горбачев связывал произнесенную речь с началом дезавуирования «Доктрины Брежнева»[194].

В реальности советский лидер не планировал в ближайшем будущем отринуть положения концепции «ограниченного суверенитета». Мартовские заявления М. С. Горбачева о суверенитете союзников носили декларативный характер и были частью общей стратегии популяризации идей «нового мышления».

---

[192] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 11-13.

[193] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 311.

[194] Загладин В. В. Хроника перестройки. Хроника внешнеполитических событий в СССР 1985 г. // Горбачев-фонд: официальный сайт. URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29322/ (дата обращения: 23.03.2025).

Политическое руководство СССР все еще считало страны Восточной Европы своей вотчиной и не намеривалось давать «младшим братьям» по блоку излишних свобод.

О фактах усиления контроля над членами ОВД свидетельствовал заместитель заведующего международного отдела ЦК КПСС К. Н. Брутенц. В своих мемуарах он вспоминает, что в мае 1985 г. в рамках Варшавского договора советские руководители приняли секретное решение о мероприятиях на случай прямого ядерного конфликта с НАТО. В документе предусматривались меры по полной передачи военного руководства над союзниками в руки Москвы и эвакуации руководства коммунистических партий в СССР. Это решение ограничивало суверенитет и политическую субъектность государств «Восточного блока», что соответствовало принципам «Доктрины Брежнева»[195].

Как покажут итоги 1985-1986 гг. М. С. Горбачев на практике воспроизводил стратегию своих предшественников, направленную на достижение Советским Союзом временной передышки в конфронтации с империалистами при минимальных уступках и компромиссах. В этой модели о радикальной трансформации отношений с союзниками по ОВД не могло быть и речи. На деле принципы «нового мышления» использовались лишь в риторике власти при сохранении стратегических основ прежней политики.

Таким образом, генсек усиленно готовил идейную почву для кооптации новых положений в международный курс СССР, поскольку изменения во внешней политике требовали идеологической обработки элит и общественного мнения, а также тестирования реакции внешнеполитических союзников и противников СССР. М. С. Горбачев радикализирует внешнюю политику, согласовав ее с концепцией нового мышления, только в 1987 г. ввиду неспособности старых методов решить задачи смягчения напряжённости в международных отношениях.

Тем временем концепция «нового мышления» продолжила обогащаться новыми положениями. В своем выступлении от 23 апреля 1985 г. на пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев придавал значение расширению контактов со странами

---

[195] Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 129.

социализма и третьего мира, отдельно подчеркивая, что каждый народ имеет право свободно определять социально-экономический путь развития независимо от мнения прочих государств[196].

Так сформировался принцип «свободы выбора» в «новом мышлении», теоретически подготовивший основы для обоснования будущей «политики невмешательства» СССР во внутренние дела членов ОВД. К тому же признание права народов на свободный выбор означало потенциальный пересмотр догмы об универсализме социалистической модели, как единственной верной, что предполагало легитимацию альтернативных путей развития. С другой стороны, новый принцип был стратегически необходим советскому руководству для оправдания отказа от дорогостоящей поддержки революционных движений в мире.

Ключевой для «нового мышления» представляется речь генерального секретаря во время собрания руководителей государств ОВД 26 апреля 1985 г. в Варшаве по продлению Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, поскольку в ней впервые зашла речь о соотношении национальных и общих интересах. На закрытой встрече глав военно-оборонительного альянса М. С. Горбачев высказал следующее соображение относительно непримиримой позиции США по вопросу смягчения накала мировой конфронтации: «Ясно, что в этих условиях особенно важно действовать согласованно, солидарно. Заботясь о национальных интересах, помнить об интересах общих, интернациональных, умело их сочетать. Забвение этих истин может принести горькие»[197].

О проблематике «интересов» во внешней политике М. С. Горбачев продолжил рассуждать 8 мая 1985 г. в докладе «Бессмертный подвиг советского народа» в честь 40-летия Победы в Великой Отечественной войне. В данном случае речь шла уже о поиске механизмов оптимального соотношения интересов национальных, государственных с общечеловеческими ценностями. Представленный советским лидером философский вопрос иерархии ценностей и интересов в будущем

---

[196] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 25.

[197] Загладин В. В. Хроника перестройки. Хроника внешнеполитических событий в СССР 1985 г. // Горбачев-фонд: официальный сайт. URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29322/ (дата обращения: 23.03.2025).

превратится в теоретическую доминанту «нового мышления». Любопытно, что в выступлении от 8 мая презентовалось новое понимание «разрядки». Теперь она представлялась в качестве промежуточного этапа в достижении эффективной системы мировой безопасности[198].

В том же ключе М. С. Горбачев характеризовал «разрядку» в беседе с премьер-министром Италии Беттино Кракси от 29 мая 1985 г.[199]. Таким образом, в отношении «разрядки» произошли определенные понятийные трансформации, превратившие её из желаемой цели в один из этапов советской политики «нового мышления».

После первых выступлений генерального секретаря в течение лета 1985 г. шла проработка ряда политических инициатив по снижению напряженности внешнеполитического климата из-за скорой встречи М. С. Горбачева с Р. Рейганом. В этом плане примечательно заявление генерального секретаря от 29 июля 1985 г. об одностороннем моратории на ядерные испытания до 1 января 1986 г. Цель данной инициативы заключалась в том, чтобы с помощью морального давления побудить противоположную сторону присоединиться к советской миротворческой инициативе, а в случае отказа США получить пропагандистские преимущества для демонстрации «доброй воли» перед международным сообществом[200]. Вместе с этим активно обсуждались планы переговоров о разоружении с европейскими союзниками США, дабы вынудить Америку активнее участвовать в процессах наметившейся «разрядки 2.0.».

Мысли о ситуативной выгоде прямого диалога с Европой приводились в записке М. С. Горбачеву директором Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатовым. В ней автор делал акцент на географической общности стран континента, указывая на особенности в структуре экономик Советского Союза и Европы. По мнению Арбатова, было бы уместнее начать переговоры о ядерном

---

[198] Горбачев М. С. Бессмертный подвиг советского народа // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 205.

[199] Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. М., 2010. С. 36.

[200] Заявление генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Правда. 1985. № 211. С. 1.

разоружении с ведущими государствами континента: Англией или Францией. Выдвигая это предложение, советское руководство не «вбивало бы клин» между Западной Европой и США. Наоборот, равноправная коммуникация принесла бы оздоровление политической атмосферы[201]. Автор убеждал генсека в актуальности новых подходов к европейским партнерам, поскольку ядерный век предполагал необходимость думать и жить по-новому[202].

В качестве публичной площадки советское руководство выбрало Францию, так как её руководство относилось наиболее дружественно к Советскому Союзу и содействовало продвижению политики «разрядки» в 1970-х гг. Президент Франции Ф. Миттеран официально пригласил генерального секретаря посетить страну в начале октября 1985 г. Перед отъездом советский лидер дал интервью французскому телевидению, в котором описал общие контуры идеи общеевропейского дома в форме составной части «нового мышления». М. С. Горбачев говорил, что: «Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие – с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме... Надо строить мир, но другой мир, другие отношения, исходя из реальностей»[203].

В Париже 3 октября 1985 г. перед депутатами парламента Франции М. С. Горбачев говорил о взаимосвязанности народов, государств, выбравших разные пути социально-политического развития. Подчеркивалось, что без совместных действий, без обоюдного диалога и компромиссов не преодолеть раскола на Европейском континенте, не обезопасить его от угрозы ядерной войны. Поэтому важно было сосредоточиться на понимании того единства, что связывает народы Европы даже на уровне военно-политических блоков, так как взаимовыгодное сотрудничество откроет новую эру европейской стабильности[204].

---

[201] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 19-21.
[202] Там же. Л. 25.
[203] Выступление М. С. Горбачева по французскому телевидению // Правда. 1985. № 275. С. 1-2.
[204] Горбачев М. С. За мирное, свободное, процветающее будущее Европы и всех континентов // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 460-467.

К ноябрьской встрече Р. Рейгана и М. С. Горбачева в Женеве философия «нового мышления» приобрела осязаемый вид. Несмотря на то, что переговоры закончились без конкретных договоренностей по разоружению, на пресс-конференции генеральный секретарь оценил встречу в позитивных формулировках. Он описывал начавшийся диалог в качестве фактора грядущего достижения компромисса между противоборствующими системами. По мнению главы СССР, в рамках нынешнего этапа международных отношений, характеризующихся все большей взаимосвязанностью, требуется новая политика. Горбачев отчетливо дал понять о негативных последствиях зацикливания исключительно на эгоистичных интересах, ибо для разрешения международных проблем нужен реалистичный взгляд на происходящие процессы[205]. Эта формулировка представляла собой прямую критику традиционного подхода, основанного на национальных интересах. Непосредственно неудачу в достижении письменных соглашений по разоружению советский лидер решил преподнести как первый шаг будущего триумфа «нового мышления».

Женевская встреча стала первым испытанием «нового мышления» как дипломатического инструмента, где отсутствие конкретных результатов было успешно представлено как идеологическая победа новой философии международных отношений.

В дальнейшем о революционной сущности «нового мышления» говорил заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Н. Яковлев руководителям советских СМИ в декабре 1985 г. по случаю пропагандистского сопровождения итогов Женевской конференции: «Это, если угодно, новая философия мировой политики, соответствующая реальностям ядерного века. Это – развитие ленинской теории мирного сосуществования применительно к нашим дням»[206].

---

[205] Советско-американская встреча на высшем уровне, Женева, 19-21 ноября 1985 г.: Документы и материалы. М., 1985. С. 34-35.

[206] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 18-19.

Формулировки А. Н. Яковлева были важны для общественного восприятия «нового мышления», поскольку позволили связать концепцию с ленинским наследием, что дало право КПСС в будущем трактовать изменения во внешней политике как развитие советской традиции, а не как капитуляцию перед «буржуазными» теориями.

Таким образом, к концу 1985 г. «новое мышление» опиралось на следующие тезисы, публично поддержанные партийным руководством: недопущение атомной войны и скорейшее разоружение как фактор мировой безопасности; взаимосвязанность и взаимозависимость мира; баланс интересов государств; свобода выбора социально-экономического развития; паритетность общечеловеческих, национальных, интернациональных интересов; идея «общеевропейского дома»; продолжение ленинской концепции «мирного сосуществования» в новых условиях. Дело оставалось за официальным закреплением данных постулатов в партийно-политических документах.

Принципы «нового мышления» получили творческое развитие в течение 1986 г. Среди важнейших мероприятий по их легализации следует упомянуть заявление М. С. Горбачева от 16 января 1986 г. о необходимости полного уничтожения ядерного оружия. Лидер Советского Союза предлагал утилизировать ядерное оружие в течение 15 лет и полностью отказаться от милитаризации космоса[207]. Это заявление стало очень сильным пропагандистским шагом, не оставившее равнодушной мировую общественность.

Не менее значимым в утверждении принципов концепции «нового мышления» стал XXVII съезд КПСС 25 февраля-6 марта 1986 г., принявшей обновленную редакцию третьей программы партии. Еще во время работы программной комиссии на Политбюро 29 июня 1985 г. генеральный секретарь отмечал, что в программе надо особо выделить концепцию мирного существования, как единственную разумную основу международных

[207] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 329. Л. 10.

отношений[208]. Старой ленинской концепции предполагалось дать второе дыхание при ее синтезе с идеями нового мышления.

В октябре 1985 г. на завершающей стадии работы программной комиссии М. С. Горбачев высказался о первостепенности выработки нового понимания трансформаций, произошедших в классовом и международном плане. Для решения жизненно важных проблем генсек требовал учитывать порой несовпадающие интересы[209].

В итоге подготовительный процесс к Съезду продемонстрировал мастерство М. С. Горбачева в области идеологической инженерии, где радикальные изменения представлялись как логическое развитие коммунистических принципов.

В «Политическом докладе ЦК КПСС к XXVII съезду КПСС» генеральный секретарь говорил о сложности, многообразии мира, полного противоречий, но в то же время отмечал возрастающую взаимосвязанность государств и народов[210]. Эта крепнувшая целостность приобретала спасительное значение в эпоху колоссального накопления ядерного оружия. Здесь советский лидер дополнил идею «взаимосвязанного мира» диалектическим принципом единства и борьбы противоположностей в области глобальных процессов. М. С. Горбачев утверждал, что в условиях угрозы атомной войны соперничество между социализмом и капитализмом может протекать исключительно в формах мирного соревнования, без применения силы. На первое место выходила идея баланса интересов вместо разрушительной традиции баланса силы[211]. Тем самым оправдывалось изменение прежней программной формулировки внешнеполитической доктрины «о мирном сосуществовании как основы мирного соревнования между социализмом и капитализмом в рамках специфической формы классовой борьбы между ними».

В утвержденном тексте программы фраза «в рамках специфической формы классовой борьбы между ними» исключалась из этого текстового отрывка, так как советское руководство окончательно отказывалось от революционной риторики в

---

[208] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 206. Л. 70.
[209] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 199. Л. 3, 8.
[210] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 6-7.
[211] Там же. С. 62-66.

пользу прагматичных взаимоотношений с капиталистическим миром[212]. В политическом докладе прозвучали ранее озвученные тезисы о свободе выбора народов, европейском направлении как основном во внешней политике СССР. Изложенные мысли были официально утверждены в отредактированной программе КПСС.

Международную часть доклада готовили посол в США А. Ф. Добрынин, политический обозреватель газеты «Известия» В. М. Фалин и А. Н. Яковлев. Как свидетельствовал пресс-секретарь советского лидера А. С. Грачев, заявка на отказ от классового принципа принадлежала вышеназванной группе[213].

Некоторые исследователи при анализе материалов XXVII съезда КПСС отмечали, что отход от марксистских догм во внешней политике идеологически обосновал необходимость крупных уступок Западу. В свою очередь, переход к такой стратегии привел к крушению мировой системы социализма и коммунистического режима в СССР[214]. С таким утверждением можно согласиться лишь отчасти, ибо полный отказ от марксистских принципов не произошёл в главном документе партии – отредактированной программе КПСС. Консервативная риторика программы КПСС во многом отличалась от либерального доклада генерального секретаря. Отвергая революционную классовую борьбу и агрессивную фразеологию в общемировом контексте, программа не отринула фундамент классового анализа международной обстановки и поддерживала приоритетность классовых ценностей, вдобавок подчеркивая значимость национальных интересов советского государства.

Однако традиционалистский дух программы не помешал оппортунистической эволюции «нового мышления» как формы оправдания тяжелых уступок империалистам перед лицом потенциальной ядерной и экономической катастрофы. Советская аудитория, не воспринимая старые методы

---

[212] Там же. С. 136.
[213] Грачев А. С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше. М., 2023. С. 177-178.
[214] Султыгов А. А. Доктрина завершения холодной войны, или «Новое мышление М. Горбачева» // Вестник российской нации. 2019. № 5(69). С. 81-103.

и концепции как эффективные, была предрасположена временно рассматривать такие доводы правящего руководства, как правдоподобные[215].

Тем временем «новое мышление» продолжило свою идейную эволюцию. В частности, еще до окончания Съезда 2 марта в личном разговоре с первым секретарем компартии Кубы Ф. Кастро генеральный секретарь осторожно обмолвился о приоритетности «интересов общественного развития» над интересами пролетариата, маскируя откровенно ренегатское умозаключение ссылкой на авторитет В. И. Ленина[216].

Апелляция к основоположнику советского государства демонстрировала отработанную технику генсека, которая создавала видимость преемственности новых идей при реальном разрыве с коммунистической традицией, а также потенциально защищала реформаторов от обвинений в ревизионизме. Горбачевские измышления, скорее всего, остались бы на уровне общих рассуждений, ведь правая переориентация на буржуазно-гуманистическое видение спровоцировало бы протест в КПСС.

Между тем внезапно разразившаяся Чернобыльская катастрофа 26 апреля 1986 г. предоставила советскому лидеру отличный козырь для радикального переосмысления положений внешней политики. Страх перед разрушительной стихией атома подготовил плодотворную почву для обоснования идейных экспериментов в официальной доктрине. Точную характеристику «эффекта Чернобыля», повлиявшем на судьбу классового принципа в теории международных отношений, дал министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе в своих мемуарах: «День Чернобыля мгновенно вознес общечеловеческую ценность – жизнь – над классовым сознанием»[217].

Немаловажный фактор качественной трансформации советской доктрины в течение всего 1986 г. состоял в наметившемся упадке народного хозяйства. С одной

---

[215] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 109.
[216] Загладин В. В. Хроника перестройки. Хроника внешнеполитических событий в СССР 1986 г. // Горбачев-фонд: официальный сайт. URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29323/ (дата обращения: 23. 03. 2025).
[217] Шеварднадзе Э. А. Мой выбор – В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 293.

стороны, экономика СССР страдала от внезапно снизившихся в этом году мировых цен на нефть, с другой – сказывались негативные для союзного бюджета последствия антиалкогольной кампании, а также издержки, связанные с ликвидацией аварии на ЧАЭС. Финансовую нестабильность усиливали нерациональные расходы для тяжелой (в первую очередь оборонной) промышленности в соответствии с неравномерной политикой ускорения[218]. Экономика СССР входила в кризисный этап, и ей требовалась гарантия внешней безопасности, чтобы перевести средства из военных отраслей на решение внутренних вопросов.

В конце апреля 1986 г. генеральный секретарь на заседании Политбюро обсудил обнаружившуюся противоречивость утвержденных на партийном Съезде политических решений с устаревшей тактикой их реализации в переговорном процессе. В медлительности он обвинил дипломатические ведомства, неспособные вовремя перестроиться для выработки свежих инициатив[219].

Спустя месяц М. С. Горбачев прибег к идейно-политической встряске министерства иностранных дел. 23-24 мая 1986 г. советский лидер провел закрытое совещание МИД, на котором представил новое видение международных отношений. В сохранившейся стенограмме совещания генсек требовал от дипломатических работников «скорейшей перестройки» в духе «нового мышления». Далее, Горбачев говорил о том, что политика партии, выражающая национальные интересы, в то же время преследует общечеловеческие ценности[220].

По мнению генерального секретаря, в международной политике следует сломать традиции кулачного права и действовать в соответствии с установками Съезда. Основополагающее значение для реализации этих установок являлась мысль о том, что мир есть высшая ценность. Данный тезис генсек конкретизировал в следующих словах: «Между прочим это… ленинская мысль. Когда он рассуждал о делах… рабочего движения и подчеркнул, что общие, общественные интересы и

---

[218] Полынов М. Ф. М. С. Горбачев: начало реформаторской деятельности // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 3(12). С. 41-48.
[219] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 79-80.
[220] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 139. Л. 6.

цели имеют приоритет над целями рабочих»[221]. Любопытно, что в своей речи Горбачев смягчил тональность, ведь в одном из черновых вариантов доклада данная фраза звучала жестче: «Этот вывод прямо вытекает из ленинской мысли о том, что общечеловеческие ценности имеют приоритет над интересами пролетариата»[222]. Ограничившись более приемлемыми и завуалированными формулировками, генсек смог сохранить видимость верности ленинским принципам и постепенно приучал аудиторию к новым идеям.

Весьма любопытными представляются тезисы М. С. Горбачева об обновлении отношений с союзниками по ОВД. В соответствии с принципом «свободы выбора» СССР признавал за социалистическими государствами суверенитет, индивидуальность и национальную специфику. Все межгосударственные отношения перестраивались бы на платформе взаимной экономической выгоды, а КПСС не имела права диктовать условия братским странам, только идеологически направлять их, не забывая учиться всему лучшему, что есть в социалистических республиках[223].

После генерального секретаря с речью выступил министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе. В своем докладе «О внешней политике и дипломатии» он объединил общечеловеческие ценности с деидеологизацией внешней политики. В практической плоскости это привело бы к изъятию из дипломатического лексикона таких понятий, как «идеологический союзник» и «идеологический противник», что противоречило традиционному восприятию международных процессов[224]. В воспоминаниях Шеварднадзе этот момент проясняется намного откровеннее: «Я всегда имел в виду необходимость освободить их (межгосударственные отношения) от густого налета деформированной, ложно толкуемой идеологии, от элементов идеологического экстремизма и окаменевшего фундаментализма»[225].

---

[221] Там же. Л. 30.
[222] Там же. Л. 130.
[223] Там же. Л. 44-47.
[224] Цит. по: Полынов М. Ф. Внешняя политика М. С. Горбачева. 1985-1991 гг. СПб., 2015. С. 132-133.
[225] Шеварднадзе Э. А. Мой выбор – В защиту демократии и свободы. С. 120.

Таким образом, на том совещании в МИД М. С. Горбачев отказался от фундаментальных положений старой внешнеполитической доктрины, отдав приоритет общественным интересам перед классовыми и национальными. Что касается утверждённой линии по деидеологизации внешнеполитических отношений, то она в перспективе могла нанести существенный вред гегемонии Советского Союза, строившейся как раз на принципах социалистической солидарности. Более того, изменению подверглись подходы к союзникам СССР в Восточной Европе. Готовилось дезавуирование «Доктрины Брежнева». В связи с этим Советский Союз в последующие годы проводил «политику невмешательства», основанной на взаимоуважении и доверии.

Фактически данный доклад вместе с решениями партийного Съезда полностью отверг концепцию «пролетарского интернационализма» и обновил концепцию «мирного сосуществования» в рамках «нового мышления». Тем самым снималось базовое противоречие внешнеполитической доктрины, но вместе с тем появилась новая проблема – практическая реализация идеалистических принципов, которые оказались контрпродуктивны в условиях сохраняющегося соперничества сверхдержав за политический и моральный авторитет.

Следующим громким заявлением М. С. Горбачева в традициях «нового мышления» следует обозначить выступление по советскому телевидению 18 августа 1986 г. о продлении одностороннего моратория на ядерные испытания до 1 января 1987 г. (с июля 1985 г. это было второе по счету заявление о продлении моратория). В своем выступлении генсек обвинял страны Запада в срыве политики «разрядки». М. С. Горбачев вновь повторил мысль о современном противоречивом мире, становящимся взаимозависимым и целостным. Подробнее раскрывался тезис о «свободе выбора народов», заключавшийся в праве наций на суверенное определение своего развития, а также противостояние внешней опеке гегемонов[226]. Но наиболее активно продвигалась мысль об угрозе СОИ. Горбачев твердо

[226] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 329. Л. 22-25.

высказался, что Советский Союз даст ответ, который обесценит программу «звездных войн»[227].

Во многом решение об одностороннем пролонгировании моратория подсказал генсеку А. Н. Яковлевы. В записке Яковлев аргументировал свои мысли тем, что умеренные пацифистские шаги СССР имеют большой пропагандистский успех во всем мире. Тем более не следовало, по мнению автора, обострять отношения перед встречей в Рейкьявике, а в случае отсутствия взаимности со стороны Запада, от моратория всегда можно было отказаться, обличив попутно агрессивную политику империализма[228].

Отдельно следует остановиться на роли «звёздных войн» в налаживании взаимоотношений между Советским Союзом и США. Эффект от программы порой имел куда более серьезное воздействие на советскую внешнюю политику, чем экономико-технологическая удавка Америки. Именно кампания запугивания советской стороны СОИ в дальнейшем спровоцировала СССР на существенные уступки ради прекращения США работ над «звездными войнами». При этом советское руководство не имело представлений о реализуемости настолько трудоемкого военного проекта. Даже М. С. Горбачев не имел полной уверенности – фарс ли заявления американцев или гипотетическая угроза все-таки существует, на которую СССР, если и сможет дать ответ, то только с помощью беспрецедентной экономии средств[229].

В данном контексте для лучшего понимания внешнеполитических действий М. С. Горбачева уместно привести одну из записок Г. А. Арбатова с предложением от правоконсервативных кругов США, поступившим еще до встречи в Женеве в ноябре 1985 г. Это была просьба президента советско-американского торгово-экономического совета Д. Гиффена. Здесь уместно процитировать полностью слова собеседника Арбатова: «У меня есть еще одно сообщение, которое просили передать кому-либо, кто сможет сообщить на самый верх. Идет оно из самой, самой

---

[227] Там же. Л. 33.
[228] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 55-58.
[229] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 139. Л. 37.

глубины Вашингтона. Суть – США заинтересованы не только в договоре по РСД (ракеты средней дальности – прим. автора), но и по СНВ (стратегические наступательные вооружения – прим. автора) и даже по СОИ. И хотят сделать это быстро, ещё при Рейгане. Нужно, чтобы после предстоящей встречи в верхах, планировать очень быстро (до выборов…) следующую, где новое, более крупное соглашение было бы подписано»[230]. Под «предстоящей встречей» имелись в виду переговоры в Женеве, а намек на новую встречу в верхах, скорее всего, относится пока что не к запланированным переговорам в Рейкьявике. Слова «о выборах» отсылают к грядущим выборам в Конгресс в ноябре 1986 г.

Г. А. Арбатов предупреждал М. С. Горбачева, что данное сообщение может быть дезинформацией. Поэтому логичнее было бы не цепляться за сомнительные обещания, а исходить из ранее присланных записок по внешней политике. Тем не менее, анализируя то, с каким трепетом советское руководство подходило к вопросам скорейшего разоружения в течение 1985-1986 гг., особенно по вопросу СОИ, можно сделать косвенный вывод о том, что американцы своими «щедрыми» предложениями спровоцировали Горбачева на две бесполезные встречи на высшем уровне в Женеве и Рейкьявике.

В диалоге были заинтересованы американцы, чтобы вынудить СССР отказаться от своего единственного козыря внешнего сдерживания США – тяжелых МБР (межконтинентальные баллистические ракеты) в обмен на ликвидацию программы «звездных войн». Планировалось создать такую ситуацию, когда советское государство утратило бы паритет по стратегическому атомному оружию с Америкой, что создавало точку давления для Запада как на внешнюю, так и на внутреннюю политику советского государства[231].

Как известно, конкретными договоренностями встречи в Женеве и Рейкьявике не закончились, что вынудило советское руководство в 1987 г. пойти уже на крупные уступки вследствие торможения американцами курса по реабилитации «разрядки».

---

[230] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 32.
[231] Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М., 2004. С. 36.

Компромиссную линию М. С. Горбачев испробовал в качестве эксперимента еще осенью 1986 г. Так, послабления касались вопроса ракет дальнего базирования США и атомного оружия Франции и Англии на продолжившихся женевских переговорах в 1986 г. Обсуждение по этим проблемам выносилось за пределы общей дипломатической повестки[232]. На саммите 11-12 октября 1986 г. в Рейкьявике Горбачев решился на радикальный шаг, предложив Рейгану ликвидировать ядерную триаду СНВ к 1996 г., увязывая разоружение с прекращением работ по СОИ. Однако президент США оказался непреклонен в вопросе отказа от программы «звездных войн». В итоге переговоры зашли в тупик, а политика мягких уступок не стала системной в 1986 г.[233].

Анализируя рабочую запись заседания Политбюро от 14 октября 1986 г., можно заключить, что после встречи в Рейкьявике М. С. Горбачев положительно отмечал результаты переговоров[234]. Все издержки за провал подписания соглашений по разоружению и СОИ генеральный секретарь вменял в вину американской стороне. Положительный финал встречи аргументировался тем, что, благодаря усилившемуся вниманию мировой общественности к проблемам ядерного оружия вкупе с четкой позицией СССР в виде пакетного предложения по РСД, СНВ и СОИ, неоднозначные итоги встречи можно использовать для разоблачения лицемерной политики штатов. Горбачев был убежден в необходимости стремительного наступления как в плане пропаганды с целью обличить преступную медлительность Рейгана, так и в деле скорейшей разработки собственного ответа на СОИ[235].

Встреча с Р. Рейганом придала М. С. Горбачеву больше уверенности в деле популяризации идей «нового мышления» и проведении более жесткого курса в отношении США. Так, впервые о главенстве общечеловеческих ценностей над классовыми М. С. Горбачев публично упомянул на встрече с участниками

---

[232] Полынов М. Ф. Внешняя политика М. С. Горбачева. 1985-1991 гг. С. 162.
[233] Там же. С. 163-169.
[234] Заседание Политбюро ЦК КПСС об итогах встречи М. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике. Л. 11 // National Security Archive: site. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/25720-12-zasedanie-politbyuro-ck-kpss-ob-itogakh-vstrechi-mgorbach (дата обращения: 23.03.2025).
[235] Там же. Л. 1-5.

Иссык-Кульского форума 20 октября 1986 г. в городе Фрунзе, призвав интеллигенцию продвигать в массы идеи «нового мышления»[236]. Эпизод, свидетельствовавший о твердой позиции Горбачева в отношении подрывной деятельности США на прошедших переговорах, касался заявления от 19 декабря 1986 г. о прекращении одностороннего моратория на ядерные испытания (с 1 января 1987 г.) в связи с игнорированием Америки доброй воли Советского Союза по снижению международного напряжения[237].

Таким образом, к концу 1986 г. «новое мышление» прошло качественную эволюцию и было закреплено как в публичных, так и секретных решениях советского руководства. Поддержка тезиса о приоритетности сначала общественных интересов, а затем общечеловеческих ценностей над классовыми и национальными, легитимация принципа деидеологизации международных отношений создавали новую реальность во внешнеполитической стратегии СССР. В практических шагах команды М. С. Горбачева прослеживались первые колебания, так как советское руководство пребывало в замешательстве из-за потенциальной опасности СОИ и изматывающей гонки вооружений.

Поэтому в начале 1987 г. советская сторона вынужденно пошла на новые уступки, поскольку США не возобновили переговоры после прекращения СССР одностороннего моратория на ядерные взрывы. Блеф Горбачева не сработал. Ввиду нового обострения американо-советских отношений после Рейкьявика М. С. Горбачев первым сделал шаг к примирению и все-таки отказался рассматривать предложения по ядерному разоружению в пакете в феврале 1987 г. Политбюро полностью его поддержало в этом вопросе[238]. Так, предложение по сокращению РСД выделялось отдельно из общего пакета предложений, что воодушевило США, поскольку этот шаг воспринимался как слабость советской стороны и подтверждал правильность проводимого курса на запугивание

---

[236] Беседа М. С. Горбачева с группой деятелей мировой культуры // Советская культура. 1986. № 126. С. 1.

[237] Заявление Советского правительства // Правда. 1986. № 353. С. 1.

[238] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 147.

политического конкурента программой «звездных войн». В течение года шли тяжелые переговоры по соглашению. В договор к ракетам средней дальности решили присоединить ракеты меньшей дальности. В итоге 8 декабря 1987 г. М. С. Горбачев и Р. Рейган подписали в Вашингтоне Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Как справедливо отмечают исследователи, эта дипломатическая акция сыграла скорее во вред безопасности СССР[239].

Если в 1985-1986 гг. советское руководство еще диктовало жесткую волю своему потенциальному противнику, то теперь ради пропагандистского эффекта и приверженности абстрактным ценностям человечества в жертву приносились национальные интересы страны. Более того, смягчение внешнеполитической позиции сопрягалось с шатким положением в социально-экономической сфере, дезорганизованной горбачевскими реформами. Соглашательская политика советской стороны была призвана смягчить военно-политические и торгово-экономическое давление, чтобы реанимировать советское хозяйство[240].

Симптоматично, что в период потери основных переговорных позиций, команда М. С. Горбачева прибегла к механизму идейного воздействия на умы мировой общественности, чтобы с её помощью добиться внешнеполитических уступок уже от западных правоконсервативных кругов. Мобилизацией международного общественного мнения предполагалось компенсировать дипломатические неудачи генсека.

Подобные умонастроения советской элиты подпитывались оптимистическими заверениями Г. А. Арбатова. Так, в сентябре 1987 г. Арбатов отправил М. С. Горбачеву записку С. М. Рогова – научного сотрудника Института США и Канады. В материале утверждалось, что в Америке спадает антисоветская истерия, поскольку правые потерпели неудачу, а «фактор Горбачева», как и перестройка, социализм, вызывают у американцев большой интерес. В этих

---

[239] Никитин К. М. Эволюция внешнеполитической доктрины СССР: дис. ...канд. истор. наук: 07.00. 02 / Никитин Кирилл Михайлович. М., 2008. С. 68-71.

[240] Абрамова Ю. А., Дмитриев, А. Е. Экономические преобразования периода перестройки: 1985-1991 гг. // Известия МГТУ «МАМИ». 2013. Т. 6. № 1(15). С. 43-46.

условиях предлагалось воздействовать на умы высших классов и простых американцев, переходить в наступление по вопросу демократии в идеологической повестке, чтобы создать более выгодные условия для СССР в советско-американских отношениях[241].

Ранее генсек уже пытался повлиять на зарубежного зрителя, часто беря с собой в поездки на Запад советскую творческую интеллигенцию, журналистов, ученых, чтобы с помощью их интеллектуальных навыков продемонстрировать массам и элитам «новое лицо» социализма[242]. Но наиболее сильная попытка ментального воздействия оформилась в презентацию мессианской концепции нравственной трансформации человечества в обертке катехизиса о «новом мышлении».

Как вспоминал помощник генерального секретаря по международным вопросам А. С. Черняев, над книгой о «новом мышлении» с начала 1987 г. трудилась целая команда консультантов во главе с ним. Источниками труда стали зафиксированные встречи советского лидера с иностранцами, а также отдельные записи заседаний Политбюро. После правок А. Н. Яковлева, помощника по идеологии И. Т. Фролова и заведующим общим отделом ЦК В. И. Болдина вкупе с серьезными редакторскими замечаниями М. С. Горбачева, книга была готова к сентябрю 1987 г. В октябре состоялось официальное её издание под наименованием «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира»[243].

Манифест «нового мышления» делился на две равнозначные части. В первой половине книги автор обращался к советскому читателю, трактуя перестройку в терминологии революционного процесса, выражающегося в качественном скачке социалистического развития. Во втором разделе М. С. Горбачев размышлял о платформе «нового мышления», апеллируя не только к советской аудитории, но и ко всему человечеству[244]. Такое обращение манифеста к читателю помогло решить две задачи: получить лояльность советских граждан благодаря революционной

---

[241] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 228. Л. 72-82.
[242] Зубок В. М. Указ. соч. С. 78.
[243] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 166-170.
[244] Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. С. 3-8.

риторике и обращению к коммунистическим символам; создать для зарубежного читателя привлекательный образ советской политики, в которую закладывались универсальные ценности.

Генеральный секретарь и правда считал, что его внешняя политика призвана изменить как устаревшие методы взаимоотношений государств, так и сознание народов. Это идеалистическое убеждение было выражено в ключевой фразе книги: «Освоение нового политического мышления – императив времени»[245].

Далее М. С. Горбачев сделал основную ставку на конкретизацию и схематизацию структуры «нового мышления». Так, в тексте утверждались уже общепринятые в советской риторике «истины» о противоречивости мира, его взаимосвязанности и взаимозависимости, подталкивающие человечество объединиться во имя самосохранения. Отсюда вытекал тезис о невозможности победить в атомной войне, так как она уничтожила бы мировую целостность. Тема атомной войны была призвана обосновать революционные тезисы генерального секретаря, вступавшие в противоречие с традиционной советской внешнеполитической доктриной. Так, благим желанием предотвратить ядерную катастрофу оправдывался отход от классовых ценностей в пользу общечеловеческих. Миротворческая идея избавления от оружия массового поражения диктовала новый порядок всеобщей безопасности, подразумевающий баланс интересов государств, свободу выбора собственного развития у народов и отказ переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений. В будущем, писал генеральный секретарь, коммуникация между странами обязана впитать в себя идеалы гуманизма и гласности[246].

Впрочем, интересные тезисы раскрывались и в параграфе про новые отношения с Восточным блоком, которые подпитывались принципом «свободы выбора». СССР фактически отказывался вмешиваться во внутренние дела стран-союзников. Объявлялась полная самостоятельность социалистических республик. Контакты сохранялись в соответствии с экономическими обязательствами, а не

[245] Там же. С. 263.
[246] Там же. С. 137-146.

политической целесообразностью укреплять советское влияние в странах ОВД[247]. Намного обстоятельнее М. С. Горбачев описал отношения с Западной Европой. Они исходили из тезиса «общеевропейского дома» и принципов мировой безопасности, баланса интересов[248]. Важную функцию регулирования международных отношений предназначалась ООН – основы будущей системы международной стабильности.

Тем самым генеральный секретарь подготовил идеологическое оправдание для ухода СССР из стран Восточной Европы. Впрочем, радикальные тезисы обуславливались кризисным этапом в отношениях между союзниками. Так, в 1987 г. нарастал экономический разрыв между Восточным блоком и Советским Союзом. К 1988 г. М. С. Горбачев уже считал страны ОВД обузой, а не ресурсом для советской перестройки. Тогда же в Политбюро начнутся проработки возможных сценариев действий при крушении коммунистических режимов в результате их политического и экономического банкротства. В итоге советское руководство к началу 1989 г. смирилось с объективными условиями упадка гегемонии местных компартий и взяло курс на сепарацию от данных процессов, предоставив народам Восточной Европы самим решать свою судьбу[249].

В целом, книга М. С. Горбачева не презентовала революционного взгляда на концепцию «нового мышления». Приведенные в книге размышления не раз высказывались представителями Советского Союза как публично, так и в кулуарах. Однако сам факт собирания разбросанных идей «нового мышления» в единый философско-теоретический манифест, придавший им целостность, взаимосвязанность и системность, предвещал окончательную институционализацию концепции в качестве идеологического обоснования всех последующих действий советского правительства во внешней политике.

Как уже отмечалось, несмотря на ревизионистский характер «нового мышления», пропагандистски оно объявлялось творческим развитием ленинской

---

[247] Там же. С. 170-177.
[248] Там же. С. 204-214.
[249] Зубок В. М. Указ. соч. С. 81-83.

концепции «мирного сосуществования». Этот идеологический штамп отчасти имел реальные основания, поскольку в философском плане «новое мышление» в отдельных моментах перекликалось с чертами ленинской традиции. Например, «новое мышление», как и ленинское наследие во внешней политике СССР было в большей степени моралистским, миссионерским. Оно несло в себе образ светлого будущего, за который выступали советский народ и все мировые прогрессивные силы, обличая агрессивные попытки западных милитаристов нарушить внешнеполитическое равновесие. В такой интерпретации СССР занимал место великой державы, игравшей ведущую роль в трансформации международных процессов. Правда, целью становилась уже не мировая революция, но новые рамки советского участия в принятии судьбоносных решений планетарного характера[250].

Таким образом, знакомые советским гражданам ленинские черты в «новом мышлении», плюс оправдание «нового мышления» как передышки для перенаправления ресурсов в экономику давали М. С. Горбачеву возможность временно убедить элиты и рядовых граждан в том, что его внешняя политика верная, поскольку является рациональной и продолжает коммунистическую традицию в новых условиях.

Вместе с тем к 1987 г. главный идейный источник «нового мышления» зиждился уже не в ленинской традиции, к которой концепция имела опосредствованное отношение, а в либеральных и ревизионистских принципах: деидеологизация, пацифизм, конвергенция систем, приоритет общечеловеческих интересов и ценностей. Несоциалистические положения «нового мышления» становились все более очевидны по мере ее эволюции, что снижало эффективность апелляции к социалистическим и ленинским идеалам. В итоге политическое руководство постепенно перейдёт к чисто либеральной форме обоснования внешней политики, чтобы избавиться от возникшего противоречия между устаревшими средствами информационной подачи и обновлённым философским содержанием «нового мышления».

---

[250] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 114-116.

Такой же метод будет использоваться при легитимации политической и экономической реформы в 1988-1989 гг. Однако к 1990 г. реформаторы перейдут от ленинского обоснования преобразований к ревизионистской риторике, которая не отличалась от той, что господствовала среди лидеров капиталистического Запада.

Финалом практической реализации идеалов «нового мышления» принято считать выступление М. С. Горбачева в ООН 7 декабря 1988 г. На конференции генеральный секретарь озвучил беспрецедентные односторонние уступки, оправдывая свой шаг верностью миротворческим принципам «нового мышления»[251]. СССР в соответствии с выдвинутыми положениями сокращал армию на полмиллиона человек и выводил бóльшую часть войск из Восточной Европы. Объективную характеристику речи Горбачева в части идеологического содержания дал в мемуарах переводчик советского лидера П. Р. Палажченко: «Это было прощание, разрыв с догмами прежней политики. Перечитывая эту речь сегодня, в ней трудно найти даже следы марксизма-ленинизма»[252].

Любопытно, что в рабочей записи заседания Политбюро от 27-28 декабря 1988 г. по вопросу практического обеспечения итогов визита М. С. Горбачева в ООН, генеральный секретарь уделил пристальное внимание не процедурным вопросам реализации советских инициатив, выдвинутых на конференции, а восприятию «нового мышления» на Западе. Для советского лидера на первом месте стояли пропагандистские задачи в утверждении «нового мышления» в сознании мировой общественности. Реакция зарубежных элит, западных СМИ, научных учреждений и общественного мнения волновала Горбачева больше, нежели реальные потери Советского Союза от сомнительных «миротворческих» решений[253]. Оценивая значение встречи, советский лидер сказал следующе: «Поэтому односторонне сокращение произвело огромное впечатление и… создало

---

[251] Горбачев М. С. Выступлении в Организации Объединенных Наций // Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 7. С. 184-202.

[252] Палажченко П. Р. Профессия и время // Журнальный зал: сайт. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2020/10/professiya-i-vremya.html?ysclid=m8luklrvxa221875744 (Дата обращения: 23.03.2025).

[253] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 24. Л. 1-5.

совершенно другой фон для восприятия нашей политики… Это огромный политический выигрыш в глобальном масштабе»[254].

Тем самым ход заседания ярко демонстрирует внешнеполитические приоритеты советского лидера в области публичной презентации собственных философских изысканий. Национальные интересы страны в подобной когнитивной парадигме уходили на второй план. Более того, негативную черту характера генерального секретаря обольщаться вниманием Запада, принимая желаемое за действительное, отмечал К. Н. Брутенц: «Это – явный дефицит реализма в подходе к конкретным вопросам, а порой и простая некомпетентность»[255].

Таким образом, в теоретическом и практическом плане концепция «нового мышления» стала самодостаточной к концу 1988 г. Во многом утопичная и недостижимая первоначально она произвела впечатляющий эффект на внешнего и внутреннего зрителя. Положительное восприятие СССР среди народов капиталистических стран подтолкнуло лидеров Запада к смягчению воинственной риторики. Так, президент Р. Рейган 31 мая 1988 г. во время прогулки на Красной площади после первого раунда переговоров в Москве по завершении работы над ДРСМД сделал публичное заявление, что СССР больше не является «Империей зла»[256]. Далее он подтвердил свои слова на пресс-конференции[257].

Под эгидой «нового мышления» завершилась «холодная война» на мальтийском саммите 2-3 декабря 1989 г., где М. С. Горбачев устно договорился с новым президентом США Д. Буш об экономической помощи СССР и поддержке перестройки, что свидетельствовало о политическом примирении сторон[258]. В целом, генеральный секретарь добился своей основной цели во внешней политике в рамках качественного оздоровления международных отношений между

---

[254] Там же. Л. 2.
[255] Брутенц К. Н. Указ. соч. С. 131.
[256] Советско-американская встреча на высшем уровне, Москва 29 мая-2 июня 1988 г.: Документы и материалы. М., 1988. С. 86.
[257] Там же. С. 168-169.
[258] Калинин Д. М. «От Ялты до Мальты»: проблемы правового оформления окончания «Холодной войны» // Электронное приложение к «российскому юридическому журналу»: электрон. Версия. 2016. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-yalty-do-malty-problema-pravovogo-oformleniya-okonchaniya-holodnoy-voyny (дата обращения: 23.03.2025).

воинствующими блоками. Тем не менее это стоило стране больших геополитических жертв, а вывести экономику из кризиса благодаря внешним «успехам» так и не получилось.

Таким образом, концепция «нового мышления» прошла долгий путь идейной эволюции. Изначально рецепция положений данной теории в советскую внешнеполитическую доктрину интерпретировалась реформаторами как каноничное развитие ленинской концепции «мирного сосуществования». Несмотря на определённое внешнее сходство концепций, еще в 1950-х гг. теоретический базис «нового мышления» конструировался на либеральных идеях, а советские идеологи только усилили ревизионистские родовые черты этой концепции, признав несостоятельным традиционный классовый подход. Политическое руководство осознанно поставило в приоритет переформатированной философии международных отношений общечеловеческие ценности вместе с теорией конвергенции и деидеологизацией внешней политики. Тем самым в ходе кооптации «нового мышления» во внешнеполитическую доктрину впервые была опробована схема тотальной адаптации несоциалистических идей и принципов в официальный дискурс в контексте преодоления идеологических догм с целью поиска новаторских антикризисных рецептов. Насколько успешны оказались эти рецепты, свидетельствуют итоги новой внешней политики. Несмотря на положительные результаты в деле окончания «холодной войны» и убеждения советского народа в каноничности проводимой политики, СССР пошел на серьёзные уступки Западу ввиду обострившегося экономического кризиса и неспособности оценить реальные угрозы от программы СОИ. Порой эти уступки становились чрезмерными, и страна теряла политические позиции на мировой арене, жертвовала собственными интересами во имя популяризации абстрактных идей главы советского государства. При этом Запад не собирался отказываться от своих национальных интересов, что ставило Советский Союз как мировую державу в уязвимое положение. Примечательно, что после развала СССР «новое мышление» оказалось в маргинальной среде невостребованных концепций ввиду собственной несостоятельности в исторической ретроспективе.

Глава 2. Пропагандистское сопровождение советских реформ (1985-1990)

2.1. Гласность: от инструмента поддержки преобразований к фактору дестабилизации общественной системы

Идея «гласности» для политического руководства СССР была не нова. Как дежурная формулировка о необходимости информировать советских граждан относительно деятельности партийно-государственных органов, включавшая публичное обсуждение итогов работы властных структур, она употреблялась еще в ленинских текстах, а также в период «оттепели» и «застоя»[259]. Изначально гласности команда М. С. Горбачева не придавала большого значения и не конструировала из нее механизм поддержки реформ. Причина состояла в приоритетах первой половины 1985 г., когда все усилия «архитекторов перестройки» сосредоточивались на определении контуров внешнеполитической стратегии и на модернизации экономики.

Поэтому вполне объяснимо, что М. С. Горбачев воспроизвел привычное понимание гласности на пленуме 11 марта 1985 г. Ведь основной смысл выступления нового генсека заключался в том, чтобы подтвердить преемственность курсу Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, в том числе завоевать лояльность партийной элиты. Намного больший интерес представляют иные формулировки в речи Горбачева, а именно тезис об «углублении социалистической демократии»[260]. До этого коммунистические вожди говорили только о «развитии социалистической демократии», не предпринимая реальных шагов к её интенсификации.

Прагматичные предложения в отношении развития «социалистического самоуправления народа» присутствовали в записке заведующего отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. А. Медведева от 17 марта 1985 г. Автор советовал советскому лидеру усилить народный контроль за деятельностью партийно-

---

[259] Чернышев Б. В. Альтернативность и гласность при подготовке государственных решений // Информационная безопасность регионов. 2010. 2(7). С. 33-39.

[260] Горбачев М. С. Речь на внеочередном пленуме ЦК КПСС // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 130-131.

государственных органов в рамках внедрения широкой гласности, объективной критики и самокритики. По мнению Медведева: «Не должно быть запретных тем для высказываний и обсуждений»[261]. В данной записке можно наблюдать первые попытки использовать гласность, свободу дискуссий как средства демократизации управленческих структур и обуздания властного чиновничества, а также оживления общества в период интенсивных реформ.

На апрельском пленуме 1985 г. некоторые идеи В. А. Медведева органично вплелись в тезис генерального секретаря об «углублении демократии». Утвержденный принцип был творчески развит в контексте низового контроля за трансформацией старых подходов в работе советских чиновников. Органам власти предлагалось по линии гласности наладить каналы связи с народом, чтобы привлечь его к активному участию в партийных проектах и учитывать общественное мнение при подготовке к XXVII съезду. Большие надежды в нивелировании регрессивных привычек бюрократии генеральный секретарь возлагал на конструктивную критику СМИ[262]. Таким образом, в речи М. С. Горбачева тема развития демократии, гласности и медийного надзора СМИ превращалось в единую систему по искоренению неэффективной деятельности хозяйственно-партийных структур на местах, обеспечивающую организационную сторону курса ускорения. Однако на легализацию свободных дискуссий, как предлагал В. А. Медведев, генсек не пошёл, оставив данную проблему в рамках государственного контроля.

Следующим этапом в углублении социалистической демократии стало решение организационно-партийных вопросов. Советское руководство осознавало, что осуществление стратегической линии ускорения в кратчайшие сроки требовало трудовой и интеллектуальной мобилизации КПСС. Для эффективного сопровождения реформ команда М. С. Горбачева прибегла к механизму обновления партийно-государственных кадров. Речь шла как о частичной смене брежневских

[261] Цит. по: Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. С. 27-29.
[262] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. С. 20-22.

управленцев на более молодых и перспективных работников, так и о новых подходах к управленческой практике[263].

Публично о проблематике изменения стиля работы управленцев генеральный секретарь говорил на встрече с ленинградским партийным активом в мае 1985 г. Советский лидер настаивал, что уровень организованности и ответственности руководителей должен быть кардинально повышен[264]. В своих воспоминаниях М. С. Горбачев трактовал данную поездку как генезис политики гласности в общественной плоскости ввиду открытости встречи, отсутствия дистанции между высшим руководством и простым народом, а также демократичности происходившего общения[265].

Намного откровеннее о засилье бюрократического элемента в КПСС М. С. Горбачев говорил на заседании по итогам совещания по вопросам научного технического прогресса в июне 1985 г. В связи с конкретизацией курса ускорения в обсуждении затрагивался вопрос о реализации разрабатываемых КПСС программных установок. Продуктивным средством осуществления намеченной программы обозначалась предстоящая отчетно-выборная кампания в партийных организациях перед XXVII съездом. По мнению генерального секретаря, нужно было всколыхнуть коммунистов, провести кампанию на высоком уровне критики и самокритики, чтобы положить конец формализму[266]. В воспоминаниях Горбачев констатировал, что кампания не оправдала его ожиданий[267]. По этой причине он все чаще опирался на идею гласности и прозрачности управленческих структур, чтобы разбить устаревшую методику работы партийно-государственного аппарата.

В дальнейшем гласность будет все чаще употребляться вместе с призывами к критике партийных чиновников и низовому контролю за их активностью в процессе преобразования механизмов партийной работы. Так, на встрече с

---

[263] Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Апогей и крах сталинизма / под общей редакцией Ю. Н. Афанасьева. М., 1997. Т. 2. С. 545-574.
[264] Горбачев М. С. Настойчиво двигаться вперед// Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 222-223.
[265] Горбачев М. С. Понять перестройку… Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 52.
[266] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 206. Л. 64.
[267] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 286.

секретарями областных комитетов партии 16 октября 1985 г. генсек придавал конструктивному анализу внутренних проблем в партии и Советах решающее значение в деле оздоровления социалистической системы. Далее участники беседы коснулись вопроса значимости гласности. В риторике М. С. Горбачева она превращалась в фактор развития советской демократии, выражающейся в отчетности чиновников перед населением и постоянном обновлении государственно-партийных органов власти. Тем не менее открыто о тождественности публичной критики и гласности речи пока не шло, данные процессы дополняли друг друга и сосуществовали параллельно в социалистической системе[268].

Понимание гласности как инструмента социалистической демократии презентовалось в выступлении председателя КГБ В. М. Чебрикова в честь 68-летия Октябрьской Социалистической революции. В речи оратор говорил о поддержке КПСС всех начинаний по усилению гласности в смысле полного информирования народа о государственных мероприятиях. Двигателем гласности объявлялись СМИ, что стало еще одним нововведением партийного руководства[269].

Другая острая проблема для генерального секретаря заключалась в преднамеренном искажении информации, поступающей в центральные органы КПСС из государственно-партийных структур. Осознанные подлоги, вредоносное очковтирательство низовых управленцев и некоторых союзных ведомств деформировали объективное представление руководителей о реальном положении народного хозяйства, а также вызывали скепсис к реформам в народной среде. Для искоренения этой опасной практики, М. С. Горбачев составил записку от 26 ноября 1985 г. «О недопустимости искажения фактического положения дел в сообщениях и информациях, поступающих в ЦК КПСС и другие руководящие органы». Данный документ был принят в качестве постановления Политбюро. В нем утверждалась еще одна важнейшая сторона формируемой политики гласности – презентации

---

[268] Рабочая запись беседы М. С. Горбачёва с секретарями областных комитетов партии 16 октября 1985 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 34-36.

[269] Чебриков В. М. Под знаменем Октября – к новым рубежам совершенствования социализма // Правда. 1985. № 311. С. 1-2.

полной правды о происходящих в стране процессах, но пока в рамках партийно-государственной среды: «…Нам нужна только полная правда, нужно умение своевременно вскрывать язвы, ставить правильный диагноз и решительно исправлять положение»[270].

Кампания за повышение достоверности информации продолжилась А. Н. Яковлевым на совещании 6 декабря 1985 г. в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации. В тезисах к выступлению Яковлев обозначил проблему правдивости сведений, предоставляемых обществу СМИ. Умению честно и откровенно сказать об истинном положении дел придавалось важное значение, поскольку ложные сообщения подрывали уверенность народа в политике партии. Более того, А. Н. Яковлев настоятельно отсылал СМИ к активной постановке принципиальных вопросов в публичном поле. Для более детальной разработки такой практики автор заключает, что потребуется отдельное совещание. Тем самым на встрече предлагалось создать ограниченную партией зону критики негативных процессов в стране[271].

Таким образом, к концу 1985 г. гласность перестала употребляться в традиционном смысле и обрастала новым функционалом в контексте организационно-информативной поддержки реформ. Во-первых, гласность становилась фактором углубления социалистической демократии. Во-вторых, она смыкалась с критикой и самокритикой управленцев на местах, но пока полностью не отожествлялась с ней. В-третьих, продвижению гласности теперь способствовали советские СМИ. В-четвертых, вместе с гласностью формируется партийный запрос на правду об истинном положении дел в экономике, социальной сфере и т. д. Подключение к данной проблематике СМИ выведет эту тему в общественную среду, что предопределит трансформацию гласности в существенное условие, воздействующее на ход советских реформ. В частности, в

---

[270] Записка т. Горбачева М. С. о недопустимости искажения фактического положения дел в сообщениях и информациях, поступающих в ЦК КПСС и другие руководящие органы // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 40-41.

[271] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 22-23.

мемуарах Э. А. Шеварднадзе «уроками правды» автор называл состоявшийся в феврале-марте 1986 г. XXVII съезд партии. По мнению министра иностранных дел СССР, сказав тогда всю правду о положении дел в стране, советское общество присягнуло на верность гласности[272].

Процесс концептуализации гласности начался в 1986 г. Так, в «Политическом докладе ЦК КПСС к XXVII съезду КПСС» от 26 февраля 1986 г. М. С. Горбачев обозначил гласность в качестве основного фактора успеха психологической перестройки кадров и развития социалистической демократии. Предостерегая от сбавления темпов в прогрессивных процессах открытости государственно-партийных структур и критики недостатков советской действительности, генеральный секретарь заявил, что коммунистам всегда и при любых обстоятельствах нужна правда. Поэтому гласность необходимо было превратить в безотказно действующую систему[273].

Идеологом и главным архитектором гласности считается А. Н. Яковлев. В своих воспоминаниях он отмечал, что речь в политическом докладе генсека шла уже не столько об управляемой гласности, к которой привыкли партийные работники, сколько о предпосылках становления независимой политической кампании, направленной на беспощадную критику всех негативных сторон социалистического строя[274].

В этом плане тезис о достижении «полной правды» о советском обществе, прозвучавший в речи генерального секретаря, превращался в опасный инструмент деконструкции сакрального статуса власти. С помощью «правды» в скором будущем откроются самые темные страницы советской истории и упадочные процессы современности, которые дискредитируют социалистический образ жизни и саму идею социализма.

Тем временем на состоявшимся 10 марта 1986 г. совещании ЦК КПСС с секретарями и заведующими отделами по итогам XXVII съезда М. С. Горбачев

---

[272] Шеварднадзе Э. А. Мой выбор – В защиту демократии и свободы. С. 290.
[273] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 60.
[274] Яковлев А. Н. Сумерки. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. С. 437.

оптимистично оценивал атмосферу прошедшего партийного форума. Генеральный секретарь императивно заявил о необходимости развязать инициативу людей для претворения в жизнь решений Съезда. Поднять народ должны были СМИ силой положительного примера[275].

Как свидетельствовал главный редактор газеты «Собеседник» В. Н. Снегирев, в течение 1985-1986 гг. идеологическое сопровождение реформ в СМИ не выходило за привычный репертуар умеренных тем: «... борьба с «нетрудовыми доходами».., экономия и бережливость, пропаганда трезвого образа жизни..., утверждение советских нравственных ценностей...»[276]. Подобная проблематика лишь отчасти соприкасалось с далекоидущими планами советского руководства. М. С. Горбачев планировал кардинальное обновление публичного освещения реформ. Вскоре ситуация кардинально изменилась – СМИ превратились в мощный инструмент общественных преобразований, что в дальнейшем приведет к неконтролируемым процессам.

12 марта 1986 г. на совещании секретарей ЦК КПСС и заместителей председателя Совмина СССР М. С. Горбачев обратился за поддержкой к А. Н. Яковлеву как человеку, осуществляющему функции куратора партийных органов агитации и пропаганды. Генсек напутствовал, что нужно очень глубокое идеологическое сопровождение решениям Съезда в контексте продолжения гласности и критики советского чиновничества: «Все хорошее надо двигать, и чтобы все знали об этом. О тех, кто не поворачивается, тоже нужно, чтобы все знали… Это должно быть постоянной линией – говорить правдиво, открыто, без сенсаций и без смакований…»[277].

Для конкретизации медийной повестки 14 марта 1986 г. советский лидер встретился с руководителями СМИ и органов пропаганды. В выступлении М. С. Горбачев определил основные направления работы советской печати, заключавшейся в публичном бичевании бюрократизма и всестороннем

---

[275] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 26-27.
[276] Снегирев В. Н. Указ. соч. С. 293-294.
[277] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 78. Л. 37, 136.

совершенствовании демократической основы социалистического строя. Генеральный секретарь призвал союзные СМИ к обсуждению острых проблем жизни, так как, по его мнению, это и есть яркое проявление социалистической демократии в действии[278].

В течение 1986 г. в риторике М. С. Горбачева обличительные атаки на коррумпированное чиновничество, а также аппаратный стиль работы, корпоративную закрытость, цинизм, мещанское сознание номенклатуры возрастут и превратятся в нравственный императив политики гласности. В данном случае генсек формулировал ключевые моменты реформаторской критики пороков и недостатков партийной номенклатуры. Это критика основывалась на активизации фундаментальных ценностей советского общества – норм коммунистической морали[279]. Власть, обращаясь к этим ценностям, мобилизовала социум активно участвовать в политических кампаниях по восстановлению социалистической справедливости и законности.

Примечательно, что политическое наступление на аппарат в рамках гласности проистекало из смещения ориентиров у высшего руководства в концептуальной плоскости. Ранее приоритет отдавался технократическому курсу, включавшему масштабную интенсификацию хозяйства и централизованные способы управления экономикой. Однако в 1986 г. стало очевидно, что взятый еще при Ю. В. Андропове стратегический курс не реанимирует социалистическую экономику. По этой причине советский лидер, анализируя истоки реформаторских провалов, склонялся к мысли о приоритетности субъективных факторов над объективными в деле торможения преобразовательных процессов[280]. Еще на XXVII съезде субъективными обстоятельствами объяснялись застойные явления в советской системе, в том числе бюрократизация аппарата[281].

В этих условиях виновником неудач в темпах роста экономики объявлялось «старое мышление» аппаратчиков в партии и управленцев на местах.

---

[278] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 115. Л. 3.
[279] Совэ Г. Указ. соч. С. 76.
[280] Вилков А. А. Указ. соч. С. 303-309.
[281] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 4.

Соответственно, для изменения психологии кадров упор как при публичных выступлениях, так и в практических действиях генерального секретаря был сделан на перестройке сознания управленцев и методах руководства органов власти.

К тому же политическая кампания по дискредитации бюрократии в дальнейшем будет сопровождаться подключением к ней всего общества. Такая несвойственная для советской системы публичность заключалась в желании реформаторов сформировать новую группу сторонников в лице журналистов, ученых и критически настроенной интеллигенции. М. С. Горбачев надеялся на их политическую поддержку в рамках легитимации реформ и противоборства с потенциальными противниками перемен[282]. Однако эта стратегия привлечения общественности к политическим нападкам на чиновничество впоследствии обернулась против самой системы, поскольку критически настроенные интеллектуалы начали ставить под сомнение не только методы работы бюрократии, но и саму идеологическую основу социалистического строя.

Тем временем борьба с бюрократизмом набирала обороты. Так, на заседании Политбюро от 10 апреля 1986 г. по результатам поездки в Куйбышев и Тольятти генеральный секретарь жаловался, что во время встреч с местным руководством к нему пришло понимание слабых перемен в верхах: «Тяжелое впечатление от обкомовского и городского руководства». Отмечая поддержку народом идущих преобразований, советский лидер обращал внимание коллег на напряженную социальную сферу и низкий уровень технического оснащения таких важных промышленных союзных центров[283].

Подобные впечатления сподвигли партийное руководство на более жесткую форму противостояния с «консервативной» номенклатурой. Обладая информацией о слабых социально-экономических результатах политики ускорения, М. С. Горбачев 24 апреля 1986 г. заявил на заседании Политбюро о курсе на непримиримую борьбу с охватившей аппарат партии инерцией. Советский лидер

---

[282] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 31.

[283] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 34-35.

предупреждал Политбюро: «Иначе произойдет то же, что и с Хрущевым, которому аппарат сломал шею». В воспоминаниях Горбачева и в мемуарах его пресс-секретаря А. С. Грачева данный эпизод отражен в виде качественной смены целеполагания у верхушки КПСС в противостоянии с номенклатурой[284]. В обновленной стратегии высшего руководства критики и обличения старых методов чиновничества было уже недостаточно. Реформаторы планировали подорвать политический авторитет номенклатурных элементов ради продолжения перестройки, не предвидя, что дискредитация партийных управленцев в конечном счете приведет к снижению авторитета КПСС, а затем к дестабилизации общественной системы и росту альтернативных политических сил.

В реальности никакого скрытого саботажа «консерваторов» против реформ не велось. Многие представители номенклатуры следовали корпоративной дисциплине в рамках соблюдения часто меняющейся генеральной линии партии. Они поддерживали политику генсека, хоть и не разделяли революционный энтузиазм советского лидера[285]. Условия для формирования реальной внутрипартийной оппозиции к политическому курсу «архитекторов перестройки» наметятся только к 1989-1990 гг. Несмотря на это, вплоть до августовского путча, львиная доля партии и членов ЦК будет следовать за М. С. Горбачевым.

Впрочем, гласность также создала условия для появления неформальной оппозиции вне партийных структур. Так, в 1989 г. только в пределах Москвы насчитывалось примерно 200 неформальных организаций.

Как будет свидетельствовать ближайший помощник генерального секретаря, а в будущем заведующий общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдин, проблема неэффективности бюрократии раздувалась М. С. Горбачевым искусственно, чтобы временно переложить вину за неудовлетворительные результаты ускорения на рядовых исполнителей решений Политбюро. В целом, мнение Болдина состояло в том, что аппарат исправно выполнял свои функции, а проблема заключалась в тех,

---

[284] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 298; Грачев А. С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше. С. 194-195.
[285] Зубок В. М. Указ. соч. С. 24, 54.

кто определял стратегию партии. Высшие эшелоны власти неверно оценили степень угрозы кризисной ситуации и предприняли неэффективные меры по её предотвращению[286].

Замечание В. И. Болдина ценно тем, что проливает истинный свет на замысел «команды Горбачева» в области мягких «чисток» партии. При неспособности выявить источник проблемы в торможении реформ, высшее руководство приняло опрометчивое решение дискредитировать консервативный партийный аппарат – сначала идеологически, а затем и политически.

В течение весны-лета 1986 г. в рамках обличительной кампании против чиновничества были сделаны первые шаги к серьезным преобразованиям в составе советской печати. В основных журналах и газетах менялись старые кадры под контролем «второго секретаря» Е. К. Лигачева и заведующего отделом пропаганды ЦК А. Н. Яковлева, отвечавших за идеологическую поддержку реформ. Например, при их взаимном согласовании главным редактором журнала «Огонек» стал В. А. Коротич. Интересный эпизод в контексте конфронтации с представителями «старого мышления» связан с историко-партийным журналом «Коммунист». В апреле с поста главного редактора сняли приверженца консервативных принципов «развитого социализма» Р. И. Косолапова, а на его место назначили И. Т. Фролова[287].

Сокрушительная критика прошлого состава редакционной коллеги «Коммуниста» содержалась в докладе А. Н. Яковлева на Политбюро от 24 июля 1986 г. ввиду необходимости журналу выполнить требования XXVII съезда. «Коммунисту» приписывались известные явления застоя, догматизма и схоластики, выражавшиеся в пропаганде неоднозначной концепции преодоления классовых различий и идеи слияния советских наций в единую идентичность[288]. И. Т. Фролов учел замечания, сменив идеологический курс издания. В итоге т. н. «консерваторы» лишились одной из своих публичных трибун.

---

[286] Болдин В. И. Указ. соч. С. 192-193.
[287] Лигачев Е. К. Кто предал СССР? М., 2010. С. 90-92.
[288] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 151. Л. 2.

Метаморфозы коснулись газеты «Московская правда» – её главным редактором избрали М. Н. Полторанина, в газету «Московские новости» назначили Е. В. Яковлева, а в журнал «Новый мир» – С. П. Залыгина. В июле полностью обновилось руководство главного цензурного ведомства СССР – Главлита. Свежему кадровому составу предписывалось не препятствовать обсуждению в печати ранее запретных тем и ограничиться исключительно охраной государственной и военной тайны[289]. В результате обновленный состав средств массовой информации был готов поддержать обличительный курс команды М. С. Горбачева в отношении номенклатуры.

Крупные изменения прошли в творческих союзах. Серьёзную озабоченность партийное руководство проявило в отношении театральных работников СССР. На Совещании 19 апреля 1986 г. в ЦК КПСС Е. К. Лигачев, выступая перед представителями и секретарями парторганизаций, заявил, что в искусстве необходимо отображать правду, состоящую в противоречивом развитии нашего общества, в победах и неудачах протекающей жизни: «Долг театра – изобличать и вскрывать истоки всякого рода отступлений от социалистической нравственности»[290]. Осенью 1986 г. прошел съезд театральных работников, учредивший Союз театральных деятелей СССР. Его возглавили артисты О. Н. Ефремов и К. Ю. Лавров.

Революционная активность захлестнула съезд кинематографистов. Еще в период выборов делегатов голосование провалил председатель союза Л. А. Кулиджанов, не попали в списки уполномоченных ведущие режиссеры СССР С. Ф. Бондарчук и Е. С. Матвеев. На съезде 13-15 мая 1986 г. они не имели права голоса, хотя и заседали в Президиуме[291]. Вместо них делегаты под лозунги о

---

[289] Елисеева Н. В. История перестройки в СССР: 1985-1991 гг.: учебное пособие. 2-е изд. М., 2017. С. 194-195.

[290] Справочник партийного работника. Выпуск 27. М., 1987. С. 227.

[291] Плахов А. Последняя модернистская революция: как Пятый съезд кинематографистов похоронил советский официоз // Искусство кино: сайт. URL: https://kinoart.ru/opinions/poslednyaya-modernistskaya-revolyutsiya-kak-pyatyy-sezd-kinematografistov-pohoronil-sovetskiy-ofitsioz?ysclid=m8kjg8dct7138852834 (дата обращения: 22.03.2025).

гласности и свободе критики в кинематографе выбрали членами правления Союза деятелей с «демократичными» взглядами на советскую киноиндустрию[292]. Так, первым секретарем союза на первом пленуме организации был избран Э. Г. Климов. Новое правление союза с разрешения партии одобрило выпуск спорных с точки зрения идеологической безопасности фильмов в массовый прокат. Большой резонанс произвела показанная в январе 1987 г. картина Т. Абуладзе «Покаяние»[293]. Этот фильм стал одним из первых произведений эпохи гласности, которые не только критиковали сталинизм, но и оказывали серьёзное воздействие на общественное сознание, способствуя росту критических настроений в отношении советской системы в целом.

Но наиболее важный участок работы предстоял с писателями и литераторами. Перед съездом Союза писателей СССР М. С. Горбачев 19 июня 1986 г. провёл серьёзный разговор с писателями-депутатами Верховного Совета СССР и группой литераторов Москвы. В сохранившейся стенограмме совещания генеральный секретарь обращал внимание участников встречи на важные детали предстоящей перестройки советского человека и работы литературных кадров. Он призывал творческую интеллигенцию не уклоняться от презентации тяжёлых проблем советской действительности в творчестве, не сбавлять критической линии, поскольку без этого не будет полной объективной картины происходящего. Горбачев просил поддержать ЦК в прогрессивных начинаниях, возводя развитие фактора гласности в литературном творчестве в фундамент социалистической демократии[294].

Далее советский лидер убеждал писателей воспользоваться положительным опытом съезда кинематографистов, на котором, по его словам, демократически настроенные делегаты вынудили неэффективное руководство покинуть свои места. Фактически речь шла о сигнале оппозиционным силам в художественной среде,

---

[292] Пятый съезд кинематографистов СССР 13-15 мая 1986. Стенографический отчет. М., 1987. С. 81.
[293] Яковлев А. Н. Сумерки. С. 399-400.
[294] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 117. Л. 15-21.

желавшим качественных перемен в Союзе писателей ввиду усталости от правления руководителей со «старым мышлением»[295].

Тем не менее М. С. Горбачев сразу отметил пределы гласности. Лимитирование критики касалось прошлого страны. Генеральный секретарь просил писателей не заострять на проблемах отечественной истории слишком много внимания из-за боязни потерять энергию и силы общества в этих поисках. Предпочтение отдавалось литературе современной, нацеленной на позитивные положения[296]. В итоге советский лидер не только определил поле деятельности Союза после съезда, но и одобрил обличительные акции членов организации против «консервативного» правления.

Истинный свет на замысел советского руководства в отношении художественной интеллигенции проливает рабочая запись заседания Политбюро от 26 июня 1986 г. К этому времени уже несколько дней шел съезд Союза писателей. Поэтому члены Политбюро знали о критических высказываниях делегатов, направленных против первого секретаря Союза Г. М. Маркова, возглавлявшего организацию в течение 15 лет. Политическое руководство СССР было солидарно в том, чтобы съезд выбрал другое лицо на место первого секретаря. В процессе прений в Политбюро остановились на кандидатуре Ю. В. Бондарева, а Г. М. Маркова хотели перевести в председатели Союза. При этом М. С. Горбачев обмолвился, что кардинально менять секретариат правления нет никакой необходимости, то есть вопрос изменений касался только высшей управленческой должности первого секретаря Союза. Подытоживая обсуждение, генеральный секретарь сказал: «… Следует учитывать общее настроение в пользу обновления руководства… Прав Егор Кузьмич, что освежение руководства Союза писателей – вещь назревшая… Нужно использовать для этого возможности нашего влияния»[297].

В итоге после съезда писателей обновленное Правление Союза на пленуме выбрало первым секретарем главного редактора журнала «Новый мир»

---

[295] Там же. Л. 23-24.
[296] Там же. Л. 55.
[297] РГАНИ. Ф. 89. Оп. 36. Д. 19. Л. 2-4.

В. В. Карпова, также рассматриваемого Политбюро в качестве возможной кандидатуры, а председателем Союза – Г. М. Маркова. Секретариат правления был обновлен частично[298].

На июньском совещании 1986 г. с секретарями и заведующими отделами ЦК А. Н. Яковлев справедливо заметил, что кадры в сфере идеологии обновлены на 90 процентов[299]. СМИ, творческие союзы и ответственные за цензуру ведомства претерпели глубокие изменения в руководящем составе. Команда М. С. Горбачева подготовила фундамент для триумфального шествия гласности. Один из беспрецедентных шагов новой политики заключался в публикации ранее сомнительных с точки зрения идеологической чистоты произведений: Ч. Айтматова «Плаха», В. Распутина «Пожар» и В. Астафьева «Печальный детектив»[300]. В скором времени список легальной литературы пополнят откровенно антисоветские и антикоммунистические экземпляры.

Таким образом, политика открытости и гласности в культурной сфере способствовала формированию независимого общественного мнения и критического мышления. Эту тенденцию отмечал А. Н. Яковлев в материалах к выступанию на курсах Академией общественных наук при ЦК КПСС от 26 июня 1986 г.: «Обыденное сознание… неуклонно поднимается до уровня политического»[301]. В свою очередь, рукотворные автономия и свобода критики в СМИ и творческих союзах, первоначально использованные властью как инструменты обличения бюрократии, постепенно превращали данные организации в либеральные платформы, которые в будущем примут активное участие в десакрализации идеологических постулатов социализма.

Тем временем для привлечения поддержки советских граждан правящее руководство обратилось к проработке политических нарративов о причинах Чернобыльской катастрофы от 26 апреля 1986 г. М. С. Горбачев смог убедить

---

[298] Восьмой съезд писателей СССР 24-28 июня 1986 г.: Стенографический отчет. М., 1988. С. 429.
[299] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 51.
[300] Елисеева Н. В. История перестройки в СССР: 1985-1991 гг. С. 197.
[301] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 149. Л. 9.

партийное руководство провести открытое обсуждение Чернобыля среди массовой общественности, максимально раскрыв причины трагедии. На Политбюро 3 июля 1986 г. он критиковал ведомственность, закрытость министерств и научных центров, оставшихся вне контроля партии и общества. Отсутствие прозрачности и гласности в этих ведомствах объявлялось политической ошибкой. Фактически, генеральный секретарь, опираясь на справедливый запрос советского народа о полном знании причин катастрофы, выносил вердикт системе государственной секретности[302].

Тем самым создавался прецедент широкой дискуссии, продвинувшей гласность в политическом сознании в качестве средства против безличного чиновничества, косвенно ответственного за Чернобыль, а советский лидер заручился одобрением масс и нанес еще один удар по бюрократическому аппарату. О значении фактора Чернобыля для горбачевской политики писал пресс-секретарь генсека А. С. Грачев в своих мемуарах: «Применив на практике провозглашенную теорию гласности, он обнаружил, что открытость может быть ценнейшим политическим козырем»[303].

Однако Чернобыльская катастрофа стала не только инструментом для критики бюрократии, но и мощным фактором, подорвавшим доверие граждан к советской власти. Попытки режима поначалу скрыть масштабы аварии привели к ухудшению общественной стабильности, поскольку народ воспринял действия верхушки КПСС как антигуманные и циничные.

Серьезный политический шаг М. С. Горбачева был озвучен ранее 23 июня 1986 г. на совещании с секретарями и заведующими отделами ЦК, содержащий намерение провести перестройку аппарата партии. Он назвал данный процесс «малой революцией». Изменение состава руководящих органов КПСС, качества их работы, общих оснований кадровой политики – все эти принципиальные вопросы должен будет поставить перед КПСС специальный пленум ЦК по кадрам. Горбачев

---

[302] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 301-303.
[303] Грачев А. С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше. С. 202.

сетовал, что старые кадры не могут работать в условиях демократии, поэтому они давят гласность на местах[304].

Спустя месяц, 24 июля, на заседании Политбюро М. С. Горбачев вновь повторил, что трансформацию надо начинать с КПСС: «Все надо перестроить. И партию тоже. Это задача исторического масштаба… Начался новый этап в развитии общества»[305]. В итоге противостояние с партийным аппаратом вышло на новый уровень эскалации. Если раньше команда М. С. Горбачева вела пропагандистскую борьбу с проявлениями бюрократизма и неэффективными методами руководства, пыталась ограничить власть аппарата, то теперь отважилось на политический разгром чиновничества как части правящей элиты.

Идею проведения отдельного пленума по кадрам подсказал М. С. Горбачеву его помощником по идеологии Г. Л. Смирновым. В своей мартовской справке «К вопросу о реализации идей XXVII съезда КПСС», адресованной июньскому пленуму 1986 г., автор настойчиво просил генерального секретаря обратить внимание на недостатки партийного руководства, упирающиеся в практику организационно-партийной работы. Смирнов был убежден, что гласности и демократизации недостаточно в деле оживления КПСС. Поэтому нужен специальный пленум ЦК, подвергший бы критике застойные явления и показавший конкретно, что надо делать на практике в партии[306].

Вообще, справка содержит много идей, получивших в будущем творческое развитие. Сам Г. Л. Смирнов в мемуарах писал о бурной реакции генерального секретаря на его записку, заявившего, что для реализации её основных пунктов может понадобиться даже новый Съезд партии[307].

Одно из таких предложений касалось проведения политических акций, направленных на воспитание у руководителей и членов партийных комитетов таких качеств, которые искоренили бы застойные черты в поведении номенклатуры. Еще

---

[304] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 52-53.
[305] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 91.
[306] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 81. Л. 14-15.
[307] Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 174.

одна важная деталь касалась последовательного приучения управленцев к критике и самокритике. Для этого нужны были неоднократные высказывания руководителей партии в идейно-политическом ключе[308]. Вооружившись данными наставлениями, М. С. Горбачев совершил две поездки с целью политической дискредитации «врагов перестройки»: на Дальний Владивосток (25-31 июля) и Кубань (17-19 сентября).

На встрече с партийным активом в Хабаровске 31 июля генеральный секретарь подверг резкой критике деятельность партийных комитетов и их руководителей. Исходя из риторики выступавшего становилось ясно, что бóльшая часть номенклатуры не желала менять свое старое мышление и методы работы. Подобное состояние дел на местах тормозило перестройку. Дабы искоренить негативные тенденции, М. С. Горбачев требовал от кадров работать в условиях демократии, не преследовать людей за критику. Более того, в выступлении советского лидера делался акцент на прогрессивном эффекте гласности, мобилизующей народные массы участвовать в управлении государством. Генсек отмечал, что: «Гласность – не разовое мероприятие, а норма современной советской жизни…». За лимитирование гласности генеральный секретарь отчитал партийные органы, а также объявил о намечающемся пленуме по кадрам. При этом он дал добро на качественные изменения в составе крайкома до созыва пленума. Это означало, что местным властям необходимо было проявить инициативу в деле избавления от наиболее консервативных элементов на управленческих должностях[309].

Помощник М. С. Горбачева по международным делам А. С. Черняев описал подавленное состояние генерального секретаря после встреч на Дальнем Востоке. Советский лидер еще больше уверился в том, что все беды с продвижением реформ исходят от начальствующих структур, от монополии руководителей на власть и на истину[310].

---

[308] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 81. Л. 15-16.
[309] Горбачев М. С. Перестройка неотложна, она касается всех и во всем // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 38-52.
[310] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 91-92.

Поэтому во время выступления перед партийным активом Краснодарского края от 18 сентября 1986 г. М. С. Горбачев усилил критику чиновничества: «Трудящиеся все видят и каждому воздадут должное. Одному – сейчас, другому – чуть позже»[311]. Основным фактором оздоровления социальной обстановки провозглашалась гласность, проявлявшаяся благодаря конструктивным общественным диспутам. Горбачев убеждал слушателей, что только через дискуссии, горячие обсуждения происходит перестройка в мышлении людей[312].

Интерес вызывает Постановление ЦК КПСС «Об итогах поездки товарища Горбачева М. С. в Краснодарский и Ставропольский края», принятое 25 сентября 1986 г. В нем констатировалось, что курс на обновление проводится без динамизма, а процесс перестройки наталкивается на преграды, сложности, особенно организационного и психологического характера. Тормозом идущих преобразований официально объявлялись бюрократические искажения в работе аппарата, безответственность и недисциплинированность[313]. Таким образом, генеральный секретарь подготовил политическую и документальную основу для дискредитации партийного аппарата. Дело осталось за приготовлениями к пленуму и дальнейшим пропагандистским сопровождением политической кампании по разоблачению бюрократии.

Показательно, что руководство просто воспроизводило в фигуре «аппаратчика-консерватора» привычный для массового сознания образ «врага», который был составной частью советских политических кампаний, начиная с 1920-х гг.[314]. В период перестройки этот символ успешно использовался властью для социальной мобилизации общества, направленной как на очищение социализма от бюрократических и иных искажений, так и на оправдание радикализации преобразований.

---

[311] Горбачев М. С. Углубить перестройку, прибавить в работе: Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Кубань и Ставрополье, 17-19 сентября 1986 г. М., 1986. С. 9.
[312] Там же. С. 6.
[313] Там же. С. 61.
[314] Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013. С. 15-18.

В результате образ «врага» перестройки был органично инкорпорирован в концепцию гласности. Однако чрезмерное использование таких образов на фоне социально-экономических провалов привело к трагичной для компартии ситуации, когда массы, мобилизованные на борьбу с «консерваторами», вышли из-под партийного контроля и без указания властей начали самостоятельно определять, кто является «врагом» реформ. Постепенно под эту категорию стали подпадать не только местные чиновники, но и представители центральной власти, а в конечном итоге сама КПСС как источник торможения прогресса.

На сентябрьском заседании Политбюро М. С. Горбачев констатировал, что после состоявшихся встреч в апреле, июле и сентябре с партийным активом стало ясно две вещи. Во-первых, народ за более решительные преобразования во внутренней политике, а управляющее начальство не проявляет энтузиазма в работе, тормозит реформаторские процессы. Во-вторых, без углубления реальной демократии Советский Союз не сможет продвинуться в развитии. При этом менять политический уклад СССР не нужно, достаточно воспользоваться имеющимися возможностями советской системы. Далее генеральный секретарь озвучил положения по демократизации общественных организаций, советов, предприятий, ставших составными частями предстоящего пленума по кадрам[315]. Успех демократизации ставился в зависимость от того, как будет перестраиваться партия, все её этажи и звенья. Секретариату поручалось разработать комплекс мер по решительному подъему советского демократизма[316].

Параллельно атаке на партийный аппарат М. С. Горбачев принял решение начать борьбу с догматизмом и схоластикой в общественных науках, являвшихся, по его мнению, источником «старого мышления». В частности, 1 октября 1986 г. на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений генсек требовал перестройки обществоведения в контексте «нового мышления» и применения творческого подхода к процессу образования, воспитания масс. Советский лидер настаивал также на обновлении лекционных

[315] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 207. Л. 36-39.
[316] Там же. Л. 40.

программ и учебников. Так, правящее руководство сделало осторожную заявку на серьёзное изменение практики и теории обществоведения, в том числе и исторической науки[317]. Это был первый шаг к формированию исторической гласности, призванной очистить уже советское прошлое от лжи и искажений.

Любопытно, что вопрос пересмотра прошлого уже осенью 1986 г. волновал бóльшую часть политического руководства. Так, серьёзное противостояние вокруг исторического наследия СССР произошло на Политбюро 27 октября 1986 г. при обсуждении вопроса о получении писем ЦК КПСС. В сохранившейся рабочей записи заседания Политбюро председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко высказывался неодобрительно насчет потенциальной переоценки И. В. Сталина, индустриализации, коллективизации. Он также протестовал против реабилитации т.н. «буржуазных экономистов»: А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева и прочих деятелей, чьи идеи легли в основу НЭПа. М. С. Горбачев не согласился с мнением экс-министра иностранных дел и в ответ критиковал брежневский состав Политбюро за экономический и идеологический развал, намекая на причастность Громыко к тем провалам как брежневского иерарха[318].

Тогда же начали появляться исторические статьи, критикующие брежневский период как застойный и полный существенных недостатков, с которыми партии приходится бороться во время реформ. Первой такой публикацией стала юбилейная статья, посвящённая 80-летию Л. И. Брежнева в газете «Правда» от 19 декабря 1986 г.[319]. Но полноценная историческая линия гласности проявится только в начале 1987 г.

Тем временем публичная кампания по развенчанию политической близорукости «консервативной» номенклатуры продолжалась. Концентрировано критика была выражена в докладе «Курсом октября, в духе революционного творчества» в честь 69-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[317] Горбачев М. С. Учить по-новому мыслить и действовать // Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 111-113.

[318] Цит. по: Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985-2005. М., 2007. С. 67-70.

[319] Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 54.

С докладом выступил Е. К. Лигачев 6 ноября 1986 г. на торжественном заседании в Кремлевском дворце. В своей речи «второй секретарь» оценивал идущие реформы в контексте качественных преобразований советской действительности. Касаемо обличений партийных руководителей Лигачевым говорилось следующее: «Все, что делается у нас в стране – это чувствительный удар по бюрократизму». Противостояние с ретроградными управленцами в докладе связывалось с широким развитием гласности, которая заключалась в умении «называть вещи своими именами» и отсутствии страха перед обсуждением и критикой недостатков советского общества[320]. Риторика выступления была жестче, чем публичные высказывания М. С. Горбачева, что говорило о курсе на обострение борьбы с аппаратом.

Между тем созыв пленума по кадрам сдвигался на январь 1987 г. Его подготовке посвятили отдельное совещание в Политбюро 19 ноября 1986 г. На заседании генеральный секретарь отмечал, что пленум должен стать переломным в политическом смысле. Политическая характеристика состояния нашего общества необходима, дабы «вправить мозги тем, кто еще сопротивляется». Не менее важная цель пленума состояла в демократизации партийной и общественной жизни через ротацию кадров в КПСС во избежание застоя. Тем не менее советский лидер предупреждал, что руководящее начало партии в кадровой политике необходимо сохранить, соединив его с участием масс в формировании кадрового корпуса, ради более широкого притока свежих сил в КПСС[321].

Важный момент состоял в том, что генеральный секретарь все еще доверял партии как авангарду в грядущих преобразованиях и не намеривался ломать утвердившуюся практику власти. Он видел основную угрозу в отстающем от демократизации «консервативном» аппарате. О явных недостатках в однопартийной системе речи не шло, что подтверждают наблюдения А. С. Черняева. В разговоре М. С. Горбачева в личном кругу, состоявшимся

---

[320] Лигачев Е. К. Курсом Октября, в духе революционного творчества // Правда. 1986. № 311. С. 1-2.

[321] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 109-109.

1 декабря, советский лидер уповал на партийное очищение через атмосферу гласности, критики[322]. Вопросы, требующие разрешения, касались психологических, субъективных, кадровых моментов, но не сущностных и структурных проблем политической системы.

Таким образом, к концу 1986 г. гласность интегрировалась с политической кампанией по критике чиновничества в рамках формирования в фигуре партийного бюрократа образа «врага» перестройки. Так, гласность стала инструментом пропагандистского сопровождения реформ, оправдывая неудачи перестройки саботажем консервативных аппаратчиков. К концу 1986 г. стали прорисовываться предпосылки для перехода гласности и в историческую стезю. Подобные метаморфозы разбудили общественные дискуссии, подхваченные СМИ, творческими союзами с одобрения высшего руководства. Гласность все чаще сравнивалась с правом говорить правду, дабы обличать недостатки советской действительности. Во многом эффективность гласности в дискредитации условных противников реформ и повышении поддержки у масс партийного курса подтолкнула правящее руководство принять обновленную трактовку гласности уже на январском пленуме 1987 г.

В течение 27-28 января 1987 г. проводился пленум ЦК КПСС. Выступая перед партией, М. С. Горбачев в докладе «О перестройке и кадровой политике в партии» обрушился с критикой на неудачи прошлого руководства, которое, в силу субъективных причин, не приняло меры к преодолению ретроградных тенденций в советской социально-экономической системе. В этих условиях советское общество охватили застойные тенденции в культуре, политической жизни и хозяйстве. В новой обстановке, когда КПСС предприняло попытки вырваться из созданного прошлым руководством тяжелого положения, партии стал противодействовать «механизм торможения». Под ним подразумевались консервативные методы управления и устаревшие политические установки, отвергавшие перемены и противодействующие идущим преобразованиям[323].

---

[322] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 123-124.
[323] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 10-12.

Вообще, с помощью нового тезиса о «механизме торможения», трансформировавшийся в дальнейшем в «силы торможения», М. С. Горбачев нашел удобный способ оправдать радикальные кадровые изменения в партии. Так, с середины 1985 г. по начало 1987 г. заменили 60 процентов секретарей обкомов и 40 процентов личного состава ЦК КПСС. За период с 1986-1990 гг. сменяемость секретарей райкомов и горкомов партии составила 82 процента[324]. В результате генеральный секретарь добился эффективных результатов в замене руководящих лиц как в парткомах на местах, так и в ЦК партии.

В самом докладе имена исторических деятелей, обвиняемых в кризисной ситуации, не назывались. Однако это не помешало генеральному секретарю презентовать общий нарратив о грубых просчетах «брежневского ЦК», снимая тем самым с нынешнего состава Политбюро всю ответственность за сегодняшнее нездоровое положение дел, так и за гипотетические провалы в будущем[325]. «Механизму торможения» объявлялась война по линии демократизации всех сторон социалистического строя.

В контексте преодоления устаревшего механизма управления и предстоящей перестройки кадровой политики М. С. Горбачев, помимо предложений о новой системе выборности и контроля в Советах, партии и на предприятиях, обратился к уже известной практике гласности. Он говорил: «…Мы все приходим к единому выводу – нам нужна гласность, нам нужна критика и самокритика как эффективные формы социалистической демократии». Инструментарий гласности предполагалось использовать для установления истины как о прошлом, так и нынешнем положении дел[326].

Проводником гласности должны были стать СМИ, на плечи которых ложилась задача вскрывать правду обо всех процессах в стране. Эту функцию СМИ генсек сформулировал очень емко и точно: «…В советском обществе не должно быть зон, закрытых от критики». Медиа впервые предоставлялась свобода

---

[324] Борщевский Г. А. Уроки кадровой работы в государственном аппарате периода перестройки // Управленческие науки, научно-образовательный журнал. 2012. № 3(4). С. 4-13.
[325] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 6-8.
[326] Там же. С. 70-71.

освещать проблематику прошлого страны. В целом, риторика генсека убеждала общество искать причину кризисного положения Советского Союза в деятельности брежневского Политбюро. Таким образом, ретроспективный нарратив расширил понимание гласности как метода всесторонней оценки, критики исторического прошлого СССР[327].

После январского пленума управление ходом реформ вышло за пределы КПСС. В процесс организационного и информационного сопровождения перестройки вовлекались все слои общества, включая специалистов, обычных советских граждан, не имеющих отношение к партии, а порой и не разделяющих основные социалистические ценности. В итоге судьба реформ зависела теперь не только от партии, но и от разбуженных правящим руководством социальных сил.

Как уже указывалось, большая ответственность в правильном информационном сопровождении исторической гласности ложилась на СМИ. Для конкретизации задач советской печати М. С. Горбачев организовал встречу с руководителями СМИ и пропаганды 11 февраля 1987 г. В подготовленном тексте генеральный секретарь развил критическую повестку, направленную на анализ процессов и явлений социалистического прошлого. По его мнению, «белых пятен», забытых имен ни в истории, ни в литературе не должно быть, в противном случае органичный исторический процесс превращался в искусственную конструкцию. Горбачев считал, что: «О делах тяжелых партия сказала. И мы не собираемся изображать их в розовом цвете»[328].

При этом в черновом варианте доклада «тяжелые дела» уточнялись: «Я имею в виду и перегибы в проведении коллективизации, и нарушении социалистической законности»[329]. Это были отсылки к сталинскому времени, говорить о которых М. С. Горбачев посчитал преждевременными и по этой причине ограничился общими заявлениями о достижении исторической истины.

---

[327] Там же. С. 32-35.
[328] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 122. Л. 31-32.
[329] Там же. Л. 12-13.

Историю, считал советский лидер, надо видеть такой, какая она есть. Ведь имелись и тяжелые ошибки, но страна шла вперед, а КПСС дала оценку заблуждениям и просчетам. В заключение М. С. Горбачев подытожил, что в поворотный период общество как никогда нуждается в объективном видении реальности. Правда, по мнению генсека, должна быть полной[330].

Кратко о сути поставленных перед СМИ задачах писал главный редактор газеты «Московских новостей» Е. В. Яковлев, присутствующий на встрече. В «Московских новостях» в заметках участника встречи от 22 февраля автор свидетельствовал, что партия обратилась к истории, дабы извлечь из нее уроки на день сегодняшний и завтрашний: «Надо было… вернуться к истокам, корням, понять, где мы находимся, что произошло»[331].

Тем самым СМИ вкупе с новым тезисом политики гласности «об отсутствии в обществе зон свободных от критики», предоставлялось право формировать «истинный» образ прошлого в общественном сознании, отвечающий бы замыслам реформаторов. В новых условиях монополия партии на презентацию исторической реальности оказалась подорванной. В связи с этим были неизбежны множественные противоречия с официальным видением советского прошлого. Вдобавок непосредственно идея гласности в исторической науке вызвала сомнения у части советского народа, поскольку кампания по дезавуированию «белых пятен в истории» напоминала не призыв к объективным исследованиям, а интерпретацию исторических фактов в «перестроечном ключе».

Так, схематичная и конъектурная критика прошлого содержалась в обращении ЦК КПСС к советскому народу в рамках постановления ЦК КПСС «О подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции» от 9 марта 1987 г. В тексте отмечались успехи и завоевания советских граждан на пути строительства социалистического общества, а также оговаривалось, что параллельно положительным процессам наблюдалось искажение ленинских принципов, нарушение законности и демократических норм в жизни партии и

---

[330] Там же. Л. 32-34.

[331] Яковлев Е. В. Гласность, демократия, ответственность // Московские новости. 1987. № 8. С. 8.

общества, что отсылало к серьезным ошибкам сталинского периода. Эпоха брежневского правления характеризовалась в терминах застойных тенденций, включавших элементы чуждые социализму. Только с перестройкой связывались надежды на переход к более качественным формам социализма[332].

Из подобных партийных императивов формировалась историческая гласность. Резкий переход к ней в 1987 г. обуславливался желанием правящего руководства ускорить реформы в рамках восстановления подлинного знания о советской системе для понимания альтернатив развития, делигитимации идеологической поддержки бюрократической модели управления и привлечения народа на сторону перестройки[333]. В итоге новый курс в первую очередь коснулся резкой переоценки сталинского прошлого, несмотря на осторожную позицию М. С. Горбачева в этом вопросе.

Тем самым стремление к «полной правде» о советской истории приведет к неконтролируемым процессам. Снятие табу с исторических тем способствовало началу десталинизации, которая расколет общество и подорвет веру населения в справедливость и прогрессивность социализма.

Такое внимание к сталинскому периоду объяснялось и тем, что в течение 1985-1986 гг. публичное обличение бюрократического аппарата так или иначе затрагивало эпоху застоя. Эту тенденцию выявил и озвучил В. А. Медведев на заседании Политбюро от 28 сентября 1987 г., когда говорил о переносе тяжести критического анализа с «брежневщины» на 20-30-е годы[334].

Тем самым критика устаревших методов управления эпохи Л. И. Брежнева исчерпала себя и была более не востребована в СМИ. Например, в статье из газеты «Правда» от 27 марта 1987 г., посвященной сплетению судеб Октябрьской революции с советской историей, обличение периода застоя носило второстепенный, формальный характер[335].

---

[332] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). 9-е издание, доп. и испр. М., 1989. Т. 15. С. 385-386.
[333] Шерлок Т. Указ. соч. С. 52-53.
[334] Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. С. 726.
[335] Волобуев П. Великий Октябрь и исторические судьбы нашей родины // Правда. 1987. № 86. С. 2.

Таким образом, внимание медиа переключилось на проблематику сталинского периода. Теперь журналисты, писатели, интеллектуалы искали в противоречивых и трагических событиях 1930-1950 гг. причины современного кризиса. В результате публичная десталинизация в 1987 г. набрала обороты и повлияла на решение политического руководства поддержать ее, чтобы очистись социализм от деформаций и тоталитарных наслоений прошлого.

Важным шагом, открывавшем легальное обсуждение практик сталинизма, можно считать интервью ректора Московского государственного историко-архивного института Ю. Н. Афанасьева от 21 марта 1987 г. газете «Советская культура». Интервьюируемый говорил, что в данный момент нет ни одного серьезного исследования по вопросу культа личности И. В. Сталина. Все имеющиеся исторические работы не выдерживают проверку фактами, поскольку направлены на сглаживание и оправдание массовых репрессий. Более того, советская историография не соответствует партийным решениям, в которых вышеназванные события охарактеризованы с позиций «беззакония» и «произвола»[336]. Это интервью стало одним из первых, которое способствовало критическому отношению к советской истории и подрыву доверия к официальной историографии.

Большой популярностью пользовались материалы, переосмысливающие роль И. В. Сталина как военного руководителя. В очередном номере газеты «Московские новости» от 3 мая 1987 г. были опубликованы фрагменты из подготавливаемой к печати книги историка А. М. Самсонова «Память минувшего. События, люди, история». В тексте автор требовал от исторического сообщества глубже проанализировать события Великой Отечественной войны. По его мнению, до сих пор не названы публично истинные виновники трагедий конфликта, хотя исторические документы, мемуары военачальников свидетельствует об ответственности Ставки Верховного главнокомандования за многие необдуманные, ошибочные решения, приведшие к большим потерям и утрате территорий. Более

[336] Афанасьев Ю. Н. С позиций правды и реализма / беседовал Т. Меньшикова // Советская культура. 1987. № 35. С. 3.

того, историк призывал не бояться ставить перед наукой острые вопросы. Например, в определении ущерба от репрессий в армии в 1937 г., снизивших боеспособность РККА перед нападением фашистской Германии. В обоих случаях подразумевалась персональная вина И. В. Сталина, что открывало новую страницу его критики как некомпетентного военного лидера[337]. Подобные публикации способствовали также пересмотру концепции победоносной Великой Отечественной войны, что болезненно воспринималось значительной частью общества и усиливало политическую напряженность.

Революционные формулировки прозвучали в статье апрельского номера 1987 г. журнала «Наука и жизнь», автором которой стал профессор экономического факультета МГУ Г. Х. Попов. В своей работе он рассматривал опубликованный роман А. Бека «Новое назначение», числившимся долгое время в статусе «отложенного» произведения. В ходе обзора текста романа Попов уже публично озвучил мысль об образовании в недрах сталинского СССР административной системы, пронизывающей управленческие, экономические структуры страны. При этом административная система в авторской модели не подменяла собой социалистический строй, однако в своей сущности выступала в качестве чужеродного элемента оной, что предопределило застой в экономике, бюрократизацию в партийно-государственном аппарате[338].

Из рассуждений автора выходит, что проблемы СССР стоило искать не столько в субъективных факторах сталинского, брежневского периода, сколько в самой системе общественных отношений, которые деформировалась в процессе своей эволюции. Вопреки заверениям Г. Х. Попова о промежуточном, временном характере административной системы – умозаключение об объективных условиях торможения СССР создавало прецедент научно обоснованной критики советского социализма. Эта критика стала одним из факторов, способствующих формированию альтернативного понимания природы советской системы.

---

[337] Самсонов А. М. Смотреть правде в глаза // Московские новости. 1987. № 18. С. 9.
[338] Попов Г. Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54-56.

Примечательно, что мысли об эрозии командной системы в период сталинского правления излагались до январского пленума в записке председателя правления агентства печати «Новости» В. М. Фалина генеральному секретарю в ноябре 1986 г. В тексте автор использовал термин «административно-командная система», коим он в негативном ключе характеризовал советскую систему хозяйства[339]. Далее антисталинская тема в СМИ активно развивалась в течение 1987 г.[340].

Под напором антисталинской полемики в команде М. С. Горбачева пришли к выводу, что в 1930-1950-е гг. «силы торможения» сформировались в форме организационной группы, а в социально-экономической сфере утвердилась неэффективная административная система. Несмотря на возможные политические издержки, теперь критика сталинских пережитков использовалась партийным руководством для достижения двух целей: преодоления положительного отношения к сталинизму в общественном сознании, поскольку в нем видели корень «старого мышления», консерватизма; идеологического оправдания грядущей трансформации социалистической системы за исчерпанием административных средств ускорения.

Тем не менее солидаризация режима с десталинизацией в будущем актуализирует национальные противоречия в советском обществе. Особенно болезненно эти процессы протекали в союзных республиках, где критика сталинизма сочеталась с ростом шовинистических настроений у народов, пострадавших от тоталитарного режима и требовавших пересмотра итогов спорного прошлого: изменение границ, политического статуса этноса, стремление к независимости. Это стало прологом к этническим конфликтам и появлению националистов-радикалов на политической арене.

---

[339] Цит. по: Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. М., 1999. С. 211-233.

[340] Борисов Ю. Человек и символ // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 62-64; Анинский А. Отцы и сыны // Октябрь. 1987. № 10. С. 185-192; Основные этапы развития советского общества. «Круглый стол» журнала «Коммунист» // Коммунист. 1987. № 12. С. 74-78; Белтов Э. Вины без боли не бывает // Литературная Газета. 1987. № 52. С. 13; Шелестов Д. Продвижение к правде / беседовал К. Елютин // Огонек. 1987. № 47. С. 2-4.

Еще одна важная тема исторической гласности касалась актуализации ленинского учения и непосредственно фигуры В. И. Ленина как предтечи перестройки. Данный нарратив прослеживается в опубликованном диалоге драматурга М. Ф. Шатрова, известного своим обновленным видением Ленина, и американского советолога С. Коэна на страницах газеты «Московские новости» от 14 июня 1987 г. В состоявшемся обсуждении рассматривалась концепция многовариантности истории. В ходе рассуждений М. Ф. Шатров поделился своим убеждением, что свертывание НЭПа есть отход от нравственных ценностей Октябрьской революции. Баланс рынка и плана, по его мнению, является органичной частью ленинской теории. Отход от новой экономической политики, добавлял С. Коэн, предопределил победу административно-бюрократических методов в управлении страной. С этим утверждением драматург был полностью согласен. В заключение он говорил, что партия, благодаря историческому поиску, возвращается к истинному В. И. Ленину. Его методы, подходы – идейная сущность перестройки[341].

Вышеописанный пример примечателен тем, что, вооружившись ленинским авторитетом, СМИ выработали механизм успешного инкорпорирования рыночных идей в экономическую повестку. Такой же способ будет использовать правящая власть в ходе экономической реформы 1988-1990 гг.

Что касается антисталинской повестки, то она таила в себе потенциальные опасности для политического режима. Теперь солидаризация с антисталинским курсом маскировала пропасть между теми, кто выступал против И. В. Сталина и за преображение социализма, и теми, кто выступал против Сталина, желая ликвидировать советский строй. Более того, антисталинскими лозунгами власть взращивала национально-демократические силы, которые в будущем применят аргументы исторической гласности с целью оправдать уничтожение уже социалистического строя[342].

---

[341] Шатров М., Коэн, С. Вернуться, чтобы идти вперед // Московские новости. 1987. № 24. С. 9.
[342] Коткин С. Указ. соч. С. 77.

К июлю 1987 г. уровень исторической полемики вырос в разы, а в периодике появились первые протесты против излишнего злоупотребления гласностью. Так, в июльском номере журнала «Молодая гвардия» публиковалась статья-размышление автора издания В. Горбачева. В тексте руководство изданий «Огонька», «Московских новостей», «Литературной газеты» и «Советской культуры» обвинялось в использовании провозглашенных партией демократизма и гласности в сугубо эгоистических интересах. «Попутчики перестройки», как их называет автор, готовы были примазаться к её достижениям, чтобы повысить общественный статус изданий, но при этом пожертвовать принципами свободного обсуждения, публичной субординации. Что касается критики, то автор считал, что вышеназванные СМИ не соблюдают меру и не готовы выслушивать противоположную позицию. Это, считал автор, наносит урон по оздоровительным силам гласности и перестройки[343].

Таким образом, в обществе появились ростки недовольства в отношении бесконтрольной ситуации в СМИ, так как в периодике отсутствовала культура спора, но преобладала корпоративная выгода издания от повышения накала полемики в публичном поле. Эти критические голоса свидетельствовали, что гласность начинает восприниматься частью общества как угроза стабильности системы.

Любопытно, что проблему ожесточившихся споров и манипулирования фактами поднимал даже главный сторонник расширения исторической гласности – А. Н. Яковлев. Он поставил данный вопрос еще 30 марта 1987 г. в тезисах доклада к совещанию руководителей СМИ. Видимо, уже тогда издержки гласности волновали партийных идеологов, поскольку неуправляемая полемика потенциально могла расколоть общество: «Если уж хвалить, то взахлеб, а критиковать так, чтобы вдребезги. Нам не хватает рассудительности, терпения выслушать разных людей… Потому мы и не беседуем с читателем, а вещаем». Автор писал, что недопустимо использовать силу печатного слова для сведения

[343] Горбачев В. Перестройка и подстройка // Молодая гвардия. 1987. № 7. С. 220-248.

личных счетов, навязывания обществу групповых взглядов и создания очередной монополии на истину. Необходимо высказывать различные точки зрения, чтоб читатель разобрал, где есть правда. Это и будет, по мнению Яковлева, настоящей гласностью[344].

Однако реформаторы предполагали, что смогут контролировать стихийность гласности. Они также рассчитывали на приверженность советского народа социалистическим ценностям, несмотря на растущие сомнения в массах. В целом, правящее руководство убеждало себя, что поддержка режима не рухнет благодаря правдивому изложению прошлого. В этих предположениях власти заключалась большая политическая ошибка.

Неверную интерпретацию советским руководством происходящих процессов можно объяснить таким феноменом, как «эффект бумеранга» – самообманом элиты, вызванным потреблением собственной пропаганды о социальных настроениях в стране. Осознание властью неверно выбранной политики придет позже, когда перестройка и идея социализма уже будут идеологически дискредитированы[345].

Для напоминания рамок гласности М. С. Горбачев 10 июля 1987 г. собирает встречу в ЦК КПСС с руководителями СМИ и творческих союзов. В своей речи генеральный секретарь убеждал главных редакторов печати и художественную интеллигенцию сдерживать свои эмоции, уметь вести разумный диспут, не плодить лишние конфликты между собой, но консолидироваться с обществом и партией в деле подготовки к юбилею 70-летия Великого Октября[346]. О гласности советский лидер говорил в терминах конструктивной критики: «Гласность, демократия… – отнюдь не вседозволенность… Гласность – это и критика недостатков. Но это не подкоп под социализм, под наши социалистические ценности»[347].

Увещевания генерального секретаря должны были понизить градус противоборства внутри советского общества по проблемным вопросам истории,

---

[344] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 164. Л. 16, 18-20.
[345] Шерлок Т. Указ. соч. С. 36-37.
[346] Горбачев М. С. Практическими делами углублять перестройку // Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 210-217.
[347] Там же. С. 218-219.

идеологии и литературы. Но творческая интеллигенция, получив относительную свободу, не желала возвращаться к прежним ограничениям. Призыв к «конструктивной критике» воспринимались многими писателями и журналистами как попытка внедрить старые методы цензуры. Конфликт взглядов привел к дальнейшей радикализации позиций сторонников гласности и способствовали росту оппозиционных настроений в творческой среде.

Более того, к концу лета конфликт насчет очернительства советской истории с новой силой разгорелся в партийных верхах Политбюро. За взвешенность, сдержанность гласности ратовал «второй секретарь» Е. К. Лигачев. Публично свою позицию он высказал 26 августа, выступив с речью о ходе школьной реформы перед рабочими г. Электросталь. В речи оратор пытался представить сбалансированную точку зрения на советскую историю. В создаваемом нарративе Лигачев, признавая культ личности И. В. Сталина, проблемы застоя и, поддерживая политику гласности, концентрировал внимание слушателей на осторожной, объективной подаче исторической информации. Критика «второго секретаря» относилась к тем СМИ, что пытались представить путь народа к социализму как череду провалов, ошибок и преступлений[348].

В мемуарах Е. К. Лигачев свидетельствует, что его робкая попытка «приструнить» советские СМИ вызвала негативную реакцию М. С. Горбачева. Генеральный секретарь прислал ему выдержки из западных газет, где «второго секретаря» обвиняли в поддержке брежневских методов управления, писали о нем как о сталинском апологете[349].

В итоге советский лидер был недоволен не содержанием выступления, а реакцией мировой общественности на речь Е. К. Лигачева. Такое пристальное внимание к мнению зарубежных СМИ объяснялось зависимостью советского лидера от созданного им образа демократичного и гуманистического государства для внешней аудитории. Лишний повод для обвинений Западом высших иерархов

[348]Лигачев Е. К. Растить активных борцов перестройки // Избранные речи и статьи. С. 206-207, 210-211.
[349]Лигачев Е. К. Кто предал СССР? С. 139-141.

партии в симпатии к сталинизму мог разрушить старания Горбачева по поддержанию данной иллюзии, что, в свою очередь, затрудняло нивелирование фактора «гонки вооружений», ложившегося тяжелым бременем на союзный бюджет.

Несмотря на предупреждение генерального секретаря, в Политбюро утверждались две полярные точки зрения на гласность. Одну из них представлял Е. К. Лигачев, выступавший за умеренный подход к публикациям в СМИ и объективный анализ исторических событий в процессе публичных обсуждений. Напротив, позицию обострения дискуссий и расширения, зон свободных от критики, поддерживал А. Н. Яковлев, изменивший к осени свою позицию в сравнении с мартовскими заявлениями. О радикальной платформе по гласности говорит текст его доклада к выступлению на Политбюро 28 сентября. И хоть в речи оратора многие моменты смягчались, в тезисах к докладу Яковлев откровенно писал, что благодаря гласности произошло очищение общества, очищение душ. Поэтому гласность уже доказала свою силу, а все споры, ведущиеся вокруг неё, не нужны[350].

В результате два высших партийных иерарха, коллективно отвечавших за идеологическое сопровождение реформ, вступили с друг другом в политическую конфронтацию. Вокруг этих деятелей будут группироваться сторонники ортодоксального и либерального направления в партии, что станет предвестником раскола КПСС по мировоззренческой линии. Внутрипартийный конфликт отражал глубокие процессы, происходившие в обществе, где гласность начала оказывать дестабилизирующее воздействие на массовое сознание и способствовать появлению групп, критически настроенных к советской системе.

В рамках нарастающего раскола по политическим мотивам в высших эшелонах КПСС следует обратить внимание на разгоревшийся «ельцинский кризис» во время пленума от 21 октября 1987 г. Формально выступление было направлено лично против Е. К. Лигачева, с которым у Б. Н. Ельцина имелся личный

[350] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 285. Л. 1, 5, 12-17.

конфликт, и в традиционной для реформаторов манере осуждало отставание партии от перестройки. А по существу, в речи первого секретаря Московского городского комитета (далее – «МГК») критически оценивалась деятельность не только аппарата и местных руководителей, но и ставилась под сомнение эффективность работы Секретариата ЦК, Политбюро. Высшие партийные структуры впервые обвинялись в «торможении перестройки». В них, по мнению докладчика, отсутствовали реальные демократические механизмы, предохранявшие партию от повторения ошибок прошлого. Особенно беспрецедентно выглядело замечание Ельцина практикам восхваления в адрес М. С. Горбачева, поскольку излишнее «славословие» могло стать предпосылкой для возрождения «культа личности». В заключение оратор просил освободить себя от должности кандидата в члены Политбюро ввиду отсутствия поддержки со стороны Е. К. Лигачева. При этом вопрос о дальнейшем своем пребывании в должности первого секретаря МГК Ельцин предложил решить пленуму Московского городского комитета[351].

Кратко озвучив основные положения речи Б. Н. Ельцина, М. С. Горбачев предложил членам ЦК высказаться по поставленным докладчиком вопросам. Участники пленума не поддержали оратора и выразили персональную критику первому секретарю МГК как неэффективному руководителю. Отвечая на обвинения Ельцина в конце пленума, генеральный секретарь уличил последнего в политических амбициях, попытке расколоть партию несправедливыми заявлениями. Доклад характеризовался Горбачевым «политически ошибочным». По существу, разоблачительной речи Ельцина ответы даны не были[352].

Эпизод с Б. Н. Ельциным продемонстрировал, что провозглашенная свобода критики, гласности и дискуссий имела свои скрытые рамки. Как показали итоги октябрьского пленума, запрещалось обличать высшее политическое руководство, генерального секретаря, несмотря на частые заявления М. С. Горбачева об обратном. Подобная практика свидетельствовала о двойных стандартах

---

[351] Пленум ЦК КПСС – октябрь 1987 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 239-241.
[352] Там же. С. 241-248, С. 280-286.

«архитекторов перестройки», подрывавших доверия масс к проводимой внутренней политике. Но опаснее всего оказалось то, что создавался казус для публичной критики партийной линии, высших иерархов КПСС. Это могло привести к десакрализации власти, что ознаменовало бы утрату легитимности коммунистическим режимом.

Ко всему прочему попытка ограничить критику высшего руководства привела к обратному результату. «Ельцинский кризис» стал одним из первых примеров того, как политика гласности работала против самой системы. Так, общественное мнение сделало противоположный вывод из официальной критики Б. Н. Ельцина, поддержав антибюрократическую позицию опального функционера. К тому же циркулирующие в народе тексты его выступления на пленуме во множестве самиздатовских списков только усиливали авторитет Ельцина в контексте противостояния с «консервативным» элементом в КПСС. Это способствовало росту оппозиционных настроений и альтернативного общественного мнения.

Попутно первому внутрипартийному кризису в течение весны-осени 1987 г. шла подготовка доклада генсека к 70-летию Октября. Основную работу с докладом провели А. Н. Яковлев, новый помощник по идеологии И. Т. Фролов и помощник по международным вопросам А. С. Черняев[353]. Значимость выступления генерального секретаря заключалось в представлении конструктивной оценки прошлого страны, призывающей общество к общесоюзной дискуссии по поднятым темам октябрьской революции, НЭПа, сталинского периода, эпохи оттепели и застоя. В этом плане примечательны материалы о 70-летии Великой Октябрьской Социалистической революции, подготовленные для советского лидера уже директором Института марксизма-ленинизма Г. Л. Смирновым в середине-конце сентября 1987 г.

Так, в записке «Концептуальные вопросы 70-летия Октябрьской революции» от 19 сентября автор предлагал генеральному секретарю выразить в докладе отношение партии к такому, казалось бы, идеологически чуждому советской

[353] Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. С. 59.

традиции понятию, как «плюрализм». Плюрализм в понимании Г. Л. Смирнова означал множественность, многообразие различных точек зрения, мнений и интересов, что отвечало сущностным чертам политики гласности. В его рассуждениях «плюрализм» делился на социалистический и буржуазный. Первый проистекает из гармоничного представительства интересов разных социальных групп и соответствует принципам советского общества, тогда как второй своим происхождением обязан борьбе классов и господству капитала[354]. Таким образом, автор обосновал необходимость отхода от монолитности идеологии и признания легитимности различных точек зрения внутри советской системы.

В материалах от 25 сентября автор останавливается на втором разделе доклада – исторической части выступления советского лидера. В этой части предлагалось осветить негативную роль И. В. Сталина в разрушении демократических форм деятельности партии, управления государством. Объяснение подобным отклонениям автор видел в личных взглядах Сталина, представляющих собой смесь авторитарных и репрессивных методов управления – пригодных для отсталой с культурной и экономической точки зрения России[355].

Далее автор писал, что надо открыто сказать о преступности способов, выбранных И. В. Сталиным во внутрипартийной борьбе: «Однако факт физического устранения… является для социализма неприемлемым». Необходимо было дать оценку этим фактам. Без этого, заключал Г. Л. Смирнов, невозможно продолжать перестройку[356].

В конце сентября автор представил готовый вариант доклада. В нем отражались те позиции, что обозначались в ранних записках, но с некоторыми добавлениями. Так, Г. Л. Смирнов советовал обратить внимание М. С. Горбачева на негативный фон исторических и литературных интерпретаций советского прошлого. Важно было осудить однобокий взгляд на социалистическую историю,

[354] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 99. Л. 3-4.
[355] Там же. Л. 16-18.
[356] Там же. Л. 19.

окрашенный исключительно в темные тона, и призвать научное сообщество рассматривать важные эпизоды СССР в диалектическом ключе[357].

Еще одна авторская новация касалась «ревизионистского» взгляда на членов троцкистской, бухаринской оппозиции: «Видимо, не всегда были неправы партийные деятели, выступающие против Сталина». Автор писал, что при всех ошибках членов оппозиции – они не являлись шпионами и агентами иностранных разведок, а действия самого И. В. Сталина после установления личной диктатуры во внутренней политике нельзя признать бесспорными. Речь шла о потенциальной реабилитации тех деятелей, кого долгое время официальная советская историческая наука считала ренегатами и оппортунистами. Поэтому, писал Г. Л. Смирнов, историкам предстоит проанализировать возможности альтернативных решений и альтернативных путей строительства социализма. Более того, автор утверждал, что борьба с культом личности, осуждение массовых репрессий против членов партии и беспартийных, а также движение курсом XX съезда поможет решить наболевшие вопросы с бюрократизмом, волюнтаризмом, нарушением принципов коллективного руководства[358].

В общем, дух записок отражал сильные антисталинские и антидогматические настроения внутри реформаторской части КПСС. Данные измышления частично вошли в финальную версию доклада М. С. Горбачева, который получился не таким однозначным и бескомпромиссным, как вариант Г. Л. Смирнова.

В готовом докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается», зачитанном М. С. Горбачевым на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 2 ноября 1987 г., была выбрана компромиссная позиция трактовки прошлого страны. Генеральный секретарь говорил, что обществу нужны правдивые оценки всех периодов истории, но не для сведения политических счетов, а для того, чтобы извлечь уроки из ошибок и просчетов. Рассуждая о противоречивых событиях внутрипартийной борьбы 1920-х гг., советский лидер критиковал

[357] Там же. Л. 27-28.
[358] Там же. Л. 32-37.

«троцкистскую фракцию» и «объединенную оппозицию» за антисоциалистическую сущность и попытки расколоть партию. Отмечая заслуги И. В. Сталина в идейном разгроме оппозиции, докладчик положительно оценил сталинский тезис о строительстве социализма в отдельно взятой стране и отказ от авантюрной идеи мировой революции. Рассматривая стратегию коммунистической партии в связи с модернизацией страны в конце 1920-х гг., оратор осудил догматичную позицию Н. И. Бухарина по НЭПу, недооценившего важность индустриализации на основе развития тяжелой промышленности. Правда, говорил генеральный секретарь, Бухарин признал свои ошибки[359]. Акцент на покаянии «любимца партии» создавал возможность для реабилитации данного государственного деятеля уже в следующем, 1988 г. В дальнейшем политическим авторитетом Бухарина руководство КПСС будет оправдывать рыночные реформы в СССР.

Обращаясь к истории 1930-х гг., М. С. Горбачев утверждал, что в стране сложилась административно-командная система в период индустриализации и коллективизации. Она утвердила бюрократизм в управлении, поразила всю общественно-политическую систему Советского Союза, сдерживая прогресс демократизации. В совокупности ретроградная система, сведя на нет самоуправление и демократию, привела к появлению культа личности, массовым репрессиям и нарушениям социалистической законности[360].

Здесь генеральный секретарь воспроизводил опасный нарратив об объективных причинах деформации базиса и надстройки советского общества, тем самым невольно открывая дискуссию о поиске более глубинных основаниях неэффективности социалистического строя

В отношении И. В. Сталина генеральный секретарь занял двойственную позицию. С одной стороны, он признавал заслуги. Сталина в строительстве

---

[359] Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. Заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ.70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов, 2 ноября 1987 г. М., 1987. С. 15-17.
[360] Там же. С. 19-21.

социализма и волевом руководстве страной в период Великой Отечественной войны. С другой стороны, Сталин был осужден за допущение крупных политических ошибок и умышленную фальсификацию обвинений против членов партии и беспартийных. Генсек убежал слушателей, что: «Вина Сталина и его ближайшего окружения за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непростительна». Далее докладчик обратился к феномену культа личности, признав его чуждым социализму и отметив верность партии решениям XX и XXII съезда по данному вопросу. Для восстановления социалистической справедливости Горбачев уведомил слушателей, что создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930-1940-х и начала 1950-х годов[361]. Её задачей станет продолжение реабилитации тех, кого незаконно осудили во время сталинского террора.

О периоде «оттепели» и «застоя» говорилось кратко. Эпоху «оттепели» генеральный секретарь объявил временем первых шагов по преодолению административно-командной системы и борьбы с культом личности. Однако в силу волюнтаристских мер Н. С. Хрущева, старых подходов и отсутствия широкой демократизации, задуманное не удалось довести до конца. «Застой» же объявлялся этапом кризисного состояния советского общества, требовавшего скорейшего обновления[362].

В результате доклад официально определил рамки будущих дискуссий об историческом прошлом страны. М. С. Горбачев, вспоминая реакцию общественности на прочитанный текст, был доволен, что содержание получилось взвешенным и осторожным. Все-таки основная цель доклада состояла в открытии ранее запретных тем для широкого обсуждения в обществе, а не в конкретизации и оценке каждого эпизода прошлого страны[363].

---

[361] Там же. С. 21-26.
[362] Там же. С. 27-29.
[363] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 368-369.

Так, следующий 1988 г. пройдет под знаменем намного более радикальной и непримиримой антисталинской кампании, что спровоцирует ортодоксальные силы публично объявить о своей позиции в СМИ и публичной политике. Компромиссный подход доклада также не удовлетворил консерваторов и либералов в партии, что предопределило идейно-политическое столкновение между этими группами в рамках исторической повестки.

В результате открытие новых тем для общественной дискуссии и легализация критики сталинизма быстро вышли за пределы управляемого процесса. Вскоре историческая гласность стала мощным фактором дестабилизации режима, так как обсуждение исторических ошибок всё чаще превращалось в критику основ социалистической системы. Доклад М. С. Горбачева стал вехой на пути к кризису власти и дальнейшему распаду СССР, поскольку политика открытости, задуманная как инструмент обновления, фактически подорвала легитимность советской государственности и спровоцировала глубокий идейно-политический раскол в обществе.

Тем временем М. С. Горбачев приступил к адаптации новых формулировок, призванных идеологически подкрепить курс на свободу дискуссий в советском обществе. Так, 4 ноября 1987 г. на встрече с представителями зарубежных партий и общественных движений генеральный секретарь обосновал относительность истины и многовариантность исторического процесса, что шло вразрез с марксистско-ленинским детерминизмом, предусматривающем линейно-схематичное развитие формаций по четко заданным параметрам и, как итог, абсолютность объективной истины[364]. Подобный ревизионизм подготовил теоретический фундамент для включения в публичную повестку концепции «социалистического плюрализма», предложенной в записке Г. Л. Смирнова.

Об утверждении плюрализма в обществе свидетельствует статья «Демократия и инициатива» в газете «Правда» от 27 декабря, освещающая появление неформальных общественных организаций. В целом, в тексте

[364] Горбачев М. С. Выступление на встрече представителей партий и движений, прибывших на празднование 70-летия Великого Октября // Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 438-439.

признавалось полезность деятельности новоявленных групп, призывая публично осуждать лишь те движения, что проецируют деструктивную идеологию сионизма, шовинизма, национализма. Радикальные неформалы требовали легализацию политических партий, свободных профсоюзов, устраивали манифестации против советской власти, нарушая принципы социалистической демократии[365]. Подобные действия стали первым звонком нестабильности в монолитной политической системе режима. Эти процессы стали первым тревожным сигналом нестабильности в некогда монолитной политической системе. Гласность и плюрализм, изначально задумывавшиеся как инструменты обновления социализма, фактически способствовали формированию альтернативных центров влияния и росту оппозиционных настроений.

Таким образом, политика гласности прошла долгую эволюцию в своем смысловом, функциональном содержании. Из безобидного периодического мероприятия по информированию масс обо всех процессах в государстве она трансформировалась сначала в инструмент критики и низового контроля советского чиновничества, а затем в механизм открытой политической борьбы против неэффективной бюрократии. Затем, используя тезис о «механизме торможения», М. С. Горбачев оправдал ротационные мероприятия в партии для подрыва влияния «консервативных» элементов в КПСС.

Тем не менее, наблюдая скромные результаты в продвижении реформ после ряда антибюрократических кампаний, руководство КПСС решает перенаправить гласность в политико-историческую стезю. Теперь атаке подверглись конкретные исторические деятели, целые периоды прошлого, повинные, с точки зрения политического режима, в кризисном состоянии советского социума. Общественные дискуссии, критические статьи должны были разоблачить основы административной сталинской системы, тормозившей перестройку и идеологически оправдать меры по ее трансформации. Однако в СМИ и социуме возобладали радикальные подходы к интерпретации советской истории, что

[365] Демократия и инициативность // Правда. 1987. № 361. С. 1.

нанесло удар по монополии партии на обладание объективной истиной. Историческая гласность стала катализатором глубоких общественных и политических трансформаций: она не только легитимизировала критику сталинизма и бюрократизма, но и подорвала доверие к основам социалистической системы, вызвала идейный раскол в партийных элитах и обществе, а также ускорила кризис легитимности власти. Заодно пострадал фундамент советского общества – система политических мифов СССР. В мероприятиях по полной десакрализации советских символов в 1988-1990 гг. активное участие примет СМИ и либеральная интеллигенция.

2.2. Демифологизация советской истории как идеологическая основа легитимации реформ

В 1988 г. нарративы советского руководства в рамках исторической гласности преобразовались в ревизионистскую «историческую политику», нацеленную на смену памятных ориентиров у советского народа. Под «исторической политикой» в работе понимается сознательное вторжение государственной власти в трактовку исторических событий для решения политических задач[366].

Здесь необходимо подробнее разобрать причины, сподвигнувшие партийное руководство резко пойти по пути исторической деконструкции советского прошлого в общественном сознании. Метаморфоза хаотичной исторической гласности в полноценную «историческую политику» обуславливалась изменившимися обстоятельствами в процессе проведения реформ. Для М. С. Горбачева этими изменившимися обстоятельствами стала неспособность завершить начатые преобразования. Находясь в поиске решения данной проблемы, реформаторы определили истоки торможения перемен не только в отсталости, архаичности сохранившейся сталинской системы, невосприимчивой к плавной модернизации, но и в реакционности цементирующих данную систему

[366] Новикова М. В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985-1991 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 2. С. 24-38.

политических мифов. Под политическим мифом в работе понимается нарратив о событиях прошлого, который придает им значимость в настоящем и будущем[367].

Тем самым простая манифестация кардинальных изменений в политической и экономической сфере натолкнулась бы на скепсис в народе и элитах, поскольку их мировоззрение обуславливалось охранительной мифологией. Для легитимации перемен необходимо было подготовить моральную и интеллектуальную базу: дискредитировать в общественном сознании политические мифы, которые гарантировали сохранность консервативных институтов и блокировали внутрисистемные перемены. Именно с политическими мифами, поддерживающими авторитет неэффективных структур, началась борьба в ходе проведения «исторической политики»[368]. В рамках этого противостояния реформаторы вновь будут использовать опыт информационных и политических кампаний 1987 г., призванных оправдать необходимость грядущих реформ в государственно-партийной сфере и народном хозяйстве.

Первоначально объектом жесткой критики стал И. В. Сталин как непосредственный создатель административно-командной системы и символическая фигура в политической мифологии СССР. С другой стороны, «историческая политика» М. С. Горбачева ставила перед партией и советскими гражданами философскую задачу поиска и оформления концепции «истинного социализма», призванной реабилитировать искажённые сталинизмом социалистические принципы в теории и на практике. Впервые Горбачев поставил эту задача в докладе в честь 70-летия Октября 2 ноября 1987 г. В том же месяце Г. Л. Смирнов во время выступления в Киеве конкретизировал программу реабилитации концепции «истинного социализма» как процесс восстановления непререкаемого авторитета гуманистических ценностей в экономике, социальных и политических отношениях[369].

---

[367] Шерлок Т. Указ. соч. С. 12.
[368] Там же. С. 34, 59.
[369] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Л. 48.

Впоследствии для теоретического воссоздания искусственного пропагандистского конструкта предполагалось опираться не только на принципы «гуманного социализма», но и в большей степени на поздние ленинские тексты и бухаринские работы периода НЭПа[370]. Так, лейтмотивом общественных и информационных кампаний станет как критика сталинских мифов, так и проблема восстановления концепции «истинного» (ленинского/бухаринского) социализма, противопоставляемого деформированной административной системе.

В этих условиях горбачевской команде необходимо было как можно быстрее дискредитировать старые институты, чтобы легитимизировать их разрушение, а взамен несущих конструкций старой системы возвести более прогрессивную модель, обосновывая данный процесс ссылкой на идеи В. И. Ленина и Н. И. Бухарина. Однако на форсированную кампанию по десакрализации сталинских символов М. С. Горбачев не пошел.

Более того, сразу обозначилась слабость «исторической политики» реформаторов, поскольку она не была в должной мере систематизирована и управляема[371]. Забегая вперед, отметим, что от родовых изъянов «историческая политика» так и не избавилась. Напротив, с течением времени партийный курс по трактовке событий прошлого стал походить на импровизацию, усугубляемую противоречивым процессом реформ и доминированием в официальной повестке альтернативных дискурсов, что обусловило несостоятельность системной работы с историческим массовым сознанием.

Основная проблема заключалась в сдержанном докладе генерального секретаря в честь 70-летия Октября от 2 ноября 1987 г. как программной основы обновлённой «исторической политики». С точки зрения идеологического обоснования, двойственная характеристика тоталитарного прошлого в докладе М. С. Горбачева не сформировала единых взглядов на прошедшие события. Тем самым доклад не разрешал накопившиеся за тридцать лет противоречия в вопросе

---

[370] Ватлин А. В. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 59-72.
[371] Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С.111.

однозначного отношения КПСС и общества к периоду 1930-1950 гг. Оценку сталинизму предстояло дать советским гражданам, а участие партии сводилось к выполнению роли третейского судьи для сдерживания самых крайних точек зрения.

Непосредственно начатый верхушкой КПСС несистемный процесс пересмотра основных вех советского прошлого привёл к не менее значимой проблеме – взращиванию «мятежного дискурса», осуждавшего в целом коммунистическое видение отечественной истории, а не только сталинизм. Под «мятежным дискурсом» в работе понимается форма политической аргументации, которая открыто атакует официальные мифы системы, подрывая целостность режима[372].

Причину появления и укрепления «мятежного дискурса» проясняет концепция «спирали молчания». Она описывает механизм подавления альтернативных мнений в обществе. Основная идея концепции заключается в том, что люди склонны скрывать свои взгляды, если они противоречат общественному мнению из-за страха социальной изоляции[373]. В СССР с началом политики исторической гласности «спираль молчания» была разрушена, что привело к высвобождению множественности мнений по фундаментальным вопросам. Тем самым ликвидация механизмов, ограничивающих публичные дискуссии, предопределила выход в информационное поле идей, концепций ранее подавляемых социальных сил, что создало конкуренцию официальному взгляду на советскую историю. В свою очередь, закрепление в общественной повестке «мятежного дискурса» стало следствием нерешительности Политбюро в «исторической политике».

Как итог половинчатые решения советских лидеров не поспевали за социальным запросом на более радикальную трактовку истории, что лишало привлекательности официальную интерпретацию событий прошлого. В частности, если посмотреть на то, как власть общалась с представителями СМИ – рупором

---

[372] Шерлок Т. Указ. соч. С. 33.
[373] Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания; [пер. с немецкого Н. С. Мансурова]. М., 1996. С. 33-37.

«исторической политики», то можно обнаружить, что призывы в начале 1988 г. обличать сталинский социализм, деформации тоталитарного прошлого оказались довольно умерены и политкорректны.

Так, во время встречи в ЦК КПСС с руководителями СМИ, идеологических учреждений и творческих союзов от 8 января 1988 г. М. С. Горбачев в выступлении соединил задачу полного обновления советского общества с искоренением всего негативного, идущего с 1930-1940-х годов. Далее он настоятельно просил не сглаживать историю, дабы показать её правдиво. Надо было, по словам генерального секретаря, воздать должное всему великому в нашей истории и осудить тех, кто совершал беззаконие, тем более преступления. В конце доклада советский лидер призвал участников в ходе предстоящих дискуссий, обсуждений быть сдержанными и не создавать лишний ажиотаж[374].

В целом, докладчик не назвал персоналий, виновных, по его мнению, в негативных чертах современного социализма. Не обозначались мероприятия сталинской власти, приведшие к преступлениям и беззаконию. По большей части звучали общие призывы к достижению истины в исторических исследованиях и осуждению негативных черт тоталитарной системы 1930-1940-х гг. Подобная риторика смотрелась неубедительно даже по сравнению с докладом от 2 ноября 1987 г., где И. В. Сталин обвинялся в конкретных злодеяниях.

Более смелые тезисы озвучивались М. С. Горбачевым в докладе «Революционной перестройке – идеологию обновления» на пленуме 18 февраля 1988 г. По словам докладчика, при помощи объективного анализа прошлого советский народ извлек важные уроки для работы в условиях перестройки и обновления общества. В данном случае точность и гласность исторических исследований способствовали отделению каноничных социалистических принципов от догматического, бюрократического наследства[375].

---

[374] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 127. Л. 61, 78-79.

[375] Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 10-12.

Впрочем, на февральском пленуме внятной программы «исторической политики» партийное руководство так и не сформулировало. С другой стороны, пристальное внимание в докладе генсека к «истинности» социалистических принципов исходило из резкого утверждения о деформациях советского социализма. Такие не каноничные оценки из уст М. С. Горбачева прозвучали в отношении административной системы управления, построенной в СССР[376].

В 1930-х гг. о сущностных деформациях в Советском Союзе говорил Л. Д. Троцкий – главный ренегат в марксистско-ленинской мифологии[377]. Теперь схожая позиция постулировалась советским политическим руководством, объявившем социалистическую систему искажённой. Подобный радикализм в суждениях М. С. Горбачева развивал опасный нарратив об объективных деформациях социализма, деконструирующий важнейший советский миф о создании в СССР образцового социалистического государства.

Следует отметить, что противоречивая позиция советского руководства в формировании системной «исторической политики» спровоцировала интеллигенцию организовать масштабную общественную полемику, выходящую за пределы партийности и исторической объективности. Этому поспособствовало развернувшееся историографическое деконструирование в течение предыдущего 1987 г. вкупе с публичным обсуждением ранее запретных тем. По этой причине в начале 1988 г. вышло много материалов, идущих вразрез с неуверенной и колеблющейся партийной линией.

В частности, резкие комментарии насчет сохранения рудиментов сталинизма в современном обществе прозвучали в опубликованном интервью историка М. Я. Гефтера «Сталин умер вчера…» в № 1 журнала «Рабочий класс и современный мир» (1988 г.). Ученый высказал оригинальную мысль о присутствии сталинских пережитков не только в экономической и управленческой плоскостях, но и в сознании, мироощущении советского человека. Посему каждый индивид нес персональную ответственность за происходившие и происходящие в стране

[376] Там же. С. 9.
[377] Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 226-240.

неурядицы вследствие «просталинского» мышления. По убеждению Гефтера, вопрос Сталина актуален в двух смыслах: в меру его присутствия в нас и в меру нашего освобождения от него. Автор высказывал надежду, что избавиться от сталинских культурно-мыслительных практик можно с помощью доподлинного изучения и справедливой критики прошлого[378]. Таким образом, в реконструкции историка образ Сталина превращался в феномен, воздействующий на психологическую ткань бытия советского человека. Борьба со сталинским мифом переходила из исторической и политической плоскости в ментальную область.

В № 3 журнала «Вопросы истории» за 1988 г. историк В. П. Данилов проделал большую аналитическую работу по определению числа жертв голода в СССР в 1930-е гг., разбирая различные точки зрения по данному вопросу в буржуазных СМИ. В письме в редакцию под наименованием «Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. «и демографической катастрофе» 30-40-х гг. в СССР» автор опровергал завышенные данные европейской и американской прессы по количеству умерших в период коллективизации. Несмотря на грамотную работу по преодолению претенциозных фальсификаций, Данилов не отвергал идею, что сам по себе голод – это чудовищное сталинское преступление. По мнению автора, И. В. Сталин чрезвычайными хлебными заготовками нанес непоправимый ущерб советской деревне, загубил множество невинных жизней[379]. Так, начиналось широкое наступление советской печати и исторической науки на миф об эффективной сталинской модернизации, включавшее, в частности, критику коллективизации[380].

Вопреки тенденции к радикализации антисталинской повестки презентовались также умеренные публикации. Таковых было гораздо меньше в советских СМИ. К примеру, в партийных формулировках прошедшего пленума вышло интервью «Ленинское завещание» с историком В. П. Наумовым в газете

---

[378] Гефтер М. Я. «Сталин умер вчера…» / беседовал Г. Павловский // Рабочий класс и современный мир. 1988. № 1. С. 113-129.
[379] Данилов В. П. Письма в редакцию. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116-121.
[380] Шмелев Г. И. «Не сметь командовать!» // Октябрь. 1988. № 2. С. 3-27.

«Правда» от 26 февраля 1988 г. Надо отметить, что посмертное «Письмо к съезду» В. И. Ленина, содержавшая персональную критику партийных вождей, в том числе И. В. Сталина, уже не раз разбиралась в печати. Вследствие неминуемой мистификации обозначенной темы в текстах непрофессиональных публицистов, газета совместно с руководством ИМЛ дала официальный и развернутый ответ по вопросу «Ленинского завещания». Так, в интерпретации партии значимость «Письма к съезду» состояла в признании Лениным необходимости смещения Сталина с поста генерального секретаря. Этот факт отметал все притязания сталинистов на миф о доверительных отношениях двух вождей. Проталкивался нарратив о противостоянии между двумя государственными деятелями как по личным, так и по теоретико-политическим вопросам. Более того, письму отводилась роль в современной перестройке. «Священный текст» Ленина превращался в орудие против деформаций, бюрократических наслоений советского социализма[381].

Таким образом, осторожная тактика партийного руководства не была способна лимитировать агрессивные публикации в СМИ. Напротив, в течение 1988 г. антисталинская кампания будет на пике своей популярности. Так, критика культа личности, осуждение массовых репрессивных мероприятий сталинского режима нашло широкое отражение в журнале «Огонек»[382]. Об искаженной природе сталинизма и причинах депортаций народов СССР в 1930-1950-е гг. часто писали в журнале «Знамя»[383]. О просчетах И. В. Сталина во время войны, сложных отношениях с советскими военачальниками и общей военной неграмотности вождя утверждалось в газете «Московские новости» со ссылками на письма и воспоминания советских военачальников[384]. Вдобавок, к 1989 г. газета впервые подняла вопрос о трагических событиях с польскими военнослужащими в Катыни,

---

[381] Наумов В. П. Ленинское завещание / беседовал Л. Курин // Правда. 1988. № 57. С. 3-4.
[382] Венгеров А. Заслон вождизму // Огонек. 1988. № 23. С. 14-15; Адамович А. Оглянись окрест // Огонек. 1988. № 39. С. 28-30.
[383] Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-179; Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193-204.
[384] С точки зрения маршала Жукова // Московские новости. 1988. № 19. С. 9.

требуя полного прояснения данной ситуации[385]. Генезис сталинской диктатуры, её пагубные последствия для общества, партии раскрывались в журнале «Октябрь»[386]. Апофеозом антисталинской кампании можно считать сборник «Иного не дано: судьбы перестройки», выпущенный в июне 1988 г. под редакцией историка Ю. Н. Афанасьева. Книга представляла комплекс текстов, объединённых общей темой поддержки политики перестройки, однако наиболее яростные оценки сталинским мифам были даны практически в каждой статье сборника[387].

Тотальное очернение прошлого спровоцировало скрытых сталинистов, почвенников, в том числе умеренных коммунистов, поддерживающих перестройку, выступить с резким осуждением хаотичной десталинизации в информационном поле.

Статью, запустившую просталинскую тенденцию в СМИ, опубликовали в газете «Советская Россия» и написана кандидатом технических наук Н. А. Андреевой от 13 марта 1988 г. Публикация была озаглавлена «Не могу поступаться принципами», что отсылало к цитате М. С. Горбачева на февральском пленуме о следовании марксистско-ленинским принципам в духовной культуре. Нина Андреева протестовала против огульной критики прошлого страны, особенно обличения сталинского периода, поскольку гиперболизированные оценки истории СССР сказывались на закреплении в мышлении молодого поколения нигилистических настроений. Автор предлагал разбирать ошибки прошлого в контексте классового анализа, не забывая обо всех положительных сторонах минувших дней. Угрозу для исторической правды и цельности социализма Андреева видела в леволиберальной идеологической парадигме, охватившей

---

[385] Акуличев А., Памятных, А. Катынь: подтвердить или опровергнуть // Московские новости. 1989. № 21. С.1.

[386] Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина // Октябрь. 1988. № 10. С. 3-55; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталин // Октябрь. 1988. № 11. С. 16-129.

[387] Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему: сборник статей / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Мн., 1988. 671 с.

общественное сознание. Неназванные сторонники обновления социализма обвинялись в симпатиях к идеологии западничества и ревизионизме[388].

Статья Н. А. Андреевой сразу привлекла к себе внимание высших партийных иерархов. Публикацию перепечатали многие местные и республиканские СМИ. Так, положительное суждение о творчестве Андреевой высказал «секретарь по идеологии» Е. К. Лигачев 14 марта 1988 г. на совещании в ЦК с руководителями средств массовой информации, обращаясь к вопросам защиты советского прошлого, что автоматически превращало статью в ориентир для всех последующих публикаций в союзной печати[389].

Поддержка Е. К. Лигачевым этой статьи укладывалась в его критическую позицию по исторической гласности. К тому же на февральском пленуме 1988 г. «второй секретарь», касаясь проблемы перестройки средней и высшей школы, решительно закрепил свою линию и публично высказал осуждение попыткам отдельных лиц представить историю партии и советского общества как череду преступлений и ошибок. В этом контексте статья Андреевой использовалась Лигачевым в формировании жестких рамок для горбачевской «исторической политики»[390].

Впервые проблема Н. А. Андреевой была поднята советским руководством 23 марта 1988 г. во время перерыва в работе IV съезда колхозников. Тогда М. С. Горбачев подверг поверхностной критике материал, оборвав В. И. Воротникова, Е. К. Лигачева и М. С. Соломенцева, хваливших содержание публикации. Генсек предложил обсудить возникшее недопонимание на Политбюро[391].

Более обстоятельное видение возникшего казуса представил А. Н. Яковлев в отзыве к М. С. Горбачеву от 24-25 марта 1988 г. Автор высказал суждение, что статья воспринимается массами как однозначно антиперестроечная и претендует на статус манифеста консервативного спектра общественных сил. Н. А. Андреева,

---

[388] Андреева Н. А. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. № 60. С. 3.
[389] Лигачев Е. К. Кто предал СССР? С. 146-147.
[390] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 17-18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 43.
[391] Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. М., 2010. С. 747.

по мнению Яковлева, выступает против переосмысления трудных периодов нашей истории, пытается наложить ограничение на гласность. Яковлев писал, что посыл текста Андреевой состоит в том, чтобы представить сталинизм неизбежным. Более того, Андреева под предлогом защиты социализма хочет навесить на всех несогласных политические ярлыки, завуалированно реабилитировав теорию об обострении классовой борьбы в процессе строительства социализма[392].

В целом, неоднородные мнения по поводу статьи прозвучали на заседаниях Политбюро 24-25 марта 1988 г. Так, М. С. Горбачев не исключал возможность появления похожих статей в печати в рамках гласности, но возмущался тем, что «некоторые товарищи» расценили данную публикацию как эталон публицистики. В связи с этим было необходимо, по мнению советского лидера, рассмотреть возникшие проблемы обстоятельно, ибо появление таких вопросов свидетельствовало о некоторых разногласиях. Непосредственно публикацию он характеризовал как продукт антиперестроечной платформы[393].

В ходе дискуссии оправдательную позицию занял В. И. Воротников. Он говорил о неординарном содержании статьи, а также о том, что в ней даётся отповедь клеветникам. Поддержку взвешенной гласности, соответствующей истине, а не симпатиям редакторов СМИ, высказал А. А. Громыко. Он настаивал, что оценка, данная в «Советской России» – это реакция на очернительство. С ним солидаризовался председатель КГБ В. М. Чебриков, рассматривая и негативную сторону гласности, которая принесла много издержек и породила сумятицу в умах. Предельно умеренное мнение озвучил Н. И. Рыжков. С одной стороны, он хвалил гласность и попытки партии раскрыть правду о прошлом и настоящем, а с другой стороны, председатель Совмина защищал право высказывать и альтернативную точку зрения. Тем самым Рыжков намекал на правомочность публикаций материалов в духе статьи Н. А. Андреевой[394].

---

[392] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 458. Л. 1, 5-6.
[393] Горбачев М. С. О статье Н. Андреевой и не только о ней. Годы трудных решений: Избранное. 1985-1992 гг. С. 98-99.
[394] Там же. С. 99-100.

Примечательно, что Е. К. Лигачев – главный организатор кампании по продвижению статьи в информационном пространстве не принял участие в обсуждении, понимая всю шаткость своего положения в нынешних условиях. Тактика полного молчания сработала, и «секретарь по идеологии» избежал прямых нападок от генсека и членов Политбюро. Тем не менее после публичного осуждения его инициативы политическому авторитету Лигачева был нанесен непомерный ущерб. В результате к осени 1988 г. он потеряет неформальную должность «второго секретаря».

Второй лагерь, представленный большинством участников заседания: А. Н. Яковлевым, В. А. Медведевым, Э. А. Шеварднадзе и др., поддержал высказанные М. С. Горбачевым тезисы об антиперестроечном и реакционном характере статьи. Во время прений генсек добавил, что расхождение взглядов по статье будет означать войну против курса, принятого на февральском пленуме. В конце заседания Горбачев подвел итоги высказанным суждениям, придя к заключению о непоколебимом единстве Политбюро по главным вопросам[395].

Однако никакого единства уже не существовало, поскольку мнения некоторых участников заседания противоречили политической линии советского лидера. На заседании Политбюро произошёл раскол в контексте определения пределов «исторической политики» партии. Вопреки показному оптимизму, М. С. Горбачев это осознавал и принимал необходимые меры с целью отстоять идеологические позиции в борьбе за историческое сознание масс. В частности, для защиты реформаторского курса Политбюро приняло решение опубликовать ответную статью с критикой в газете «Правда». Уже 5 апреля 1988 г. она вышла под заголовком «Принципы перестройки: революционность мышления и действий»[396].

К тому же такая серьезная озабоченность советского лидера манифестом Н. А. Андреевой объяснялась тем, что он боялся открытых выступлений против разоблачительных мероприятий «исторической политики» в форме внутренней фронды, которая в свое время свела на нет хрущевские преобразования. Такой

---

[395] Там же. С. 100-106.

[396] Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда. 1988. № 96. С. 2.

взгляд генсека на политическую реальность не подкреплялся реальными фактами «заговора». В 1988 г. для подобной инициативы не существовало объективных условий, поскольку М. С. Горбачев находился на пике своего политического могущества, а оппозиционные консервативные группы сформировались позже на фоне провала реформ. Скорее всего, именно А. Н. Яковлев убедил генсека в наличии сил, желающих оспорить статус Горбачева как лидера партии и государства.

В связи с этим генеральный секретарь прибег к политическому давлению на тех, кто позволил статье выйти в массовую печать. К примеру, 11, 15, 18 апреля 1988 г. М. С. Горбачев провел совещания с секретарями обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий. На совещаниях редколлегия газеты «Советская Россия» подверглась осуждению за нарушение партийности, а все лица, причастные к публикации статьи и её перепечатыванию, покаялись за самоуправство. Для большей убедительности на совещании от 18 апреля генеральный секретарь обрушился с гневными обличениями в адрес И. В. Сталина: «Сталин – преступник, лишенный всякой морали». По мнению генсека, Н. А. Андреева предлагала вновь вернуться в 1937 г. Поэтому Горбачев призвал партийных работников задуматься о судьбе страны: нужен ли им такой социализм как при Сталине. По воспоминаниям А. С. Черняева, этот разговор стал переломным во взглядах генсека на сталинский вопрос[397].

Следует отметить, что процесс трансформации мировоззрения М. С. Горбачева в рамках антисталинской парадигмы шел в течение 1985-1988 гг. и был обусловлен не только давлением интеллигенции и антиперестроечными выступлениями в СМИ. Во многом личное знакомство советского руководителя с материалами Комиссии Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-1940-х и начала 1950-х годов, а также с пактом Молотова-Риббентропа и материалами Катынского расстрела изменило отношение генерального секретаря ко всему сталинскому периоду[398]. Более того, сказывалось влияние крайне радикального реформаторского крыла в партии в лице

[397] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 210-213.
[398] Болдин В. И. Указ. соч. С. 256-258.

А. Н. Яковлева, с которым генсек имел товарищеские отношения. К тому же Яковлев участвовал в разработке докладов Горбачева. Например, антисталинские пассажи в ноябрьской речи генсека «Октябрь и перестройка: революция продолжается» от 1987 г. оказались плодом яковлевских стараний[399].

Таким образом, феномен Н. А. Андреевой не только стал лакмусовой бумажкой, показавшей ожесточившиеся настроения в обществе по вопросу защиты советской истории от очернительства, но и радикализировал риторику М. С. Горбачева в отношении сталинизма. Советский лидер был вынужден поддержать чрезмерную активность «леволиберальной» (пользуясь терминологией Андреевой) интеллигенции, чтобы дать отпор противникам исторической гласности. Вследствие этого санкционировалось ужесточение антисталинских нарративов в исторической повестке. По мере того, как увеличивалось содействие радикальным СМИ, слабел контроль партии за «исторической политикой». Конструирование прошлого подпало под влияние прессы, нарождавшихся неформальных политических движений и историков-ревизионистов.

С наибольшей отчетливостью сближение позиций генсека с идеями либеральной интеллектуальной элиты проявилось на XIX партийной конференции при прочтении М. С. Горбачевым доклада «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки» от 28 июня 1988 г. В речи советский лидер впервые обвинял партию в утрате демократических традиций, что привело к утверждению во власти И. В. Сталина. Тем самым докладчик бросил в массы клич искать истоки деформаций социализма уже не в созданной Сталиным общественной структуре, а непосредственно в КПСС – несущей конструкции всего советского государства[400]. В итоге генеральный секретарь легализовал историческую критику компартии, что разрушало миф о непогрешимости партии, ее неучастии в сталинских преступлениях.

---

[399] Яковлев А. Н. Сумерки. С. 408.

[400] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 75-78.

Однако положительным эпизодом конференции стало то, что реформаторам удалось легитимизировать системные реформы в принятых резолюциях[401]. Это обстоятельство, как и открытые выступления условно консервативного крыла партии во главе с Е. К. Лигачевым, убедило М. С. Горбачева в необходимости приложить максимум усилий для уничтожения остатков тоталитарных структур[402]. Тем более в ответ на одностороннюю трактовку фактов в рамках новой «исторической политики» в СМИ появилось множество статей в защиту И. В. Сталина, что подтверждало во многом надуманные опасения Горбачева насчет существования влиятельной и системной оппозиции перестройке в обществе и в верхах партии.

Центром притяжения просталинских настроений временно стали журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия». Репутация данных изданий и ранее ставилась под сомнение советскими руководителями с точки зрения лояльности к принципам перестройки. В этом плане интерес представляет записка А. Н. Яковлева генсеку в январе 1988 г. В ней автор называет главных редакторов вышеназванных журналов С. В. Викулова и А. С. Иванова сторонниками сталинизма. Издания обвинялись в ведении антиперестроечной работы и в приверженности антисоциалистической идеологии[403].

В целом, нападки А. Н. Яковлева исходили из его старой позиции неприятия общественно-политического течения «почвенников», к коему принадлежали С. В. Викулов и А. С. Иванов. В мировоззрении почвенников доминировали национально-патриотические измышления, направленные на поддержку и защиту русской истории, культуры[404]. Поначалу к фигуре И. В. Сталина представители данного общественно-политического течения относились положительно. На

---

[401] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 135-144.
[402] Там же. С. 82-85.
[403] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 389. Л. 2.
[404] Сазонов Д. А. Критика западного пути развития в журналах «Почвеннической» направленности в эпоху «Перестройки» // Russian Journal of Education and Psychology: электрон. Журнал. 2011. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-zapadnogo-puti-razvitiya-v-zhurnalah-pochvennicheskoy-napravlennosti-v-epohu-perestroyki (дата обращения: 25.03.2025).

протяжении 1988 г. фокус внимания почвенников был обращен к И. В. Сталину как олицетворению русской гегемонии в XX веке. Неудивительно, что комплекс идей почвенников противоречил ревизионисткой «исторической политике» М. С. Горбачева, заточенной под десакрализацию сталинских мифов.

В данном контексте примечательна сенсационная статья «Правда или истина», подходившая к образу И. В. Сталина с одобрительных и примиренческих позиций и принадлежавшая литературному критику В. В. Кожинову. Текст опубликовали в № 4 журнала «Наш современник» от 1988 г. Автор рассматривал антисталинский роман А. М. Рыбакова «Дети Арбата» с позиций философской и исторической критики. Разоблачая произведение за упрощенность, антиисторичность и политизированность и обвиняя Рыбакова в «псевдоинтеллигентности», критик приходил к выводу о ложной интерпретации образа и значения Сталина для советской истории. Кожинов считал Сталина истинно русским феноменом, а созданному «историческими силами» культу личности придавал всемирное значение[405]. Автор фактически написал торжественный гимн Сталину, пойдя против решений хрущевской и горбачевской десталинизации. С выходом статьи обществу была представлена иная точка зрения на Сталина, во многом превзошедшая относительную «умеренность» публикации Н. А. Андреевой.

Обличать произведение А. М. Рыбакова продолжили в рубрике «письма в редакцию» в № 12 «Молодой гвардии» от 1988 г. Так, доктор экономических наук А. Залкинд признавал отрицательные последствия культа личности и осуждал репрессии в письме «Осторожнее с догмами!». Однако он не принимал позиции Рыбакова, заключавшейся в выставлении исключительно негативных черт И. В. Сталина и игнорировании положительных сторон деятельности советского руководителя. Аргументацию своим словам Залкинд находит в выступлении М. С. Горбачева в честь 70-летия Великого октября от 2 ноября 1987 г., в которым генеральный секретарь не дал окончательной оценки личности И. В. Сталина.

[405] Кожинов В. В. Правда и истина // Наш современник. 1988. № 4. С. 160-175.

Теперь, ссылаясь на официальный партийный документ в идеологической сфере, сочувствующие сталинизму общественные силы могли найти серьезные доводы в защиту своей политической позиции[406].

В том же номере кандидат философских наук Г. Матвеец написал письмо в редакцию «Не в нем одно дело», частично оправдывая И. В. Сталина за репрессии 1937-1938 гг. Автор в своей аргументации ссылался на ожесточенность борьбы партии в 1920-1930 гг. против врагов революции, бывших эксплуататоров и шпионов империалистических государств. В тексте Матвеец воспроизводил сталинский концепт об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Именно тяжелой обстановкой внутри страны автор объяснял массовость репрессий. Вдобавок, по мнению философа, часть управленцев принадлежало к остаткам неразбитых оппозиционных сил, внедрившихся в партию, с целью истребить лучших людей государства. Сталин в авторской модели, безусловно, нес часть своей вины за слабый менеджмент и излишнюю доверчивость органам государственной безопасности, но явную причину жестокости и беспрецедентности репрессий 1930-х гг. Матвеец видел в действиях окружавших советского руководителя лицах[407].

Таким образом, с апреля 1988 г. «историческая политика» М. С. Горбачева следовала и во многом определялась непримиримой полемикой в СМИ о прошлом страны. Наряду с радикализовавшийся антисталинской пропагандой возникла альтернативная тенденция с апологетикой сталинизма. Реформаторы не ожидали подобного сопротивления от ортодоксальных коммунистов, а также национал-патриотов и по этой причине поддержали повестку леволиберальных изданий. Проблема была в том, что теперь ревизионистская «историческая политика» попала в зависимость от «мятежного дискурса», поскольку партия уже не определяла, не конструировала прошлое, а только солидаризировалось с озвученными нарративами извне. Это тенденция закрепится и будет доминировать в 1989-1990 гг., когда мобилизованная политическими кампаниями общественность

[406] Залкинд А. Осторожнее с догмами! // Молодая гвардия. 1988. № 12. С. 250-251.
[407] Матвеец Г. Не в нем одно дело // Молодая гвардия. 1988. № 12. С. 240-244.

продолжит выступать все более с системной и смелой критикой, опережая в радикальности «историческую политику» М. С. Горбачева[408].

Тем временем, добившись частичной дискредитации сталинской системы в общественном сознании, команда М. С. Горбачева в 1988 г. интенсифицировала пропаганду тематического конструкта – концепции «истинного социализма» на основе ленинского и бухаринского учения с целью легитимации демократической трансформации общества.

Однако фигура Н. И. Бухарина, его теоретические изыскания долгое время пребывали в идеологической и политической опале, что подтолкнуло правящую партию начать процесс реабилитации представителей т. н. «правой оппозиции». Уже 4 февраля 1988 г. пленум Верховного суда СССР принял постановление об отмене приговора 1938 г. и прекращении дела в отношении участников «антисоветского правотроцкистского блока». В постановлении полностью оправдывались Бухарин, А. И. Рыков и другие члены «ленинской гвардии», выступавшие в 1920-1930-е гг. против немедленного прекращения НЭПа и перехода к форсированной индустриализации и коллективизации[409]. Публичное восстановление доброго имени репрессированных лидеров большевистской партии должно было закрепить бухаринскую экономическую концепцию в официальной повестке.

Фигуру Н. И. Бухарина из всей плеяды партийных оппозиционеров выбрали за умеренность во внешней политике, что отличало Бухарина от троцкистов, и поступательность преобразований в аграрно-промышленной сфере с применением экономических методов, соответствующей представлениям реформаторов об эффективном хозяйстве. При выборе большую роль сыграла личная симпатия генсека к этой политической фигуре. Так, А. С. Черняев свидетельствовал в своем дневнике о неподдельном восхищении М. С. Горбачева личностью Бухарина, с текстами которого он активно знакомился с лета 1987 г.[410]. К тому же в 1988 г.

---

[408] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 123.
[409] Из постановления пленума Верховного суда СССР // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 120.
[410] Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. С. 763.

исполнялось столетие со дня рождения Бухарина, что реформаторы использовали как повод для проведения широкой пропагандистской кампании с целью ознакомить широкую публику с бухаринским учением.

Что касалось ленинского аспекта, то вопреки укоренившейся убежденности советской элиты в существовании четкой проработанной и единственно верной концепции «истинного социализма», реальные убеждения В. И. Ленина о природе социализма постоянно менялись. За период 1917-1924 гг. точка зрения вождя пролетариата на контуры социализма трансформировалась несколько раз. При обновлении теоретических построений Ленин обращал внимание на конкретную политическую и экономическую обстановку. Во взглядах вождя восприятие социализма прошло серьезную эволюцию: от первой фазы коммунизма и государственно-капиталистической монополии во время революции и Гражданской войны к строю цивилизованных кооператоров в мирный период НЭПа. Ленин всегда исходил из текущего момента и никогда не продвигал одну единственную версию социализма[411].

Тем не менее реформаторы активно искали постоянные черты ленинской концепции «истинного социализма». В обобщённом виде М. С. Горбачев обрисовал правильную социалистическую модель, освобождённую от искажений, в беседе с руководителями СМИ и творческих союзов от 7 мая 1988 г. В тезисах к докладу генеральный секретарь утверждал, что советскому обществу необходимо избавиться от представлений о социализме как строе, отрицающим личность человека. Генсек выступал против «грубого коммунизма» и призывал использовать весь потенциал социализма для реализации совершенно иной модели общества, обеспечивающей своим членам цивилизационный уровень жизни и полную свободу выражения мнений. Отсюда, поясняет автор, такой сильный интерес к истории. Ведь чтобы освободить социализм от всего искажённого и деформированного, вернув ему ленинский и революционный смысл, надо точно

[411] Бельский В. В. Практический социализм В.И. Ленина. Некоторые особенности устройства и развития // Свободная мысль. 2023. № 4(1700). С. 179-195.

понимать прошлое[412]. Нужно отметить, что в тезисах М. С. Горбачева конструируемый им гуманистический облик социализма все менее походил на классическую и даже позднюю интерпретацию модели общественного устройства, предлагаемого В. И. Лениным, и все больше на идеал европейских «новых левых».

Путь к настоящему социализму в рамках честного прочтения собственной истории обозначил А. Н. Яковлев в докладе, адресованном совещанию секретарей партийных комитетов в мае 1988 г. Для иллюстрации примера объективного понимания прошлого презентовалась интересная мысль об усилении в обществе после деформации социалистического строя в 1930-е гг. психологии, свойственной докапиталистическому обществу. Этот парадокс, по мнению Яковлева, не позволил приблизиться к социализму даже при отказе от частной собственности. Поэтому только благодаря перестройке общество обязательно придет, считал автор, к социализму, но сделает это через многообразие форм и ведущих к нему путей[413].

Однако представление А. Н. Яковлева об отсталости общественного сознания в СССР рождал вопросы: в каком тогда строе живет социум с архаичным менталитетом и можно ли из докапиталистического мышления даже с помощью перестройки перейти к социалистической психологии? К тому же интеллектуальный конструкт Яковлева дискредитировал миф о достижении советским народом социалистического сознания как прогрессивной формы мышления.

Тему возрождения концепции «истинного социализма» через правильную интерпретацию прошлого А. Н. Яковлев продолжил развивать в подготовленном выступлении перед авторским коллективом «Очерков истории КПСС» от 4 ноября 1988 г. В тексте доклада Яковлев требовал от составителей «Очерков истории КПСС», не уподоблять новый фундаментальный труд «Краткому курсу ВКП(б)» с грубыми фальсификациями и догматизмом. Объясняя причины ранее одобряемых партией конъюнктурных, замалчивающих действительность исторических работ, автор доклада возлагал вину на ревизию И. В. Сталиным сути и духа ленинизма.

---

[412] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 129. Л. 9-13.
[413] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 183. Л. 12, 21-24.

Курс Сталина, по мнению автора, вел к полному разрыву с ленинской стратегией строительства социализма в СССР, поскольку ставил во главу угла насилие, принуждение и систему страха. Отсюда и лживая интерпретация истории. Смысл и сверхзадача авторского коллектива, заключал Яковлев, состояла в том, чтобы дать КПСС широкую картину деятельности по руководству всем ходом социалистического строительства[414]. Как видно из содержания текстов, «идеолог перестройки» видел главный инструмент восстановления «истинного социализма» в обновлённом историческом конструировании через избавление от сталинских пережитков.

После теоретической актуализации проблемы «истинного социализма» на протяжении 1988 г. выйдет множество статей, посвящённых представлению партии о правильном социалистическом строе. Например, горбачевские экономические реформы рассматривались как серьёзный шаг к восстановлению социалистического уклада в контексте преемственности с ленинской и бухаринской идеей НЭПа.

Так, в № 197 «Правды» от 1988 г. презентовалось интервью «НЭП. Суть. Опыт. Уроки» с доктором исторических наук В. Наумовым. Ученый излагал причины перехода к НЭПу, называл положительные цифры экономического роста, подробно описывал теоретический вклад В И. Ленина в организацию новой политики. Подытоживая интервью, историк аргументировал необходимость использования опыта НЭПа в перестроечных реформах следующими словами: «Сходство с НЭПом не в частностях, не в видимых аналогиях, а в сущности ленинских принципов, применяемых партией и сегодня»[415].

Тема ленинского НЭПа пользовалась не меньшей популярностью в журнале «Огонек». В № 12 1988 г. была напечатана стенограмма дискуссии с участниками «круглого стола» на тему «Больше социализма!». Профессиональные ученые во время обсуждения приводили множество аргументов в пользу ленинской политики

[414] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 189. Л. 3, 6-10, 14.
[415] Наумов В. НЭП: Суть. Опыт. Уроки / беседовал Л. Курин // Правда. 1988. № 197. С. 4.

постепенного восстановления хозяйства. Отказ от НЭПа участники дискуссии посчитали ошибочным решением[416].

Что касается рецепции в официальный дискурс бухаринских идей, то они дополняли два тезиса реформаторов: о восстановлении изначальных основ социализма и о сущностном неприятии советским обществом основ административно-командной системы. Так, в общественное сознание внедрялись новые нарративы с помощью СМИ. В официальной периодике было написано множество статей, положительно рассматривающих деятельность Н. И. Бухарина и ход НЭПа[417]. Еще один тематический пласт создавал вокруг Бухарина ареол мученика, пострадавшего за истинные социалистические принципы перед лицом сталинского тоталитаризма[418]. Большой популярностью пользовалось мнение зарубежных историков, схематично описывающих ключевые элементы альтернативной концепции «бухаринского социализма»[419]. Наконец, для установления доктринальной преемственности между измышлениями В. И. Ленина и идеологией «правой оппозиции» Бухарин провозглашался учеником советского вождя[420].

Параллельно разбирались политические аспекты концепции «истинного социализма». Одна из магистральных линий данной концепции состояла в масштабной демократизации управления государством. Тема «контроля снизу» является центральной в статье А. Ильина и Г. Ястребцова «Демократия и контроль» в № 134 «Правды» 1988 г. Авторы обращались к опыту прошлого, конкретно к созданным В. И. Лениным механизмам прямого воздействия на советскую бюрократию. По их мнению, ленинская система беспартийного и рабоче-крестьянского контроля работали исправно до победы сталинской фракции.

---

[416] Больше социализма! // Огонек. 1988. № 12. С. 4-5, 18-20.
[417] Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Николай Бухарин: эпизоды политической биографии // История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 87-113.
[418] Амлинский В. «На заброшенных гробницах…» // Юность. 1988. № 3. С. 50-61.
[419] Коэн С. Бухарин, НЭП и альтернатива сталинизму // Экономика и организация промышленного производства. 1988. № 9. С. 156-167.
[420] Ильин А. Громаду лет прорвав… // Правда. 1988. № 340. С. 4.

Авторы были уверены, что горбачевские реформы создадут современные институты контроля, опирающиеся на ленинские нормы[421].

Осмысление экономических и политических граней концепции осуществлялась научным сообществом. В частности, в речи Г. Л. Смирнова перед совместным Отделением философии и права и Отделением истории АН СССР от 29 сентября 1988 г. разбиралась общественная дискуссия о причинах отхода от «истинного социализма». По мнению директора ИМЛ, два момента характеризуют наиболее серьезные отступления от ленинского социализма. Во-первых, полный отход от экономической организации общества на основе личной и коллективной заинтересованности. Во-вторых, умаление роли Советов в политической плоскости и передаче партии функций управленца над органами рабоче-крестьянского представительства. Игнорирование ленинских заветов привело к торжеству сталинской модели социализма[422]. Таким образом, по мнению Г. Л. Смирнова, В. И. Ленин разработал концепцию социализма, и она заключалась в экономических и политических положениях. Их возрождение становилось важным этапом к обновлению советского общества.

Однако ввиду слабого эвристического потенциала концепции «истинного социализма», неспособной объективно определить причины деформаций советского общества и описать рабочие способы достижения более совершенного строя, не опираясь на старые рецепты советских вождей, данный пропагандистский конструкт становился все менее привлекательным для общественности. Надо сказать, что и кампания по адаптации бухаринского учения в официальный дискурс провалилась ввиду её краткосрочности и запоздалости. Тем более к концу 1989 г. новое видение экономики М. С. Горбачевым будет выходить за пределы программы «правой оппозиции».

Все чаще исследователи видели истоки негативных трансформаций в мероприятиях ранней советской власти, особенно в период Гражданской войны. В частности, экономическим обозревателем В. Селюниным в статье «Истоки»,

---

[421] Ильин А., Ястребцов, Г. Демократия и контроль // Правда. 1988. № 134. С. 3.
[422] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 121. Л. 4, 9-10.

опубликованной в № 5 журнала «Новый мир» от 1988 г., доказывалось, что политика военного коммунизма была не временным мероприятием советской власти, а составной частью концепции партии большевиков по преобразованию феодального общества в социалистическое. Автор критиковал В. И. Ленина за революционное насилие, создание концентрационных лагерей и тотальную национализацию средств производства, приведших к ликвидации гражданских прав. Подобные тезисы противоречили не только советской историографии, но и умеренной позиции М. С. Горбачева по периоду ранней советской истории. В статье автор поставил серьезные вопросы об изначальном тоталитарном характере идеологии и практики большевиков, воплотившейся вновь в сталинской модели чрезвычайных мероприятий. Таким образом, ориентируясь на содержание статьи, можно было прийти к выводу, что идеология сталинизма наследовала комплекс убеждений Ленина периода Гражданской войны[423].

Робкие попытки «по-новому» рассмотреть марксизм и концепцию «истинного социализма» предпринимались Ю. Н. Афанасьевым в статье «Перестройка и историческое знание» в газете «Литературная Россия» от 17 июня 1988 г. В тексте автор поэтапно разоблачил важнейшие столпы социалистической системы. Так, автор внутренне соглашался с приводимыми другими исследователями тезисами, что в СССР был построен «казарменный социализм», а общественная собственность является изнанкой частной собственности. Постулировалось, что В. И. Ленин не имел концепции социализма и мыслил коммунистическую перспективу нечетко и обобщенно. Вдобавок историк объявил советский марксизм негибким учением и настоятельно предлагал вернуться к «живому марксизму», готовым отрицать устаревшие догмы и способный развиваться путем диалога с другими течениями философской мысли на буржуазном Западе[424]. Таким образом, автор не только деконструировал ленинское

[423] Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162-189.
[424] Афанасьев Ю. Н. Перестройка и историческое знание // Литературная Россия. 1988. № 24. С. 2-3, 8-9.

понимание социализма, продвигаемое официальной властью, но и подвел теоретический базис для легальной критики принципов марксизма-ленинизма.

В партийной среде последовала моментальная реакция на опубликованный материал. Уже 22 июня 1988 г. Г. Л. Смирнов писал А. Н. Яковлеву о необходимости дать корректную реплику на статью, приложив к записке проект публикации[425]. Через три дня, 25 июня 1988 г., в «Правде» вышла ответная статья П. Кузнецова под заголовком «Вопросы историку». В ней автор критиковал работу Ю. Н. Афанасьева за отсутствие конструктивности в идеях, наличие поверхностных суждений в повествовании и желание уйти от ответа на поставленные в тексте фундаментальные вопросы для исторической науки[426].

В дальнейшем дискуссия с историком будет продолжена в газете до конца июля 1988 г.[427]. В своих рассуждениях Ю. Н. Афанасьев окончательно дойдет до отрицания в СССР социалистического строя. А вместо поиска концепции «истинного социализма» он предложит сконструировать новый план достижения социалистического общества только лишь опираясь на измышления В. И. Ленина, но не следуя им доктринально[428].

В результате подобные статьи усиливали «мятежный дискурс», поскольку отрицали факт установления в СССР социалистического уклада, а также аккуратно выводили сталинизм из ленинизма. Беспрецедентное обличение прошлого базировалось отчасти на новых нарративах. Они содержали в себе критику Великого Октября, социалистической идеи и личности В. И. Ленина. Пока столь радикальные тезисы презентовались в неформальной прессе и оппозиционно-либеральный кругах, но, как видно по статьям В. Селюнина и Ю. Н. Афанасьева, постепенно проникали в легальную печать.

В свою очередь, либеральные и антисоветские нарративы формировались в постдиссидентской среде после провозглашения политики исторической гласности. Убеждённые противники коммунистической власти предпринимали робкие шаги к

---

[425] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.
[426] Кузнецов П. Вопросы историку // Правда. 1988. № 177. С. 3.
[427] Дедков И., Лацис, О. Путь выбран // Правда. 1988. № 213. С. 3.
[428] Афанасьев Ю. Н. Ответы историка // Правда. 1988. № 208. С. 3.

становлению в качестве серьезной политической силы в публичном поле. В конце 1988 г. легализовалась первая антикоммунистическая газета «Свободное слово», принадлежавшая недавно учрежденной либеральной партии Демократический Союз. В издании часто печатались агрессивные материалы, содержащие критику основных базисных мифов СССР. Так, 8 ноября 1988 г. вышла статья советского диссидента В. И. Новодворской «Почему ДС против культа Ленина и ленинизма». В ней автор вменял В. И. Ленину в вину преступления большевизма в политическом хаосе революции, замалчиваемые советской исторической наукой. Сталинская тоталитарная система объявлялась прямой наследницей ленинских практик социалистического строительства, а политика коммунистического террора и запугивания рассматривалась в качестве неизбежного следствия установления социалистического строя[429]. В итоге статья в духе либерально-демократической фразеологии деконструировала все основные нарративы реформаторов, а также базисные символы советской системы – миф о В. И. Ленине и миф об Октябрьской революции.

Несмотря на ужесточавшуюся критику в СМИ, партийное руководство не предпринимало попытки качественно изменить кампанию по поиску «истинного социализма», приносящую неоднозначные результаты политическому режиму. Напротив, предпринимались действия для ее тематического расширения. Так, следующий 1989 г. преподнес читателям пропагандистскую рубрику в «Правде» о переустройстве партии на основе ленинских принципов ввиду острых политических разногласий внутри КПСС. Сторонники реформ через периодику призывали рядовых членов партии открыто критиковать т. н. фракцию «консерваторов». Тема переустройства партии и критики «реакционной» номенклатуры богато была представлена в выпусках «Правды» за 1989 г. в номерах: 2[430], 51[431], 69[432] и 191[433].

---

[429] Новодворская В. И. Почему ДС против культа Ленина и ленинизма // Свободное слово. 1988. № 3. С. 2-4.
[430] Ильин А. Восстанавливая ленинскую концепцию партии // Правда. 1989. № 2. С. 2.
[431] Капто А. С. Силой примера, силой убеждения // Правда. 1989. № 51. С. 2.
[432] Оников Л. А. Ленинский принцип жизни партии // Правда. 1989. № 69. С. 3.
[433] Оников Л. А. Почему отстает авангард // Правда. 1989. № 191. С. 2.

Обращаясь к ленинской практике бичевания бюрократических пороков и применяя её на своих политических противниках, горбачевские сторонники нарушали озвученный ими же принцип внутреннего единства КПСС в период судьбоносных преобразований. Дискредитация мнимых идейных соперников на основе авторитета В. И. Ленина приводила к неблагоприятным последствиям. Такой рискованный подход раскалывал КПСС, делал её уязвимой перед идеологическими вызовами со стороны набирающих силу демократических движений.

Тем временем в партийном руководстве росли опасения по поводу становления в обществе антисоветских оценок в отношении В. И. Ленина. Подобные настроения нашли отклик в докладе М. С. Горбачева перед деятелями науки и культуры от 6 января 1989 г. В частности, генеральный секретарь убеждал слушателей, что попытки отождествить командно-административную систему с социализмом, а культ личности И. В. Сталина с ленинизмом поверхностны и научно несостоятельны. Советский лидер признавал, что у некоторых людей преобладает сильное разочарование в социализме, поэтому возлагал большие надежды на интеллигенцию в деле сплочения народа вокруг социалистических ориентиров. Главное, повторял Горбачев, не упрощать и не выдавать за действительный социализм его деформации[434]. Однако уговоры генсека не сработали, что проявилось в переориентации многих деятелей культуры, науки на антисоветские позиции.

Потеря М. С. Горбачевым влияния в интеллигентских, медийных кругах сильно ударила по стабильности политического режима. Советские интеллектуалы к этому времени обладали более весомой ролью в формировании представления общества о самом себе, чем политически деградировавшая КПСС. Переход интеллигенции в лагерь противников социалистической системы неизбежно вел к разрушению идентичностей, мифов, что поддерживали общество. Это

[434] РГАНИ Ф. 84. Оп. 1. Д. 133. Л. 9, 13-14.

спровоцировало взрывное отторжение советскими массами всех прошлых символов, что ранее воспринимались как часть их мировоззрения[435].

Более того, в следующем году был потерян полный партийный и государственный контроль над СМИ, поскольку в соответствии с Законом СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» редакции СМИ переводилась на принципы самофинансирования. Тем самым редакции более не зависели финансово от государственных структур и могли строить информационную политику, исходя из потребностей внешней аудитории, которую охватили антисоциалистические идеи[436].

В итоге тревожное предчувствие М. С. Горбачева подтвердилось широкой кампанией в СМИ по дискредитации В. И. Ленина и концепции «истинного социализма» на волне разочарования советского общества как в слабых результатах перестройки, так и ввиду антикоммунистического переосмысления советской действительности.

Так, в 1989-1990 гг. откровенно антиленинскую позицию займут национал-патриотические журналы «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва». Еще 2 января 1989 г. А. Н. Яковлев предупреждал в записке М. С. Горбачева, что в данных изданиях пропагандируются шовинистические, националистические и антисоциалистические идеи. По мнению автора, в изданиях утверждалось, что Октябрь 1917 г. обернулся большими жертвами для народа, был следствием заговора инородных сил. Более того, в «Нашем современнике», указывал Яковлев, впервые излагались взгляды ярого антисоветчика-диссидента А. И. Солженицына на советский строй как изначальной кровавый и репрессивный. Этот факт констатировался как политический акт против перестройки[437]. В дальнейшем взгляды редакции журналов радикализируются и перейдут в откровенную критику личности В. И. Ленина и марксизма-ленинизма на страницах издания.

---

[435] Шерлок Т. Указ. соч. С. 152-153.
[436] Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6321206/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).
[437] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 393. Л. 1-2, 11.

Антисоветские метаморфозы произошли с популярными леволиберальными журналами «Огонек», «Знамя», «Новый мир» и «Октябрь». За 1989-1990 гг. в них стали преобладать критические статьи против социализма, большевизма, политики В. И. Ленина. Напротив, издания идеализировали капиталистическое общество, дореволюционную историю России, лидеров «белого движения» и рассматривали альтернативные варианты развития российского государства в соответствии с идеями Февральской революции[438]. Антикоммунистическую риторику журналов подхватила неформальная демократическая пресса. Полная свобода мнений и суждений в периодике обрушила легитимность советского строя и сподвигла многие издания перейти в лагерь антисоветских СМИ.

К 1989-1990 гг. одной из самых массовых неформальных газет стала «Свободное слово», поскольку её парадигма находила массовый спрос среди разочарованной публики и не встречала никакого сопротивления со стороны политического режима. Выпуски издания отличались тематической стабильностью. В № 4 от 1989 г. читателям предлагалось на основе выработанных редакцией теоретических конструктов, поучаствовать в критическом разборе ленинизма и культа В. И. Ленина. Чтобы направить творчество аудитории в нужное изданию русло, приводился список цитат Ленина и краткий комментарий к ним, объясняющий методы работы с высказываниями советского вождя[439].

На основе новых приемов критики была написана статья М. Нестерова «О Ленине и не только о нем» в № 27 от 1989 г. Автор пытался проанализировать деятельность В. И. Ленина и всей большевистской партии через обращение к ортодоксальной марксистской теории. Нестеров подмечал теоретические

---

[438] Гордина Е. Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987-1991 гг. Тематический анализ: дис. … канд. истор. наук: 07.00.09 / Гордина Елена Дмитриевна. Нижний Новгород, 2004. С. 188-189; Петропавловская Е. М. Проблемы отечественной истории в литературно-художественных и общественно-политических журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» 1985-1991 годов (Структурно-Тематический анализ): дис. …канд. истор. наук: 07.00.09. / Петропавловская Елена Михайловна. Нижний Новгород, 2008. С. 127-133.

[439] Осипов А. Уметь скрыть правду, или с коммунистическим приветом Ленин // Свободное слово. 1989. № 14. С. 2.

отступления Ленина от учения К. Маркса, повторял ставшим классический лозунг о наследовании сталинизмом всех негативных черт ленинизма[440].

Уже в № 5 от 1990 г. В. И. Ленин критиковался как аморальный политический деятель, создавший беспощадную политическую систему тотального террора[441]. В № 11 от 1990 г. разбирался миф о НЭПе. В статье утверждалось, что данной политикой Ленин хотел обмануть русский народ и от своих кроваво-тоталитарных методов управления экономикой отказываться не желал[442]. В № 12 от 1990 г. с точки зрения христианской этики аргументировался тезис об уничтожении Мавзолея Ленина как символа идолопоклонства[443].

В итоге советская система теряла доверие масс ввиду преобладания «мятежного дискурса». О его усилении можно судить по количеству антиленинских материалов и статей, опубликованных только в 1990 г. На тот момент уникальных публикаций было около 10 тысяч[444].

Политический режим ответил на разросшуюся критику кампанией по защите образа В. И. Ленина, постепенно ограничивая политику поиска «истинного социализма». Так, сомнительные попытки уберечь В. И. Ленина от критики и придать ему более приближенный к реальности образ, можно наблюдать в статье В. Баранова «Правда Ленина, правда жизни» № 345 газеты «Правды» от 1989 г. Разбивая привычные стереотипы о Ленине как священном символе советской системы, автор предлагал читателю спорную альтернативу. Авторский «Ленин» оказался чересчур зависим от общественных закономерностей, не застрахован от политической ошибки, не уверен в себе и собственных силах. Подобный образ в период наметившегося идеологического кризиса только подстегивал деконструкцию основ существующего режима. Данная публикация иллюстрирует

---

[440] Нестеров М. О Ленине и не только о нем // Свободное слово. 1989. № 27. С. 1-2.
[441] Орлов-Римин Н. О ленинизме в свете общечеловеческой морали // Свободное слово. 1990. № 5. С. 3.
[442] Михайленко Н. Каков он был ленинский НЭП? // Свободное слово. 1990. № 11. С. 1, 3.
[443] Парфенов Ф. Живой труп, или Могила Ленина – колыбель человечества // Свободное слово. 1990. № 12. С. 1.
[444] Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. С. 227.

факт неспособности партийного издания адекватно реагировать на меняющуюся парадигму и противопоставить ей рабочую контридеологему[445].

В дальнейшем протекцию ленинского мифа продолжили в 1990 г. в номерах: 3[446], 93[447] и 181[448] «Правды». Однако по содержанию и аргументации данные статьи уступали проработанным и системным антиленинским кампаниям антикоммунистических изданий.

Одна из причин провала КПСС в защите образа В. И. Ленина состояла в практической беспомощности партийного аппарата отстоять мифы советской системы. Многие пропагандисты назначались на свои посты в рамках постоянной смены кадров не за свои умения, а за политическую благонадёжность. А потому они плохо знали предмет, им также не хватало навыков вести дискуссии с идейными оппонентами. Более того, аппаратные работники теряли политический авторитет в глазах народа, что делало любую попытку аргументировать партийную линию неэффективной[449]. Поэтому партийное руководство искало иные средства, способные если не полностью остановить очернение ленинского символа, то хотя бы снизить накал критики.

В 1990 г. под давлением обстоятельств образ В. И. Ленина переосмыслили в партийной пропаганде с целью его реабилитации и создания эффективных средств защиты ленинского мифа. Так, на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС в конце января 1990 г. обсуждалась проблема догматизации ленинского учения. Участники дискуссии признавали, что сложилась целая система принципов, изображавших одну единственно правильную версию марксизма-ленинизма, тогда как все остальные варианты подвергались осуждению и обличению. Такой новаторский взгляд был закреплен и творчески развит в документе ЦК КПСС «К 120-летию со дня рождения В. И. Ленина». В тексте документа утверждалось, что Ленин не оставил никакой программы социалистических преобразований и что

---

[445] Баранов В. Правда Ленина, правда жизни // Правда. 1989. № 345. С. 2.
[446] Волков Г. Хмурое утро? Размышление над письмами читателей о новом облике социализма // Правда. 1990. № 3. С. 4.
[447] Старцев В. Мы – с Лениным // Правда. 1990. № 93. С. 4.
[448] Занин В. Не впадая в нигилизм // Правда. 1990. № 181. С. 3.
[449] Шерлок Т. Указ. соч. С. 193.

его идеи следует возвратить в разряд реальных, а не лишь провозглашаемых[450]. Тем самым признавался провал политики партийного руководства по поиску «истинного социализма» в работах вождя, а в повестке КПСС формировался запрос на презентацию объективного образа Ленина.

В том же году концепция «реалистичного» переосмысления В. И. Ленина была апробирована партийным журналом «Коммунист». Так, редакция журнала выдвинула тезис о ложной интерпретации идей Ленина советскими идеологами и государственными деятелями до начала перестройки. Вследствие этого партия применяла искаженное ленинское учение на практике, приведшее к упадку и кризису советского общества. Редакцией ставилась цель восстановить учение Ленина, обновить образ вождя и создать условия для эффективного действия ленинской мысли в советской действительности. Но постепенно на страницах издания интерес к В. И. Ленину как к политической фигуре сменялся увлечённостью «голой жизнью» вождя. В журнале стали преобладать физиологические темы ленинской родословной, здоровья, психики и смерти. Персонаж, вокруг которого воздвигался божественный культ, превращался в обмирщённую историческую фигуру, обладавшую своими слабостями и недостатками. Продвигаемая журналом идея «очеловечивания» Ленина нанесла больше вреда коммунистическому режиму, чем пользы, так как деконструировала священный образ – основу советской политической мифологии. В итоге к концу 1990 г. Ленин потерял легитимность, а вместе с ним её утратила правящая власть[451].

Несмотря на серьёзные репутационные потери и идеологические провалы, к 1990 г. реформаторы добились своей основной задачи, используя исторический ревизионизм для оправдания трансформации прежней системы. Политические и экономические преобразования шли в течение 1988-1990 гг. и привели к созданию парламента, реформе партии и государственного управления, обеспечению свободы слова, а также поспособствовали введению рыночных элементов в

---

[450] Цит. по: Котеленец Е. А. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография: монография. М., 1999. С. 51-52.

[451] Юрчак А. В. Если бы Ленин был жив, он бы знал, что делать: Голая жизнь вождя… // Новое литературное обозрение. 2007. № 83(1). С. 189-204.

плановую экономику. СССР был радикально демократизирован и избавлен от многих пережитков административной системы.

Таким образом, ревизионистская «историческая политика» М. С. Горбачева достигла дискредитации тоталитарной политико-экономической системы в общественном сознании. Поначалу действия партии по деконструкции сталинских политических мифов вызвали интерес и приобрели широкую поддержку в массах. В свою очередь, благодаря концепции «истинного социализма» власть идеологически обосновала радикальные реформы в рамках пропагандистках кампаний, отсылающих к ленинским и бухаринским идеям. Но непродуманность, хаотичность «исторической политики», как и искусственность, неубедительность концепции «истинного социализма», ввергли официальную повестку в противостояние с силами, защищавшими национальные и ортодоксально-коммунистические символы, а также либерально-демократическим «мятежным дискурсом», сначала настаивавшим на разоблачении сталинизма и тоталитаризма, а затем, по мере радикализации исторической критики, на отторжении социализма и ленинизма в целом. В ходе противостояния команда Горбачева благоволила «леволиберальным силам» как наиболее прогрессивным в данных условиях. Поддерживая стремления «левых» в их исторических и философских поисках истоков кризиса советского общества – партийное руководство легализовало глубокую критику как прошлого страны, так и социалистической системы, построенной на неприкосновенных советских мифах об Октябрьской революции и В. И. Ленине. Впрочем, реформаторы не сумели взять в рамки обострившуюся дискуссию, а заодно вынужденно дезавуировали концепцию «истинного социализма». В этих условиях десакрализация базисных мифов продолжилась. Тем самым горбачевская команда и «левые» надломили идеологический фундамент политического режима, что привело к разочарованию масс в прежней системе. В итоге в народной среде все чаще звучали призывы отказаться не только от административной, но и от «модернизированной» социалистической системы как неспособной обеспечить полную реализацию прогрессивных реформ.

Глава 3. Углубление демократических преобразований в контексте новой идеологической парадигмы (1988-1990)

3.1. Программа политической модернизации: проблема построения «социалистического правового государства» и «республики Советов»

В конце 1987 г. план политического переустройства советского государства выглядел довольно эфемерно, поскольку не содержал стратегии системной демократизации. В 1986-1987 гг. партия в политической сфере ограничилась легализацией публичной критики в рамках гласности, проведением экспериментальных альтернативных выборов в местные Советы, а также следованием новым подходам в управлении и кадровой работе. В этом разрезе подготовка к будущей XIX Всесоюзной партийной конференции требовала создания четких ориентиров для успешного обоснования и проведения преобразований. Так, на заседании Политбюро 17 декабря 1987 г. М. С. Горбачев обозначил обобщенные контуры концепции конференции. Первоначально она включала в себя проведение судебной реформы, изменение избирательной системы, а также вопрос о новой роли партии как политического авангарда, освобождаемой от несвойственных ей хозяйственных функций. Эти функции передавались Советам, что неминуемо повышало роль представительных органов в социалистической системе[452].

Полноценную концепцию политической модернизации СССР генеральный секретарь представил 18 февраля 1988 г. на пленуме ЦК КПСС в докладе «Революционной перестройке – идеологию обновления». Детали подготовки выступления проясняют заметки советского лидера. Всего их существовало три, самые ранние были записаны 17 декабря 1987 г. и 22 января 1988 г. На основании последней диктовки 28 января 1988 г. А. С. Черняев и В. М. Фалин составили

[452] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 280.

предварительный текст доклада. Окончательный вариант выступления к Пленуму подготовил В. И. Болдин[453].

В речи генсека перестройка политической системы предполагала внедрение специального правового и демократического механизма, препятствующего субъективизму и случайности в принятии важных стратегических решений. Фактически М. С. Горбачев в иносказательной форме предлагал принятие юридических основ для создания правового государства, что ограничило бы всевластие партийно-государственной номенклатуры. Прямо о форме правового государства не говорилось, ибо данный термин рассматривался в советском правоведении негативно, как элемент буржуазного права и был чужд советскому лексикону[454]. В целом, политические преобразования в речи генсека исходили из реализации на практике трех фундаментальных положений: реализации полновластия Советов как стержня социалистической системы, разграничении правомочий между партией как политической структуры и государственными органами, а также в повышении активности общественных организаций[455]. Все обозначенные проблемы предстояло обсудить на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Правящее руководство, актуализируя идею политической реформы, преследовало несколько тактических задач. Во-первых, реформаторы создавали легальные политические институты для участия в них союзных перестройке социальных сил. Во-вторых, новые структуры обеспечивали стабильность государству путем увеличения возможностей политического участия со скоростью, превышающей или равной скорости политической мобилизации, вызванной гласностью. В-третьих, обновление политической системы частично подрывало

---

[453] Артемов А. В. Идеология обновления в риторике М. С. Горбачева как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском пленуме ЦК КПСС 1988 г.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. Вып. 2 (37). С. 106-114.

[454] Вестов Ф. А. Политико-правовые представления о правовом государстве в советский период // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. Т. 9. В. 1. С. 63-67.

[455] Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 32-34.

власть старых элит, которые, по мнению команды М. С. Горбачева, мешали процессам демократизации. Достижение данных задач подкреплялось и обосновывалось реформаторами тезисом о безальтернативности реформ, чтобы дискредитировать в общественном сознании масс как более радикальные стратегии преобразований, так и призывы к определению более строгих рамок процессу перемен[456].

Как фиксировал в своем дневнике В. И. Воротников, в период подготовки к февральскому пленуму Политбюро не извещалось о том, что М. С. Горбачев разрабатывает целую политическую программу. Дискуссии на Политбюро велись исключительно вокруг вопросов школьной реформы. Тем самым пленум утвердил концепцию генсека без предварительного одобрения доклада центральным руководящим органом партии – такое происходило впервые со времен Н. С. Хрущева и нарушало принцип коллегиальности в вопросах принятия важных для страны решений[457]. Видимо, не все во властных верхах, по мнению советского лидера, были готовы принять столь радикальные тезисы об изменении содержания политической системы. Так или иначе стремительная тактика Горбачева сработала, и сопротивления своим предложениям он не встретил ни на пленуме, ни на последующих заседаниях Политбюро[458]. Отсутствие открытой оппозиции курсу Горбачева заключалось в пока еще беспрекословном авторитете генсека.

М. С. Горбачев в мемуарах объяснял необходимость подготовки своего доклада несоответствием повестки пленума, посвященного реформе школы, текущему моменту. В обществе в ходе демократизации нарастал раскол в идейно-политическом спектре ввиду обострившихся противоречий в национальной, духовной сфере[459]. Поэтому генеральный секретарь решил не только идеологически обосновать проводимые преобразования с целью снять сопровождающий их антагонизм, но и конкретизировать реформы в допустимых пределах социалистической традиции.

---

[456] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 397-399.
[457] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 215-216.
[458] Там же. С. 219.
[459] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 378.

Несмотря на поддержку пленумом нового политического курса, до апреля 1988 г. советский лидер предпочитал основные элементы преобразований партийно-государственных структур рассматривать с ближайшими соратниками. Так, 1 марта 1988 г. генеральный секретарь обменивался мнениями с помощниками по поводу концепции предстоящей партийной конференции. В сохранившейся стенограмме собрания генеральный секретарь предложил подготовить страну и партию к восприятию радикальных идей конференции. В итоге родилась мысль о публикации предварительных тезисов с широким обсуждением в партии и обществе. Далее М. С. Горбачев сфокусировал внимание участников собрания на разработке конструктивных предложений по возрождению и внедрению ленинских идей в политическую практику советского общества. Генсек рассуждал о возвращении к ленинской концепции «республики Советов» и партии нового типа как отправной точки для раскрытия потенциала социалистического строя[460].

По мнению В. А. Медведева, у М. С. Горбачева к апрелю 1988 г. уже сложился четкий план по переустройству старой политической системы. Как раз в этом месяце шла серьезная работа над предварительными тезисами. В теоретических поисках принимали участие ближайшие помощники и единомышленники генерального секретаря: А. Н. Яковлев, Г. Х. Шахназаров, А. С. Черняев и др. Важнейшие предложения вращались вокруг следующих вопросов – реализации на практике принципов правового государства, утверждении реального контроля со стороны Советов за деятельностью партийно-государственных органов, органичном разделении функций партии и государства, привлечении широких масс к управлению, а также проведении демократизации КПСС[461].

Апробировать содержание высказанных помощниками идей М. С. Горбачев смог на трех совещаниях с первыми секретарями компартий союзных республик, крайкомов и обкомов от 11, 15 и 18 апреля 1988 г. В выступлении от 11 апреля генсек подробнее обосновал ленинскую концепцию партии как политического авангарда. По мнению советского лидера, КПСС «погрязла» в хозяйственной

[460] АГФ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 73, 76-78.
[461] Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. С. 72-74.

деятельности, что ослабило функционал государственных органов, понизило ответственность руководителей на местах. В модели генерального секретаря партия должна была взять на себе политические, идеологические, организационные полномочия, реализовывая генеральную линию КПСС через Советы, кадры и иные организации. В этом и состоял новый механизм партийного влияния. Более того, по убеждению генсека, в рамках реорганизации партийных структур отпадала надобность в отраслевых отделах ЦК. Таким образом, трансформация КПСС обосновывалась возвращением к «ленинским корням» и освобождением компартии от лишней компетенции, мешавшей ей эффективно проводить идейно-политические и организационные мероприятия. Горбачев пытался эмоционально убедить в этом первых секретарей: «И когда партии при такой загруженности… заниматься политикой, международными делами..., идеологией, обороной?!»[462].

К тому же генсек представил перед секретарями план масштабных преобразований в Советах, общественных организациях, обосновал изменения в правовой системе на основе модели социалистического правового государства. Дабы успокоить партийную элиту и предвосхитить обвинения в умышленном изъятии у КПСС властных механизмов, генсек предложил выбирать на новую должность председателя президиума Совета первого секретаря партийного комитета соответствующего территориального уровня (позднее введут должность председателя Совета, на которую будет баллотироваться первый секретарь). По такому сценарию КПСС формально оставалась лидером в обществе, возглавляя Советы через своих ставленников. Тем не менее последним предстояло пройти голосование в Совете, что делало победу кандидата от парткома не предрешенной[463].

М. С. Горбачев считал, что этап гласных выборов в представительном органе за место председателя президиума Совета раскроет общественную активность граждан, привлечет советский народ к участию в обновленных политических

---

[462] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 314, 328.
[463] Там же. С. 315-316.

институтах. В итоге участники совещаний полностью поддержали предложения генерального секретаря. Особенно активно вносились поправки в рамках предстоящей партийной демократизации[464].

В апрельских выступлениях генсек сформулировал идеал общества, отсылающий к модели ленинского социализма образца 1917 г., когда партия большевиков еще не переродилась в авторитарную структуру с хозяйственным и политическим диктатом и терпимо относилась к демократическому творчеству лояльных партии масс. К тому же представленный романтический образ помог М. С. Горбачеву оправдать все дальнейшие нововведения как продолжение ленинских заветов[465].

Тем временем первый набросок предварительных тезисов советскому лидеру представили помощники – И. Т. Фролов и Г. Х. Шахназаров 22 апреля 1988 г. Текст создавался на основе диктовок М. С. Горбачева, выступлений на прошедших апрельских встречах с секретарями парткомов и ранее обсуждаемого с соратниками материла[466]. Всего тезисов было восемь. Большинство из них носило обобщенный и развернутый характер. К примеру, первый тезис выполнял целевую функцию и определял идеал предстоящей демократизации в достижении гуманного социализма, подпитываемого общечеловеческими ценностями. Во втором пункте развивались положения февральского пленума 1988 г. о расширении и утверждении в обществе обновленческой идеологии перестройки путем обеспечения социалистического плюрализма мнений. Положение в социально-экономической сфере, вкупе с темой научно-технического прогресса, разбиралось в третьем тезисе. В четвертом пункте обосновывались политические реформы и ставились первостепенные задачи в ходе данных преобразований. Глубокое переосмысление роли и структуры КПСС в духе политического авангарда общества рассматривалось в пятом тезисе. Шестой тезис призывал вернуться к ленинской концепции «республики Советов» с массовой и полновластной представительной

[464] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 128. Л. 5-10.
[465] Бреслауэр Дж. Указ. соч. С. 99.
[466] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 41. Л. 64.

системой. В седьмом положении утверждались признаки и принципы правового социалистического государства, а также этапы судебно-правовой реформы. Восьмой пункт повествовал о расширении роли общественных организаций в политических процессах страны[467].

Из содержания текста можно заключить, что общетеоретические суждения занимали непропорционально много места, нежели практические предложения. Из восьми пунктов первый, второй и четвертый касались абстрактных рассуждений. В том числе скупо описывались обострившиеся в 1988 г. межнациональные отношения и практически никак не затрагивался международный раздел – один из важнейших атрибутов политической риторики М. С. Горбачева. Далее тезисы подверглись редакторской работе.

В дальнейшем генеральный секретарь сосредоточился на раскрытии всесоюзного значения предстоящей конференции на встрече с руководителями СМИ и творческих союзов от 7 мая 1988 г. В подготовленных тезисах к беседе М. С. Горбачев обозначил основную миссию конференции в определении политических структур, гарантирующих необратимость процессов демократизации и самой перестройки. Конференция, по мнению генсека, не только придала бы импульс преобразующим силам, но и создала бы такую атмосферу в обществе, чтобы «консервативные» круги окончательно поняли безнадежность своих попыток затормозить перестройку[468].

В стенограмме совещания докладчик объявил, что тезисы к конференции будут опубликованы за месяц до ее созыва, то есть в мае 1988 г. Перед слушателями генсек повторил свои прошлые умозаключения насчет ленинской концепции партии как политического авангарда, повышения функционала Советов и конкретных мер по демократизации КПСС. Наиболее полно и объемно раскрывалась идея социалистического правового государства, о коей ранее публично говорилось довольно поверхностно. Генеральный секретарь утверждал, что стремление к данной модели невозможно без качественной судебно-правовой

[467] Там же. Л. 65-101.
[468] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 129. Л. 2, 5.

реформы. Нынешнее законодательство, как считал генсек, не удовлетворяет правовому идеалу, поскольку отсутствуют четкая компетенция государственных и партийных органов. Подготовку к данной реформе должна быть сформулирована как задача на конференции[469].

В дальнейшем разработанные тезисы были одобрены пленумом ЦК от 23 мая 1988 г. Участники пленума, правда, критиковали содержание документа за недоработку вопроса по концепции партии как политического авангарда, как руководящей силы общества. М. С. Горбачев обещал членам ЦК внести их предложения в доклад, поскольку расширение тезисов сделало бы их чересчур громоздкими[470].

Отредактированные тезисы опубликовала газета «Правда» 27 мая 1988 г. Всего тезисов оказалось десять. Они прошли серьезную переработку за счет сокращения обобщенных формулировок и конкретизации каждого предложения. Первый тезис констатировал, что советская однопартийная система должна сочетаться с демократизацией на основе социалистических ценностей и с широким обменом мнений. Второй тезис постулировал необходимость реформирования политической системы советского общества. Цель реформ состояла в привлечении народа к государственному управлению и завершении становления правового государства. В третьем и четвертом пункте рассматривались проблемы экономической реформы и научно-технического прогресса. Пятое положение предлагало преобразование КПСС в духе реабилитации ленинской концепции партии как политического авангарда. Сюда же включили неотложные шаги по демократизации КПСС, восстановлению в ней принципа демократического централизма, внедрению широкой выборности и состязательности внутри партии, а также трансформации структуры партийного аппарата. В шестом тезисе раскрывалась идея реализации в полном объеме полномочий Советов народных депутатов как полновластных органов. Для достижения этой цели предлагалось

---

[469] Там же. Л. 77.

[470] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 379-382.

расширить материально-финансовые возможности Советов, гласность их публичной работы, провести реорганизацию внутренней структуры, подчинить исполнительные государственные органы представительным, а также реформировать Верховный Совет, кардинально повысив его роль как высшего органа власти[471].

Восьмой пункт формулировал идею социалистического правового государства. Она заключалась в верховенстве закона, выражающего волю народа. Утверждалось, что граждане и общенародное правовое государство несут перед друг другом взаимную ответственность. Государство гарантировало создание правовых условий, в коих советские люди могли бы реализовать конституционные свободы. Далее предлагалось провести правовую реформу, чтобы избавиться от деформаций социализма и начать большую работу по совершенствованию советского законодательства. При обновлении законодательства законотворцы должны были следовать следующему принципу: разрешено все, что не запрещено законом. О новой роли общественных организаций, представляющих интересы различных социальных групп, объявлял девятый тезис. Оговаривалась, что данные организации будут реорганизованы, освобождены от опеки со стороны государства и партии. Они получат право участвовать в политической жизни страны, влиять на социальные процессы в государстве. Провозглашалось, что советское общество признает только те общественные организации, что действуют в рамках конституции и не противоречат своей деятельностью принципам социалистического строя. Десятый тезис затрагивал вопросы международной политики[472].

Параллельно разработке тезисов шла подготовка доклада М. С. Горбачева к предстоящей XIX партийной конференции. К 28 апреля помощники генсека сформулировали план-проспект доклада. В нем важное место занимало идеологическое обоснование политической реформы. Так, в тексте предлагалось

---

[471] Тезисы Центрального комитета КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции // Правда. 1988. № 148. С. 1-2.
[472] Там же. С. 3.

строить надстройку социализма, опираясь на идеи марксизма-ленинизма с учетом всего прогрессивного опыта XX столетия. В плане декларировалось, что соединение лучших достижений мировой мысли с коммунистической теорией поможет на более высоком уровне решить проблемы отчуждения человека от власти и собственности, чем это было возможно в прошлом[473]. Тем самым осмысление и принятие реформаторами прогрессивных неканонических идей становилось залогом успешного претворения в жизнь идеалов Октября. Этот процесс способствовал изменению представлений о сущности нового строя, который обозначался в тексте как «гуманный социализм», где развитие человека стало бы острой социальной необходимостью[474].

В этом случае можно наблюдать, как концепция социализма «с человеческим лицом» все сильнее укреплялась среди ближнего круга генсека и влияла на риторику М. С. Горбачева. Так, тезисы о «гуманном социализме» как прогрессивном строе и политическом идеале будут использованы в докладе Горбачева на XIX Всесоюзной партийной конференции.

Между тем тема адаптации достижений мировой мысли в социалистическую теорию и практику была продолжена и конкретизирована в проекте доклада «О некоторых итогах перестройки и дальнейшей демократизации общества и партии» от 29 мая 1988 г. В частности, в идеологической сфере с помощью ленинской концепции социалистической культуры оправдывалась практика усвоения несоциалистических идей, если в них присутствовало «здравое начало»[475]. Оговаривалось также создание особых стимулов для граждан и общественных организаций, чтобы мотивировать их принять активное участие в политическом самоуправлении. В структуре данных стимулов концентрировались все достижения общественных наук о человеке: психология личности, групп, социология реальных общественных процессов[476].

---

[473] АГФ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 31.
[474] Там же. Л. 40-41.
[475] Там же. Л. 199.
[476] Там же. Л. 233-235.

По существу, в тексте плана-проспекта и проекта доклада авторы предприняли попытку легитимизировать использование альтернативных теорий и практик для интенсификации политической реформы. Подобный шаг мог встретить противодействие от более ортодоксально мыслящих руководителей партии. Примечательно, что, по воспоминаниям генсека, подготовка доклада шла напряжено ввиду размежевания позиций среди реформаторов и страха перед потенциальным реваншем «консервативных» сил на самой конференции[477]. В мемуарах А. С. Черняев подтверждает опасения советского лидера из-за возможных протестов со стороны членов Политбюро, поскольку в новой политической системе многим из них уже не было места[478].

Тем не менее финальное обсуждение доклада на Политбюро от 20 июня 1988 г. прошло спокойно. План политической реформы поддерживали все присутствующие. Высказывались лишь критические замечания по конкретным элементам текста. В частности, Е. К. Лигачев признавал пункт о совмещении постов секретаря партийного комитета и председателя Совета как противоречащий тезису о разделении полномочий КПСС и государственных органов. Скептическую позицию занял В. И. Воротников, ставя под сомнение необходимость легализации нового органа – Съезда народных депутатов и общую готовность Советов взять на себя всю полноту власти в нынешней ситуации без правовой базы, необходимой политической культуры и финансовой автономности[479]. Вопреки очевидному несовершенству содержательной части доклада – текст оставили без существенных правок.

XIX Всесоюзная партийная конференция прошла с 28 июня по 1 июля 1988 г. На ней М. С. Горбачев выступил с докладом «О ходе реализаций решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки». В речи оратор подверг обличению нынешнюю политическую систему, обвинив последнюю в торможении экономических преобразований и процессов перестройки. Тезис о «механизме

---

[477] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 390.
[478] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 216.
[479] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 237-239.

торможения» и деформациях социализма послужил докладчику в целях оправдания кардинальных мер по преодолению костной административно-командной структуры[480].

В целом выступление генсека оказалось умеренным и взвешенным в части теоретических новаций и критики политической системы по сравнению с прошлыми вариантами доклада. Например, в майском проекте утверждалось, что ленинская система была полностью демонтирована в 1930-х гг., тогда как в финальном тексте речь шла только о серьёзных деформациях, которым подвергся социализм[481]. Несмотря на сглаживание острых углов, основной запрос на соединение марксизма, советского строя с лучшими достижениями мировой мысли в рамках достижения гуманного социализма оставили в докладе.

Во время обсуждения доклада М. С. Горбачева делегаты в массе своей высказывали суждения, соответствующие партийной линии. Однако среди лояльного большинства выделились ораторы, предлагавшие использовать более кардинальные меры при осуществлении политической модернизации.

В частности, теоретик радикальной экономической реформы Л. И. Абалкин считал, что правовое государство возможно достичь только в рамках гражданского общества с сильными горизонтальными связями. Академик Г. А. Арбатов поднял вопрос о свободном участии беспартийных в руководстве Советов районного и областного уровня, а также настаивал на возможности предлагать от парткома нескольких кандидатов при выборах председателя Совета. Тему демократизации уже партийных выборов аргументировала представитель фабрики «Якуталмаз» О. М. Захарова. В ее представлении выборы секретарей парткомов, вплоть до ЦК, должны проводиться отдельно и тайным голосованием[482]. Проблемы взаимодействия Советов и КПСС разбирал первый секретарь Ростовского обкома Б. М. Володин. Он считал, что для лучшей работы Советов необходимо создать

---

[480] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 46-48.
[481] АГФ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 227.
[482] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 118, 159, 325.

условия для сменяемости представителей местного партийного аппарата, а также частично обновлять состав парткома в период между конференциями[483].

Радикальное выражение альтернативных подходов к политической реформе просматривается в выступлении замминистра Госстроя СССР Б. Н. Ельцина. В речи оратора критиковалась как подготовка к конференции, так и медлительность, половинчатость реформ. Выступление «опального московского секретаря» носило ярко выраженный социальный и антибюрократический характер. Ельцин считал, что реформы нужно начинать раньше и как раз с партии, поскольку она отстала от развёртывающихся преобразований, допустила разложение руководящего состава, в том числе членов Политбюро. Обращаясь к положениям доклада М. С. Горбачева, Ельцин выступил против соединения должностей первого секретаря парткома и председателя Совета. В вопросе демократизации выборов спикер настаивал на том, чтобы избирать секретарей, генерального секретаря ЦК, Политбюро общими, прямыми и тайными выборами партийцев. Продолжая свою мысль, Ельцин предлагал обновлять все Политбюро с приходом нового генсека. Заключая выступление, Ельцин потребовал кардинально сократить партийный аппарат (в обкомах в 2-3 раза, в ЦК в 5-6 раз) и полностью отказаться от отраслевых отделов[484].

Таким образом, на партийной конференции впервые озвучивалось альтернативные мнения. Тезис о безальтернативности перестройки, который преподносил все решения власти как необходимые и рациональные, впервые дал трещину. В дальнейшем радикальные стратегии преобразований приобретут политический характер и станут ориентиром для зарождающегося как внутри КПСС, так и в советском обществе оппозиционного движения.

Несмотря на иные точки зрения, большинство из предложенных мероприятий в докладе генсека были закреплены в специальных резолюциях, приравниваемых к партийным поручениям. Так, в резолюции «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны»

---

[483] XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 53.
[484] Там же. С. 55-61.

предписывалось провести до конца года реорганизацию партийного аппарата, руководствуясь принятыми решениями о разделении функций партии и Советов[485].

В резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы» утверждалась новая управленческая модель в виде Съезда народных депутатов как высшего органа власти страны. Предполагалось обновить функционал нижестоящих Советов, а также Верховный Совет как двухпалатный распорядительный, контрольный и законодательный орган и ввести должность председателя Верховного Совета. В данном документе получили поддержку идеи правового социалистического государства, допуска общественных организаций к участию в политической жизни страны и коренной демократизации партии. Необходимость правовой реформы рассматривалась в резолюции «О правовой реформе»[486]. Триумфально завершив конференцию, М. С. Горбачев легитимизировал концепцию политических реформ.

Уже на пленуме от 29 июля 1988 г. генсек придал концепции императивный характер. На заседании определились конечные сроки преобразований. В частности, М. С. Горбачев предложил к весне 1989 г. завершить реформу политической системы. В постановлениях пленума рамки для внедрения нововведений конкретизировались. Например, после принятия в октябре 1988 г. проектов Закона «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР» и Закона «О выборах народных депутатов СССР» следовало провести выборы народных депутатов в марте 1989 г., чтобы уже в апреле созвать Съезд народных депутатов. Для расширения полномочий Советов, правового поддержания их компетенции предписывалось подготовить в 1989 г. проект Закона «О местном самоуправлении». Укрепление основ социалистического правового государства и правовую реформу планировалось осуществить до середины 1989 г. А до конца

---

[485] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г. М., 1988. С. 106.
[486] Там же. С. 120-128, 145-148.

1988 г. необходимо было произвести тотальную перестройку аппарата КПСС и её внутренней структуры[487].

Забегая вперед, следует сказать, что большинство сроков оказалось нарушено. Некоторые обещания, вроде немедленной реорганизации аппарата КПСС в центре и на местах до конца 1988 г., будут исполняться вплоть до августа 1991 г.

Анализируя содержание принятых конференцией резолюций и разработанных пленумом постановлений, можно заключить, что источником для идеологического обоснования горбачевских новаций выступали не только марксистско-ленинские принципы, но и т. н. «достижения прогрессивной мировой мысли», позаимствованные реформаторами из либеральной политической теории. Интеграция противоположных идеологий происходила в рамках теории конвергенции, предполагавшей синтез лучших черт социалистической и либеральной философии в единую доктринальную модель. Тем не менее открыто реформаторы об использовании идей теории конвергенции не говорили, а маскировали данный процесс терминологическими эвфемизмами.

На первых порах наиболее радикальной идеей была концепция социалистического правового государства, поскольку она оказалась терминологически чужда для советского общества. Тем не менее концепцию с большими усилиями приводили к социалистической форме, но не содержанию, чтобы с её помощью придать общественным отношениям строго правовые и конституционные формы[488].

К тому же концепция социалистического правового государства интерпретировалась реформаторами как легальный предохранитель против рецидива массовых беззаконий сталинского периода и застойных явлений брежневской эпохи. Так, о создании правового механизма, защищавшего общество от исторических ошибок, писал Н. И. Рыжков в своем непрочитанном докладе к

---

[487] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. М., 1988 С. 5, 40-42, 46-47.

[488] Придворов Н. А., Ларина, Е. А. Горбачевские реформы и либеральные правовые идеи // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1 (19). С. 130-141.

XIX Всесоюзной партийной конференции: «...Мы должны обеспечить такие гарантии, которые делали бы невозможным возврат к старому... мы увидели, что можно жить по-новому... и должны обезопасить общество от повторения прошлого»[489]. Во многом антисталинская и антибрежневская истерия, охватившая общество в рамках исторической гласности, позволила команде Горбачева обосновать приближение концепции социалистического правового государства к общедемократическому стандарту, показавшему свою эффективность, а не разрабатывать самобытную версию правового государства.

В ходе анализа представлений юристов-теоретиков, реформаторов о природе правового государства в СССР становится очевидно, что советская модель мало чем отличались от тех положений, что были актуальны в западной науке. Так, в теоретических изысканиях юриста и помощника М. С. Горбачева по правовым вопросам В. Н. Кудрявцева идея правового социалистического государства рассматривалась неотрывно от торжества закона и реализации народного самоуправления. Предполагалось, что справедливая форма государственных гарантий обеспечит основные права и свободы граждан, деэтатизацию общественной жизни, а также позволит эффективнее бороться не только с бюрократией и коррупцией, но и с последствиями культа личности, командно-административной системы[490]. В тексте автора признаки и цели правового государства исходили из обновленческих задач перестройки, но никак не согласовывались с советской правовой традицией и мыслями классиков марксизма-ленинизма, на которых ссылается В. Н. Кудрявцев.

При этом еще в 1986 г. позиция ученого соответствовала мейнстриму советского правоведения. Так, В. Н. Кудрявцев писал, что отечественная наука не поддерживает теорию о правовом государстве, считает её ложной концепцией, маскирующей классовую сущность права и государства[491].

---

[489] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 82. Л. 40.

[490] Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. На пути к социалистическому правовому государству // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют: сборник статей / сост. Ю. М. Батурин. М., 1989. С. 11, 17.

[491] Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 34.

Рыночную подоплеку правового государства представил А. Н. Яковлев в подготовительном материале к докладу «О трех истинах развития социализма» от 6 августа 1988 г. Для обоснования радикальных перемен в советской системе автор вводит тезис об антиправовой сущности русской государственности на протяжении всей ее истории: «Нами продолжают управлять люди, а не законы». «Идеолог перестройки» предлагает поменять правовую парадигму, заменив тысячелетнюю модель ущербной государственности на более перспективную, а именно на правовое общество. Это общество основывается на трех принципах: рыночном социализме, нормальном обмене информации в условиях демократии и системе обратной связи на основе законности[492]. Тем самым Яковлев не только воспроизвел либеральное понимание правового государства, но и подвел свои философские рассуждения под первоначальные принципы гражданского общества с рыночной экономикой и развитыми горизонтальными связями между социальными субъектами.

Умеренную версию правового государства в вопросе соотношения партийных и административных полномочий при осуществлении государственной власти сформулировал В. А. Медведев в записке генеральному секретарю «О реформе политической системы и партийного аппарата» от 11 августа 1988 г. Автор настаивал на том, что в правовом государстве административные ведомства должны выйти из прямого подчинения парткомов и работать под руководством государственных инстанций. При этом сохранить партийное влияние в стране, поможет модель, в которой государственный орган будет возглавляться партийным деятелем. В рамках правового государства, считал Медведев, КПСС обязано отстоять авангардную политическую роль при сильной государственной власти. Этот этап стал бы переходным и помог бы заручиться поддержкой у партийных комитетов при продолжении политических реформ[493]. Подобная концепция правового государства соответствовала идеям М. С. Горбачева и реализовывалась на практике в течение 1988-1989 гг.

---

[492] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 185. Л. 5-6.
[493] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 232. Л. 42-44.

Однако в ходе реформаторской деятельности по актуализации принципов правового социалистического государства среди правоведов появились первые сомнения в наличии научно обоснованной концепции у советского руководства[494]. Более того, как уже отмечалось, контуры партийных предложений по правовому государству мало чем отличались от либеральной модели, но открыто не содержали некоторых важных признаков таковой: принцип разделения властей, политический плюрализм, идеи соотношения народного и государственного суверенитета. Подобный расклад мобилизовал научное сообщество требовать полную реализацию буржуазных установок для привидения концепта к системному виду и эффективного завершения судебно-правовой и политической реформы.

В частности, в статье № 2 «Проблемы формирования социалистического правового государства» журнала «Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права» от 1989 г. доктором юридических наук В. Г. Тихиня утверждался примат общечеловеческих ценностей в правовом государстве. Правовая защита личности в таком обществе выходила на первый план. Функционировать правовое государство должно было на основе принципа разделения властей, формируя следующие независимые ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную[495].

В работах доктора юридических наук В. С. Нерсесянца особое внимание уделялось мысли о суверенитете правового советского государства как формы выражения народного суверенитета – источника государственной власти. Государственным суверенитетом он оправдывал монополию государства на насилие. В схеме автора полномочия на справедливые силовые действия государство получает от общества для обеспечения порядка и безопасности в пределах страны. Нерсесянц указывал, что: «Применение силы – это

---

[494] Павликов С. Г., Ралько, О. В. Феномен социалистического правового государства // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 3(22). С. 25-31.

[495] Тихиня В. Г. Проблемы формирования социалистического правового государства // Электронная библиотека БГУ: сайт. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/265785?ysclid=m8qas7t1k677718296 (дата обращения: 26.03.2025)

исключительная его прерогатива и существенный показатель его суверенитета»[496]. В результате ученый в своих рассуждениях раскрыл классическую для буржуазного права мысль о государственном суверенитете, признаваемом народом при заключении общественного договора для установления прочного правопорядка.

Таким образом, внедрение в официальный дискурс концепции социалистического правового государства изменила прежние представления советского народа об идеальном общественном строе, а также провоцировала наиболее радикальных интеллектуалов требовать полной реализации принципов правового государства в рамках западной политической теории. В дальнейшем нарратив о правовом государстве, очищенном от социалистических формулировок, будет использоваться демократами и сепаратистским движением в целях оправдания собственных политических стратегий. Для советских граждан этот термин уже не будет в новинку, что предопределит положительное восприятие народом лозунгов оппозиции, предлагавшей более демократичные условия правовой жизни.

Вместе с тем серьезные противоречия содержались в концепции «республики Советов». Представляется ошибочным теоретическое обоснование М. С. Горбачевым данной концепции как восстановление традиций «Великого Октября». На самом деле, лозунг «Вся власть Советам» во время 1917-1918 гг. относился только к пробольшевистским Советам, находившимися под бдительным контролем партийных структур. Остальные Советы, поддержавшие другие партии или ведущие независимую политику, подлежали насильственному разгону[497]. В период Гражданской войны и НЭПа политика большевиков состояла в насильственном изъятии властных полномочий у Советов и их передаче партии.

Процесс установления полного диктата над системой Советов завершился в 1930-1940-х гг. Несмотря на все ограничения, Советы продолжали отстаивать свои

---

[496] Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / ред. и сост. Э. А. Чиркин. М., 1990. С. 31-32.

[497] Костогрызов П. И. Большевики и советы: динамика взаимоотношений в период «триумфального шествия» «упрочения Советской власти» (на материалах Урала) // Проблемы истории общества, государства и права. 2013. Вып. 1. С. 289-309.

права, что побудило коммунистический режим юридически и фактически ликвидировать в стране автономность представительных органов, передав всю ответственность исполкомам Советов, подчинявшимся исключительно партии[498]. Таким образом, компартия сделала все, чтобы укрепить свой диктат и принизить роль Советов.

К началу перестройки имело место окончательное естественное сращивание представительных и других государственных органов с компартией ввиду господства однопартийной системы. Передача власти Советам в условиях усилившегося хозяйственного кризиса, продолжающейся деконструкции политических мифов коммунистического режима и первых крупных социально-политических столкновений на момент 1988-1989 гг. угрожало КПСС потерей общественного управления. Власть в Советах могли перехватить недовольные неэффективной политикой режима оппозиционные депутаты. В этом ключе ослабление руководящей роли партии, вывод её из хозяйственной, административной жизни страны и сосредоточение на теоретико-политических вопросах лишь создавал питательную почву для подобного сценария. Действия М. С. Горбачева в этом контексте полностью противоречили как теории и практике большевиков, так и складывающейся шаткой ситуации внутри страны.

При этом в реформированной М. С. Горбачевым системе Советов присутствовали существенные отличия с представительными органами периода Октябрьской революции. Так, ленинские съезды Советов формировались на основе многоступенчатых выборов, составляли целую взаимосвязанную систему государственной власти, распространенную вплоть до волостного и городского уровня. Что касается новосозданного Съезда народных депутатов, то он был общесоюзным органом и избирался гражданами на основе всеобщего голосования, а не путем выборов депутатов из нижестоящих съездов в вышестоящие. Различалось и время пребывания в должности депутата[499]. Таким образом,

---

[498] Гаврилов С. О. Эволюция взаимоотношений местных Советов и партийных органов в 1930-е гг. // Известия Томского политехнического университета. 2003. Т. 306. № 2. С. 129-133.

[499] Поронян К. М. Сравнительно-правой анализ советского типа представительства с парламентаризмом в России // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 2 (27). С. 88-92.

нарушались ленинские принципы единства системы Советов, так как низовые органы народовластия периода перестройки были больше муниципальными учреждениями и не влияли на деятельность вышестоящего Съезда народных депутатов.

Более того, в ортодоксальной правовой теории система Советов противопоставлялась традиционному государственному устройству, где политическая власть находилась в руках правительства и парламента. Отечественная модель предусматривала концентрацию управленческих полномочий в Советах снизу доверху, обладавших двойственной природой государственных органов и массовых организаций населения. В классической для марксизма манере Советы обозначались как работающие корпорации[500].

Тем не менее в соответствии с принятым Законом СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» в законодательство вводились либеральные позиции. В частности, реорганизуемый Верховный Совет СССР приобретал черты постоянного парламента, созываемого два раза в год на продолжительные сессии, которые длились по 3-4 месяца каждая[501]. Часть депутатов по обновленной Конституции осуществляло свою представительную деятельность на постоянной основе как профессиональные парламентарии, что противоречило коммунистическим идеям о совмещении депутатской работы с выполнением служебных и производственных функций[502]. Подобная практика, по мнению ранних советских законодателей, отрывала уполномоченных от масс и способствовала формированию паразитического слоя депутатов-парламентариев.

В этих условиях обострились дискуссии о природе советских представительных органов. Позиция реформаторов состояла в преемственности

---

[500] Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 28 ноября-1 декабря 1988 г. Стенографический отчет. М., 1988. С. 12-13.

[501] Закон СССР от 1 декабря 1988 года № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49 (2487). С. 727.

[502] Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 28 ноября-1 декабря 1988 г. Стенографический отчет. М., 1988. С. 165.

ленинским идеалам и продолжении планомерной эволюции советских форм в пределах разграничения полномочий между Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР, председателем Верховного Совета СССР и Правительством СССР. Параллельно формировалась условно либерально-демократическая точка зрения, предполагавшая отказаться от суррогатной советской системы и утвердить постоянно действующий профессиональный парламент[503].

Аргументировано альтернативное видение изложил правовед Б. П. Курашвили в записке А. С. Черняеву «Об организации государственной власти» от 30 июня 1988 г. Учёный критиковал искусственно усложнённую систему двойного высшего представительства, которая, по его мнению, снижает авторитет Верховного Совета СССР фактом его вторичности и производности. Автор предлагал прямыми выборами населением страны избирать главу государства и союзный парламент, чтобы избавиться от «митинговых функций» Съезда народных депутатов СССР и придать больший политический, законодательный вес постоянно работающему Верховному Совету[504].

Появление либеральной позиции было вызвано неудачной попыткой правящего руководства обосновать кардинальные реформы в представительной системе синтезом противоречивых идей, что сказывалось на повышении скепсиса масс к проводимым преобразованиям.

Более того, при продвижении эклектичной концепции «республики Советов» создавались предпосылки для адаптации принципа разделения властей под советскую специфику, что противоречило сути Совета как государственного органа, интегрирующего законодательные, распорядительные и контрольные функции. Непосредственно идея разделения законодательной и исполнительной власти заключалась в четком разграничении компетенций по линии Совета и исполкома на местном уровне. Этот принцип нашел свое воплощение в запрете совмещения депутатских обязанностей с должностными в органах, подотчётных

---

[503] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 579-580.
[504] АГФ. Ф. 2. Оп. 1. Л. 82-83.

Советам, а также в создании нового института председателей Советов и изменении статуса президиумов Советов всех уровней. Утверждение принципа разделения властей проявился в создании Комитета конституционного надзора, названного М. С. Горбачевым «беспартийным органом». Данный орган усиливал независимость и полномочность судебной власти[505].

На практике выяснилось, что советскую систему невозможно эффективно преобразовать в представленных правящей властью концептуальных рамках. С одной стороны, реформа привела к параличу власти на местах, где бесконечные мини-парламенты были не готовы решать вопросы, что ранее закреплялись за партийным комитетами. С другой стороны, партийные комитеты, лишенные прежних прерогатив, занялись скрытой приватизацией партийного имущества, чем нанесли огромный ущерб политическому авторитету КПСС[506].

Таким образом, интеграция советских и парламентских механизмов обернулась полной дискредитацией идеи реформирования представительной системы на основе переформатированной ленинской теории, поскольку преобразования, по сути, противоречили ей и вели к созданию парламентской и муниципальной системы в рамках либеральной традиции, а заодно осложняли работу законодательной власти. Очевидное несовершенство обновлённой советской системы и ее спорное идеологическое обоснование убеждали общество в неэффективности создаваемых химерных структур, укрепляя тенденцию в популяризации более прагматичной парламентской модели в 1989-1991 гг. Вопреки провальной политической кампании по легитимации концепции «республики Советов», партийное руководство не отказалось от поддержки советской системы и осталось верной этой линии вплоть до конца существования СССР.

Параллельно проведению реформы Советов особое внимание высшее руководство уделяло вопросу модернизации партии в условиях новой политической системы. В отношении КПСС проводились меры по внутренней демократизации и

---

[505] Короева И. Д. КПСС и трансформация общественно-политической системы СССР (1985-1991 гг.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Короева Инга Давидовна. М., 2004. С. 68-70.
[506] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 567.

сокращению ее аппарата в рамках курса на отделение компартии от государственных институтов. Теоретическая подоплека реорганизации аппарата прослеживается в диктовках М. С. Горбачева А. С. Черняеву для членов, кандидатов Политбюро от 15 августа 1988 г. В диктовке предполагалось максимально сократить отраслевой состав ЦК. В перспективе КПСС должна была полностью передать компетенцию в экономических вопросах правительству[507].

На заседании Политбюро от 8 сентября 1988 г. генсек предложил непосредственную работу по основным направлениям внутренней и внешней политики партии делегировать новой структуре – общепартийным комиссиям, состоявшим из членов ЦК. Оставшиеся отделы выступали бы в качестве организационно-правового сопровождения в делах комиссий[508]. Таким образом, М. С. Горбачев хотел максимально ограничить правомочия и всевластие аппарата, отдав разработку тактики и стратегии партии Центральному Комитету.

Данные предложения закреплялись пленумом от 30 сентября 1988 г.[509]. К первой половине 1989 г. отделы радикально сократили с двадцати до девяти. КПСС лишилась львиной части управленческих прерогатив, поскольку большинство отделов теряло право контролировать деятельность государственных органов. Вновь образованные комиссии, по существу, выполняли совещательную функцию и не могли принимать организационные решения как предписывалось сентябрьским пленумом. Последнее слово, как и ранее, оставалась за Политбюро[510].

Демонтируя аппарат КПСС, М. С. Горбачев лишил страну единственного инструмента, способного удержать под контролем реформы. Дав неправильную оценку работе партийной бюрократии как источнику торможения перестройки,

---

[507] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 412-414.
[508] Там же. С. 416.
[509] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 165. Л. 12-16.
[510] Волгин Е. И. Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2008. № 6. С. 31-42.

советский лидер подвел СССР к периоду политической и экономической нестабильности[511].

В итоге реформаторы добровольно отказались от единовластия КПСС в государстве, переформатировав ее в рамках ленинской концепции партии как политического авангарда. Тем самым команда М. С. Горбачева сформировала условия для двух альтернатив в эволюции однопартийной системы. Первая укладывалась в реформаторскую парадигму частичной демократизации системы с сохранением идеологической и политической роли компартии, вторая предполагала переход к многопартийной модели. Магистральный путь будет определён в ходе судьбоносных событий 1989-1990 гг.

Тем временем советское общество в начале 1989 г. организационно и морально готовилось к предвыборной кампании в новый представительный орган – Съезд народных депутатов СССР. Впервые в истории советского государства выборы строились на альтернативной и конкурентной основе, а кандидатам было разрешено формулировать собственные программы для избирателей. В связи с этим серьезную предварительную работу над предвыборными установками провела компартия, приняв политическую платформу на пленуме 10 января 1989 г. – Обращение ЦК КПСС «К партии, советскому народу». Фактически документ представлял собой предвыборную программу партии, призванную обосновать углубление реформ и обозначить авангардную роль партии в предстоящих переменах[512].

В документе весомая роль отводилась популистским лозунгам, обращенным в первую очередь к проблемам рядового гражданина. По этой причине в тексте подробно и ярко звучала социальная повестка. Впрочем, лейтмотив предвыборной программы партии манифестировал превращение советского человека из пассивного наблюдателя в главного актора реформаторских процессов. В Обращении этот тезис раскрывался через обещание вернуть политическую власть трудовому народу в рамках обновления партии, усиления Советов и создания

[511] Зубок В. М. Указ. соч. С. 74.
[512] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. М., 1989. С. 5-9.

правового государства. В тексте реализация политических преобразований служила средством восстановления полновластия масс[513].

В дальнейшем М. С. Горбачев публично апеллировал к принципам платформы для создания положительного образа КПСС перед предвыборной кампанией, а заодно обличал радикальные идеи, которые могли потенциально использоваться левыми коммунистами и либеральной интеллигенцией в ходе борьбы за голоса избирателей.

Так, 21 января на XXVII конференции Московского горкома партии М. С. Горбачев обрушился с критикой на идею легализации в СССР многопартийной системы[514]. Во время встречи с представителями рабочего класса в ЦК КПСС 14 февраля генсек обратился к теме реального участия масс в перестройке. Он заявил, что политическая и экономическая реформа возвращают советское общество к октябрьским ценностям 1917 г., поскольку выводит трудящихся на все уровни реальной власти. По мнению Горбачева, советский человек должен был стать хозяином не только по Конституции, но и, по существу, управлять государством[515]. Затем в период развернувшейся предвыборной кампании генеральный секретарь в выступлении перед горожанами Киева 23 февраля обозначил главную цель реформ – раскрытие гуманного облика социализма и повышение благосостояния народа[516].

Антропоцентричную риторику М. С. Горбачева поддержали высшие партийные иерархи, выступая перед избирателями во время предвыборной кампании как кандидаты в народные депутаты Съезда. В частности, А. Н. Яковлев 27 февраля в Тбилиси говорил, что перестройка ставит в практическую плоскость определение социализма по Марксу как систему гуманных и развитых отношений[517]. Первый секретарь ЦК компартии Украины В. В. Щербицкий 2 марта, выступая перед избирателями в городе Желтые Воды, обращал внимание, что

---

[513] Там же. С. 17-23.
[514] Горбачев М. С. Выступление на XXVII конференции московской городской организации КПСС // Избранные речи и статьи. М., 1990. Т. 7. С. 297.
[515] Там же. С. 302-305.
[516] Там же. С. 327.
[517] Яковлев А. Н. Работать по совести, жить честно // Правда. 1989. № 59. С. 2.

благодаря реализации политической реформы советские граждане становятся свидетелями возвращения ленинского понимания государства как политической организации трудящегося народа[518]. Идею скорейшего разворота к социальной экономике и преодоления отчуждения человека от народного хозяйства, политики и культуры 10 марта убедительно транслировал московскому партийному активу член Политбюро Л. Н. Зайков[519]. О неприятии политического плюрализма и альтернативных политических институтов 23 марта в Ростове-на-Дону говорил председатель Совмина РСФСР А. В. Власов, защищая принципы однопартийной системы[520].

Несмотря на серьёзную подготовку к выборам, противоречивые результаты первого тура 26 марта были болезненно восприняты большинством партийных иерархов. В целом, поражение потерпели 33 первых секретаря и 31 секретарь обкомов, а в Прибалтике уверенную победу одержали национальные движения, но наибольшим шоком для КПСС стала решительная победа Б. Н. Ельцина в Московском национально-территориальном избирательном округе[521].

Более того, антропоцентричная риторика не убедила массы в выполнимости положений предвыборной платформы КПСС. Напротив, официальные нарративы подстёгивали поддерживать радикальных представителей либеральной интеллигенции и левых коммунистов, обещавших полную реализацию гуманистической программы в новых политических и экономических условиях.

Во многом неудачи партийных кадров на выборах объяснялись деформацией образа коммуниста в общественном сознании масс. Этот вопрос поднимался в записке М. С. Горбачеву «К итогам предвыборной кампании и самих выборах» от 28 марта 1989 г. В частности, в записке указывалось, что активность СМИ и неформальных организаций повернула партийную критику бюрократии и аппарата против самой КПСС как источника обличаемых пороков. Появились тенденции, по мнению автора записки, ведущие к размыванию облика коммуниста в общей массе

---

[518] Щербицкий В. В. Больше весомых практических дел // Правда. 1989. № 63. С. 2.
[519] Зайков Л. Н. Настойчиво бороться за победу перестройки // Правда. 1989. № 70. С. 2.
[520] Власов А. В. Опирайтесь на опыт масс // Правда. 1989. № 83. С. 2.
[521] Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2007. С. 211.

населения. Этими факторами, а также слабой политической готовностью функционеров отстаивать партийную позицию на выборах объяснялся провал избирательной кампании[522].

Общие опасения в компартии по итогам выборов отразились в личных записях Н. И. Рыжкова 28 марта 1989 г. на заседании Политбюро. В них указывалось, что наибольшая опасность прошедших выборов заключалась в ударе по партийным кадрам, а если судить ситуацию с Б. Н. Ельциным, то в целом по партии. Случай с Ельциным характеризовался Рыжковым как определённая тенденция в обществе в рамках растущей социальной напряжённости[523].

Угнетённое настроение среди высшего руководства на заседании 28 марта 1989 г. подтверждают воспоминания М. С. Горбачева. Выступая перед собравшимися, генсек убеждал всех, что выборы стали крупнейшим шагом в осуществлении реформы и прошли с наименьшими потерями для партии там, где люди ощутили реальные плоды перестройки. Поражение партийных кандидатов Горбачев связывал с неудовлетворительной работой партийных комитетов, неспособностью местных властных структур вовремя перестаиваться, а также с некоторыми ошибками политического руководства при определении экономической политики[524].

Однако оптимистические оценки итогов выборов, как и резкие выпады генсека в сторону местных органов власти, встретили отпор со стороны партийных руководителей регионального уровня 25 апреля 1989 г. на пленуме ЦК КПСС. Пленум планировался как организационное мероприятие по выводу партийцев-пенсионеров из руководящих органов КПСС. Однако во время прений пленум трансформировался в трибуну критики работы Политбюро, Секретариата, Центрального Комитета и Правительства СССР. Так, первый секретарь Владимирского обкома Р. С. Бобовиков напрямую обвинял Политбюро, а конкретно

[522] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 134. Л. 35-37.
[523] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.
[524] Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 217-218.

отвечающих за идеологию А. Н. Яковлева и В. А. Медведева, в слабом отпоре идейным противникам во время предвыборной кампании[525].

Первый секретарь Краснодарского крайкома И. К. Полозков связывал провалы на выборах с тяжелой ситуацией в потребительском секторе экономики. Он прозрачно намекал Политбюро, что было бы правильно отправить в отставку тех партийных деятелей в высшем руководстве, кто ответственен за эти участки, поскольку своим бездействием они нанесли ущерб авторитету КПСС. В свою очередь, первый секретарь Волгоградского обкома В. И. Калашников продолжил и усилил линию Полозкова, обвинив советское Правительство (фактически Н. И. Рыжкова) в том, что оно не взяло на себя ответственность за дефицит потребительских товаров. Далее оратор определил причину пассивности партийных комитетов в ходе выборов в отсутствии четкой тактики. В конце он заключил, что Секретариат ЦК и аппарат выборами занимались слабо, отсюда и такой плачевный результат[526].

Финальное слово взял первый секретарь обкома Коми В. И. Мельников. Выступавший бескомпромиссно раскритиковал практику проведения выборов, в которых членам партии приходилась бороться против рабочих и комсомольцев. Далее он обличал публичную кампанию по противодействию бюрократизму, поскольку благодаря ее нарративам всех выдвиженцев от КПСС ассоциировали с антиперестроечной номенклатурой. Более того, в речи Мельников высказывалась крамольная мысль о том, что Центральный Комитет оберегает М. С. Горбачева и Политбюро от острой информации, поступающей снизу. По мнению первого секретаря, вместо создания реальной картины работники ЦК во всех неудачах обвиняли местные органы КПСС. Оратор рьяно защищал партийные комитеты от нападок аппарата ЦК, а кризис выборной кампании связывал с непоследовательной деятельностью верхнего эшелона политического руководства. Мельников также

[525] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. М., 1989. С. 25.
[526] Там же. С. 58, 64-65.

заметил, что многие пленумы ЦК разочаровывают партийные массы, поскольку за ними не чувствуется реальных сдвигов, а звучат только длинные речи[527].

Интересные детали после пленума зафиксировал в своем дневнике А. С. Черняев от 30 апреля 1989 г. Автор указал, что М. С. Горбачев считал выступления скоординированными: «… как по писанному говорили, по кальке…». Закономерно, что советский лидер был взбешён спланированной атакой первых секретарей парткомов на Политбюро, а фактически на реализуемую центральным руководством реформаторскую политику: «… крыл многих матом (Бобовикова, Мельникова из Коми)»[528].

Таким образом, на пленуме М. С. Горбачев впервые столкнулся с суровой критикой в адрес проводимых им преобразований от целой плеяды местных руководителей. Выступавшие партийцы высказывали недовольство не только по издержкам политической реформы, ставившими под сомнение авторитет и власть первых секретарей, но и ее идеологическим сопровождением. В частности, ораторы жаловались на открытое отторжение, обличение ленинских и социалистических символов в СМИ и платформах демократов во время предвыборной кампании, а также слабым идейным противодействием либеральным коммунистам, нарушающим партийное единство[529]. Тем самым в партии постепенно созревала консервативная оппозиция, требовавшая если не отката назад, то приостановления наиболее радикальных процессов в обществе.

В итоге в процессе первых в истории советского государства состязательных выборов на альтернативной основе был сформирован Съезд народных депутатов. Он действовал с 25 мая по 9 июня 1989 г. Избранная структура представляла разнородные социальные, этнические группы, что предопределило неизбежное столкновение политико-экономических интересов в новосозданном социалистическом парламенте. Несмотря на ожесточенность полемики,

---

[527] Там же. С. 91-93.
[528] Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. С. 790-791.
[529] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. М., 1989. С. 18, 28-29, 34, 83.

полноценного раскола удалось избежать. Однако серьезной дискредитации подверглась КПСС, не совладавшая с хаотичным поведением депутатов.

Как вспоминал В. И. Болдин, Съезд расширил брешь в отношениях между народом и КПСС, показал, что ЦК неспособно бороться в новых условиях политических столкновений, поскольку та теряла управляемость в динамичной обстановке Съезда[530]. С ним солидаризируется А. С. Черняев, указывая на идущий от Съезда импульс в дальнейшем развале привычного авторитета власти[531]. Лакмусовой бумажкой неспособности партийного руководства взять деятельность Съезда под контроль стали разрушительные дискуссии, касавшиеся тбилисской трагедии 8-9 апреля 1989 г., коррупции в высших эшелонах власти и преступности советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. Обвинения парламентариев не только не получили должного отпора, но и были официально легализованы путем создания особых комиссий для рассмотрения поставленных вопросов по существу[532].

На Съезде также звучали требования радикализации политической реформы. Так, академик А. Д. Сахаров убеждал депутатов принять «декрет о власти», предлагавший отмену шестой статьи Конституции СССР. Статья закрепляла руководящую и направляющей роль КПСС в советском обществе, а ее исключение из Основного законы кардинально изменяло бы политико-правовую систему страны. Подобная риторика взорвала Съезд, депутаты разделились на тех, кто поддержал тезисы Сахарова и тех, кто категорически выступал против кардинальных перемен. Отпор делегатам-демократам от большинства участников Съезда привел к созданию радикалами системной оппозиции – Межрегиональной депутатской группе (МДГ).

Фактически на Съезде оформились две стратегии, определяющие масштабы преобразований в политической сфере. Умеренный подход реформаторов актуализировал «конституционную реформу» путем внесения поправок в

---

[530] Болдин В. И. Указ. соч. С. 354.
[531] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 296.
[532] Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая-9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 3. С. 399-404.

Основной закон для постепенной трансформации правовой системы. В этом случае процесс нововведений сохранялся в руках партийного руководства. Напротив, позиция МДГ состояла в проведении «конституционной революции». В этом контексте Съезд превращался в учредительное собрание с правом определять государственный курс, лишая партию полномочий принимать политические решения, а нормы старой Конституции подлежали приостановлению, покуда не будет выработан новый Основной закон[533].

Как показал ход Съезда, команда М. С. Горбачева смогла сохранить руководство реформаторскими процессами, одержав «пиррову победу» над демократами. К тому же образование МДГ вызвало протесты среди депутатского корпуса. Большинство уполномоченных усмотрело в этом шаге «фракционщину».

Вопреки всеобщему осуждению действий демократов, конфликт с новосозданной оппозицией обрушил репутацию КПСС как компетентной структуры. Свидетельством утраты доверия парламентариев к компартии стал беспрецедентный факт отклонения депутатами списка кандидатур на государственные посты, предложенного майским пленумом ЦК КПСС от 1988 г. Были провалены практически все кандидатуры, кроме, Н. И. Рыжкова на должность председателя Совета министров. В итоге партия теряла возможность самостоятельно определять состав Правительства без одобрения Съезда, что ставило её в уязвимое положение.

Для скорейшей ликвидации вакуума власти созвали 2 июня 1989 г. незапланированный пленум ЦК КПСС, на котором утвердили новые списки на государственные посты. Не обошлось и без критических выступлений по поводу общественно-политической ситуации в стране. В частности, первый заместитель председателя КПК (комитет партийного контроля) при ЦК КПСС П. Я. Слезко был недоволен работой телевидения и Госкомиздатом, поскольку массовые политические провокации в СМИ стали нормой общественной жизни. Крамольные идеи проникли и на Съезд народных депутатов. В качестве примера оратор

---

[533] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 560-561.

приводил выступление академика А. Д. Сахарова и передачу программы «Время», на которой заявлялось, что «большинство народа поддерживает меньшинство съезда». Под «меньшинством» имелось в виду парламентская оппозиция. Слезко также предостерегал руководство от несерьезного отношения к нарождавшимся контрреволюционным силам[534].

Однако партийные лидеры не рассмотрели в радикальных выступлениях МДГ деструктивной позиции и продолжали не замечать растущей популяризации антикоммунистических идей в обществе. На Политбюро от 19 июня 1989 г. М. С. Горбачев вместе с другими деятелями (В. А. Медведевым, А. И. Лукьяновым) высказывал мысль, что с оппозицией нужно вести диалог, не подавлять ее[535].

Публично об этом говорил А. Н. Яковлев в интервью журналу «Новое время» в № 24 от 1989 г. На вопрос интервьюера о реальности политической борьбы на Съезде интервьюируемый ответил, что политическая борьба шла, но не за власть, а зато, как лучше двигаться вперед. При этом вновь постулировался тезис про единство Съезда, отсутствие как такового мировоззренческого разделения у депутатов[536]. Впрочем, на фоне звучавших заявлений на Съезде, призывающих к лишению КПСС рычагов государственной власти и смене политической системы, успокаивающие тезисы А. Н. Яковлева оказались неубедительны.

Партийное руководство использовало легальные политические способы для лимитирования оппозиционных настроений в обществе. На заседании Политбюро от 4 октября 1989 г. в контексте итогов сентябрьского пленума обсуждались и проблемы предстоящего второго съезда народных депутатов в декабре того же года. М. С. Горбачев стоял на позиции идеологического воздействия на уполномоченных через создание групп коммунистов в Верховном Совете СССР, в том числе предварительной работе с народными депутатами, чтобы не сбить предстоящий Съезд с намеченного курса. В качестве контрудара по радикальным силам предлагалось собирать митинги, на которых бы коммунисты «все назвали своими

---

534 РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 282. Л. 95-97.
535 В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 505-506.
536 ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 287. Л. 1.

именами»[537]. О силовых и административных мерах речи пока не шло, руководство пыталось влиять на деятельность МДГ мирными средствами, не прибегая к насилию.

Осторожная тактика советского руководства позволила радикалам консолидироваться, получить поддержку масс на фоне социально-экономического упадка, разрастания национальных противоречий внутри Союза и выдвинуть собственную экономическую и политическую программу действий уже на втором съезде народных депутатов в декабре 1989 г.[538]. Потерпев неудачу ввиду отторжения большинства требований Съездом, оппозиционеры перешли к экстраординарным мерам – организации массовых общественно-политических и сепаратистских движений с целью захвата республиканских Верховных Советов, выборы в которые должны были пройти весной 1990 г. В частности, для выборов в Верховный Совет РСФСР либеральные силы зимой 1990 г. сформировали избирательный блок «Демократическая Россия», поставивший идею российского суверенитета в основу своей политической программы. В последующем блок будет реорганизован в октябре 1990 г. в массовое политическое движение «Демократическая Россия».

В свою очередь, формирование реальной политической оппозиции и укоренение новых представительских структур создало условия для перехода КПСС к парламентской форме деятельности. Так, необходимость выйти за пределы решений XXVII съезда и XIX партийной конференции, а фактически за рамки однопартийной системы, М. С. Горбачев аргументировал на пленуме от 19 сентября 1989 г. Он уверял пленум, что нужно идти дальше и искать новые подходы к решениям. Провести глубокое обновление партии планировалось через год на XXVIII партийном Съезде, чтобы зафиксировать новый статус компартии как политического авангарда общества[539].

Будущая роль партии неразрывно связывалась с шестой статьей Конституции СССР. Этот факт ясно осознавался деятелями демократического движения.

---

[537] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 209. Л. 19-20.

[538] Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 3. С. 397-400.

[539] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. М, 1989. С. 8-10.

Демократы использовали нарратив об исключении данной статьи из Основного закона в борьбе за политическое лидерство. На масштабную пропагандистскую кампанию оппозиции по дезавуированию шестой статьи советское руководство дало политический ответ на пленуме от 9 декабря 1989 г. В докладе М. С. Горбачева «Вопросы второго съезда народных депутатов СССР» утверждалось, что отмена положения о руководящей роли партии преждевременна. Генсек считал, что Конституция рано или поздно будет кардинально пересмотрена, в том числе и шестая статья. Аргументы против немедленной трансформации шестой статьи сводились к тому, что она не мешает проводить свободные выборы. Горбачев не видел никаких катастрофических для партии последствий гипотетической отмены статьи и лишь просил не пересматривать ее в период политических реформ, когда обществу нужна консолидирующая сила в виде КПСС[540].

Тем самым реформаторы сами поощряли дальнейшие выступления против шестой статьи Конституции, поскольку не сформировали четкую позицию по неприкосновенности столь важного для советской политической системы положения.

Любопытно, что в народной среде по данному вопросу так и не был достигнут общественный консенсус. Около половины советских граждан при масштабных социальных опросах в течение 1989 г. не поддерживали нарратив демократов[541]. Правящая верхушка так и не решилась воспользоваться поддержкой масс, сделав ставку на сценарий мягкого и постепенного отказа компартии от государственных функций.

Окончательно судьбу КПСС решил пленум от 5-7 февраля 1990 г. На нем одобрили предсъездовскую Платформу КПСС «К гуманному, демократическому социализма», призванную обозначить программные действия компартии на текущий момент до принятия основной Программы. Платформа предлагала легализовать многопартийную систему, признать разношерстные общественно-

---

[540] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9 декабря 1989 г. М., 1989. С. 6-7.
[541] Обухов С. П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989-2005 гг.). М., 2005. С. 45.

политические движения, с которыми КПСС готова сотрудничать в целях консолидации перестроечных сил. К тому же по тексту компартия выступала как политическая сила, готовая бороться с другими партиями за роль политического лидера[542]. Фактически КПСС солидаризировалась с требованиями оппозиции.

Более того, пленум одобрил редакцию шестой и седьмой статьи Конституции, разрушавшей, по сути, концепцию коммунистической партии как руководящей и направляющей силы советского общества. На Внеочередном третьем съезде народных депутатов, СССР, проходившем с 12-15 марта 1990 г., конституционные поправки были приняты и внесены в Основной закон, ознаменовав парламентский этап истории компартии[543].

В дальнейшем во время XXVIII съезда КПСС 2-13 июля 1990 г. был задан однозначный вектор на подготовку условий для перехода КПСС к деятельности в многопартийной системе. Компартия рассматривалась в программных документах как политическая организация, соревнующаяся с другими общественно-политическими силами за лидерство в государстве[544].

Фактически к середине 1990 г. процесс кардинального размежевания между государственными и партийными органами был ускорен из-за принятия судьбоносных решений в рамках перехода к либеральной модели многопартийной системы. Несмотря на то, что в составе союзных органов превалировали коммунисты, в реальности связь между ними и КПСС слабела. В свою очередь, Правительство СССР часто не находило поддержку в партийных структурах. Постепенно формировался конфликт интересов партийной и государственной бюрократии. Тем не менее окончательного разделения союзных и партийных структур вплоть до августа 1991 г. не произошло. КПСС фактически оставалась правящей партией, но с тенденцией к полной потере политической власти. Последним звеном, соединяющим компартию и Правительство, был

---

[542] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 365-366, 375-376.
[543] Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР 12-15 марта 1990 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 3. С. 192-193.
[544] Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 94-95.

М. С. Горбачев, одновременно занимавший с марта 1990 г. государственную должность президента и партийный пост генсека. С помощью своего особо статуса он старался согласовывать правительственную и партийную политику, идеологию.

Так или иначе КПСС продолжила двигаться в сторону парламентаризации, а также полного освобождения от несвойственных ей управленческих функций. В подтверждении нового курса на пленуме 8-9 октября 1990 г. в сообщении секретаря ЦК О. С. Шеина оформлялся этап финальной реорганизации компартии. Докладчик предлагал сделать одной из главных форм утверждения единой политики партии постоянные комиссии по основным направлениям деятельности ЦК. Отделы, в свою очередь, обеспечивали работу комиссий и полностью расставались с отраслевыми функциями. К примеру, аграрный отдел переименовался в отдел аграрной политики и сосредотачивался на налаживании связей с крестьянским движением[545].

Для лучшего понимания сущности подготовки компартии к участию в многопартийной системе обратимся к Протоколу № 1 заседания общественно-политической комиссии от 25 октября 1990 г. Примечательно, что данная инстанция в структуре компартии создавалась впервые. Согласно документу «О принципах, содержании и методах работы общественно-политической Комиссии ЦК КПСС», в ее компетенцию входило оказание помощи ЦК в выработке и практическом осуществлении научно обоснованной стратегии и тактики в общественно-политической сфере. Комиссия осуществляла свои функции в области взаимодействия с общественно-политическими объединениями и работы в Советах. Она была призвана анализировать социально-политические процессы, чтобы рекомендовать Секретариату, Политбюро и Пленуму ЦК узловые проблемы партийной деятельности[546]. При этом отдельно ставилась задача преодолеть совещательный характер комиссий от 1988 г., сделать нынешнюю инстанцию полноправным организатором партийной политики.

---

[545] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 8-9 октября 1990 г. М., 1990. С. 41-44.
[546] РГАНИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 4. Л. 3-5.

Не менее интересным эпизодом, раскрывающим содержание работы общественно-политической комиссии, является стенограмма заседания от 25 октября 1990 г. На нем выступал председатель комиссии В. А. Купцов. В своей речи спикер требовал изучать ключевые документы оппозиционных партий, в том числе и блока Демократическая Россия. С этим движением, говорил докладчик, придется считаться, поэтому нужно пытаться наладить с ним сотрудничество, признав блок как реальную политическую силу. Акцентируя внимание на предстоящей парламентской деятельности КПСС, председатель приводил в пример положение компартии Чехословакии, находившейся в оппозиции правящему режиму. По мнению В. А. Купцова, год работы в оппозиции многому научил коммунистов, так как была наработана практика активной деятельности[547].

Тем самым перспектива потери власти КПСС не рассматривалась докладчиком как нежелательный вариант, а, напротив, могла научить партию новому опыту парламентской борьбы. В итоге создание общественно-политической комиссии можно рассматривать не только как подготовку компартии к свободным многопартийным выборам в условиях политического плюрализма, но и в качестве признания КПСС своей неспособности долговременно удерживать власть. Вследствие этого на комиссии анализировались варианты перехода и к оппозиционным формам деятельности.

Таким образом, мероприятия реформаторов по реорганизации партии привели к упадку однопартийного государства и утверждению многопартийности. Внутрипартийные преобразования, конституционные и программные изменения статуса КПСС превращали партию из правящей структуры в политический инструмент парламентской борьбы.

К тому же процесс разрушения однопартийного государства изменил подходы КПСС к концепции правового социалистического государства. Новый взгляд на правовое государство представили в принятой XXVIII съездом партии программном заявлении «К гуманному, демократическому социализму».

---

[547] РГАНИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 5. Л. 5-7.

Изменившееся видение объяснялось тем, что компартия готовилась участвовать в многопартийной системе демократических выборов. Новая реальность предполагала перестроить программные воззвания к массам в духе предстоящей политической борьбы за власть. В частности, заявление предполагало достижение гражданского общества, где государство существовало для человека, а не наоборот. В рамках правового государства исключалась диктатура класса, партии, гарантировались принципы политического плюрализма, многопартийности и разделения властей[548]. Тем самым КПСС полностью признало либеральную интерпретацию правового государства, отказавшись от попыток создать свой самобытный проект.

Последним нововведением М. С. Горбачева можно считать легализацию поста президента СССР. Сначала КПСС выдвинула генсека на этот пост в ходе пленума от 14 марта 1990 г.[549]. Затем Горбачев был избран президентом на Внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР от 12-15 марта 1990 г.[550].

Актуализация идеи президентализма носила вынужденный характер вследствие кризиса системы и исполнительной власти в масштабах Союза ССР. Еще в ноябрьской записке помощника генсека Г. Х. Шахназарова «К структуре высших органов власти» от 1989 г. предлагалось принять либеральный порядок формирования государственных органов управления с сохранением советских элементов на местах. Этот шаг аргументировался тем, что старая система не показала эффективности при проведении реформ. Автор рассматривал президентскую власть как распорядительно-исполнительную, считая, что новая управленческая инстанция уравновесит усилившийся советский парламент. По смыслу записки должность президента занимал бы лидер компартии. Ему подчинялся утверждаемый парламентом Кабинет министров. Для М. С. Горбачева делалось исключение – он избирался на Съезде, а при установлении политической и экономической стабильности выборы следующего президента проходили бы по

[548] Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 88-89.
[549] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 67.
[550] Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР, 12-15 марта 1990 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 3. С. 211-212.

демократичной схеме[551]. Во многом данная записка послужила пластом для дальнейшей адаптации института президентализма.

М. С. Горбачев в воспоминаниях объяснял свое согласие узаконить новую должность психологическим восприятием государственной власти у советских людей. Авторитет в массах, по его мнению, завоевывала отдельная сильная личность, а не коллективные органы управления. Граждане с большим трепетом относились к указаниям и словам генерального секретаря, нежели к речам депутатов Верховного Совета или его председателя. Намериваясь занять должность президента, он предполагал, что укрепит репутацию высшей власти, вернет доверие народа реформаторскому курсу[552]. Благодаря персональным усилиям генсека вопрос президентства был вынесен на февральский пленум 1990 г. в контексте установления действенного механизма продолжения реформаторских процессов в Советском Союзе, поддержания порядка в обществе[553].

После пленума реформаторы готовили общество и партию к принятию очередных новаций. К тому времени в обществе существовало три позиции по контурам будущей президентской системы. Первое мнение исходило от сторонников правящего режима. Так, в речи А. Н. Яковлева на третьей сессии Верховного Совета СССР от 27 февраля 1990 г. обоснование президентской должности сводилось к завершению политической консолидации общества. В рассуждениях члена Политбюро созданные контролирующие коллективные органы законодательной власти (съезд народных депутатов и Верховный Совет) не могли полноценно существовать без «диалектической антитезы» оным в лице лидера страны. Таким лидером председатель Верховного Совета быть не мог вследствие узости его компетенции. Напротив, президент обладал всеми необходимыми

---

[551] Цит. по: Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 441-443.
[552] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 484-485.
[553] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 19, 366-367.

признаками для оптимального разделения власти, её синтеза, а также ускорения демократических процессов[554].

Придерживающиеся второго подхода крайние либералы выступали за парламентскую демократию и против введения должности президента, объясняя массам свою позицию тем, что сосредоточение власти в одних руках приведёт к возрождению авторитаризма. С протестом «левых радикалов» солидаризировались ортодоксальные коммунисты, правда, в их интерпретации легализация президентской власти была неприемлема из-за подрыва советской системы коллективного руководства. В третьей позиции, как правило, ее излагали умеренные демократы, поддержка введения должности президента зависела от выполнения ряда предварительных условий в виде утверждения системы сдержек и противовесов в рамках законодательной, судебной власти, а также в правовом ограничении полномочий президента. В итоге консенсус по этому вопросу так и не сформулировали[555]. Власть навязывала обществу первую позицию, что предопределило несовершенство нового элемента политической системы, который не воспринимался положительно как частью правящей элитой, так и оппозицией, и народными массами.

Несмотря на передачу президентских полномочий М. С. Горбачеву, стабилизировать экономическую и политическую обстановку к концу 1990 г. не удалось. Напротив, негативные процессы в советском обществе только усилились ввиду провала союзной экономической программы, интенсификации республиканского сепаратизма и консолидации демократического движения. Чтобы взять ситуацию под контроль, генсек в ноябре 1990 г. на заседании с главами союзных республик предложил программу из 8 пунктов. Большинство положений программы серьезно укрепляли, расширяли и концентрировали верховную исполнительную власть в руках Горбачева. В том же году декабрьский четвертый съезд народных депутатов СССР подтвердил данную программу путем внесения

---

[554] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 410-412.

[555] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 582.

изменений в Конституцию, дав генсеку чрезвычайные полномочия для наведения порядка в стране[556]. Фактически в реорганизованном институте президентства Горбачев воспроизводил разрушенную им ранее иерархичную и авторитарную структуру аппарата ЦК.

В результате реформаторы сконструировали сильный орган исполнительной власти. Укрепление исполнительных начал в управлении страной представлялось рациональным шагом в условиях стремительного упадка народного хозяйства и политической нестабильности. Однако по своему содержанию президентализм был адаптированным либеральным институтом, хоть и с определенным перекосом в сторону централизации и концентрации власти. Новый институт еще сильнее отдалил партию от властной монополии и создал прецедент для включения поста президента в союзные республики, что ощутимо ударило по единству Советского Союза.

Таким образом, сформулированная XIX Всесоюзной партийной конференцией концепция политических реформ в рамках теории конвергенции содержала противоречащие друг другу ленинские и либеральные положения. В связи с этим реформаторская модель выглядела эклектичной, несогласованной и несистемной. Теоретическое несовершенство концепции подталкивало часть элит и поддерживающих их народных масс к поиску радикальных вариантов преобразований. Тезис о безальтернативности перестройки в данном случае не выполнил свою основную функцию в обосновании государственного курса как единственного и непреложного. В дальнейшем это привело к зарождению политической оппозиции: коммунистов-консерваторов и либеральных сил. Последние оказались наиболее опасны, поскольку деконструировали официальные нарративы в рамках собственной идеологической парадигмы. В свою очередь, реализация плана политического переустройства М. С. Горбачева привела к реставрации буржуазных механизмов власти, трансформации публичной риторики реформаторов и общественного сознания масс. При этом проектируемая модель

[556] Согрин В. Политическая история современной России. 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 80-82.

власти и управления так и не была полностью институционализирована. Она продолжила сосуществовать вместе с архаичными административными, партийными структурами, что предопределило невозможность быстрого выхода из политического кризиса. В конце концов, реформаторы, не будучи способными контролировать собственные нововведения и не обладавшие возможностью повернуть перемены вспять, адаптировались под кардинально меняющуюся политическую ситуацию. Они ограничили коммунистическую риторику и, за редким исключением, актуализацию собственных концепций, сделав ставку на наиболее приемлемые либеральные идеи, в том числе концепции демократической оппозиции. Этим своим шагом политическое руководство обрекло однопартийное государство на уничтожение, а процесс идеологического обоснования реформ на радикальную трансформацию.

3.2. В поисках концепции «социалистического рынка»

К 1988 г. положительные ожидания реформаторов связывались с улучшением экономической ситуации в стране в контексте интенсификации работы производственных структур и их перевода на новые условия хозяйственной деятельности. Планируемый рост конкурентоспособности и эффективности экономики предвосхищали от вводимого в действие с 1 января 1988 г. Закона СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» (далее – «закон о государственном предприятии»). Масштабность модернизации хозяйственных отношений можно оценить по информации, представленной советским лидером на встрече в ЦК с представителями СМИ от 8 января 1988 г. На ней М. С. Горбачев утверждал, что экономическая реформа за 7 дней охватила 60 процентов предприятий[557]. Непосредственно правовые нормы закона о государственном предприятии переводили производства на принципы хозрасчета, а также самофинансирования, самоокупаемости и самоуправления.

[557] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.

Экономическим хребтом предприятия, его рентабельности становилась прибыль от реализованной продукции.

Примечательно, что при составлении закона источником идеологического вдохновения для реформаторов послужила история структурных перемен в социалистических странах Восточной Европы. Идеи «самоуправленческого социализма», децентрализованной экономики, оптимального сочетания рыночного и планового начала были адаптированы из опыта Югославии и Венгрии – самых передовых на тот момент стран в плане смелых подходов к преобразованиям, выходящих за рамки мейнстримного социализма[558].

Например, один из теоретиков венгерских реформ в 1960-1980-х гг. Т. Бауэр характеризовал новую модель венгерской экономики такими словами: «Не план и не рынок»[559]. Что-то подобное попытались внедрить в советскую систему в 1988-1989 гг., не учтя тот факт, что на успешную реализацию смелых концепций у соседних государств ушло несколько десятилетий в условиях экономического роста, тогда как советское общество уже охватили кризисные тенденции, мешавшие уверенно продвигаться по эволюционной линии реформ.

К тому же реализация на практике положений закона о государственном предприятии только ускорила упадок в народном хозяйстве. Так, введённые в экономическую действительность в 1988 г. нормы закона разрывали прежние связи между Центром и низовыми производствами, подрывали хозяйственную власть КПСС, формируя условия для экономической дезинтеграции[560].

В итоге фактические перемены в хозяйстве подготовили почву для гибридной экономики, сочетавшей несогласованные с друг другом рыночные и командные элементы. Проявившаяся раздробленность внутри советского базиса, вкупе с надвигающимся хозяйственным коллапсом, приведёт к кардинальному пересмотру ориентиров в экономике только к 1990 г., когда катастрофическая ситуация вынудит

---

[558] Коткин С. Указ. соч. С. 70-71.
[559] Елисеева Н. В. СССР: реформы и реформаторы: 1945-1991 гг.: монография. М., 2019. С. 54-55.
[560] Зубок В. М. Указ. соч. С. 57.

реформаторов отказаться от плана и согласиться на полнокровную рыночную экономику.

Непосредственно закона о государственном предприятии нарушали основы социалистической политэкономии, поскольку дозволяли предприятиям продавать, обменивать, сдавать в аренду организациям и другим предприятиям свои средства производства. Более того, предприятия имели право реализовывать населению продукцию по централизованным, договорным и свободным ценам при выполнении государственных плановых обязательств[561]. А с 1 июля 1988 г. предприятиям предоставлялась возможность, при соблюдении определенных условий, применять на дефицитную продукцию коммерческие цены, исходя из действующих оптовых цен[562]. Тем самым готовилась почва для введения рыночного ценообразования в согласовании с принципом спроса и предложения. Вместе с этим предприятие юридически управлялось трудовым коллективом, а директор оного выбирался на собрании предприятия, что, по существу, нарушало императивную связь между предприятием и государством[563].

Все вышеперечисленное свидетельствует о постепенном превращении государственного предприятия в автономную коммерческую организацию. Несмотря на то, что собственность все еще находилась в руках государства, правительство добровольно отказывалось от контроля над предприятиями и создавало условия для трансформации оных в самостоятельные предпринимательские единицы.

М. С. Горбачев в своих выступлениях часто оправдывал введение таких экономических новаций старым нарративом о позитивном соединении личных интересов с общественными, преподносившем массам образ советского

---

[561] Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии(объединении)» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3962017/paragraph/9574:0 (дата обращения: 29.04.2025).
[562] ГАРФ Ф. Р-5446. Оп. 150. Д. 14. Л. 12.
[563] Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии(объединении)» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3962017/paragraph/9574:0 (дата обращения: 29.04.2025).

гражданина как хозяина производства[564]. Однако в нынешних условиях подобные заявления явно были недостаточны для обоснования столь радикальных перемен. По этой причине партийная элита дозволяла интеллигенции публично продвигать актуальные рыночные концепции, убеждавшие массы в эффективности новых экономических инструментов.

В частности, к моменту вступления закона о государственном предприятии в силу проблематика рынка и конкуренции стала активно обсуждаться в обществе. Так, рынок рассматривался как неотделимая часть прогрессивного социалистического хозяйства в статье экономистов Н. Владовой и Н. Рабкиной «Собственность и рынок» в № 11 журнала «Вопросы экономики» от 1988 г.[565].

В очерке публициста В. И. Селюнина «Реванш бюрократии», вошедшего в культовый сборник статей «Иного не дано», вопрос ставился о сочетании централизованного управлении экономикой и рыночных механизмов. Автор подкреплял реальность такого симбиоза мировым опытом развития зарубежных стран и считал, что нахождение правильной меры между рынком и планом позволит достичь успеха в хозяйстве[566].

Грани принципа конкуренции стали предметом дискуссий на «круглом столе» «Перестройка управления экономикой: проблемы и перспективы», проходившем 7-8 апреля 1988 г. Так, в докладе доктора экономических наук Л. Г. Голуба «Условия для нового должны быть созданы в старой системе» приводились доводы в пользу раскрытия личностного потенциала человека в условиях конкурентной борьбы. По мнению автора, первые ростки конкуренции сформирует в старых условиях хозяйствования новые стимулы к труду, выдвинут наиболее способных граждан на первые роли, а также позволят увеличить ресурсосбережение[567].

---

[564] Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС. М., 1988. С. 24.

[565] Владова Н., Рабкина, Н. Собственность и рынок // Вопросы экономики. 1988. № 10. С. 76-86.

[566] Селюнин В. И. Реванш бюрократии // Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему: сборник статей / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М., Мн., 1988. С. 205.

[567] Голуб Л. Г. Условия для нового должны быть созданы в старой системе // Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы / отв. редактор Н. П. Федоренко и др. / сост. Ф. Г. Гурвич. М., 1989. С. 340-343.

После проведения «круглого стола» организаторы и участники мероприятия составили одноимённый сборник с включением в него наиболее актуальных статей по проблемам хозяйственной реформы. В частности, в очерке экономиста А. Д. Смирнова «Реформа: конкуренция или фрагментарность» конкуренция описывалась в качестве эффективного способа повышения качества производимой продукции. К тому же ученый обосновывал идею «социалистической конкуренции», отличая ее от конкуренции капиталистической, ссылаясь на Ф. Энгельса как первооткрывателя данной идеи[568].

Таким образом, авторские тексты актуализировали принципы теории конвергенции, предполагавшей органичное сочетание прогрессивных элементов капиталистической и социалистической системы. Однако публично реформаторы традиционно осуждали эту теорию как «буржуазную», понимая, что массы еще не готовы воспринимать столь радикальные концепции. В информационной повестке все попытки синтезировать социализм с капитализмом обосновывались ленинским или бухаринским наследием. Такой подход партии можно наблюдать в рамках преодоления структурных проблем на потребительском рынке.

Несбалансированность потребительского рынка советское руководство пыталось обуздать, используя преимущества кооперации. СССР имел богатую историю развития самостоятельной промысловой кооперации, растянувшуюся вплоть до ее ликвидации в конце 1950-х г.[569]. Даже после сворачивания НЭП в стране существовал легализованный сектор частной экономики для потребительских нужд. В том числе действовал довольно крупный, но убыточный колхозный сектор, также являвшийся по закону кооперативной организацией. В итоге у советского хозяйства был богатый практический опыт в прошлом по развертыванию и функционированию самоуправляемых коллективных производств, находящихся в автономной позиции по отношению к плановой экономике (кроме колхозов).

---

[568] Там же. С. 114, 128.

[569] Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия // Социум и власть. 2012. № 5(37). С. 114-122.

Что касается истории позднего СССР, то концептуальные наработки по теме возрождения кооперативных производств присутствовали у зампреда Госплана С. А. Ситаряна еще с андроповских попыток реформировать экономику в 1983 г. [570]. В январе 1988 г. академика назначили руководителем комиссии по подготовке законопроекта о кооперативах.

Еще за год до начала работ над законопроектом отдельные виды кооперации одобрил январский пленум 1987 г., а в феврале вышло соответствующее Постановление Совмина СССР от 5 февраля 1987 г. № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления», разрешавшее новым субъектам экономики мелкосерийное производство товаров для удовлетворения потребностей населения[571]. Соответственно, к 1988 г. реформаторы уже имели определенную правовую базу и хозяйственную практику в усовершенствовании кооперативного сектора, что должно было учитываться при формулировании законопроекта о кооперативах.

Идеологически необходимость массового внедрения кооперативов реформаторы подкрепляли мыслью В. И. Ленина, высказанной им в работе «О кооперации» в 1923 г. В статье вождь мирового пролетариата определил социализм как строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства[572]. На эту ленинскую идею постоянно ссылался как сам М. С. Горбачев, так и Н. И. Рыжков во время дискуссий с членами Правительства и Политбюро о необходимости изменить партийную точку зрения на социализм, как это сделал Ленин в 1920-е гг.

Горбачев развил ленинское положение на IV съезде колхозников 23-25 марта 1988 г., рассмотревшем законопроект «О Кооперации». Съезд одобрил представленный проект. В выступлении генеральный секретарь обогатил ленинскую теорию кооперации термином «здоровая конкуренция», в которую

---

[570] Ситарян С. А. Уроки будущего. М., 2010. С. 77.

[571] Постановление Совмина СССР от 5 февраля 1987 № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/b/o-sozdanii-kooperativov-po-dd71ea (дата обращения: 27.03.2025).

[572] Ленин В. И. О Кооперации // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 373.

должны быть вовлечены не только кооперативы, но и государственные предприятия для стабилизации рынка и цен на нем. К тому же в аграрном секторе предлагались укрепить формы хозяйствования в виде арендного подряда. Аренда земли и основных фондов колхозов предоставлялась предприятиям, кооперативам и отдельным гражданам[573]. По существу, положения доклада нарушали не только коммунистический принцип о неотчуждаемости социалистической собственности, но и ст. 10 Конституции СССР 1977 г., запрещавшую использовать собственность в целях личной наживы[574]. Однако в 1988 г. еще не существовало структурной оппозиции реформам, чтобы возразить генсеку, оспорив его политическое лидерство.

В течение 1988-1989 гг. термин «здоровая (затем социалистическая) конкуренция» вытеснит понятие «социалистическое соревнование» из официального лексикона как пережиток административной системы. Впервые идею соцсоревнования как замены капиталистической конкуренции выдвинул В. И. Ленин в своей одноименной статье в декабре 1917 г.[575]. Далее в советской экономической науке идея соцсоревнования получила органичное продолжение. В отличие от конкуренции оно предполагало не беспощадную борьбу производителей с друг другом за потребителя, а сотрудничество рабочих коллективов в деле совершенствования планового хозяйства[576]. Таким образом, реформаторы из прагматичных соображений могли отказываться от некоторых ленинских положений в своей риторике, подменяя их искусственными понятиями «здоровой конкуренции» и «социалистической конкуренции» для легитимации рыночных отношений.

---

[573] Четвертый Всесоюзный съезд колхозников, 23-25 марта 1988 г.: Стенографический отчет. М., 1988. С. 28-31.

[574] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1987. С. 7-8.

[575] Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1974. Т. 35. С. 195-196.

[576] Струмилин С. Г. О социалистическом соревновании // Избранные произведения: в 5 т. М., 1964. Т. 4. С. 46.

Окончательная легализация законопроекта «О Кооперации» произошла на девятой сессии Верховного Совета СССР 24-26 мая 1988 г. С докладом-обоснованием на сессии выступил Н. И. Рыжков. Речь председателя Совета министров затрагивала темы социалистической конкуренции, социалистического рынка, свободных цен, кооперативных банков. Проблематика права кооперативов нанимать работников по трудовому договору раскрывалась в содокладе комиссий по агропромышленному комплексу и комиссий законодательных предположений. Всему комплексу новаций председатель Совмина давал положительную оценку, убеждая депутатов в полезности конкурентной борьбы между предприятиями, поскольку это привело бы к улучшению и удешевлению товаров. Докладчик говорил, что: «…создание условий для социалистической конкуренции… – одна из крупных экономических и социальных задач на современном этапе»[577]. Далее описывались механизмы полноценного социалистического рынка, мотивирующего саморазвитие производителей, их ориентацию на потребителя. Советский рынок в рассуждениях Рыжкова приобретал плановый характер и не допускал классовых антагонизмов как при господстве частной собственности[578].

Как вспоминал Л. И. Абалкин, советское общество было шокировано первоначально резкой постановкой вопроса в докладе Н. И. Рыжкова о рынке и конкуренции. По сути, речь шла о переходе к регулируемой рыночной экономике[579]. Тем не менее даже регулируемый рынок неизбежно обнажал ожесточенную борьбу его независимых акторов, в том числе противоречия потребителя и производителя. В ортодоксальной советской экономической теории капиталистический рынок считался стихийной, анархичной силой, впадающей в перманентные кризисные периоды и поэтому неспособным решить фундаментальную задачу движения человечества к прогрессу[580]. Для обоснования «уникальности» и эффективности

---

[577] Девятая Сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 24-26 мая 1988 г.: Стенографический отчет. М., 1988. С. 32.
[578] Там же. С. 26, 31, 60-61.
[579] Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. С. 26-27.
[580] Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 17. С. 21-22.

концепции «социалистического рынка» реформаторы апеллировали к ленинскому НЭПу как образцу рационального сочетания рыночных и плановых элементов, что снимало любые потенциальные возражения сторонников традиционного планового хозяйства.

Что касается создания кооперативных банков в СССР, то этот шаг предвосхитил грядущую либерализацию банковского дела и включение в советскую экономику иных банковских форм: акционерных, коммерческих, инициативных. Можно согласиться с мнением заместителя председателя правления Госбанка СССР В. С. Захарова о том, что введение кооперативных банков означало фактический отказ государства от монополии в банковской сфере[581].

Примечательно, что создание кооперативных банков было только начальным этапом масштабной банковской реформы, формально стартовавшей после июньского пленума 1987 г. Непосредственно инициатора банковской реформы можно считать председателя Стройбанка СССР М. С. Зотова. Именно его идеи горячо поддерживал Н. И. Рыжков в рамках перераспределения полномочий по регулированию экономики от Госбанка СССР к специализированным банкам и образования универсальных коммерческих банков[582].

Так, в июне 1988 г. перед XIX Всесоюзной партийной конференцией М. С. Зотов в записке Н. И. Рыжкову идеологически обосновывал прогрессивность специализированных и коммерческих банков ввиду восстановления ленинских принципов в банковской сфере: «Перестройка банковской системы в этих направлениях будет отвечать указаниям В. И. Ленина о том, что банки должны стать орудием экономического переворота всей хозяйственной жизни страны»[583].

Одобрение же наемного труда в кооперативах, в сущности, легитимизировало эксплуатацию собственником рабочего, что деконструировало социалистическую идею о преодолении классового антагонизма в советском обществе. В то же время в утверждённом Законе СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР»

---

[581] Кротов Н. И. Указ. соч. С. 571-572.
[582] Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосибирск, 2010. Т. 2. С. 92-94.
[583] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 82. Л. 11-12.

(далее – «закон о кооперации») оговаривалось, что государство будет предпринимать меры для предотвращения трансформации кооперативов в частнопредпринимательские организации с наемным трудом[584]. Однако, как показала дальнейшая практика, это борьба не увенчалось успехом, и кооперативы превратились в первые легальные независимые коммерческие единицы в советском хозяйстве.

Непосредственно прочие нормы закона о кооперации постулировали частнособственнический характер деятельности кооператива. Более того, хозяйственный субъект фактически провозглашался независимой корпоративной коммерческой организацией. Кооперативу разрешалось приобретать в собственность средства производства других участников рынка, преумножая свой капитал. Гарантировалось невмешательство в деятельность кооператива государства и право создавать кооперативные банки, а также вести внешнеэкономическую деятельность[585].

В итоге по закону кооператив свободно вел предпринимательскую деятельность на конкурентной основе независимо от государства как на внутреннем, так и на внешнем рынке товаров и услуг. Таким образом, либерально-рыночные идеи приобретали законодательный вид и постепенно легализовывались в советской правовой теории и практике.

Идеологически обосновать кардинальные меры в советском хозяйстве предпринимали непосредственные авторы экономических реформ. В частности, академик А. Г. Аганбегян в работе «Советская экономика – взгляд в будущее» попробовал в научно-популярной форме объяснить советским гражданам, что «социалистический рынок» и «социалистическая конкуренция» не являются шагом

---

[584] Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/4094587/paragraph/10400:0 (дата обращения: 29.04.2025).

[585] Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/4094587/paragraph/10400:0 (дата обращения: 29.04.2025).

к капитализму. По мнению ученого, характерные черты советского рыночного уклада заключаются в том, что в нем не присутствует частная собственность: «Не продается и не покупается земля, ее недра… – это общенародное достояние». Автор констатировал, что в СССР отсутствует рынок капитала, рабочей силы, нет акций, бирж, а рыночные механизмы регулируются государством. Тем более, продолжал ученый, экономическая конкуренция в социалистических условиях носит не такой ожесточенный характер, как в странах Запада, а новый термин «социалистическая конкуренция» лишь отображает изменившуюся действительность в советском базисе[586].

Однако умозаключения идеологов экономических реформ противоречили объективным процессам реставрации капиталистических отношений в СССР. В частности, учитывая расширенные права предприятий и кооперативов, их коммерческий и автономный характер – следующим логичным шагом при переходе количественных изменений в качественные было бы как раз воссоздание рынка средств производства(капитала), рабочей силы, принятие законодательных норм регулирования выпуска акций. Об этих новациях реформаторы будут серьезно рассуждать в 1989 г., а уже в 1990-1991 гг. начнут реализовывать их на практике. В данном контексте советское хозяйство постепенно двигалось к обычной форме регулируемого рынка, обволакиваемого социалистической терминологией.

Партийная и общественная легитимация новых форм хозяйствования произошла с 28 июня по 1 июля 1988 г. на XIX Всесоюзная партийной конференции. На ней приняли резолюцию «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», где подтверждалась ведущая роль аренды и кооперации в социалистическом хозяйстве, одобрялась реформа государственных предприятий. Пристальное внимание уделялось переводу колхозов и совхозов на принципы самофинансирования и самоуправления, введению подрядных, арендных и кооперативных отношений на селе[587]. В

---

[586] Аганбегян А. Г. Советская экономика – взгляд в будущее. М., 1988. С. 185, 191.

[587] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г. М., 1988. С. 107-108, 110-111.

дальнейшем фокус интереса М. С. Горбачева будет перенаправлен на вопросы аграрной реформы, которые станут первоочередными в политике советского руководства вплоть до первой половины 1989 г. вследствие торможения прогресса в решении продовольственной проблемы.

К 21 июля 1988 г. на заседании Политбюро М. С. Горбачев был обеспокоен застоем в продовольственной сфере. Генсек считал, что колхозы, совхозы, партийные и хозяйственные бюрократы не пропускают на село новые формы хозяйствования. Так, сведения о подобных прецедентах предоставил А. Н. Яковлев в личном письме Н. И. Рыжкову. Автор жаловался, что специалисты на селе «травят» арендаторов: «Спецы бояться остаться без работы, а их тьма-тьмущая»[588].

Более того, по мнению генсека, затраченные средства в аграрный сектор не повышали эффективность производства. М. С. Горбачев рассчитывал нивелировать трудности на селе в кардинальном изменении производственных отношений в деревне: «Может, создавать советских фермеров плюс кооперацию?» Генсек говорил, что аграрной сфере нужна «деколлективизация». Во внедрении массовых арендных отношений на длительный срок (50 лет), в передачи арендных прав по наследству и создании небольших фермерских хозяйств вкупе с переустройством управления АПК (далее – «агропромышленный комплекс») – советский лидер видел панацею как от предотвращения деградации села, так и для решения обострившейся продовольственной проблемы[589].

На пленуме от 29 июля 1988 г. М. С. Горбачев выступил с докладом «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной партийной конференции», в котором ставка делалась на обосновании изменений в экономических отношениях деревни. Интерес вызывает и новая концепция об «использовании различных форм социалистической собственности» в речи докладчика в контексте новых преобразований. Ей он оправдывал рекуперацию семейных ферм, работающих на условиях долговременной аренды земли, а также

---

[588] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 147. Л. 5.
[589] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 403-405.

агропромышленных комбинатов, агрофирм в советскую экономику. По убеждению генерального секретаря, в этих формах не было ничего не социалистического, напротив, долгосрочная аренда поворачивала социализм к человеку, ликвидировала его отчуждение от средств производства. Далее Горбачев предлагал разработать закон об аренде, чтобы передать земли и средства производства неэффективных хозяйств на конкурсной основе коллективным или индивидуальным арендаторам и развивать сеть коммерческих банков, в том числе провести кардинальную реорганизацию в АПК через упразднение РАПО (районное агропромышленное объединение)[590].

Все новации М. С. Горбачева на июльском пленуме оказались заготовкой для более широкого обсуждения аграрной проблеме на специальном пленуме, посвященном положению в деревне. В своих диктовках А. С. Черняеву от 3 августа 1988 г. для записки члену Политбюро В. П. Никонову генсек просил на основе ранее принятых решений и прошедших дискуссий продумать новый этап революционных преобразований в аграрном секторе[591].

Через пару месяцев у М. С. Горбачева состоялся серьезный разговор с руководителями колхозов и совхозов. В стенограмме встречи от 12 октября 1988 г. генеральный секретарь выступил с серьезной критикой старой структуры колхозов и совхозов. В частности, он заявил, что в данных формах хозяйствования произошел отрыв человека от земли, от средств производства: «Оторвав человека от земли, мы сделали из хозяина поденщика»[592].

По словам докладчика, главный смысл перестройки экономических отношений на селе состоит в том, чтобы «остановить раскрестьянивание страны», в том числе изменив сущность колхозно-совхозного строя. Выход из кризиса вновь состоял в аренде, подряде. Генсек убеждал руководителей, что с помощью аренды продолжится демократизация всего общества. Еще один действенный способ борьбы с застойными чертами деревни заключался во внедрении фермерского

---

[590] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. М., 1988. С. 21-24, 31.
[591] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 408.
[592] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 132. Л. 9-10.

хозяйства. Говоря о фермах, М. С. Горбачев доказывал собравшимся, что желание человека получить собственность не противоречит социализму, поскольку земля будет находиться в общенародной (государственной) собственности. Такой человек будет работать в интересах социализма. Завершая доклад, спикер призвал развивать множество форм собственности, в основе которых положена связь человека с землей, а заодно включить индивидуальный сектор в производственные отношения и придать ему социалистический характер[593].

Таким образом, М. С. Горбачев сделал лейтмотивом своей аграрной политики трансформацию колхозно-совхозной системы с помощью расширения на селе кооперативов, агрофирм и семейных ферм на основе долгосрочной аренды общенародной собственности. При этом генсек оправдывал новую политику тем, что благодаря ее воздействию на крестьян в них пробудится инициатива, мотивация и хозяйственность, что положительно скажется на решении проблем деревни, а следовательно, и продовольственного кризиса.

В конечном виде принципы новой экономической политики в советском хозяйстве утверждались документально в «Концепции экономического и социального развития СССР на период до 2005 года». Эту концепцию представил Н. И. Рыжков в своем докладе на пленуме от 28 ноября 1988 г. По его словам, документ призван был стать социально-политической базой развития советского общества. В теоретических основах программы присутствовали следующие положения: концепция «о многообразии форм социалистической собственности», принцип равноправного взаимодействия арендных отношений, кооперативных и государственных секторов экономики и концепция «социалистического рынка»[594].

Тем самым к концу 1988 г. идеологическое обоснование хозяйственных реформ сделало крупный шаг в сторону либерализации экономического дискурса. Во-первых, в правовом поле частично легализовались рыночные принципы. Этому способствовали вступившие в силу законы о государственном предприятии и о кооперации. Во-вторых, при легитимации правовых изменений советское

[593] Там же. Л. 11-12, 20, 23-24.
[594] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 180. Л. 136, 139.

руководство избирательно использовало ленинские идеи НЭПа в контексте их увязывания с положениями теории конвергенции. В-третьих, под этими лозунгами проводилась вялотекущая приватизация банковской системы, размывание государственной и колхозно-совхозной собственности, открытая легализация частного, фермерского хозяйства и как итог – введение капиталистического рыночного уклада при принижении значения плановой системы.

В этой связи отсутствие у реформаторов четкой границы допустимости рыночных изменений в экономике, а также убедительного ответа на вопрос о том, где кончается социалистическое хозяйство и начинается капиталистическое, снижало положительное восприятие государственного курса массами и ставило под сомнение ценность социалистического эксперимента в СССР. Поэтому все компромиссные модели, сочетавшие старые и новые принципы, имели очень ограниченную легитимность и проигрывали более радикальным концепциям. Это покажут итоги политического противоборства в 1989-1990 гг.[595].

В 1989 г. руководство партии продолжило готовиться к аграрному пленуму. На заседании Политбюро от 24 января 1989 г. М. С. Горбачев представил план по переустройству экономических отношений в деревне, базировавшийся на массовой кооптации арендных отношений, предоставлении права колхозам и совхозам создавать автономные управленческие структуры на областном и региональном уровне, а также переходе к результатам НТР в сельском хозяйстве[596]. В диктовках А. С. Черняеву генсек предлагал преобразовать колхозы и совхозы в кооперативы на основе аренды – в этом образе виделся идеал перестройки аграрного сектора[597].

По существу, каких-то серьезных нововведений в сравнении с принятыми июльским пленумом положениями не представили, в лучшем случае некоторые из общих тезисов вроде самоуправления колхозно-совхозной системы были уточнены.

В дневнике В. И. Воротникова аграрный план М. С. Горбачева критиковался на заседании Политбюро 24 января за хаотичные реформы в деревне. Уже при

---

[595] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 569.
[596] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 447-448.
[597] Там же. С. 453.

обсуждении текста пленарного доклада от 12 марта 1989 г. члены Политбюро подмечали слабые стороны тезисов генсека, говорили о непродуманности мер в сфере внедрения новых структур управления, эфемерности территориального хозрасчета и невозможности решить аграрные проблемы в ближайшие годы, как предлагал генсек[598]. Однако Горбачев не учел мнение коллег при составлении финальной версии доклада.

Выступая 15 марта 1989 г. на пленуме, генеральный секретарь в докладе «Об аграрной политике КПСС в современных условиях» кратко определил идеологический смысл своей речи, сказав, что разработка аграрной политики неотделима от новых представлений о социализме в целом и о его социально-экономических перспективах. Новое представление о социализме заключалось в пересмотре принципа о градации «социалистической» собственности на высшую и низшую. Признавалось равноправие форм собственности, включая в них семейно-индивидуальные крестьянские хозяйства. Более того, делегатам пленума предлагалось поддержать проекты правовых актов, закреплявших статус аренды юридически. Аренда вновь становилась фактором всеобщего переустройства аграрного сектора на новых началах. М. С. Горбачев рекомендовал использовать паевые и акционерные начала в хозяйственной деятельности, а с помощью различных форм аренды регулировать новые отношения в рамках коллективной и индивидуальной собственности. Далее положительно освещались предполагаемые реформы по созданию акционерных обществ[599].

Следует отметить, что в плане развития акционерных, арендных отношений и индивидуальной собственности на селе доклад был полон ревизионистских идей с точки зрения социалистической политической экономии.

Для лучшего понимания степени радикализма советского руководства в вопросе модернизации аграрной политики необходимо обратиться к содержанию принятых в начале апреля нормативно-правовых актов об аренде, проекты коих

---

[598] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 273, 276-277.
[599] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15-16 марта 1989 г. М., 1989. С. 35, 51, 54, 59.

одобрил мартовский пленум. В частности, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. № 10277-XI «Об аренде и арендных отношениях в СССР» в собственность арендатора могло переходить арендуемое имущество, кроме объектов, составляющих исключительную собственность государства, по истечении срока договора аренды и покрытия выплаченной арендной платой стоимости этого имущества[600].

В соответствии с Положением Совета министров от 7 апреля 1989 г. «Об экономических и организационных основах арендных отношений в СССР» в случаях перехода на внутрихозяйственные арендные отношения всех структурных подразделений совхоза, колхоза или другого предприятия – можно по решению общего собрания трудового коллектива преобразовать данные организации в кооперативы арендных коллективов. В этих коллективах разрешался наемный труд по договору с гражданами, не являющимися членами организации[601].

Тем самым в указе и положении содержались нормы, позволявшие легально приватизировать государственную и колхозно-совхозную собственность (кроме земли, ее недр и воды) или превратить предприятие, колхоз, совхоз в арендованную форму подряда с эксплуатацией чужого труда.

Эти правовые нормы были конкретизированы Верховным Советом СССР при принятии Основ законодательства СССР от 23 ноября 1989 г. № 810-I «Об аренде». В акте обозначались условия выкупа арендованного имущества у арендодателя, а рабочему коллективу позволялось преобразовывать производство в арендное предприятие с правами и обязанностями юридического лица. В дальнейшем предприятие могло быть выкуплено рабочим коллективом у государства и превращено в коллективное, кооперативное или акционерное предприятие[602].

---

[600] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. № 10277-XI «Об аренде и арендных отношениях в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3975446/paragraph/844:0 (дата обращения: 29.04.2025).

[601] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15-16 марта 1989 г. М., 1989. С. 169, 172.

[602] Основы законодательства СССР от 23 ноября 1989 г. № 810-I «Об аренде» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся

Таким образом, в течение 1989 г. у населения расширялись правовые возможности по приватизации государственного, колхозно-совхозного имущества. Однако реформа в деревне в долгосрочной перспективе не увенчалась успехом. Причиной тому были половинчатые решения советской власти, делегировавшей автономию хозяйствам при сохранении всех государственных субсидий, что демотивировало крестьян участвовать в модернизации совхозов и колхозов. Крестьян полностью устраивала опека государства, вследствие чего деревня продолжала быть убыточным сектором экономики. Ситуацию усугубило ослабление контроля партии в аграрном секторе хозяйства. В этих условиях деревня перестала централизованно выполнять планы по продаже готовой продукции, что только ухудшило проблему с продовольствием[603].

В свою очередь, важность адаптации акционерных отношений к советским реалиям объяснялась практической потребностью рационально использовать неотоваренные денежные средства предприятий и граждан. Негативные процессы в этом секторе экономики стремительно росли в течение всего 1989 г. Первостепенной задачей объявлялось оздоровление финансовой сферы и лимитирование неконтролируемого роста денежной массы на руках у населения.

Тенденция качественного роста денег в сравнении с товарами в экономике уже становилась предметом для обсуждения на Политбюро 16 февраля 1989 г. Тогда решили сократить государственные расходы, выпустить больше товаров народного потребления для покрытия денежной массы[604]. Однако к положительным результатам эти меры не привели, лишь больше разбалансировали бюджет государства. Ввиду этого разработка акционерного законодательства становилась целью ближайшего будущего.

Нужно отметить, что вопрос кооптации акционерных форм в социалистическую систему рассматривался Правительством еще до первых

Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3960875/paragraph/9019:0 (дата обращения: 29.04.2025).

[603] Зубок В. М. Указ. соч. С. 102.

[604] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 460.

отголосков хаоса в финансово-бюджетной сфере. Так, в записке зампреда Совмина И. С. Силаева Н. И. Рыжкову от 20 февраля 1988 г. в качестве эксперимента предлагалось выпускать государственным предприятиям отрасли машиностроения акции для продажи рабочим с целью привлечения средств трудящихся к финансированию заводских программ развития[605].

К тому же активно изучались теоретические положения об акционерных обществах. Например, 17 июля 1988 г. Н. И. Рыжков требовал ознакомить членов Президиума Совмина со статьей в «Экономической газете» № 29 от 1988 г. под наименованием «Не пугайтесь непривычных акций», где автор публикации А. Зимон настаивал на внедрении акционерных форм в общественное производство[606].

В практическом плане к 1989 г. была создана Госкомиссия во главе с помощником зампреда Совета министров СССР Г. Г. Меликьяном. Именно ей поручили разработать закон об акционерных обществах. По свидетельству Г. Г. Меликьяна, вначале авторы готовили законопроект только об акционерных обществах, но в процессе аналитической работы посчитали, что нужно обязательно сказать и про ценные бумаги. По результатам обсуждений Госкомиссия 19 июня 1990 г. приняла Постановление Совмина СССР № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах»[607]. Так, руками советских коммунистов в социалистическом государстве законодательно оформлялся рынок ценных бумаг.

Некоторые члены Политбюро рассматривали иные способы преодоления застойной ситуации в хозяйстве, причем озвучивали свои радикальные взгляды публично. В частности, А. Н. Яковлев в статье «О перестройке» в № 5 журнала «Московский бизнес» от 1989 г. видел способ разрушить структуры торможения в утверждении многообразия форм собственности и свободы торговли при регулирующей роли государства[608]. Если развить мысль автора, то договорная

---

[605] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 149. Д. 90. Л. 27
[606] Там же. Л. 156-157.
[607] Кротов Н. И. Указ. соч. С. 501-502, 505.
[608] ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.

продажа продукции имела смысл в том плане, что частично либерализировала цены на потребительском рынке и помогла изъять некоторую часть денег у населения в бюджет государства. Надо сказать, что подобными нарративами открывалась дорога к легитимации свободной предпринимательской деятельности и образованию торгового капитала в СССР.

Проблемы финансово-денежной политики поднимались 22 мая 1989 г. на пленуме, созванном советским руководством для обсуждения действий КПСС на первом съезде народных депутатов. В стенограмме пленума М. С. Горбачев говорил о серьезных провалах в финансовой сфере: «Это самый крупный промах в экономике в эти годы мы допустили…». Ввиду понимания руководством тяжелого положения в области денежного обращения, упадочных процессов в регулировании потребительского рынка, пленум одобрил предложения генсека по углублению экономической реформы на всех направлениях[609].

В докладе «Об основных направлениях внутренней и внешней политики» от 30 мая 1989 г. М. С. Горбачев представил депутатам первого съезда народных депутатов СССР шаги по интенсификации преобразований. Он призывал радикально развивать, обновлять и сочетать разные формы социалистической собственности. По мнению генсека, в живом соревновании и состязании многообразные формы будут доказывать свое право на существование. Рычаги хозяйственного управления спикер предлагал передать главным действующим лицам советского хозяйства – предприятиям, кооперативам и акционерным обществам, правомочным объединяться в союзы и ассоциации. Перераспределение компетенций должна была освободить министерства от распорядительно-оперативного функционала, оставив за ними выработку общих нормативных рамок для деятельности экономических субъектов[610]. Тем самым Горбачев подготовил теоретическое обоснование для разгосударствления экономики и ослабления правительственного контроля за кризисными экономическими процессами.

---

[609] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 265. Л. 245, 251.
[610] Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая-9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 1. С. 452-453.

Некоторые инновационные идеи внес доклад Н. И. Рыжкова «О программе предстоящей деятельности Правительства СССР» на съезде 7 июня 1989 г. Например, председатель Совмина говорил о важности развития рынка, конкуренции в экономике в рамках государственного регулирования. Первостепенным направлением в деле их эволюционного становления объявлялась борьба с монополизмом путем разработки антимонопольного законодательства, проект которого уже рассматривается советскими экономистами[611]. В этом случае реформаторы осознанно отказывались от права союзного Центра пребывать в статусе экономического гегемона.

При завершении работы Съезда народными депутатами на основе двух докладов было составлено Постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». В нем предписывалось Совмину и Верховному Совету СССР разработать стратегию дальнейших преобразований в хозяйстве, создав для этой цели Государственную комиссию по экономической реформе. При этом предлагались и конкретные шаги базисных трансформаций. Так, Съезд поручал Совмину и Верховному Совету СССР создать равноправные условия для соревнования разных видов собственности: общегосударственной, местной, кооперативной, основанной на арендных и паевых началах (акционерная форма), на индивидуально-трудовой деятельности, а также смешанных форм. Далее рекомендовалось организовать рынок ценных бумаг и инвестиционных ресурсов, перейти к оптовой торговле средств производства, принять меры для борьбы с монополизмом, способствовать развитию коммерческих банков и акционерных товариществ[612].

В целом, Съезд одобрил программу перехода советского хозяйства к полноценной экономике с развитым рыночным хозяйством при государственном регулировании. Итоги работы Съезда отразилась на терминологических трансформациях в риторике советских руководителей. Так, на фоне кооптации

---

[611] Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая-9 июня 1989 г. Стенографический отчет. М., 1989. Т. 3. С. 10-11.
[612] Там же. С. 418-420.

«буржуазных» понятий (акции, коммерческие банки, конкуренция, аренда земли, антимонопольная политика) в экономический дискурс у реформаторов провалится эксперимент по соединению социалистической теории с рыночными идеями. Формируемая доктрина смотрелась очень архаично при утверждении капиталистических отношений, что и предопределило освобождение исконно либеральных терминов от коммунистической фразеологии. В дальнейшем дискуссии вокруг реформы лишатся социалистического наполнения и будут идти о вполне прагматичных вещах, а такие термины, как «социалистический рынок» и «социалистическая конкуренция» выйдут из употребления к началу 1990 г.

К примеру, исходя из воспоминаний помощника генсека по экономическим вопросам Н. Я. Петракова, можно констатировать укоренившуюся прорыночную позицию Н. И. Рыжковым после первого съезда народных депутатов. Примечательно, что в процессе их ожесточенного разговора о судьбе реформы камнем преткновения стали сроки и методы перехода к рынку, а не идейно-политические разногласия в контексте смены социально-экономической формации[613].

Тем не менее формальные отсылки к ленинскому рыночному наследию будут ограничено воспроизводиться реформаторами на протяжении всего периода преобразований. Авторитет В. И. Ленина не подлежал сомнению в сознании советских руководителей, вследствие чего полностью отказаться от обоснования реформ с помощью ленинской теории не представлялась возможным даже под давлением объективных обстоятельств.

Следующий этап экономической реформы выразился в законодательной деятельности Верховного Совета СССР. В течение работы первой сессии советского парламента были внесены важные поправки в союзное законодательство. В частности, в докладе зампреда Совмина СССР Л. И. Абалкина от 3 августа 1989 г. предлагалось одобрить разработанный Правительством законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР о

[613] Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней. С. 102.

государственном предприятии (объединении)». Оратор изложил основные правовые новации Совмина, заключавшиеся в наделении предприятий правомочием самостоятельно выбирать форму хозяйственной деятельности, выступать на рынке ценных бумаг и выпускать акции, выходить трудовым коллективам из производственных объединений при сохранении обязанностей по договору и заниматься внешнеэкономической деятельностью[614]. Верховный Совет СССР принял законопроект, чем еще больше приблизил государственные предприятия к капиталистическому облику.

Однако реформы, несмотря на их интенсификацию, стали резко терять популярность в народной среде. Дело было в том, что Съезд своими решениями в области расширения социальных программ подорвал курс государства, направленный на борьбу с дефицитом бюджета и ростом денежной массы в экономике. Как итог, на смену политике накопления общественных богатств пришла политика стимулирования социальных расходов[615]. Тем самым новый курс привел в 1990 г. к резкому спаду промышленного производства и дальнейшему развитию финансового кризиса, что предопределило падение престижа экономических преобразований.

Еще одним негативным итогом работы Съезда для советского руководства можно признать обозначившуюся неолиберальную позицию МДГ по переходу к рынку. На Всеобщей конференции МДГ 29-30 июля 1989 г. экономическую альтернативу оппозиционеры обозначали 10 пунктами в не получившей широкого распространения программе «Тезисы к программе практической деятельности Межрегиональной группы народных депутатов СССР по углублению и реализации перестройки». Положения документа радикализировали некоторые положения правительственной экономической реформы в части более активного перераспределения объектов общественной собственности в пользу предприятий, коллективов и ограничения административного вмешательства в экономику[616].

---

[614] Первая сессия Верховного Совета СССР // Правда. 1989. № 216. С. 1.
[615] Яник А. А. Указ. соч. С. 136-137.
[616] Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. М., 1991. Кн. 4. С. 24-25.

На второй конференции 12-24 сентября 1989 г. «межрегионалы» утвердили окончательную и развёрнутую программу «Платформа межрегиональной группы народных депутатов», в которой предполагались мероприятия по установлению полноправной, свободной и конкурентной рыночной экономики на территории СССР, введению частной собственности и приватизации основных государственных активов и фондов[617]. В итоге официальной концепции экономической реформы противостояла неформальная, еще более радикальная концепция оппозиции.

Борьба программ накладывала отпечаток на действия Правительства, вынуждая форсировать некоторые элементы экономической политики ради сохранения авторитета в массах. Не менее серьезной проблемой для советского руководства стало усугубление финансовых провалов в государстве. Видя столь плачевное положение на хозяйственном и политическом фронте, партийное руководство решается на легализацию свободной торговли продукцией производственно-технического назначения сверх госзаказа по ценам спроса и предложения. Эти мысли прозвучали на Политбюро от 4 октября 1989 г. из доклада генерального секретаря. Далее М. С. Горбачев говорил о первостепенности мер в закреплении системы государственной коммерческой торговли, в том числе практики продажи средств производства с аукционов. Генсеком одобрялась и идеи конвертируемости рубля, свободной продажи валюты в стране[618]. В итоге партия все больше отходила от догм социалистической политической экономики, запрещавшей свободную торговлю в столь гигантских масштабах.

Тем временем в течение лета-осени 1989 г. продолжала работу Государственная комиссия Совета министров СССР (далее – «Комиссия») по экономической реформе, созданная 5 июля 1989 г. Правительством в соответствии с решением первого съезда народных депутатов. Комиссии поручалось разработать концепцию экономических реформ Правительства и представить ее на втором

---

[617] Аблаев Д. М. Межрегиональная депутатская группа: становление, развитие и итоги: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Аблаев Денис Михайлович. М., 2008. С. 113-114.
[618] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 209. Л. 12-17.

съезде народных депутатов. Её председателем назначили зампреда Совмина Л. И. Абалкина. В Комиссию входила широкая плеяда экономических умов страны: П. М. Кацура, С. А. Ситарян, Е. Г. Ясин, С. С. Шаталин, Г. А. Явлинский, Г. А. Егизарян и др.

Как вспоминал Л. И. Абалкин, специалисты, работавшие в Комиссии, занимали ведущую роль в подготовке докладов Правительству и Верховному Совету СССР, формируя идеологию этих документов[619]. Во многом мировоззренческие пристрастия составителей концепции реформ предопределяли идейно-политическую направленность работы Комиссии и последовавших практических преобразований в советском базисе.

О либеральных идеалах многих советских экономистов писал член Комиссии С. С. Шаталин. В пример он приводил собственную альма-матер – Центральный экономико-математический институт АН СССР (далее – «ЦЭМИ»). Как свидетельствовал автор, ЦЭМИ был рассадником рыночных идей. Шаталин писал, что: «ЦЭМИ… научно обосновал рынок, который приходилось называть социалистическим»[620]. Так, в недрах института вырабатывались принципиальные положения о неэффективности планового хозяйства, а также путях его реформирования. Поэтому неудивительно, что будущие выпускники заведения отлично знали учение Д. Кейнса, О. Бем-Баверка и Ф. Хайека – теоретиков капиталистического уклада. В дальнейшем такие сотрудники ЦЭМИ как Е. Г. Ясин и Н. Я. Петраков примут непосредственное участие в обосновании либерально-рыночного пути для советских реформ.

Абсолютно рыночный вариант развития социалистического хозяйства просматривается в подготовленной Комиссией полуофициальной правительственной концепции «Радикальная экономическая реформа: первоочередные и долговременные меры» под авторством Е. Г. Ясина и Г. А. Явлинского. Итоговый документ предназначался для общенародного обсуждения, поэтому его заранее опубликовали в кратком виде в СМИ и

---

619 Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды. С. 31-32.

620 Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. М., 2004. С. 45-46.

представили на Всесоюзной научно-практической конференции, состоявшейся в Москве 13-15 ноября 1989 г. В концепции презентовались фундаментальные черты новой хозяйственной системы: многообразие форм собственности, их равноправие и соревнование; превращение рынка в сочетании с государственным регулированием в главный инструмент координации деятельности участников общественного производства; государственное регулирование экономики на основе гибкого социального и экономического планирования[621].

Как вспоминал автор документа Е. Г. Ясин, в концепции сформулировали три альтернативы достижения регулируемого рынка: консервативный, радикальный и умерено-радикальный. Первый план предполагал стратегию постепенного врастания в новую систему исключительно директивными методами. Второй вариант оказался близок к «шоковой терапии» в рамках стремительного и форсированного достижения свободного рынка. Третья версия заключала в себя управляемые, поэтапные преобразования экономики с целью смягчить последствия рыночных реформ[622].

Изначально на конференции был одобрен умеренно-радикальный вариант в качестве официального видения будущих радикальных реформ. Тем не менее из-за работы параллельных групп в Совмине над общей программой правительства ко второму съезду народных депутатов СССР (группа Госплана во главе с Ю. Д. Маслюковым и группа по неотложным мерам Л. А. Воронина), их несогласованности и раздробленности, итоговая концепция воспроизводила многие положения консервативного варианта[623]. Несмотря на определенное усиление административно-контрольных механизмов при завершении концепции, это не делало ее антикапиталистической.

Так, по воспоминаниям С. С. Шаталина, о первом в истории СССР «рыночном плане» Правительства, разработанном на основе итоговой концепции,

---

[621] Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 69-70.
[622] Ясин Е. Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций. М., 2002. С. 133-135.
[623] Там же. С. 136-138.

докладывал Н. И. Рыжков на расширенном заседании Совмина в декабре 1989 г.[624]. Публично основные положения концепции озвучил в докладе Н. И. Рыжкова перед вторым съездом народных депутатов, проходившем 12-24 декабря 1989 г. Против принятия подобной программы высказались члены МДГ. В частности, один из лидеров межрегиональной группы Г. Х. Попов критиковал правительственную программу за копирование методов административного социализма в деле достижения рынка. Централизованный и запретительный характер правительственных мер воспринимались оратором как антиперестроечные по своей сути[625]. О реанимации экономики через ее деидеологизацию и борьбу с остатками тоталитарного режима говорил Б. Н. Ельцин. По его мнению, сохраненная Правительством логика директивного планирования не позволит развить предприятиям самостоятельность, что нивелирует позитивный потенциал экономической реформы[626].

Из дискуссии на Съезде можно заключить, что возражения оппозиции вызывали средства достижения рыночной экономики, тогда как целеполагание концепции Совмина полностью поддерживалось. Примечательно, что о принципиальной схожести позиции МДГ и правительственной модели писал в декабре 1989 г. Е. Г. Ясин, анализируя программные установки демократов. Отличия, подытоживал автор, состояли в сроках осуществления указанных мер и в отказе от идеологических (марксистских) ограничений[627].

Вопреки скоординированным действиям МДГ по дискредитации правительственной программы, она была принята Съездом. По поручению народных депутатов Правительству предписывалось ускорить принятие законов об аренде, собственности, земле и социалистическом предприятии. К тому же Совмин должен был к 1 сентября 1990 г. разработать проект пятилетнего плана на 1991-1995 гг. и представить его Верховному Совету СССР. От теоретического

---

[624] Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. С. 44.
[625] Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 1. С. 287-288.
[626] Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 2. С. 196.
[627] ГАРФ. Ф. 10202. Оп. 1. Д. 65. Л. 49.

конструирования концепции врастания рынка в плановое хозяйство высшее руководство переходило к практическому осуществлению экономического замысла[628].

Тем временем модель идеологического обоснования реформ также подверглась серьёзным изменениям. В начале 1990 г. советское руководство отказалось от устаревших «социалистических» эвфемизмов, которыми прикрывали реставрацию капитализма в экономике. В правительственной риторике их сменили чисто либеральные формулировки. Однако в вопросе собственности советские идеологии все еще не признавали ее частного характера, ориентируясь на теорию конвергенции. Проблема состояла в том, что «архитекторы перестройки» воспринимали собственность не в рациональном правовом ключе, а метафизически и идеологически. Такой идеалистический взгляд предопределил множественные противоречия в законах и на практике, когда правовые понятия «коллективной, индивидуальной собственности», по сути, представляли собой частное присвоение с эксплуатацией наемного труда, а в идеологической интерпретации данный факт ретушировался, а часто просто отрицался[629]. Данное доктринальное противоречие будет снято только к осени 1990 г., когда советское правительство для предотвращения экономического коллапса будет согласно на приватизацию и легализацию частной собственности.

До осени 1990 г. несоответствие объяснительной формы правовому содержанию было очевидно и приводило к бесконечным теоретическим дискуссиям о признаках, видах собственности, что ставило успешность экономической реформы в зависимость от рудиментарных догм «социалистического выбора» реформаторов. Прежде всего, данные процессы

---

[628] Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. 4. С. 557, 560.
[629] Там же. С. 569-571.

отразились в Законе СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-I «О собственности в СССР»[630] и Законе СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР»[631].

Антагонизм вокруг природы собственности отразился в противоречивой Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду «К гуманному демократическому социализму», одобренной пленумом от 5-7 февраля 1990 г. К примеру, в 3 разделе документа описывались признаки новой системы планово-рыночной экономики, базировавшейся на многообразии форм собственности и соревновании самостоятельных товаропроизводителей. Под многообразием форм собственности партия понимала равноправие всех ее коллективных видов (акционерной, кооперативной, паевой, долевой) через преобразование государственной собственности на демократических началах (т.е. разгосударствление). Признавалось также право индивидуальной собственности на средства производства (до редакции Платформы пленумом и Политбюро присутствовал термин «трудовая частная собственность»). Оговаривалось особое условие использования собственности, состоявшее в исключении эксплуатации человека человеком и отчуждения средства производства от работника, которое морально устарело в новых условиях[632].

Не менее интересные идеи содержало положение о качественно новом соотношении плановых и рыночных элементов в хозяйстве. Кратко резюмируя, плановой структуре отводилось решение стратегических задач: социальная защита населения, налоговая и финансовая политика, развитие инфраструктуры, возобновление ресурсов. Из приводимого перечня видно, что под плановым регулированием советские лидеры подразумевали обычное государственное вмешательство в уязвимые для рынка сектора экономики, обеспечивающие

---

[630] Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-I «О собственности в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/5171153/paragraph/9154:0 (дата обращения: 29.04.2025).

[631] Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/1549447/paragraph/1/ (дата обращения: 29.05.2025).

[632] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 361-362.

стабильное развитие и безопасность общества. По этой причине все надежды на возобновление конкурентоспособности и возрождение отечественного хозяйства связывались с внедрением полнокровного рынка в советскую действительность[633].

Таким образом, КПСС одобрила проект платформы, который, с одной стороны, содержал остаточные идеи теории конвергенции, а с другой стороны, утверждал либеральные принципы смешанной экономики. Для легитимации ревизионистских положений в глазах населения, советское руководство усилило информационную кампанию по трансформации идейно-политических установок у советского народа.

Идею первостепенности идеологического сдвига в мышлении граждан для принятия массами концепции полнокровного рынка осознавало ученое сообщество. Так, в записке экономиста В. К. Петрова от февраля 1990 г. «Возможные пути практического перехода к рыночной экономике» для Государственной Комиссии утверждалось, что инструментом трансформации массового сознания в советских реалиях должны стать СМИ. По мысли ученого, людям нужно объяснить демократичность акционерного общества, противопоставив ему неэффективность государственного предприятия на зарубежных примерах. При этом нужно постараться не дискредитировать роль государства в рыночной экономике. Все противопоставления делать в понятиях тоталитаризм-демократия, а не социализм-капитализм, тем самым изменив идеологическое содержание формулировок[634].

Кооптация либеральной модели для идеологического обоснования экономической реформы концентрировано была выражена при подготовке Государственной Комиссии по экономической реформе доклада Н. И. Рыжкова об ускоренном переходе к рынку для Верховного Совета СССР (второй по счету концепции после декабрьской). В проекте доклада от 6 апреля 1990 г. конструировалась новая программа действий Правительства, а также констатировалось, что синтез командных и экономических структур

---

[633] Там же. С. 362-363.
[634] ГАРФ. Ф. 10202. Оп. 1. Д. 69. Л. 51.

принципиально невозможен. Ввиду этого необходимо было фронтальное движение к регулируемому и социально защищенному рынку. Регулируемый рынок требовал следующих предпосылок: самостоятельности предприятий, свободы ценообразования, конкуренции, принципа спроса и предложения, в том числе системы социальной защиты[635].

Механизм достижения хозяйственного идеала состоял в финансово-административной регуляции государством экономических процессов на начальных этапах при легализации свободы предпринимательства, торговли, различных видов собственности, коммерциализации банков, существенного разгосударствления экономики, доступа иностранного капитала на советский рынок. Отдельно прорабатывался вопрос о сущности плана, он превращался из директивного в план-регулятор. В дальнейшем его формирование основывалось на консенсусе между предприятиями, республиками и Центром. Непосредственно масштабные плановые мероприятия на 1991-1995 в проекте рассматривались как преждевременные. От перспективного планирования решили временно отказаться и ориентироваться на годовой план до стабилизации экономики[636].

Таким образом, плановый механизм, оставшийся в наследство от социалистической системы, все больше приобретал эфемерный и консультативный характер. Его императивность сводилась на нет, как и всеобщий характер планирования. Теперь план приобретал черты придатка системы государственного регулирования, включавшей более мягкие модели контроля экономики.

Некоторые выдержки из проекта доклада Н. И. Рыжков включил в свою речь от 26 апреля перед трудовым коллективом ленинградского райкома КПСС г. Москвы, выдвинувшего председателя Совмина делегатом на XXVIII съезд партии. В тексте выступления Рыжков аргументировал необходимость скорейшего перехода к рынку негативными издержками нынешней экономической системы, располагавшей чрезмерно утяжелённой структурой производства, архаичными производственными отношениями с полуразрушенным командным управлением и

[635] ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 162. Д. 1885. Л. 25-28.
[636] Там же. Л. 30-32, 39, 54, 61-62, 68-70.

явно выраженным затратным механизмом. Новый облик народного хозяйства мыслился Рыжковым идеалистически и схематично. По мнению автора, советское общество должно прийти к гибкой и социальной экономике с высокой мотивацией труда, ориентированной на человека и его потребности[637].

В целом, финальная версия доклада Н. И. Рыжкова «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике», озвученная председателем Совмина 24 мая 1990 г. на сессии Верховного Совета СССР, в сравнении с проектом была расширена и конкретизирована без внесения сущностных изменений[638].

Для поддержки революционных положений правительственной программы речь-обоснование подготовил член Комиссии Е. Г. Ясин. В тексте его заготовки, оставшейся не зачитанной на сессии Верховного Совета, разъяснялось позитивное содержание процесса разгосударствления. Последнее не означало отход от социализма и приватизацию собственности. По мысли Ясина, в ходе разгосударствления Правительство только отказывалось от функций прямого управления экономикой, а государственная собственность преобразовывалась на основе аренды в независимую кооперативную или акционерную форму[639]. Более того, ставилась и практическая задача за один-два года превратить 400-500 крупнейших государственных предприятий в акционерные общества**.**

Далее автор пытался реабилитировать феномен предпринимательства, признавая, что это будет радикальный поворот в советской экономической теории. По убеждению Е. Г. Ясина, предприниматель – это не капиталист, так как он действует не только ради своей выгоды, но и в интересах общества. Автор допускал возможность разрастания социального расслоения при развитии предпринимательской среды. По мнению Ясина, эти процессы нисколько не противоречили обновленному социализму, поскольку без социальной дифференциации достичь эффективной экономики было бы просто невозможно[640].

---

[637] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 87. Л. 8.
[638] РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 104. Л. 50-126.
[639] ГАРФ. Ф. 10202. Оп. 1. Д. 74. Л. 42-43.
[640] Там же. Л. 43-44.

В итоге новую программу Правительства об ускоренном движении к рынку Верховный Совет СССР поддержал, а Совмину поручил до 1 сентября 1990 г. разработать программу конкретных мероприятий. Как видно из смысловой нагрузки докладов представителей Совмина и Комиссии, советское руководство радикализировалось в своем стремлении навязать обществу «рыночный» стиль мышления.

Положительно процесс прорыночной информационной кампании оценивался М. С. Горбачевым на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов от 11 июня 1990 г. В своей речи генеральный секретарь признавал, что психология советских людей была абсолютно «нерыночная». Однако в народе присутствовал позитивный сдвиг в восприятии рыночной экономики. Генсек указывал, что: «… раньше этот вопрос воспринимался так: раз рынок, то – к капитализму, больше того: долой социализм». По мнению Горбачева, вопрос о рыночных отношениях больше не квалифицируется как ревизионизм, так же как многоукладная экономика с реформированными отношениями собственности теперь не противоречит существу социалистической идеи. Докладчик утверждал, что путь к рынку будет сопряжен с социализмом в том случае, если позволит человеку жить хорошо в экономически свободном обществе. К этим мыслям, по мнению генерального секретаря, в конце жизни пришел В. И. Ленин[641].

Окончательно рыночные концепты будут закреплены в программном заявлении «К гуманному, демократическому социализму» как основе будущей полноценной программы КПСС на XXVIII съезде партии 2-13 июля 1990 г. В документе получили свое место идеи многоукладной экономики, основанной на регулируемых рыночных отношениях, свободного соперничества (конкуренции) и предпринимательства, разгосударствления, многообразия форм собственности (в том числе и «трудовой частной собственности»), демонополизации торговли, банковского дела и косвенной координации хозяйства при помощи мягких

[641] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 137. Л. 123-125, 130.

плановых механизмов[642]. Последнее положение о плановом регулировании экономики оказалось единственным остатком социалистической теории. Причем существовало оно в очень урезанном и деформированном формате.

Идейно-политическую кампанию советского руководства сопровождали серьезные правовые изменения в союзном законодательстве. Так, в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик от 28 февраля 1990 г. № 1251-I «О земле» гражданам предоставлялась новая форма обладания землей – пожизненное наследуемое владение для ведения хозяйства. Этот вид был наиболее близок к частной собственности, поскольку земля передавалась по наследству в бессрочное владение и пользование, однако пожизненное наследуемое владение не предполагало важного правомочия у субъекта земельных отношений – распоряжения собственностью. Все права по распоряжению принадлежали местным Советам народных депутатов, то есть государственным органам[643].

Надо отметить, что правовые новации о землепользовании вводились в правовую практику для реализации идеи М. С. Горбачева о массовой «фермеризации» аграрного сектора, противопоставляемой неуклюжей совхозно-колхозной системе.

О преимуществах индивидуального и семейного хозяйства над централизованным указывалось в подготовительных материалах генерального секретаря к планируемой встрече с арендаторами от 21 мая 1990 г. В тексте материалов интерес представляет следующий момент. В частности, после утверждения в черновике, что раньше советское руководство исходило из ложной предпосылки дальнейшего существования крестьянства только в рамках крупного обобществленного производства, шла зачеркнутая М. С. Горбачевым строка, где указывалось следующее: «… весь мировой опыт утверждает, что основной формой рентабельного аграрного производства является семейная ферма или крестьянское

---

[642] Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 86-88.
[643] Основы законодательства Союза ССР и союзных республик от 28 февраля 1990 года № 1251-I «О земле» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/5226801/paragraph/9191:0 (дата обращения: 29.05.2025).

хозяйство». При этом вновь делалась ссылка на В. И. Ленина, который оказывается понимал это, рассматривая столыпинскую реформу[644].

В финальной версии доклада М. С. Горбачев не пошел на столь суровую оценку крупных хозяйств из-за страха открыто дискредитировать колхозно-совхозную систему, ведь она все еще оставалась хребтом аграрной экономики. В целом, даже без резких формулировок текст напоминал хвалебную оду фермерству, тем самым определяя курс высшего руководства на трансформацию социалистических начал в деревне в сторону мелкобуржуазных отношений парцеллярного хозяйства.

Впрочем, либеральная позиция М. С. Горбачева по поддержке фермерства сочеталась с его архаичной убеждённостью в запрете частного присвоения земли. В экономической риторике советского лидера, пожалуй, это был один из немногих вопросов, по которому он занимал бескомпромиссную позицию. Так, против продажи земли (как и против частной собственности на землю) Горбачев не раз будет высказываться в течение 1990 г., поскольку считал, что народ не примет легализацию спекулятивных практик с земельным фондом. Четкая позиция Президента СССР по этому вопросу просматривается на заседании Президентского Совета от 27 марта 1990 г. в ходе спора с С. С. Шаталиным[645].

Столь консервативные взгляды подпитывались сильным традиционалистским коллективизмом советских управленцев[646]. Большая часть советских элит, в том числе М. С. Горбачев, происходила из крестьян. Они формировались как личности в условиях коллективистского уклада русской деревни. Такие объективные условия жизни предопределили убеждённость реформаторов в необходимости оставить землю неприкосновенной.

Таким образом, после одобрения доклада Н. И. Рыжкова Верховным Советом СССР, принятия КПСС программного заявления и легализации капиталистических

---

644 РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 288. Л. 7-15.
645 РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 44. Л. 66.
646 Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 572.

форм в правовом поле на союзном уровне практически завершился процесс трансформации общественного сознания.

Об этом можно судить по последовавшим изменениям в экономической политике, не встретивших сильного сопротивления масс и формально консервативной части КПСС. Речь идет о компромиссе М. С. Горбачева с председателем Верховного Совета РСРФР Б. Н. Ельциным в контексте разработки единой «Концепции союзной программы перехода к рынку как основы Союзного Договора». В соответствии с поручением Горбачева, Ельцина, Н. И. Рыжкова и И. С. Силаева (председатель Совмина РСФСР) от 27 июля 1990 образовали рабочую группу в составе: С. С. Шаталина, Л. И. Абалкина, Г. А. Явлинского, Е. Г. Ясина, Н. П. Шмелева, М. М. Задорнова, В. А. Мартынова и др., которой поручалось до 1 сентября 1990 г. подготовить экономическую программу[647]. В последующем программа получила название «500 дней» (план Явлинского-Шаталина). Параллельно продолжала свою работу обособленная правительственная группа по формулированию Правительственной программы Абалкина-Рыжкова в соответствии с июньским решением Верховного Совета СССР.

К концу августа основные положения программы «500 дней» были готовы, как и концепции Абалкина-Рыжкова. Если кратко резюмировать, то правительственный вариант в умеренном духе развивал положения майского доклада Н. И. Рыжкова. В то же время план Явлинского-Шаталина предполагал легализовать частную собственность через приватизацию государственного имущества, стремительно либерализировать ценообразование и банковское дело, а также избавиться от пережитков плановых механизмов, перейдя к западной модели рыночной экономики с макроэкономическим регулированием государства[648].

Отдельно в «500 днях» разбирался вопрос о частной собственности на землю, решавшийся непосредственно суверенными республиками Союза. Фактически это был одобрительный жест субъектам федерации для легализации права продажи

---

[647] ГАРФ. Ф. 10202. Оп. 1. Д. 75. Л. 3-4.

[648] Явлинский Г. А. Переход к рынку. Концепция программы (экономическая программа «500 дней»). М., 1990. С. 29-33, 70-78, 172.

земельного фонда населению. К примеру, эту новацию одна из первых легализовала РСФСР. В законе РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» государственная земля по договору могла передаваться гражданину в частную собственность для организации фермерского хозяйства[649].

Экономическое содержание плана «500 дней» импонировало М. С. Горбачеву, поскольку авторы обещали генсеку эффективно и за короткий срок решить большинство проблем в народном хозяйстве, используя новаторский для советской экономики монетаристский подход. Впрочем, несмотря на привлекательный оптимизм и схематизм программы Явлинского-Шаталина, в ней присутствовал фундаментальный недостаток, который не позволил советскому руководству принять план «500 дней» в полном объеме. Так, в отличие от варианта Рыжкова-Абалкина программа Явлинского-Шаталина оставляла за скобками вопрос сохранения федеративного союзного государства и рассматривала только хозяйственную интеграцию республик в пределах Экономического Союза[650]. Половинчатый подход программы противоречил активной политике Центра по политическому сплачиванию субъектов СССР в обновлённую федерацию в рамках подготавливаемого в это же время союзного договора.

Поэтому на совещании 4 сентября 1990 г. по вопросу перехода к рыночной экономике команды Л. И. Абалкина и Г. А. Явлинского, обсудив полный текст обеих программ, приняли компромиссное решение объединить две концепции в единую модель. Эту идею предложил М. С. Горбачев: «… идти с двумя программами, … недопустимое дело… наверное, компромиссный какой-то вариант будет. Обсудить надо: что он задевает и как нам поступить»[651]. Разработать интегрированный вариант поручили академику А. Г. Аганбегяну.

7 сентября А. Г. Аганбегян закончил свой вариант, а 11 сентября объединённую программу направили на рассмотрение в Верховный Совет СССР.

---

[649] Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/992670/paragraph/11455:0 (дата обращения: 29.04.2025).
[650] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 575-576.
[651] РГАНИ Ф. 121. Оп. 7. Д. 11. Л. 160, 176.

Получившийся проект воспроизводил логику и содержание программы «500 дней». Любопытно, что Президент СССР на этот раз согласился с проектом, но Правительство СССР протестовало против принятия программы и угрожало подать в отставку в случае легализации данной концепции экономической реформы Верховным Советом. Однако 17 сентября Верховный Совет отклонил вариант А. Г. Аганбегяна. Депутаты приняли постановление, в котором требовали учесть все замечания в ходе обсуждения, чтобы подготовить уточненный проект единой программы на основе программ А. Г. Аганбегяна, Рыжкова-Абалкина и Явлинского-Шаталина до 15 октября 1990 г.[652].

Финальная синтезированная программа была подготовлена и отправлена на рассмотрение в указанные сроки. Верховый совет СССР утвердил программу и оформил ее в виде Постановления № 1733-I от 19 октября 1990 г. «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Принципиальные отличия интегрированного плана от плана «500 дней» касались расплывчатых сроков проведения экономической реформы, решительного отказа продавать землю (вопрос о частной собственности на землю решался на референдуме, который так и не провели), а также сохранения СССР как федерации республик[653].

Тем не менее содержание новой концепции оспаривали российские демократы. При этом разногласия между руководством Центра и РСФСР носили не экономический, а политический и идеологический характер. В первую очередь они затрагивали вопрос государственного устройства СССР. Дело заключалось в том, что в течение лета-осени 1990 г. российское руководство в ходе переговоров союзных республик и Центра о контурах будущего политического объединения саботировало любые попытки утвердить федеративное устройство, наставая на конфедерации. По этой причине с сентября 1990 г. российское руководство

---

[652] Цит. по: Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. С. 216, 225, 233-234.

[653] Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике: 19 октября 1990 г. // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/b/osnovnye-napravleniia-stabi-bff3f7?page=1 (дата обращения: 28.03.2025).

оказывало политическое давление на Правительство СССР, Президента, союзный парламент в контексте обеспечения безальтернативности программы Явлинского-Шаталина, так как концепция признавала союзные республики свободными и самостоятельными. В частности, в продолжении конфронтационной политики Верховный Совет РСФСР 11 сентября одобрил концепцию «500 дней» без согласования данного вопроса с союзными органами[654].

Поэтому закономерно, что команда Б. Н. Ельцина отвергла финальную версию гибридной программы еще на стадии ее обсуждения, поскольку федералистский дух документа противоречил основной линии российских демократов в рамках максимальной суверенизации республики. Из-за неспособности навязать Центру план «500 дней» к 16 октября 1990 г. временный союз с М. С. Горбачевым был расторгнут по инициативе Ельцина. Председатель Верховного Совета РСФСР, выступая перед российским парламентом, назвал гибридную программу реформ катастрофой, а Горбачева обвинил в невыполнении договоренностей[655]. Лейтмотив выступления состоял в том, что если СССР не будет реализовать программу «500 дней», то Россия готова сделать это самостоятельно. Примечательно, что желание российских демократов провести реформу без Центра воспринималось в штыки авторами концепции Явлинского-Шаталина. Они заявили о невозможности осуществить взаимосвязанный комплекс мер без участия СССР.

В дальнейшем союзные власти не приняли ультиматум Б. Н. Ельцина, а гибридную программу утвердил Верховный Совет СССР 19 октября 1990 г. в качестве общесоюзной. В свою очередь, Верховный Совет РСФСР 31 октября 1990 г. принял решение о практической реализации программы Явлинского-Шаталина с 1 ноября на территории России. Ввиду обострившейся конфронтации между РСФСР и СССР практического воплощения легализованные концепции не получили[656].

---

[654] Полынов М. Ф. Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки // Вестник СПбГУ. История. 2024. Т. 69. Вып. 2. С. 384-385.
[655] Зубок В. М. Указ. соч. С. 204-207.
[656] Яник А. А. Указ. соч. С. 259-261.

Вопреки разладу между Центром и Россией, Советский Союз продолжал стремительно двигаться в хозяйственной части к капиталистическому строю. Для этого были созданы идеальные условия в виде ранее принятых законов, изменивших общественные отношения. Из рудиментарных остатков социалистической системы временно сохранились деформированный правительственный план развития экономики, утверждаемый на год, и государственная собственность на землю. В контексте идеологического обоснования реформ партийное руководство отвергало разработанные им же на основе теории конвергенции концепции «социалистического рынка», «социалистической конкуренции», «многообразия форм социалистической собственности» в пользу «буржуазных» моделей. В свою очередь, серьезному лимитированию подверглась актуализация ленинского рыночного наследия. В этих условиях в официальном дискурсе доминирующую позицию заняли либеральные экономические идеи. С их помощью реформаторы подготовили общественное сознание к радикальным преобразованиям. Никто из представителей союзного, республиканского или оппозиционного руководства (кроме ортодоксальных коммунистических групп в КПСС) не мыслил возврата к плановому хозяйству даже в реформированном виде. Можно заключить, что к концу 1990 г. реставрация капиталистических отношений считалась перспективой отдаленного будущего, а коммунистические идеалы оказались сознательно нивелированы советским руководством ввиду неэффективности и публичной дискредитации оных, а также их несовместимости с полноценным рыночным хозяйством.

Глава 4. Политическое банкротство коммунистической идеологии на фоне союзной дезинтеграции (1990-1991)

4.1. Радикальная трансформация программных положений КПСС

Долгий исторический путь КПСС свидетельствовал, что вопрос о принятии новой программы чаще всего решался высшим политическим руководством в момент кардинальных общественных и идейных сдвигов как внутри советского общества, так и на международной арене. Похожие условия сложились к началу 1990 г., когда во всей полноте встала проблема дальнейшей судьбы реформ ввиду упадка в экономической, политической и духовной сферах. Советский социум болезненно переносил «новые подходы» команды М. С. Горбачева. В итоге его личная популярность, как и популярность проводимого партийно-правительственного курса, стремительно падала[657].

Наметившейся энтропии сопутствовали противоречия в идеологическом сопровождении кардинальных перемен. Дело в том, что преобразования и формы их обоснования уже не соответствовали заложенным в действующей программе (мартовской редакции 1986 г.) идеалам. Реформаторы осознавали необходимость приведения идеологии КПСС в соответствии с новой социально-политической реальностью, чтобы купировать потенциальные нападки со стороны ортодоксальных и либеральных групп в компартии на политическое руководство. Столкновение разных мнений спровоцировало бы разрушительную дискуссию о соотношении доктринальных принципов с практической реализацией и публичной легитимации реформ. Эти споры потенциально могли привести партию к расколу.

По этой причине команда генсека самым тщательным образом готовилась к смене программных установок, преследуя несколько тактических задач. Во-первых, с помощью обновлённой программы реформаторы хотели объединить лояльные силы в партии, изолировав попутно крайних радикалов в КПСС от

[657] Обухов С. П. Указ. соч. С. 46.

принятия важных решений. Во-вторых, реформаторы надеялись восстановить политический авторитет КПСС как авангарда реформ, отказавшись от административных принципов партийного строительства и устаревших идеологических формулировок программы. В-третьих, партийное руководство хотело сконструировать новую объяснительную идеологию в рамках переформатированной программы, чтобы оправдать закономерность кризисных процессов в стране и обозначить перспективы развития советского общества. Решение этих задач должно было помочь достигнуть главной цели – возродить массовую поддержку реформ, в том числе реабилитировать стратегический курс компартии и Правительства.

Программу планировалось скорректировать к XXVIII съезду партии. До Съезда рецепты обновления партийной идеологии содержались в подготавливаемой помощниками М. С. Горбачева предсъездовской Платформе КПСС. Согласно воспоминаниям председателя идеологической комиссии ЦК КПСС В. А. Медведева, разработку Платформы поручили ему еще в декабре 1989 г. В итоге получился 80-страничный текст, направленный Горбачеву в канун нового года. Обсуждался этот вариант Платформы в начале января 1990 г. в Ново-Огарево и был сразу отклонен командой генсека. В частности, серьёзные изъяны текста подмечал А. Н. Яковлев[658].

Во время проработки концепции Платформы в Ново-Огарево от 3 января 1990 г. М. С. Горбачев высказал пожелание о сокращении радикальных нововведений в тексте. Он призывал чувствовать настроение партии, масс и идти в ногу с обществом[659]. Для комплексного понимания идейно-политической природы Платформы важно рассмотреть второй и третий проект документа и сравнить их с финальной версией, одобренной и незначительно отредактированной на февральском пленуме 1990 г.

---

[658] Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. С. 123-124.

[659] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 571.

Второй проект Платформы под наименованием «К гуманному, демократическому социализму» был разослан М. С. Горбачевым членам Политбюро от 12 января 1990 г. Документ состоял из пяти разделов. Авторы текста оправдывали необходимость, безальтернативность кардинальных реформ и презентовали новую систему ценностей партии в рамках формируемой идеологии. В проекте новая доктрина базировалась на принципах «гуманного социализма»[660].

В проекте под «гуманным социализмом» подразумевался общественный строй с набором абстракций: «добро и порядочность, честность и совестливость, высокая нравственность», а также ценность жизни человека, его свободы и безопасность. По тексту желаемый строй достигался через отказ от старых догм, то есть от абсолютизации классовых ценностей в контексте поддержки приоритетности общечеловеческих интересов. К этой мысли примыкало внешнеполитическое положение об отрицании противоборства двух политических систем как основы общественного развития. Далее авторы вводили тезис о постоянном изменении социализма, естественном самообновлении его принципов, тем самым, рационализируя дальнейшую практику ревизии коммунистических принципов[661].

Кроме того, в Платформе раскрывалось значение прав и свобод личности в контексте возвращения к изначальному смыслу социалистической идеи, а также преподносилась расшифровка понятия «общечеловеческие ценности». Под ними авторы проекта имели в виду «честность и порядочность, доброту и милосердие, моральный самоконтроль, совестливость, свободу выбора»[662].

Далее в документе провозглашалось строительство социального регулируемого рынка, а также разбирались формы демократизации советского государства. По тексту путь к народовластию лежал в плоскости формирования социалистического гражданского общества, правового государства, введения должности президента и закрепления принципа разделения властей. В завершение

---

[660] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 36. Л. 20.
[661] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 36. Л. 20-26.
[662] Там же. Л. 27-35.

описывались принципы работы и внутреннего устройства обновленной КПСС как партии нового мышления, диалектически переосмысливающей идеи марксизма-ленинизма применительно к реализму XX века[663]. В подобной схеме реформаторами виделось смысловое содержание переформатированной идеологии КПСС.

В дальнейшем проект переработали и сократили. По словам М. С. Горбачева, в тексте преобладала излишняя повествовательность и пространность[664]. Третий вариант Платформы разослали членам Политбюро 21 января 1990 г. В сравнении с прошлым проектом он разительно отличался, приблизившись к варианту, представленном на февральском пленуме. Так, разделов было уже семь. Серьезные трансформации претерпело содержание. Из него убирались многословные теоретические рассуждения и кратко констатировалось, что партия меняет свою точку зрения на социализм, отказываясь от абсолютизации классовых ценностей. Новый облик «гуманного социализма» рассматривался как далекая перспектива, а КПСС уже стояла на принципах научного социализма[665].

Рассмотрев внутреннее наполнение обоих проектов, можно заключить, что наиболее ревизионистский вариант новой идеологии был представлен во второй схеме (о содержании первого проекта В. А. Медведева ничего не известно). В свою очередь, в третьем варианте урезалась философская часть, смягчались антидогматичные формулировки. Снижение градуса теоретических рассуждений объяснялось тем, что попытка дать исчерпывающее определение следующим терминам – «гуманный социализм», «общечеловеческие ценности» – не увенчалась успехом.

Третий проект обсуждался 22 января 1990 г. на заседании Политбюро. Текст подвергся серьезной критике в области целесообразности введения в Платформу понятия «многопартийность», пунктов, легализующих частную собственность, а заодно в идеологической части, расплывчато раскрывающей теорию марксизма-

---

[663] Там же. Л. 41-44, 48-53, 61-74.
[664] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 57
[665] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 36. Л. 95-97, 104-105, 121.

ленинизма и не уточнявшей принципы гуманного, демократического социализма. Заключая прения, М. С. Горбачев уведомил членов Политбюро, что документ намеренно сформировали из крайностей, чтобы обострить дискуссию. Непосредственно проект он характеризовал как социал-демократический[666].

В итоге документ подвергся редакции. Последний вариант с правками М. С. Горбачева закончили 27 января 1990 г.[667]. Платформу «К гуманному, демократическому социализму» предложили на рассмотрение пленуму от 5-7 февраля 1990 г. Пленум внес незначительные исправления, конечный текст дорабатывался Политбюро[668]. Платформа приобрела противоречивый вид и не имела чёткого концептуального наполнения, так как окончательно не отмежёвывалась от марксизма-ленинизма и содержала обтекаемые социал-демократические тезисы в разделах, посвящённых политике, экономике, партии и правам человека[669]. В таком виде Платформа вобрала в себя противоречивый комплекс идей, что делало ее уязвимой для критики. Реформаторы считали, что несовершенство документа будет нивелировано во время внутрипартийной дискуссии перед XXVIII съездом.

Стоит отметить, что финальная версия Платформы отражала компромисс между разными идейными течениями в КПСС. Эти течения в начале 1990 г. оформились в несколько крупных политических объединений внутри компартии (фактически фракций), претендующих на главную роль в деле преобразования КПСС и ее программы. В частности, 20-21 января 1990 г. на Всесоюзной конференции партийных клубов и организаций была учреждена «Демократическая платформа в КПСС» (далее – «ДП»). В середине апреля 1990 г. сложились «Марксистская платформа» (далее – «МП») и «Движение коммунистической

---

[666] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 572-578; Воротников, В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 381-382.

[667] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 36. Л. 123-159.

[668] Проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии (с предложениями редакционной комиссии пленума) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 95-115.

[669] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 355-382.

инициативы» (далее – «ДКИ»)[670]. Все три политических течения объединяло недовольство итоговой версией Платформы. В дальнейшем фракции предпримут шаги по навязыванию КПСС собственной идейно-политической повестки. Доктринальную линию внутрипартийные организации выразили в принятых ими платформах.

В частности, рассматривая положения проекта ДП, можно сделать вывод о социал-демократических и антикоммунистических взглядах лидеров движения. Об этом свидетельствует принципиальное положение о пересмотре многих мифов коммунистической идеологии: исторической миссии рабочего класса, необходимости социалистических революций как двигателя прогресса, верховенства общественного над личным и интернационального над национальным. В плане достижения обновленного общества представители ДП видели демократический социализм, отрицали коммунистическую формацию. В идейных основах выступали за использование передовых достижений человечества в формировании новой системы ценностей. Далее ДП провозглашала реформу идеологии в рамках отказа от той части марксизма, что не сохранила своего значения в современных условиях. Экономической программы, как таковой, не было представлено, а в политической части все сводились к установлению парламентской системы с пропорциональным представительством партий. В документе МП базис идеологии фракции составил классический (фактически реформаторский) марксизм и научный социализм. К ним адаптировали некоторые новации перестройки. Например, в МП не отрицали частную собственность в переходный период и рассматривали идеал управленческой организации в передаче компартией государственной власти Советам[671].

Концепция ДКИ изначально сводилась к созданию коммунистической партии РСФСР (КП РСФСР). Однако в процессе отстаивания данной программной цели сторонники движения все отчетливее проецировали ортодоксальные

---

[670] Волгин Е. И. Проблема модернизации КПСС в преломлении внутрипартийного дискурса (начало 1990-х гг.) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 2. С. 36-45.

[671] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 214. Л. 85-94.

коммунистические взгляды. В их риторике преобладал антиперестроечный пафос, классовый подход в противовес общечеловеческим ценностям. Публично звучала жесткая критика начинаний команды М. С. Горбачева во внутренней политике. Кроме того, сторонники ДКИ ратовали за возвращение к общенародной собственности и восстановление хозяйственных функций партии. В плане идеологических воззрений они представляли консервативный фланг КПСС[672].

Таким образом, программные принципы трех платформ кардинально отличались от усредненного и компромиссного официального документа КПСС. За период партийной дискуссии по Платформе в ЦК пришло множество предложений от партийных ячеек и рядовых коммунистов с широкой критикой слабых позиций официального документа.

Мировоззренческие позиции некоторых адресантов трудно разделить по политическим предпочтениям. В одном обращении можно обнаружить приверженность к идеям разных фракций. Например, в выписке из протокола № 25 заседания парткома Горьковского НИИ радиосвязи от 31 мая 1990 г. указывалось, что участники заседания поддерживают официальную Платформу, но настаивают на том, чтобы предложения Марксисткой и Демократической платформ были учтены при обсуждении документа на XXVIII съезде[673].

Тем не менее общей претензией партийных масс стало аморфное обозначение главного идеала Платформы – гуманного, демократического социализма. В основном в письмах поднимался вопрос неудачного наименования документа и слабого раскрытия термина «гуманный, демократический социализм». Так, в резолюции партийной конференции Балаковской АЭС от 25 апреля 1990 г. официальный документ критиковался за рыхлость идей, конъюнктурность и отсутствие концепции перестройки. Непосредственно платформу предлагалось переименовать «К гуманному, демократическому правовому обществу». Сходные

---

[672] Обращение Инициативного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС и основные доклады, 21-22 апреля 1990. Л., 1990. С. 21-25, 35; Резолюции Инициативного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС (I этап, 21-22 апреля 1990 года). Л., 1990. С. 9-10.

[673] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 211. Л. 94-95.

претензии к названию содержались в предложениях цеховых партийных организаций завода «Спутник». По мнению трудового коллектива, социализм уже предполагает демократию и гуманизм, и правильнее документ стоило бы назвать «Платформой коренного обновления партии»[674].

Не менее значимым оказался вопрос об организационных, идеологических основах партии. Здесь идейную позицию адресантов намного проще вычленить. К примеру, в резолюции Березниковской городской партийной конференции от 19 мая 1990 г. предлагалось более ортодоксальное определение КПСС как партии социалистического выбора и коммунистической перспективы, организующей деятельность на идеях марксистско-ленинской диалектической методологии и материалистического мировоззрения[675]. В духе Демократической платформы высказывалось партийное собрание отдела 088 ЦИАМ от 5 июня 1990 г. В решении собрания делегаты выступили против авангардной роли партии, демократического централизма и поддерживали легализацию фракций внутри компартии, а также ратовали за превращение КПСС в парламентскую партию[676].

Таким образом, выборочно проанализировав из многочисленных писем и обращений низовых партийных структур наиболее критичные и контрастные по вопросу изменений в Платформе ЦК КПСС «К гуманному, демократическому социализму», можно сделать вывод о том, что документ был встречен без энтузиазма. Лишь малая часть партийцев согласилась со всеми положениями Платформы. В основном звучали обличительные тезисы в отношении идеологической, программной составляющей документа. К тому же значительная часть обращений содержала идеи разных платформ. Это значит, что политические течения внутри партии не смогли консолидировать своих сторонников, а к XXVIII Съезду компартия подходила без четкого доктринального ориентира.

---

[674] Там же. Л. 15-16, 97-98.
[675] Там же. Л. 116-117.
[676] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 214. Л. 11-13.

В итоге высшее руководство решило выходить на Съезд не с Платформой, а программным заявлением «К гуманному, демократическому социализму», которое апробировали на учредительном съезде компартии РСФСР 19-23 июня 1990 г.[677].

Как вспоминал В. А. Медведев, редакция Платформы осуществлялась в Комиссии по подготовке к Съезду партии, а конкретно в рабочей группе комиссии, состоявшей из 15 человек. Учитывая представительство в группе участников разных фракций, а также широту мнений во время партийной дискуссии, Платформа подверглась серьезным метаморфозам, превратившись в программное заявление. По словам Медведева, документ избавили от многословия, абстрактности и наполнили серьёзным анализом текущего момента[678].

Проект программного заявления был опубликован в газете «Правда» от 27 июня 1990 г. В нем намного обстоятельнее анализировался кризис советского общества, конкретизировалась программа действий компартии по преодолению социально-экономического упадка, защищались принципы социализма и обновлённого марксизма, вводилось понятие «коммунистической перспективы» как естественной направленности развития человеческой цивилизации. В проекте программного заявления расшифровывались элементы прогрессивного общества гуманного, демократического социализма. КПСС в таком обществе превращалась в политическую партию, действующую в законодательных рамках[679].

Таким образом, программное заявление, безусловно, избавилось от некоторых недостатков, выраженных в недоказанности и аморфности идеологических основ Платформы. Тем не менее в тексте все еще присутствовало противоречие между социал-демократическим характером проекта и остаточной марксисткой теорией, фразеологией, сочетаемых с коммунистической перспективой. Данное противоречие предстояло решить Съезду.

---

[677] Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР 19-23 июня, 4-6 сентября 1990 г. М., 1990. С. 73.
[678] Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. С. 131.
[679] К гуманному, демократическому социализму (Программное заявление XXVIII съезда КПСС) // Правда. 1990. № 178. С.1-2.

В области мероприятий по подготовке к Съезду команда М. С. Горбачева сосредоточилась на формулировании политического отчета ЦК КПСС, с которым должен был выступить советский лидер. Исходя из архивных фондов РГАНИ, трудно назвать точные даты разработки многочисленных материалов, посвященных докладу. Однако при ознакомлении с отечественными исследованиями по данному вопросу можно предположить о ходе теоретической и практической работы над текстом в течение мая-июня 1990 г.[680]. Более конкретные промежутки дают воспоминания участников обсуждений. Так, в личных записях Г. Х. Шахназарова, А. С. Черняева и В. А. Медведева начало работы над планом доклада датируется 19 мая 1990 г. В дневнике В. И. Воротникова последним днем доработки доклада указывается 28 июня 1990 г.[681]. Финальную дату подтверждают мемуары М. С. Горбачева[682]. В этот временный период и происходила активная творческая работа над документом.

Формирование доклада прошло в несколько этапов. До создания планов и схем-логик текста состоялась серьезная дискуссия о сущностных моментах предполагаемой концепции выступления генсека. В обсуждении приняли участие А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров, В. И. Болдин, И. Т. Фролов, В. А. Медведев, Н. Б. Биккенин, Е. М. Примаков, А. Н. Яковлев и Н. Я. Петраков. Как вспоминал Яковлев, в дальнейшем группу спичрайтеров возглавлял главный редактор газеты «Правда» Фролов[683].

В фондах РГАНИ сохранилась стенограмма дискуссии. До начала общего обсуждения генеральный секретарь обозначил лейтмотив доклада в демонстрации того, как через перестройку реализуется социалистическая идея. Он осознавал, что делегаты не поймут, если им будет навязываться «гуманный социализм».

---

[680] Артемов А. В. Образ перестройки в диктовках М. С. Горбачёва на последнем этапе политических реформ (1990-1991 годы) // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки: научный журнал. 2017. № 2. С. 33-40.

[681] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 624-626; Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 429-431.

[682] Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 543-544.

[683] Яковлев А. Н. Омут памяти. С. 337.

Подобному сценарию должны предшествовать теоретические размышления[684]. В ходе дискуссии мнения об идеологических основах доклада в массе своей совпадали. Так, А. С. Черняев говорил о необходимости включить в теоретический раздел доклада концепцию «нового мышления» как новой философии развития, складывающейся вне марксизма. С помощью «нового мышления» будет возрождена марксистская мысль, считал оратор. Далее нужно, по мнению Черняева, отказаться от идеологии в обществе, поскольку К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли это понятие только в негативном смысле. С ним соглашался Н. Я. Петраков и главный редактор журнала «Коммунист» Н. Б. Биккенин. Последний предлагал добавить, что марксистское учение возвращается к столбовой дороге мировой цивилизации. И. Т. Фролов поддерживал идею инкорпорирования в марксизм философии нового гуманизма, включения теории в общемировой мыслительный процесс. Помощник генсека Е. М. Примаков убеждал коллег, что коммунизм, социализм – это не высшая формация, и в рамках человечества идет многовариантное развитие[685].

Однако вопрос о названии партии расколол участников диспута. Первым изменить коммунистическое наименование предложил Г. Х. Шахназаров, обосновывая это дискредитацией коммунистической идеи в обществе. Помощник считал, что реальная цель КПСС – это демократический социализм, соответственно, и партия должна быть социалистической. Н. Я. Петраков предлагал отказаться от нынешнего названия ввиду отторжения массами негативных черт коммунистической теории. На подобные итерации моментально отреагировал М. С. Горбачев: «Нас выгонят и не будут с нами говорить». С ним согласились все остальные участники, выразив убеждение, что изменение названия – это преждевременная мера. В завершение дискуссии генеральный секретарь высказал цементирующую мысль всего будущего доклада: «Речь должна идти об обновлении общества. Это формула о смене системы в рамках социалистического выбора».

[684] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-2.
[685] Там же. Л. 7-8, 16, 21, 26.

Центральная роль в концепции предназначалась объяснению как судьбы социализма, так и вопросам коммунистической теории[686].

В итоге идеологическая часть доклада должна была стать наиболее весомой частью выступления М. С. Горбачева, а марксистско-ленинскому учению предстояла качественная трансформация на принципах «нового мышления» и «гуманного социализма».

На основе дискуссии разработали план доклада. Он состоял из 2 разделов и 6 подразделов. В плане перестройка определялась как смена экономической и социально-политической системы в рамках социалистического выбора. Далее оформлялось новое мировоззрение партии. Оно строилось на пяти принципах. Фундаментом становилась концепция взаимосвязанного мира. Во втором пункте авторы исходили из нового места социалистической системы в мире. Под этим подразумевался отказ от преимуществ социалистической теории и практики, а также признание многовариантности общественного прогресса. В третьем тезисе пересматривалась точка зрения на социализм, определялось отношение к марксизму как одной из ветвей социалистической мысли, открытой к другому опыту. В следующем положении иначе ставился вопрос о коммунистической перспективе. Констатировалось, что она остается в качестве идеала, а не практической задачи. Отдельно оговаривался вопрос о проведении референдума в партии в рамках ее переименования. В пятом пункте философские рассуждения завершались признанием факта формирования уже новой теории вне марксизма[687].

Вышеприведенные принципы раскрывались в план-проспекте отчетного доклада ЦК. В нем обстоятельнее подчёркивались положения новой теории. Следует отметить самые «инновационные» идеи. К примеру, в плане адаптации для новой теории революционного опыта реформаторы были готовы усвоить лучшее, что связано с развитием крупнейших идейно-политических течений современности, в первую очередь, социал-демократического и либерально-демократического. В рамках пересмотра точки зрения на социализм разработчики

---

[686] Там же. Л. 11-15, 33-34.
[687] Там же. Л. 39-42.

плана отвергали не только сталинизм, но и некоторые положения основоположников марксисткой науки. В частности, полностью исключалась ведущая роль рабочего класса в общественном прогрессе и необходимость революционных преобразований в мире[688].

Тем самым авторы документа осуществили глубокую ревизию фундаментальных положений марксистско-ленинской теории, признав возможность адаптации идеологических конструктов из чуждых учений и отринув некоторые базовые положения коммунистической идеологии.

Однако подобный формат текста кардинально изменился 24 июня 1990 г. в схеме-логике доклада. Дело состояло в том, что на трансформацию текста повлиял ход учредительного съезда компартии РСФСР 19-23 июня 1990 г., проходивший в антиперестроечном духе. В частности, под давлением делегатов М. С. Горбачев вынуждено признал ошибки собственного правления и занял сугубо оборонительную позицию, что ранее для генсека было нехарактерно[689]. Генеральный секретарь, выслушав жёсткую критику своих оппонентов, впервые почувствовал необходимость публично оправдать себя и проводимые им реформы на предстоящем съезде КПСС.

Так, в разговоре с помощниками Президент СССР обосновывал трансформацию смысловой нагрузки проекта прошедшим учредительным Съездом компартии РСФСР, который подверг критике перестройку и поставил под вопрос существование концепции реформ. Генеральный секретарь хотел перехватить негативную повестку, сосредоточив будущее выступление на текущем моменте, идейно-политических основах концепции преобразований и детальной прорисовке общества гуманного, демократического социализма[690].

Поэтому в схеме-логике доклада больше внимания отдали оценке практических результатов реформ и разработке путей выхода из кризиса. Вместо общих рассуждений о формировании новой идеологии партии все сводилось к

---

[688] Там же. Л. 57-60.
[689] Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР 19-23 июня, 4-6 сентября 1990. М., 1990. С. 86-104.
[690] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 37. Л. 96-100.

обоснованию перестройки как детерминированного и закономерного процесса реформирования советского общества[691].

Согласно пунктам схемы-логики, подготовили проект доклада с рабочим названием «Идти дальше путем перестройки». Он состоял из 4 разделов. Основной упор был сделан на характеристике и объяснении необходимости реформ в обществе и партии, а не на трансформации идеологии КПСС. В тексте перестройка определялась как революция народная, социальная, демократическая и мирная. При этом категория «социальная» подразумевала, что реформы меняют отношения собственности и классовую структуру общества, ведет к смене мировоззренческих ценностей. Далее утверждалось, что политика перемен исходит из реальной жизни и не является очередным запланированным шаблоном. Она формировалась на основе идей «нового мышления». Следующий блок касался взаимоотношений концепции преобразований с марксизмом. В целом, нынешняя теория марксизма признавалась устаревшей, но на вооружение бралась марксистская методология: анализ конкретного момента и положение о наследовании всех знаний человеческой цивилизации по заветам В. И. Ленина. Из этого и складывалась концепция реформ. В завершение авторы затронули теорию социализма XXI века. В перспективе философия нового социализма строилась на реальном движении и в соединении «нового мышления» с реальной общественной практикой. Только жизнь, по мнению разработчиков доклада, могла наполнить социализм прогрессивным содержанием[692].

Свой окончательный вид доклад приобрел 28 июня 1990 г. Внутренне он состоял из трех разделов: «Текущий момент», «Политика перестройки: опыт и перспективы», а также «Партия и перестройка». Итоговый текст оказался практически идентичен докладу, озвученном на XXVIII съезде, за исключением незначительных правок от М. С. Горбачева[693].

---

[691] Там же. Л. 90-95.
[692] Там же. Л. 139-149.
[693] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 38. Л. 1-80.

Финальный вариант доклада получил наименование «Политический отчет ЦК КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии». С докладом выступил М. С. Горбачёвым 2 июля 1990 г. В тексте авторы сильно сократили тему рационализации концепции реформ, оставив ей несколько страниц. В целом, в речи генерального секретаря использовались прежние, но урезанные в плане идейно-политической претенциозности схемы. Так, перестройка рассматривалась не как «сиюминутное озарение какой-то группы людей», а как долгий поиск прогрессивной теории. По мнению советского лидера, перестройка «буквально выстрадана нами», она находилась и находится в движении и не может представлять собой законченную систему. Смягчались фразы в отношении марксизма, а также идейного наполнения теории социализма. Тем не менее в речи Горбачев осторожно обосновал возможность отказаться от тех положений коммунистической идеологии, что не соответствуют новым реалиям XX века. Перспективной целью КПСС вновь провозглашался гуманный, демократический социализм[694].

Таким образом, рассмотрев эволюцию смыслового наполнения доклада генерального секретаря к XXVIII съезду, можно признать качественную трансформацию ранее заложенных в текст идейных конструкций. Изначально замысел разработчиков текста состоял в том, чтобы обновить идеологию партии в соответствии с идеями «нового мышления», традицией «гуманного социализма» и европейской социал-демократии. Впрочем, политические изменения в обществе, а именно огульная критика процесса перестройки, курса Политбюро на Съезде компартии РСФСР заставили авторов отказаться от этой идеи и сосредоточиться на текущем моменте. Требовалось презентовать Съезду полноценную концепцию реформ, чтобы защитить завоевания перестройки и политический авторитет партийного руководства. Однако концепция, как и новая партийная идеология, так и не была закончена, и теоретически осмыслена реформаторами. Без концепции и

[694] Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 35-38.

обновленной доктрины КПСС попытка дать полноценное объяснение происходившим в СССР процессам была обречена на провал.

Интерпретацию теоретических взглядов партии оставили программному заявлению «К гуманному, демократическому социализму». Этот факт признавал М. С. Горбачев в своем выступлении на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1990 г., где обсуждались доклад к съезду и программное заявление. По последнему документу генеральный секретарь сделал следующие замечания: «Платформа КПСС трансформировалась в Программное заявление партии. Она очень резко изменилось, практически в два раза сократилась. Разделы другие появились, более компактные». По словам генсека, все теоретические поиски, в том числе рецепты новой партийной идеологии, содержались в данном проекте. На основе программного заявления предполагалось принять окончательную программу партии[695].

Однако на XXVIII съезде делегаты высказывали недовольство абстрактной постановкой вопроса относительно формирования партийной идеологии. Среди требований преобладала заявка на описание точных контуров общества гуманного, демократического социализма, а также конкретизацию постулатов концепции перестройки. Массированная критическая атака на разработки высшего руководства КПСС в области идеологического конструирования произошла 5 июля 1990 г. на заседании секции «Идеологическая работа». Через два дня председатель секции И. Т. Фролов докладывал Съезду, что участники заседания отметили низкий уровень проработки теории в КПСС, механизма интерпретации важных идеологических решений и слабости партийных платформ, концепций. Это сказывалось, по мнению докладчика, на усвоении в массовом сознании коммунистических идеалов[696].

С данными тезисами невольно соглашался член Политбюро и председатель Идеологической комиссии ЦК КПСС В. А. Медведев. Этот партийный деятель

---

[695] РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 495. Л. 3-4, 34-37.

[696] XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2-13 июля 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1. С. 569-570.

отвечал за идейно-политическое формулирование и обоснование новой доктрины КПСС. Отвечая на вопросы делегатов 7 июля 1990 г., Медведев подтвердил, что на сегодняшний день нет четкой идеологии реформ, как и не существует конкретных представлений об обществе гуманного, демократического социализма. В этих вопросах появится ясность только на практике, в ходе дальнейших преобразований[697].

В течение 6, 8, 11 июля 1990 г. некоторые из поставленных идеологических проблем пыталась решить организованная Съездом комиссия по проекту программного заявления «К гуманному, демократическому социализму». Под руководством В. А. Медведева она рассмотрела замечания и предложения коммунистов как в ходе предсъездовской дискуссии, так и во время Съезда. Изучая стенограммы заседаний комиссии, можно прийти к заключению, что большинство спикеров неодобрительно высказывалось о новациях программного заявления.

Так, камнем преткновения стал вопрос о названии документа. Заголовок «К гуманному, демократическому социализму» (особенно два первых эпитета) делегаты под разными предлогами хотели изменить или вовсе убрать. В частности, член комиссии Ю. А. Гуськов аргументировал изъятие прежнего названия тем, что придется давать определения дефинициям, а социализм и так нельзя представить без гуманного, демократического наполнения. С ним соглашался Э. Я. Юсупов: «Мы на всех съездах говорили о социализме как гуманном, демократическом обществе». В. А. Медведев оппонировал тем, что термины «гуманный» и «демократический» уточняют общую направленность движения к социализму, а также вводят параметры этого желаемого общества, предохраняют концепцию от догматизации. Несмотря на отрицательные отзывы спикеров о заголовке, комиссия оставила название прежним[698]. По другим пунктам программного заявления острых дискуссий удалось избежать.

В целом, итоги заседания комиссии были изложены В. А. Медведевым 10 и 11 июля 1990 г. на Съезде. Большинство правок, одобренных Съездом,

---

[697] Там же. С. 604.
[698] РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 209. Л. 14-19.

незначительно повлияли на содержание документа. Во-первых, правки не конкретизировали контуры нового социалистического общества. Во-вторых, теоретические постулаты партии, как и концепция реформ, все еще пребывали в аморфном состоянии, вбирая в себе положения из разных мировоззренческих систем. В этом смысле противоречие между социал-демократическим содержанием и марксистско-ленинской фразеологией документ преодолеть не получилось[699]. Тем не менее своей главной цели М. С. Горбачев добился. Принятый документ отменял старую программу (КПСС руководствовалось программным заявлением в своей работе), а заодно открывал ревизионистский путь развития партийной идеологии.

Программное заявление приобрело статус теоретического ориентира для образованной Съездом Программной комиссии в деле создания новой программы партии. Свою активную работу комиссия начала 16 января 1991 г., когда произошло ее первое собрание и была образована рабочая группа во главе с заместителем генерального секретаря В. А. Ивашко. На заседании М. С. Горбачев выступил с докладом, в котором просил участников комиссии подготовить первый проект программы к апрельскому пленуму. Генсек обращал внимание собравшихся на то, что при разработке документа необходимо творчески переосмыслить идеи К. Маркса и В. И. Ленина с учетом реальностей конца XX столетия, в том числе привлечь весь опыт научных знаний[700]. Так, вновь подтверждалась заявка на глубокую ревизию марксистско-ленинского учения в будущей программе.

На заседании прошла проверку первая концепция проекта программы, подготовленная комиссией ЦК КПСС по науке, образованию и культуре. Данный документ обобщенно определял формат и содержание будущей программы. В документе на основе принципов «нового мышления» и концепции «гуманного социализма» предлагалось построить анализ мировых процессов, исторического движения социалистической мысли, внутреннего идейного и организационного развития КПСС, определения программных целей партии[701].

---

[699] XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2-13 июля 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1. С. 255-295, 378-388.
[700] Горбачев М. С. К новому видению социального прогресса // Правда. 1991. № 15. С. 1, 3.
[701] О концепции новой Программы КПСС // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 17-22.

В целом, предложенная комиссией концепция была продуктом синкретического творчества ее авторов. Она ставила перед партией сложную задачу – на базисе старых представлений о конструировании программ, тотально охватывающей все стороны мироздания, построить социал-демократическую доктрину партии нового формата, не претендующей, по словам генсека, на «истину в последней инстанции».

Тем временем КПСС продолжала терять доверие в стране, а особенно среди коммунистов. Так, по результатам социологических исследований АОН при ЦК КПСС констатировалось, что только 9 процентов опрошенных членов партии верят в успех реформ, 37 процентов еще не потеряли веру в реализацию коммунистических идеалов, а 55 процентов оставались привержены идеи социалистического выбора. По результатам этих исследований, в ЦК КПСС доктор философских наук В. Э. Бойков направил записку «О политической дееспособности КПСС от 21 января 1991 г. В ней он предлагал отказаться от старых лозунгов, ценностей, догм, и привести партийную идеологию в соответствии с реальностью жизни, поскольку нынешняя идейная основа КПСС обезоруживает ее кадры[702]. Именно по этому пути двигалась работа программной комиссии в течение 1991 г.

В дальнейшем концепция программы КПСС была конкретизирована в журнале «Известия ЦК КПСС» (1991 г. № 4) в форме плана-схемы проекта программы. Содержание формировалось по классической схеме прошлых программ, пытаясь обобщить масштабные процессы во внутренней и международной политике. Это можно проиллюстрировать примером, когда раздел о движении к гуманному, демократическому социализму содержательно повторял положения третьей программы партии о достижении коммунизма или развитого социализма[703].

Так или иначе, полноценный первый проект программы не был представлен на апрельском пленуме. Более того, акценты на заседании сместились больше к

---

[702] АГФ. Ф. 6. Оп. 2. Л. 44-46.
[703] Программа КПСС (план-схема) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 13-16.

вопросу дальнейшего пребывания М. С. Горбачеву на посту генерального секретаря и обсуждению антикризисной Программы Правительства В. С. Павлова[704]. Однако группа противников генсека, не обладая общим планом действий, убедительной риторикой, а также волей к власти, не смогла снять Горбачева с поста генерального секретаря и потерпела поражение[705].

Фиксируя усилившееся противоборство партийной оппозиции, советский лидер взял на вооружение новую тактику, в которой программа из консолидирующей сознательно превращалась в разобщающую. Примечательно, что еще перед XXVIII съездом расколоть партию М. С. Горбачеву предлагали Н. Я. Петраков, Г. Х. Шахназаров и А. С. Черняев в коллективной записке[706]. Можно предположить, что статус двух последних помощников как наиболее близких к генсеку позволял им и далее давить на советского лидера в этом непростом вопросе.

Это давление дало свои плоды. Исходя из дневниковых записей А. С. Черняева, своими замыслами о расколе КПСС на июльском пленуме М. С. Горбачев открыто поделился с премьер-министром Испании Филипе Гонсалесом 8 июля 1991 г.[707]. Вместе с тем спустя некоторое время после развала СССР в интервью газете «Ди Цайт» уже бывший генеральный секретарь добавил, что реформировал КПСС намеренно по пути социал-демократической перспективы для последующего раздробления компартии на несколько партий[708].

Новый подход генсека неизбежно влиял на идеологические изменения в разрабатываемой программе. В документе уже не было смысла держаться за старые коммунистические рудименты, чтобы умиротворять ортодоксов. Напротив, реформаторы теперь могли воспользоваться политическим конфликтом для включения наиболее радикальных положений в программу с целью спровоцировать раскол и исход радикалов из партии на июльском пленуме или позже, когда им будет это выгодно.

---

[704] Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. С. 468; Грачев А. С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше. С. 434-435.
[705] Зубок В. М. Указ. соч. С. 286.
[706] Цит. по: Петраков Н. Я. Указ. соч. С. 130-131.
[707] Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы. С. 961.
[708] Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски. С. 18.

Тем временем рабочая группа программной комиссии, по воспоминаниям Г. Х. Шахназарова, продолжала разрабатывать документ в Волынском под руководством И. Т. Фролова. Каких-то новых проектов не было публично представлено вплоть до июля-августа, а вся работа проходила в закрытом режиме[709].

О высокой степени секретности подготовки программы свидетельствовал в интервью с автором член Политбюро КПСС и первый секретарь ЦК Компартии РСФСР И. К. Полозков. Интервьюируемый утверждал, что до июльского пленума 1991 г. только ему одному из всего руководства российской компартии дали возможность ознакомиться с окончательной версией программы[710].

По сохранившейся документации Международного фонда социально-экономических и политологических исследований имени М. С. Горбачева рабочая группа программной комиссии подготовила шесть проектов программы в 1991 г. Идеологическое творчество реформаторов полноценно можно реконструировать по первому проекту, так как именно его содержание стало основой всех прочих вариантов, отличавшихся друг от друга только объемом, но не смысловой частью. Исключением можно считать самобытный шестой проект.

Так, первый проект состоял из 7 разделов. В документе особый акцент сделали на обосновании неизбежности реформ. Их трактовали как глубокое преобразование структур казарменного социализма в рамках их замены прогрессивными механизмами, основанных на достижениях современной цивилизации. Демонтаж отжившей системы должен был сопровождаться формированием нового общества – гуманного, демократического социализма. Этот строй представлял собой практическую реализацию ранних идей К. Маркса о свободной ассоциации индивидов[711].

В международной части программа провозглашала актуальность теории конвергенции в контексте переосмысления понятий «социализм» и «капитализм».

---

[709] Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 435.
[710] Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, первого секретаря ЦК КП РСФСР. Москва. 2025. 6 октября.
[711] АГФ. Ф. 6. Оп. 2. Л. 475-482, 494-495.

Так, авторы считали, что буржуазное общество демократизируется и более не вписывается в старые марксистские определения. В этих условиях прогнозировалось торжество новой гуманистической цивилизации, в которой не будет жесткого деления на классы, в том числе противостояния труда и капитала. Это цивилизация основывалась на тех социалистических блоках, механизмах, что формировались в капиталистическом мире[712].

В разделе о партии авторы программы отвергали социальные ценности прошлого столетия и выстроенные на их основе идеологические мифы. Подтверждалось, что партия остается верна гуманистическому марксизму и социалистической идеи, но более не может руководствоваться утопическими построениями в политике. В данном случае речь шла об отказе от идеи построения коммунизма[713].

Тем самым авторы текста подтвердили, что развитие новой партийной идеологии они рассматривают в контексте адаптации социал-демократических положений. Теоретически программа все дальше отходила от базовых коммунистических принципов. Такой радикальный настрой не снимал некоторые принципиальные проблемные моменты в разработке программы, которые разрешились только с принятием шестого проекта.

В целом, слабые стороны процесса подготовки программы выделил А. Н. Яковлев в записке М. С. Горбачеву «О проекте Программы КПСС» на примере третьего проекта от 25 июня 1991 г. В записке Яковлев критиковал программу, поскольку она страдала теоретическим гигантизмом и имела компромиссный характер. Автор предлагал ограничиться реалистической, конкретно-политическим документом на один-два президентских срока в духе социал-демократических партий. В содержательной части он рекомендовал, чтобы в программе был сделан шаг в сторону отказа от религиозного, языческого поклонения перед основоположниками, поскольку в марксизме нет и не может быть авторитетов[714].

---

[712] Там же. Л. 505-510.
[713] Там же. Л. 512-516.
[714] Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. М., 2008. С. 647-652.

Последнюю мысль М. С. Горбачев удачно использовал 28 июня 1991 г. на втором заседании программной комиссии, подкрепляя курс на отход от строгой марксисткой теории. Любопытно, что в речи Горбачев цитировал целые абзацы из записки Яковлева, оправдывая несовершенство третьего проекта программы[715]. При этом в выступлении генсек не посчитал недопустимым самому ссылаться на авторитеты, обличая ортодоксальные партийные группы в нежелании двигаться к новой цивилизации XXI века: «Наверное, Маркс первым бы сказал: ну боже мой, кто мог ожидать, что мои последователи будут так ограничены»[716]. Так или иначе, 28 июня программная комиссия отклонила третий вариант программы и сделала выбор в пользу недавно подготовленного четвертого проекта.

Четвертый проект активно обсуждался на совместном заседании идеологической комиссии и комиссии по науке, образованию и культуре от 12 июля 1991 г. В стенографической записи заседания участники дискуссии высказывали разные суждения об идеологическом наполнении проекта. Большая часть спикеров выступала против данного варианта, объясняя свою позицию тем, что проект отрицает большинство коммунистических и социалистических символов, превращает партию в «клуб по интересам». Однако самой частой претензий даже среди симпатизантов документа стала его объемность – около 40 страниц. Председатель совместного заседания, в том числе председатель идеологической комиссии, А. С. Дзасохов сразу высказался против излишней академичности и за формат манифеста, а также краткосрочность программы. С ним согласилась подавляющее большинство участников[717].

С учетом замечаний после совместного заседания рабочая группа программной комиссии подготовила пятый проект. Впрочем, этот вариант также не устроил партийное руководство, и программу пришлось переделывать в сжатые сроки перед грядущим пленумом. Историю появления шестого проекта прояснил Г. Х. Шахназаров. По его словам, он вместе с И. Т. Фроловым, А. С. Дзасоховым

---

[715] Горбачев М. С. Ответить на вопросы, волнующие общество // Правда. 1991. № 158. С. 1-2.
[716] АГФ. Ф. 6 Оп. 2. Л. 145.
[717] РГАНИ. Ф. 101. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-71.

провел серьезную редакторскую работу над документом[718]. Некоторые замечания исходили от А. С. Черняева. Он убрал термин «социалистический выбор», с чем вынужденно согласился М. С. Горбачев[719]. Однако наибольший вклад в финальную версию программы внес заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС А. Я. Дегтярев[720].

Получившийся вариант сильно отличался как по философской нагрузке, так и по тематическим разделам от всех прочих проектов. Шестой вариант программы планировалось вынести на обсуждение пленума 25-26 июля 1991 г. Впрочем, 23 июля 1991 г. проект неожиданно для КПСС был опубликован в оппозиционной газете «Независимая газета». По-видимому, произошла информационная утечка.

Документ назывался «Социализм, Демократия, Прогресс» и имел пять разделов. По форме проект представлял собой краткий манифест с популистской риторикой. Теоретическим источником партийный доктрины обозначался не только марксизм, но и концепции мировой, отечественной гуманистической мысли. Но фактически в документе обозначался полный разрыв с коммунистической идеологией в пользу социал-демократической модели, поскольку отрицался революционный путь развития общества в угоду реформистской эволюции и отметалась классовая борьба, заменяемая принципами «нового мышления». В свою очередь, движение к гуманному, демократическому социализму рассматривалось как долгий процесс в духе вождя оппортунистического реформизма Э. Бернштейна. Конкретные очертания этого общества так и остались на уровне абстрактных обобщений. Партии отводилась роль союза единомышленников, а не четкой политической структуры. В частности, КПСС строилась на принципе самостоятельности входящих в нее республиканских компартий. За членами КПСС признавались: религиозная свобода, плюрализм мнений, право объединяться в платформы, необязательность активного участия в работе партийных организаций. Во внутренней политике отмечалась полезность частных собственников, одобрялся

---

[718] Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. С. 435.
[719] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 473-474.
[720] Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачев в 1990-1991 гг.: монография. Калининград, 2024. С. 418.

переход к смешанной экономике и парламентской демократии. Положения о наступлении новой мировой гуманистической цивилизации дублировали идеи первого проекта программы. В этих условиях заявления о том, что компартия остается на позициях марксизма и рассматривает коммунистический идеал (уже даже не «коммунистическую перспективу») в качестве нравственного ориентира, не меняли кардинально вектор на социал-демократизацию[721]. Многие еврокоммунистические партии Европы в 1970-1980-х гг. также на словах не порывали с марксизмом, однако, по сути, переходили на ревизионистские и оппортунистические позиции.

Суровые оценки шестому проекту давал директор ИМЛ Г. Л. Смирнов, сравнивая его с устаревшим программным заявлением. Полное разочарование сподвижника М. С. Горбачева и одного из идеологов перестройки прослеживается по частным комментариям к некоторым положениям проекта: «… Сказано «а». Надо сказать и «б»: ликвидация КП (коммунистической партии – прим. автора), превращение ее в партию буржуазных реформ»; «Вся глава о партии – полная демагогия, ничего предметного нет»; «Зачем это все? Мы же сторонники социалистического идеала!»; «Полный отказ от марксизма»[722].

На пленуме от 25-26 июля 1991 г. М. С. Горбачев попытался обосновать новую программу КПСС. В данном случае рассматривается опубликованный доклад в газете «Правда» от 26 июля 1991 г., полностью совпадающий с сохранившемся текстом пленарной речи Горбачева в фондах РГАНИ[723].

В докладе советский лидер оправдывал принятие программы несостоятельностью теоретической и практической модели прежнего социализма. Поэтому «…нужна была перемена всей нашей точки зрения на социализм». Кратко характеризуя концептуальную составляющую проекта, докладчик напомнил, что речь идет о разрыве со старыми догмами и о новом восприятии действительности. Это выражалось во включении в «идейный арсенал» КПСС всего богатства

---

[721] Проект Программы КПСС «Социализм, демократия, прогресс» // Независимая газета. 1991. № 86. С. 2.
[722] РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 142. Л. 38-44.
[723] РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 96. Л. 1-25.

отечественной, мировой социалистической и демократической мысли. О коммунизме генсек говорил как о несбыточном идеале, выделяя полезность только одной идеи коммунистического учения: «…свободное развитие каждого – есть условие свободного развития всех…» как притягательного ориентира для всего человечества. В вопросе о переименовании партии Горбачев не выразил личную позицию, сославшись лишь на то, что партийные массы вряд ли поддержат подобную трансформацию наименования. Рассматривая проблематику политических движений внутри КПСС, генсек предложил всем представителям оппозиции следующее: «… кто придерживается других взглядов – свободен в своём выборе». Так, завершался процесс окончательного размежевания со сторонниками как ортодоксальных, так и излишне либеральных взглядов в КПСС. В конце речи о программе оратор убеждал коммунистов не бояться социал-демократизации партии, ибо сейчас рабочее движение едино, а множественные противоречия между социал-демократами и коммунистами ушли в прошлое[724].

Во время дискуссий на пленуме проекту программы был дан слабый отпор. На пленуме практически не звучала критика генсека, а участники прений, за исключением крайних ортодоксов, соглашались с тем, что партия должна будет обновиться, а СССР – вступить в период смешанной экономики и парламентской демократии.

Нехарактерная для противников перестройки политическая пассивность стала следствием определённых страховочных мер М. С. Горбачева. Так, с согласия генсека один из руководителей консервативного крыла – секретарь МГК Ю. А. Прокофьев был предупрежден, что со стороны горбачевской фракции готовится раскол в случае возникновения конфронтации уровня апрельского пленума. Консерваторы оказались не готовы к подобной ситуации и решили не устраивать обструкций Президенту, намереваясь взять реванш на следующем партийном Съезде[725]. Тем не менее полностью избежать столкновения мнений не удалось. Водораздел на пленуме проходил в вопросах конкретных путей

[724] Горбачев М. С. О проекте новой Программы КПСС // Правда. 1991. № 178. С. 1-2.
[725] Пученков А. С. Указ. соч. С. 409.

трансформации партии, идеологии. Некоторые участники июльского пленума осторожно протестовали против превращения КПСС в плохо организованную структуру с синкретичной идеологией[726].

Вопреки всем возражениям пленум посчитал проект приемлемым для доработки и последующего обсуждения в партии. Так, текст программы после небольших правок программной комиссии опубликовали 8 августа 1991 г. Этот вариант должен был стать предметом широкой внутрипартийной дискуссии перед внеочередным XXIX съездом партии[727].

Еще до начала внутрипартийного обсуждения проект встретил организованное сопротивление на совещании первых секретарей ЦК компартии РСФСР 3 августа 1991 г. Это совещание было организовано М. С. Горбачевым с целью ознакомить высший состав российской компартии с программой и вместе с тем найти среди партийной элиты РСФСР представителей, сочувствующих его идеологической позиции. Однако программа подверглась разгромной критике в речи первого секретаря ЦК КП РСФСР И. К. Полозкова: «Данный проект программы не тянет даже на захудалую европейскую социал-демократию, которая всецело обанкротилась и утратила доверие к себе». Документ, по мнению выступавшего, был лишен социалистического содержания. По этой причине с такой программой нельзя было выходить на Съезд. Докладчик утверждал, что мнение российских коммунистов разделяли азербайджанская и украинская республиканские компартии. Первые секретари КП РСФСР также не поддержали проект Горбачева[728]. Итак, генсек лишь обострил политическую ситуацию, спровоцировав противников перестройки, вступить с реформаторами в открытую борьбу за формулирование идеологии КПСС.

В результате стороны остались при своем, а раскол временно отложили до будущего Съезда. Мероприятие планировалось провести в ноябре-декабре 1991 г.,

---

[726] Короева И. Д. КПСС и трансформация общественно-политической системы СССР (1985-1991 гг.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Короева Инга Давидовна. М., 2004. С. 156-161.

[727] Программа КПСС «Социализм, демократия, прогресс» // Правда. 1991. № 189. С. 1, 3-4.

[728] Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, первого секретаря ЦК КП РСФСР. Москва. 2025. 6 октября.

где союзная компартия приняла бы новую программу. Учитывая прежний состав программной комиссии, трудно предположить, что существовала возможность отката документа к коммунистическому содержанию. Как верно отметил А. С. Дзасохов в своих мемуарах, после принятия проекта партия встала на путь социального реформизма, что заметно приблизило ее к традициям левого, социал-демократического движения[729]. В связи с этим предложения

марксистов-фундаменталистов просто бы игнорировались рабочей группой и помощниками генсека. Скорее всего, программа продолжила эволюционировать в еврокоммунистической парадигме.

В этих условиях российские коммунисты готовили перехват идеологической повестки в КПСС. По словам И. К. Полозкова, прорабатывался вариант со снятием М. С. Горбачева с поста генсека во время Съезда, а затем планировалось предложить депутатам альтернативную программу компартии. Доктрину коммунистов-консерваторов еще предстояло сконструировать в качестве единого документа, поскольку в августе 1991 г. она представляла собой только теоретический концепт, выстроенный вокруг трех аспектов: экономического, политического и идеологического. Первый пункт воспроизводил экономическую программу российских коммунистов для РСФСР под авторством профессора Ю. М. Воронина, предполагавшей китайский путь реформ с советской спецификой. Второй аспект в рамках коммунистического проекта Конституции РСФСР утверждал федеративное союзное государство и делал упор на систему Советов как основу государственной власти. Третий элемент базировался на двух важнейших текстах: открытое письмо секретаря по идеологии КП РСФСР Г. А. Зюганова к А. Н. Яковлеву «Архитектор у развалин» и обращение просоветских политиков, деятелей культуры к армии «Слово к народу». В этих обращениях Горбачева и его сторонников обличали за отступление от принципов социализма и разрушительные реформы, а советский народ призывали выступить против политики уничтожения

[729] Дзасохов А. С. Как много событий вмещает жизнь. М., 2019. С. 251.

СССР[730]. Тем самым у консерваторов имелись убедительные контраргументы против социал-демократической позиции Горбачева. Обе стороны планировали вступить в серьезный конфликт на предстоящем Съезде, от итогов которого зависело политико-идеологическое будущее КПСС.

Так или иначе, к концу лета 1991 г. дискуссионный проект программы компартии в идейно-политическом плане привели в соответствие с социал-демократической традицией. Впрочем, новую идеологию КПСС так и не легализовали, как планировалось это сделать на XXIX съезде. Несмотря на позитивные ожидания как команды М. С. Горбачева, так и российских коммунистов от Съезда, непредвиденные события в контексте провала путча ГКЧП 19-22 августа 1991 г. и перехвата союзной власти демократами перечеркнули планы сторон завершить доктринальное обновление. КПСС была запрещена в ноябре 1991 г., так и не получив новую программу, а политика реформ постепенно свернута в угоду радикальным либеральным преобразованиям правительства Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара.

Таким образом, процесс создания новой программы КПСС оказался довольно противоречивым. К тому же формально программу партия не приняла, поскольку она оставалась на стадии дискуссионного проекта. Первоначально сущностные проблемы идеологического конструирования были обусловлены наивной верой реформаторов в возможность создать рабочую доктрину с помощью переформатирования марксистских идей и адаптации новых западных веяний. Это привело к эклектичному характеру базовых установок платформы, программного заявления и первых проектов программы, сочетавших как отжившие свой век идеалы, так и не до конца понятые принципы социал-демократии. Этот фатальный изъян делал формирующуюся партийную доктрину неэффективной в контексте интерпретации сложных социально-политических процессов в советском обществе. Слабые стороны складывающейся теории привели к дискредитации перестройки, партии, ее идеологии в общественном сознании и создали условия

[730] Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, первого секретаря ЦК КП РСФСР. Москва. 2025. 6 октября.

для легитимации альтернативных и более последовательных реформаторских доктрин. От эклектики и явных противоречий команда М. С. Горбачева избавилась слишком поздно – только к июлю 1991 г., когда сформировали цельный, но пока не утвержденный Съездом проект социал-демократической программы КПСС.

4.2. Концепция обновленной советской федерации: подходы союзного Центра и республиканских элит

Вопрос трансформации федеративных отношений в СССР изначально не фигурировал в реформаторском дискурсе М. С. Горбачева. Советское руководство было убеждено в прочности существующего государственного устройства страны, поддерживаемого интернациональным нарративом о «дружбе советских народов». Поэтому изменения в этой плоскости правящим режимом не планировались. Тем не менее партийное руководство вынужденно вернулось к проблеме переустройства советской федерации на фоне этнических конфликтов в Армении и Азербайджане в 1987-1988 гг. Столкновения внутри республик поставили на повестку дня, казалось бы, решенный в СССР национальный вопрос. В итоге новые вызовы изменили взгляды «архитекторов перестройки» на эффективность нынешнего государственного курса в межэтнической сфере[731]. Как вспоминал Горбачев, в решении национального вопроса советские лидеры понесли много потерь из-за запаздывания и ошибочных решений. К началу 1988 г. выход из ситуации мыслился уже в форме конструирования иной национальной политики[732].

Так, новый курс в этническом вопросе зиждился на модернизации устаревшего государственного устройства СССР. Качественная перестройка федерации рассматривалась советским руководством в качестве действенного метода предотвращения национальных столкновений. В частности, в июле 1988 г.

---

[731] Козьменко В. М., Цай, В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х-1991 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 2. С. 120-130.

[732] Горбачев М. С. Союз можно было сохранить // Размышления о прошлом и будущем. С. 105, 112.

на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС приняла резолюцию «О межнациональных отношениях». В документе национальные проблемы объяснялись деформацией советской федеративной системы в контексте искажения принципов «ленинской национальной политики» в период сталинского правления и «застоя». В связи с этим реформаторы провозгласили стратегическую линию новой национальной политики, направленную на реабилитацию ленинских норм в рамках обновлённой федерации. Манифестировался курс на динамичное единство в многонациональном многообразии, предполагавший расширение прав субъектов, автономных образований федерации в рамках увеличения их экономической, социально-культурной самостоятельности, в том числе децентрализации власти на местах, справедливого разграничения компетенции между Центром, республиками и автономиями. Тогда же впервые была озвучена идея перевода республик и регионов на принципы хозрасчёта. В духовном плане предлагалось развивать национальную самобытность каждого этноса, в том числе раскрывать истоки дружбы народов через социалистический интернационализм и советский патриотизм для нивелирования шовинистических настроений в обществе[733].

Примечательно, что критика существующей советской федеративной конструкции, в дальнейшем получившей в официальной повестке наименование «унитарной сталинской модели», привела не к отказу от нее и поиску альтернативы, а к желанию вернуть аутентичную «ленинскую федерацию». Тем самым реформаторы вновь обращались к рецептам прошлого для разрешения современных проблем[734]. Однако устаревшие ленинские принципы, провозгласившие национальный фактор как основной при формировании субъектов федерации, а также самостоятельность республик, поддержку их экономического суверенитета, закрепление нынешних республиканских границ и право на самоопределение народов вплоть до отделения, были контрпродуктивны

[733] Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г. М., 1988. С. 134-139.
[734] Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 574-575.

в условиях политически и культурно развитых национальных сообществ, раздираемых этническими противоречиями.

Так, в рамках измененной национальной политики этнические конфликты на территории Союза только обострились. К 1989 г. СССР получил новую точку напряжения в Грузии, Молдавии и Средней Азии. Во многих республиках формировались народные фронты, продвигающие идею сепарации от Союза. В итоге попытка восстановления «ленинской национальной политики» в новых условиях не решала задачу стабилизации и обновления Союза, а только усугубляла этнические противоречия в СССР, что предопределит пересмотр реформаторами этого идеологического курса в 1990-1991 гг.

Более того, в течение 1988-1989 гг. на политическую сцену вышел прибалтийский фактор. В частности, Эстония 16 ноября 1988 г. приоткрыла завесу будущего противостояния с центральной властью, приняв декларацию о суверенитете и декларацию о Союзном договоре[735]. В последнем документе предлагалось заключить новый союзный договор вместо договора об образовании СССР 1922 г. Впоследствии суверенитет провозгласили Литва и Латвия. С этого момента начался процесс постепенного упадка советской федерации.

Спор о союзном договоре не остался местечковым требованием республик Прибалтики. Этот вопрос публично поднимался на первом съезде народных депутатов СССР 25 мая-9 июня 1989 г.[736]. Предложение прибалтов по подготовке нового договора подержали некоторые лидеры МДГ, а именно А. Д. Сахаров[737].

Противоположную позицию большинства Съезда выразил М. С. Горбачев, призвав наполнить новым содержанием советскую федерацию, легализовать суверенитет республик и дать широкую самостоятельность автономиям. По итогам Съезда концепцию прибалтов отвергли, а вся дальнейшая работа по улучшению

---

[735] Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп.; под общей редакцией В. Т. Логинова. М., 2007. С. 49.

[736] Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая-9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. 2. С. 25.

[737] Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая-9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. 3. С. 328; Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. М., 2006. Т. 3. С. 713-714.

государственного устройства сводилась к поправкам в Конституцию[738]. В свою очередь, МДГ кооптировала тезис о перезаключении союзного договора в свою июльскую политическую программу[739].

Горбачевский подход к модернизации советской федерации подтвердил пленум 19-20 сентября 1989 г., на котором генсеком был зачитан доклад «О национальной политике партии в современных условиях». В выступлении спикер обосновывал делегатам необходимость принятия платформы «Национальная политика партии в современных условиях» в качестве доктринального источника перестройки государственного устройства СССР. Так, М. С. Горбачев определил марксистско-ленинский смысл платформы в осознании оптимальных форм соотношения национального и интернационального в новых условиях. Затем он остановился на раскрытии ленинского принципа самоопределения народов, который заключался не только в возможности отделения от СССР, но и в признании за нациями права самоуправления в контексте суверенного развития и добровольного объединения с другими республиками для решения общих задач. Продолжая старую стратегию децентрализации, генсек предложил включить в Конституцию новый характер федеративных отношений на основе экономической самостоятельности республик, автономий, разграничения компетенций между Центром и его субъектами, а также повышения правового статуса автономных образований[740].

В итоге пленум принял платформу. В документе провозглашался лейтмотив курса обновления союзного государства в рамках реабилитации концепции «ленинской национальной политики» – совершенствование федерации при ее наполнении реальным политическим и экономическим содержанием. Далее в тексте признавалось, что необходимо восстановить в демократическом значении ленинский принцип самоопределения народов, а на первый план выдвигалось два

---

[738] Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая-9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. 3. С. 425-424.

[739] Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. М., 1991. Кн. 4. С. 25.

[740] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. М., 1989. С. 25-40.

узловых вопроса успешного развития федерации. Главный из них можно кратко выразить тезисом «сильные Республики – сильный Центр». Этот тезис утверждал принципы рационального разграничения полномочий между Союзом и его субъектами, автономными образованиями. Второй тезис предполагал расширение экономической самостоятельности республик и автономий через введение республиканского хозрасчёта и самофинансирования[741].

Особое внимание в платформе уделялось установлению нового правового статуса для национальных автономий. Так были заложены основы концепции «автономизации» СССР в ее горбачевском понимании, которая будет полноценно оформлена и реализована в 1990 г. В целом, после одобрения документа платформы правящее руководство подтвердило отказ от идеи перезаключения союзного договора, рассчитывая на эволюционные изменения государственного устройства с помощью правовых новаций в Основной закон СССР[742].

Переломным моментом в противостоянии между МДГ, национальными сепаратистами и Центром стал второй съезд народных депутатов СССР в декабре 1989 г. На нем требования оппозиционных сил ожесточились. Так, со стороны радикальных представителей прибалтийских республик звучали призывы к независимости. В дальнейшем правовым обоснованием стремлений эстонцев, литовцев и латышей к выходу из Союза стало осуждение Съездом секретных протоколов советско-германского договора о ненападении от 1939 г., включавшем тогда еще суверенные страны Прибалтики в сферу интересов СССР. От МДГ усиливалось давление в вопросе заключения договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик. На Съезде М. С. Горбачев отстоял позиции Центра, но агрессивный напор сепаратистов и демократов пошатнул веру реформаторов в эффективность проводимого умеренного курса[743].

---

[741] Там же. С. 218-222.
[742] Там же. С. 226-228, 235.
[743] Ялышев Р. А. Второй Съезд народных депутатов СССР: кризис плавной модернизации и дискуссия о судьбе союзного государства // Таврические чтения, 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция: сборник научных статей в 2 ч. Спб.: 2021. Ч. 2. С. 145-151.

В итоге к началу 1990 г. М. С. Горбачев поменял свое мнение, поддержав возможность заключить новый союзный договор. Трансформации взглядов генсека послужило несколько факторов. Во-первых, желание опереться на договороспособные силы в Прибалтике, не допустив выхода этого региона из СССР. Предполагалось, что при легализации союзного договора республикам может быть предоставлен отдельный правовой статус в рамках новой коммуникации с Союзом: от конфедеративных до федеративных отношений. В этом варианте получилось бы совместить интересы разных субъектов Центра, учесть их особенности и потребности, чтобы удержать республиканские элиты от сепарации. Так, в ходе решения прибалтийской проблемы сформировалась новая концепция «дифференцированных федеративных связей», которая станет базовой для Горбачева в 1990-1991 гг. Во-вторых, мотивация генсека состояла в том, чтобы перехватить идею союзного договора у МДГ и сепаратистов с целью взять процесс подготовки документа под собственный контроль, выдернув у оппозиции важнейший козырь в их антиимперской пропаганде. В-третьих, легализация проблематики союзного договора стала определённой уступкой Горбачева республиканским элитам взамен на согласие утвердить пост Президента СССР[744].

Однако актуализация Центром в 1990 г. проблемы союзного договора выглядела довольно спорно, поскольку этот документ давно утратил свою юридическую силу. Дело заключалось в том, что договор об образовании СССР 1922 г. перестал существовать как самостоятельный государственно-правовой акт, когда его переработали и кооптировали в состав ленинской Конституции 1924 г. Более того, союзный договор уже не упоминался в новой сталинской Конституции 1936 г., из чего можно сделать вывод, что СССР из конституционно-договорной федерации стал полностью конституционной. К тому же согласие перезаключить союзный договор означало, что будет создано новое государство на совершенно

[744] Ялышев Р. А. Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Ялышев Ренат Амируллович. М., 2011. С. 92-94.

иных принципах. Это автоматически превращало старый Союз во временное и неустойчивое образование, которое подлежало радикальной реконструкции[745].

В этом разрезе солидаризация режима с предложениями оппозиции была авантюрной и не имела никаких правовых оснований. Отчасти такой рискованный подход отвечал стратегии М. С. Горбачева по перезагрузке государственного устройства СССР. С другой стороны, это был явный отход от декларируемого с 1988 г. нарратива о восстановлении норм «ленинской национальной политики», поскольку переформатирование федерации предстояло совершить уже на новых принципах. В связи с этим концепция «дифференцированных федеративных связей» утверждалась как основная при перекройке Союза. Данная концепция предоставляла республикам право выбрать перспективную форму государственного устройства в рамках СССР, что входило в противоречие со строгой ленинской идеей об исключительно федеративных отношениях в едином и централизованном союзном государстве.

Тем не менее формирование кардинально иной национальной политики у союзного руководства проходило постепенно. Так, идею о разном правовом статусе для республик озвучили М. С. Горбачев и А. И. Лукьянов 29 января 1990 г. на заседании Политбюро. Генсек также требовал законодательно оформить право республик на выход из СССР и принять закон об автономиях[746].

Внятная линия на заключение союзного договора просматривается в принятой февральским пленумом 1990 г. платформе КПСС, а конкретно пока в мягкой формулировке о развитии договорного принципа строения Союза[747]. В пленарном докладе М. С. Горбачев расшифровал новый принцип платформы как возможность легализации различных форм федеративных связей в рамках единого союзного государства[748]. В политических верхах КПСС идея подписания нового договора окончательно возобладала 2 марта 1990 г. на заседании Политбюро. При

---

[745] Маслов Д. В. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования / Д. В. Маслов, Л. Н. Лазарева, Н. И. Суханов. М., 2022. С. 342.

[746] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 589-590.

[747] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. М., 1990. С. 370-371.

[748] Там же. С. 15.

обмене мнениями Горбачев требовал проработать концепцию союзного соглашения[749].

Полная публичная легитимация проблемы союзного договора произошла на внеочередном третьем съезде народных депутатов СССР 12-15 марта 1990 г. На Съезде обсуждался вопрос создания органа Совета Федерации – совещательного органа при Президенте СССР и глав союзных республик. Этот орган наделялся полномочиями по рассмотрению вопросов соблюдения союзного договора[750].

На Съезде М. С. Горбачев после вступления в должность президента объявил, что считает безотлагательной разработку нового союзного договора. Генсек в том числе озвучил принципы обновлённой федерации, базировавшихся на концепции о «дифференцированных федеративных связях», признании суверенитета республик, законодательном закреплении права выхода союзных субъектов из СССР, а также в повышении статуса автономий[751]. Примечательно, что в речи советского лидера уже не звучали привычные отсылки к ленинской национальной политике, что свидетельствовало об осознанной идеологической ревизии решений, принятых на сентябрьском пленуме 1989 г.

Таким образом, положение о союзном договоре из маргинальной идеи оппозиции превратилось в краеугольный камень советских реформ. Легитимизируя нарратив о союзном договоре, правящий режим пошел на большой риск, поскольку поставил под сомнение законность советской федерации как политико-правового образования, что угрожало целостности союзного государства.

При этом апелляция к ленинским нормам как доктринальному ориентиру советской национальной политики будет постепенно вытесняться из партийно-правительственной повестки. В свою очередь, это скажется на идеологическом наполнении федеративных принципов, которые правящее руководство не будет более публично ассоциировать с ленинской теорией. Такие спорные с точки зрения

---

[749] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 603-604.
[750] Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР, 12-15 марта 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 3. С. 197-198.
[751] Там же. С. 61.

сохранения Союза принципы как укрепление политического и экономического суверенитета республик, обеспечение права наций на самоопределение, повышение статуса автономий подвергнутся пересмотру и деидеологизации. Впрочем, деидеологизация риторики была очень противоречивым решением, поскольку такой подход привел к идейно-политическому вакууму в информационном поле, который заполнили националистические и сепаратистские нарративы.

Фундаментом новой национальной политики партии и государства стали более прагматичные концепции «дифференцированных федеративных связей» и «автономизации». Новые концепции подтверждались июльской резолюцией XXVIII съезда КПСС «Демократическая национальная политика – путь к добровольному союзу, миру и согласию между народами»[752].

В дальнейшем федеративные принципы М. С. Горбачева получили юридическое закрепление в контексте концепции «автономизации». Данная концепция постулировала укрепление политического веса автономных образований внутри союзных республик, а также предоставляла им право требовать особых условий при заключении союзного договора, чтобы противодействовать стремлению республиканских элит к независимости или к пересозданию СССР в конфедерацию.

Так, Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» оформлял правовой механизм выхода союзной республики из федерации путем принятия данного решения на референдуме республики. Однако в законе существовали ограничительные положения, осложнявшие выход из Союза и позволявшие автономным образованиям внутри союзных республик сепарироваться от них[753].

---

[752] Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 168-171.

[753] Закон СССР от 3 апреля 1990 г № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335629/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).

Многоступенчатость процесса сепарации и опасность выхода автономий из республик обусловили то, что ни одна союзная республика так и не прибегла к нормам этого закона.

Следующий Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-I «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» закреплял не только экономический суверенитет национальных республик Советского Союза, но и уравнивал последние в хозяйственных правомочиях с автономными республиками. Тем самым правящая власть наделяла автономии экономической самостоятельностью, формируя условия для дальнейшего изменения их политического статуса[754].

Наиболее важным нормативно-правовым актом представляется Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-I «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». Так, в Законе за автономными республиками признавался статус социалистического государства и субъекта федерации. Они обладали всей полнотой государственной власти на своей территории за исключением компетенции, что была передана в ведение Союза ССР и союзных республик. Тем самым автономные республики уравнивались в правовом положении с национальными республиками, а заодно получали политическую протекцию Центра от посягательств на их суверенитет. Несмотря на расширение экономических прав субъектов СССР, в ходе разграничения компетенций больше полномочий предусматривалось передать именно союзным республикам в социальных, хозяйственных и международных вопросах[755].

Таким образом, правящее руководство, приняв данные законы, укрепило суверенитет союзных республик, автономий и признало право наций на

---

[754] Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-I «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335646/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).

[755] Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-I «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335703/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).

самоопределение, но в то же самое время переосмыслило прежние федеративные принципы, сохранив для себя правовые возможности осложнить членам федерации путь к полной независимости или конфедеративному устройству. Так, в рамках концепции «автономизации» легализовывались следующие положения: признание за автономиями экономического суверенитета; наделение их правом выхода из состава союзной республики; повышение статуса автономий до уровня субъектов Союза. Планировалось, что юридическое закрепление этих принципов сыграет роль защитного механизма от потенциальной сепаратисткой политики республик, имевших пёстрое национально-территориальное деление (Грузия, Азербайджан, Узбекистан, РСФСР и т.д.). В этой модели автономии выступали в роли младших союзников Центра, поскольку им было бы более выгодно находиться в Союзе, имея особый статус и защиту Центра, чем оставаться один на один с руководством титульной нации независимой республики. В свою очередь, продвижение концепции «автономизации» неизбежно актуализировало конфронтацию внутри союзных республик, что в теории ослабило бы республиканские элиты политически и экономически, сделав их более сговорчивыми при определении условий нового союзного договора.

Тем временем включение реформаторов в процесс кардинальной трансформации федеративной структуры государства на основе нового союзного договора не уменьшило публичную активность политической оппозиции. Наоборот, лозунги и нарративы демократов в контексте обличения имперской политики Центра лишь радикализировались[756].

В этом плане интерес представляют судьбоносные события, происходившие в РСФСР в контексте полемики о путях реформирования союзного государства. Весной 1990 г. в России прошли выборы в Советы всех уровней, на которых уверенные позиции заняли демократы[757]. Предвыборная кампания оппозиции сопровождалась лозунгами о суверенизации России, тем самым, открывая прямой

---

[756] Барсенков А. С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985-1991. М., 2001. С. 167.

[757] Иванченко А. В., Любарев, А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 35.

путь к солидаризации с сепаратистским движением в СССР. В частности, открыто о пользе выступлений народных фронтов Прибалтики говорил один из лидеров МДГ Ю. Н. Афанасьев[758].

При этом представители оппозиции делали акцент также на нерешенности «русского вопроса». В частности, союзный депутат Г. В. Старовойтова отмечала, что русский народ в течение всего тоталитарного периода подвергался геноциду и поэтому потерял национальное самосознание. Возрождение русского народа заключалось в совершенствовании государственного устройства РСФСР, в наделении республики полным суверенитетом[759].

Республика была несущим ядром советской федерации, поэтому внутренние российские процессы привлекли внимание Центра. Союзные власти вступили в интенсивную борьбу с оппозицией, рассчитывая обеспечить себе лояльность РСФСР.

Открытая политическая конфронтация произошла на первом съезде народных депутатов РСФСР от 16 мая-22 июня 1990 г., когда народными представителями обсуждался вопрос российского суверенитета в связке с союзным договором. На повестку дня его постаивали представители либерального блока «Демократическая Россия»[760]. Члены коммунистической фракции поддержали предложения своих оппонентов. Так, второй секретарь Астраханского обкома Г. А. Горбунов обосновывал компромиссный подход следующим тезисом: «Обретение полной суверенности России – это не обособление республики, а укрепление Союза». Наиболее полно важность фактора суверенизации России для заключения справедливого союзного договора аргументировал председатель Президиума ВС РСФСР В. И. Воротников[761].

---

[758] Афанасьев Ю. Н. У социализма не будет второго дыхания // Я должен это сказать. Политическая публицистика времён перестройки. М., 1991. С. 300.
[759] Старовойтова Г. В. Все доброе живо в русском народе // 10 лет без права передышки: статьи. СПб., 1999. С. 20-21.
[760] Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1992. Т. 1. С. 63, 158.
[761] Там же. С. 348, 555-556.

Однако неформальный лидер демократической части парламента – Б. Н. Ельцин пытался вытеснить проблему союзного договора программой подготовки новой российской Конституции и федеративного договора для РСФСР. В целом, повестка Ельцина содержала требования политического, экономического суверенитета России и широких полномочий в рамках Союза. Так, он убеждал всех, что: «Сегодня не центр, а Россия должна подумать о том, какие функции передать центру, а какие – оставить себе». Вместо единого союзного договора предлагалось заключить отдельные соглашения как с союзными Республиками, так и с Центром, а в дальнейшем выработать с суверенными государствами взаимоприемлемые формы содружества[762].

В итоге у Б. Н. Ельцина не получилось полностью переключить внимание Съезда с союзного договора на проблематику российского суверенитета. К тому же он вынужденно смягчил некоторые тезисы в своей предвыборной речи на пост председателя Верховного Совета РСФСР[763].

Дискуссия о способах заключения союзного договора продолжилась. В частности, представитель демократов Г. В. Старовойтова рассматривала возможность выступить парламенту России с инициативой объявить старый договор устаревшим и подписать новое соглашение с союзными республиками самостоятельно. В этом варианте Союз строился бы снизу по мере желания суверенных государств участвовать в формирующемся государственном образовании, а не из Центра. Более того, депутат допускала участие в конструировании новой федерации автономных образований[764].

Положение о привлечении автономий поддерживал один из лидеров фракции коммунистов – И. К. Полозков, при этом отвергая продвигаемую демократами идею мягкой сепарации России от Союза[765].

---

[762] Там же. С. 567-572.
[763] Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1992. Т. 2. С. 232-247.
[764] Там же. С. 134-135.
[765] Там же. С. 251-252.

С тезисом И. К. Полозкова о сохранении единства советской федерации солидаризовался второй секретарь Карачаево-Черкесского обкома У. Е. Темиров. Оратор предупреждал Съезд, что категоричные заявления о российском суверенитете и сосредоточении только на республиканских делах ослабят Центр и усилят сепаратистов, а также приведут к расколу внутри РСФСР. По мнению депутата, необходим компромисс между интересами Союза и России[766].

С критикой в отношении У. Е. Темирова выступил член демократической фракции А. Е. Шабад: «…хочет ли товарищ Темиров, чтобы наш Союз был похож на коммунальную квартиру? ...именно на это он сейчас становится похож». Свое несогласие депутат аргументировал тем, что сегодняшняя дезинтеграция Союза справедлива, ибо ранее единство навязывалось искусственно, административным путем. Поэтому в данный момент насильно установленное единство дает трещину. Настоящая интеграция в рамках федерации, считал Шабад, возможна только после разрушения старых союзных структур[767].

По итогу обсуждений стороны согласовали Постановление Съезда «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (основа союзного договора)». За него проголосовало 702 народных представителя (из 1068 депутатов всего голосовало 782 депутата). Принят данный документ был на основе Декларации «О государственном суверенитете РСФСР», провозглашавший суверенизацию РСФСР и легализовывавший сепаратизм в рамках приоритетности республиканских законов над союзными[768].

Таким образом, на Съезде коммунисты полностью приняли демократический лозунг о наделении РСФСР государственным суверенитетом. Во время дискуссий между политическими силами выделились явные противоречия по стратегии дальнейшей модернизации Союза. Демократы настаивали на деконструкции федерации и формировании новых, подконтрольных республикам союзных

---

[766] Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1992. Т. 3. С. 486.
[767] Там же. С. 491-492.
[768] Первый Съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1993. Т. 5. С. 414, 448-451.

структур, фактически предлагая конфедерацию. Коммунисты оппонировали тем, что нужен эволюционный путь развития СССР в рамках обновлённой федерации.

Параллельно политической борьбе в стенах российского парламента активно шли публичные споры между КПСС и российской оппозицией в отношении будущего советской федерации. Идеологические разногласия приобрели непримиримую, резко полярную линию в периодической печати в течение зимы–весны 1990 г.

В частности, агрессивную политику дискредитации идеи обновления федерации в любом виде проводила газета Союза конституционных демократов «Гражданское достоинство» (с декабря 1990 г. «ПКД» - Партии конституционных демократов). В статье А. Суханова «Является ли СССР суверенным государством?» в № 1 издания от 1990 г. государственное устройство СССР интерпретировалось в форме международно-правового образования, отождествляясь с СЭВ или ЕЭС. Поэтому суверенитетом, по мнению автора, обладали только республики, но не союзный Центр: «…не может быть двух верховенств на одной территории – суверенитет есть понятие абсолютно исключительное…». При таком подходе были бессмысленны дискуссии о превращении СССР в конфедерацию или истинную федерацию[769].

Довольно откровенно в «Гражданском достоинстве» писали о назревшей потребности в полном крушении «советской империи». Подобные призывы провозглашались в № 10 газеты в статье Е. Ихлова «Неандертальцы мы»: «… распад империи – строго обязателен и абсолютно неизбежен»[770]. В № 11 в заметке «Куда повернут русские?» автор А. Тулупов не терял надежды на то, что русский народ откажется от имперского сознания и примет активное участие в развале СССР[771].

Более конструктивную позицию занимал Ю. Н. Афанасьев. В апреле и мае 1990 г. в СМИ он выступал за скорейшее заключение нового союзного договора

---

[769] Суханов А. Является ли СССР суверенным государством // Гражданское достоинство. 1990. № 1. С. 2.
[770] Ихлов Е. Неандертальцы мы // Гражданское достоинство. 1990. № 10. С. 2.
[771] Тулупов А. Куда повернут русские? // Гражданское достоинство. 1990. № 11. С. 5.

между субъектами Союза на условиях республик. Трансформацию унитарного Союза он называл «цивилизационным демонтажем», подразумевая под этим термином постепенный переход от имперского принципа организации к добровольному союзу равноправных суверенных государств[772].

Следует отметить, что до осени 1990 г. умеренные силы в демократическом движении симпатизировали конфедеративному устройству Союза. Не всегда говоря об этом напрямую, оппозиция осознанно прикрывала радикальные требования демагогической фразеологией о максимально децентрализованной, разобщенной федерации, выстроенной заново республиками при минимальном участии Центра.

В свою очередь, издания КПСС сосредоточились на массовом декларировании официальной позиции М. С. Горбачева. В статье доктора философских наук Э. Тадевосяна «Ленин, федерализм и наше время» в № 6 журнала «Коммунист» от 1990 г. предлагалось усовершенствовать Союз, заключив новый союзный договор и следуя партийно-правительственной федеративной концепции. Для решения системных противоречий союзного государства автор озвучивал следующие условия ее переустройства: сильные республики – сильный Центр при справедливом разграничении полномочий между ними; право некоторых субъектов федерации на конфедеративную ассоциацию (концепция «дифференциации федеративных связей»); гарантия выхода из Союза как фактор консолидации республик; повышение положения автономий до уровня республик (концепция «автономизации»)[773].

В статье кандидата философских наук А. Жарникова «Какой нам нужен договор» в № 80 газеты «Правды» от 1990 г. модернизация государственного устройства страны рассматривалась с позиций, противоречащих концепции «автономизации». Автор поддерживал идею заключения нового союзного договора, однако отвергал тезис о предоставлении автономиям равного статуса с союзными республиками. В данном случае Жарников исходил из принципа

---

[772] Афанасьев Ю. Н. Чрезвычайный президент по борьбе с контрперестройкой и саботажем? // Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. С. 272-273, 292.
[773] Тадевосян Э. Ленин, федерализм и наше время // Коммунист. 1990. № 6. С. 15-23.

неприкосновенности границ республик, настаивая на разрешении противоречий между автономиями и субъектами СССР путем заключения внутреннего договора, аналогичного союзному соглашению[774].

В результате первого витка масштабной полемики можно прийти к выводу о слабом творческом подходе коммунистов к пропаганде партийной позиции по проблеме перестройки советской федерации. Она сводилась к повторению программы М. С. Горбачева, иногда чередуясь скромным творческим переосмыслением утверждённых КПСС догм. У демократической оппозиции было больше простора для пропаганды собственных нарративов, в том числе презентации массам разных вариантов эволюции союзного государства, вплоть до его крушения. В либеральной риторике присутствовала как радикальная, так и умеренная программа действий.

Тем временем дискуссия вышла на федеративно-республиканский уровень. Споры продолжились между представителями РСФСР, другими республиками и союзной властью 12 июня 1990 г. на втором заседании Совета Федерации. Так, во время обсуждения предстоящей работы над союзным договором М. С. Горбачев убеждал участников как можно скорее заключить союзный договор, а также принять за основу обновлённой федерации концепцию «дифференцированных федеративных связей»: «...дифференциация может быть самой разнообразной, самой глубокой». В такой федерации, по мнению Горбачева, была бы разная степень свободы, учитывающая желания, особенности той или иной республики[775]. С предложением генсека согласились представители Украины и Белоруссии. При этом председатель Верховного Совета Белоруссии Н. И. Дементей особый акцент делал на предоставлении некоторым республикам конфедеративного положения внутри Союза[776].

Парируя аргументам Президента СССР, Б. Н. Ельцин отверг предложение как можно скорее заключить союзный договор, а также концепцию

---

[774] Жарников А. Какой нам нужен договор // Правда. 1990. № 80. С. 3.
[775] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 10. Л. 5, 8, 101.
[776] Там же. Л. 11-14, 87.

«дифференцированных федеративных связей». Вместо этого председатель ВС РСФСР считал более действенным способом обновить федерацию с помощью подписания всеобъемлющих договоров между республиками. В модели Ельцина каждая республика добровольно подписывала соглашения с Центром о делегировании последнему доли власти и собственности. И только на основе смежных договорных условий республиками и Центром принимался бы общий политический союзный договор[777].

Впрочем, М. С. Горбачев продавил тезис о продолжении работы над союзным договором без предварительных условий. Это задание было поручено Советом Федерации рабочей группе из представителей республик во главе с председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Н. Нишановым и членом Президентского Совета СССР Г. И. Ревенко. Отдельно отмечалось, что в союзном договоре надо отразить автономный аспект, а представителей самих автономий пригласить для обсуждения договора на следующем этапе[778].

В течение лета 1990 г. обсуждение продолжилось как на уровне созданной рабочей группы, так и на совместных заседаниях Совета Федерации и Президентского Совета. В этих обсуждениях участвовали все республики, кроме, стран Прибалтики, автономии планировалось привлечь позднее. Если сводить программы сторон к краткому изложению, то наиболее радикальные республиканские варианты не исключали конфедерации. Представители СССР пошли на компромисс, не настаивая на определенной форме государственного устройства (федерации или конфедерации), с которой можно определиться позже[779].

Согласовать позиции стороны попытались на совместном заседании Совете Федерации и Президентского Совета СССР 30-31 августа 1990 г. Итог многочисленным спорам подвел Р. Н. Нишанов. Докладчик подтвердил, что, несмотря на коллективное желание радикально преобразовать Союз на

---

[777] Там же. Л. 90-91.
[778] Там же. Л. 104-109.
[779] Ялышев Р. А. Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР. С. 139-143.

демократических началах, сторонам по всем вопросам не удалось достигнуть общности взглядов. Так, большинство участников высказывались за федерацию (Азербайджан, Белоруссия, страны Средней Азии), но некоторые республики выдвигали идею конфедерации (Россия, Украина, Грузия, Армения и Молдавия)[780].

В этой ситуации Р. Н. Нишанов предлагал не связывать будущего Союза вокруг понятий «конфедерация» и «федерация», а поискать более демократические формы сочетания союзных и республиканских структур. Переход к практической части работы над союзным документом был связан с созданием подготовительного комитета[781]. Тем самым союзное руководство пошло на компромисс с элитами, впервые временно отказавшись от строгих концептуальных рамок будущего государственного устройства ради сохранения единства СССР.

Тем временем в прокоммунистических СМИ также шла полемика о путях модернизации советской федерации. Дискуссию открыла статья академика В. Н. Кудрявцева «Декларации и союзный договор» в № 213 «Правды». В публикации автор отстаивал интересы Центра, аргументировал необходимость признания первенства суверенитета Союза ССР как сосредоточия общих интересов республик при легитимации верховенства республиканского законодательства на территориях субъектов обновленной федерации[782].

В статье доктора философских наук А. Бутенко «Неотчуждаемый суверенитет» в № 274 «Правды» высказывались либеральные тезисы. В тексте Бутенко называл подход В. Н. Кудрявцева теорией «ограниченного суверенитета». В свою очередь, автор считал, что республики должны обладать полным, неотчуждаемым национальным суверенитетом при взаимодействии с Центром. Новая коммуникация должна строиться на прогрессивных правовых механизмах участия республик в принятии общих решений и их праве оспорить действия союзных властей[783].

---

[780] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 63. Л. 141-145; Маслов Д. В. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. С. 344-348.
[781] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 63. Л. 154-155.
[782] Кудрявцев В. Н. Декларации о суверенитете и Союзный договор // Правда. 1990. № 213. С. 3-4.
[783] Бутенко А. Неотчуждаемый суверенитет // Правда. 1990. № 274. С. 2.

В № 247 газеты «Правды» директор института этнографии В. Тишков в статье «Тупики национальной государственности» высказал непривычную для советского дискурса идею о будущем Союза. Так, автор предлагал отказаться от конфронтационного национального, этнического принципа государственного устройства республик и советской федерации. Тишков рассматривал вариант перестройки СССР на территориальной основе. При этом субъекты Союза сохранили бы все свои полномочия как самоуправляемые гражданские сообщества[784].

Таким образом, в партийных СМИ рассматривались разные варианты обновления государственного устройства СССР. Впрочем, некоторые идеи теоретиков отвергались правящим режимом, поскольку не соответствовали архаичным принципам национальной федерации. В частности, подобный казус произошел со статьей В. Тишкова, где предлагалось отказаться от основополагающего для союзного руководства национального фактора при образовании субъектов СССР. Прочие каноничные точки зрения должны были быть согласованы с партийно-правительственной позицией в ходе практической работы над союзным договором осенью 1990 г.

Однако этим планом не суждено было сбыться по причине проведения демократическим руководством РСФСР политики отмежевания от Союза. Понимая, что большинство республик при поддержке Центра выйдут на тот или иной федеративный формат отношений, российские демократы, имея сильные позиции в российском парламенте, пытались отстоять суверенитет России в рамках конфедерации.

С целью надавить на Президента СССР в этом вопросе Б. Н. Ельцин как председатель Верховного Совета РСФСР продолжил т. н. «войну законов» с союзными властями, а также продвигал концепцию «горизонтальных связей» с республиками в обход вертикальных структур. Формирование радикальной позиции Ельцина завершилась 19 ноября 1990 г. в ходе пресс-конференции в Киеве,

---

[784] Тишков В. Тупики национальной государственности // Правда. 1990. № 247. С. 3.

когда он отдал предпочтение идеи о создании Содружества суверенных государств[785]. В дальнейшем она трансформируется в концепцию Содружества независимых государств.

Б. Н. Ельцин, выбрав концепцию Содружества, уверенно следовал идее «перевернутой пирамиды» и убеждал представителей республиканских элит, что союз трех славянских государств (Россия, Украина, Белоруссия) будет серьезной силой в борьбе с Центром. Он также считал, что к новому объединению должны присоединиться все прочие республики, что недовольны «имперской» политикой М. С. Горбачева. Так, Ельцин оформил альтернативный план консолидации, соперничавший с официальной концепцией «дифференцированных федеративных связей»[786].

В дальнейшем тезис о Содружестве для российских демократов превратился в фундамент политической программы, тогда как идея конфедерации постепенно отходила на второй план в их публичной риторике. Так, еще в сентябре 1990 г. о запоздалости конфедеративного устройства Союза говорил Ю. Н. Афанасьев. По его мнению, на будущее надо думать о Содружестве независимых государств Европы и Азии на территории бывшего СССР[787].

Более подробно принципы новой концепции озвучила депутат Г. В. Старовойтова на втором съезде народных депутатов РСФСР 27 ноября-15 декабря 1990 г. в ходе обсуждения первого проекта союзного договора (он был опубликован в печати 17 ноября). В понимании Старовойтовой модель свободного Содружества народов предполагала: право выбора республикой государственного статуса с признанием ее независимости; свободу заключения многосторонних договоров между республиками; формирование нового федерального центра, в который суверенные государства добровольно делегируют

---

[785] Лукашин А. В. Разработка руководством СССР союзного договора (март-декабрь 1991 года): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Лукашин Александр Владимирович. М., 2012. С. 66-67.

[786] Зубок В. М. Указ. соч. С. 254.

[787] Афанасьев Ю. Н. Мимикрия тоталитаризма // Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки. С. 356.

часть своих полномочий в разном объеме. При этом суверенитетом, как считала депутат, должны обладать только республики, но никак не федеральный центр[788].

Здесь надо пояснить терминологию дефиниций «суверенитета» и «независимости» в рамках 1990 г., чтобы избежать путаницы синонимичных понятий. Суверенитет республики предполагал приоритет ее законодательства над союзным, тогда как независимость давала возможность республике полностью игнорировать принятые Центром нормативно-правовые акты[789]. В контексте 1990 г. о независимости как полном выходе из состава СССР заявляла Прибалтика, Грузия, тогда как остальные республики еще не решили полностью порывать с Союзом, оправдывая с помощью термина «независимость» особое положение в составе будущего объединения.

Против концепции Содружества высказался депутат А. Ф. Чайковский. Он аргументировал свое несогласие тем, что принятие модели Г. В. Старовойтовой приведет союзные республики к экономической деградации, а затем к колониальной зависимости от мирового капиталистического хозяйства[790]. Часто от депутатов звучала мысль что надо под любым предлогом подписать союзное соглашение для спасения страны от распада, отбросив политические разногласия. Однако оригинальных и убедительных аргументов в пользу заключения ноябрьской версии союзного договора коммунистическая фракция так и не презентовала Съезду.

Сепаратистской позиции российских демократов был дан полноценный ответ 10-11 декабря 1990 г. на партийном пленуме. М. С. Горбачев, выступая с докладом «О концепции союзного договора и задачах партийных организаций», высказал ряд аргументов экономического, демографического и внешнеполитического характера в пользу сохранения федеративного устройства СССР как сильного суверенного

---

[788] Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 ноября-15 декабря 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1991. Т. 4. С. 57-59.
[789] Плохий С. Н. Последняя империя. Падение Советского Союза; [перевод с англ. С. Гирика, С. Лунина, А. Сагана]. М., 2016. С. 231.
[790] Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 ноября-15 декабря 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. М., 1991. Т. 4. С. 66.

государства[791]. Докладчик также признал право автономных республик на самоуправление и самоопределение. В этом разрезе Горбачев поддержал заложенный в союзном договоре принцип о том, что автономии могут принимать участие в Союзе как непосредственно, так и находясь в составе других республик. Далее спикер намекал на то, что республиканским элитам стоит быстрее определить свое место в новом Союзе и не затягивать с подписанием соглашения, поскольку им будет трудно справиться с входящими в них государственными образованиями, которым Центр обеспечит поддержку суверенитета[792].

Дальнейшую стратегию представители союзной власти озвучили на четвертом съезде народных депутатов СССР, проходившем 17-27 декабря 1990 г. Видя, что деструктивные действия российской оппозиции не позволяют довести до конца процесс согласования союзного договора, М. С. Горбачев решил подкрепить притязания Центра массовой народной поддержкой через проведение всесоюзного референдума о сохранении СССР. Такой политический шаг лишил бы опоры российских сепаратистов и заставил другие республики быть более сговорчивыми в вопросах принятия условий союзных властей[793]. Большинство депутатов также высказались за создание федеративного государства с единым центром[794]. Тем самым Съезд полностью поддержал федеративную политику Горбачева.

В итоге к 1991 г. стороны подошли с двумя взаимоисключающими проектами государственного устройства СССР. Лидеры КПСС настаивали на разноплановых отношениях внутри единой федерации, а российские демократы в основном поддерживали идею Содружества с декоративным механизмом политической интеграции.

В частности, массовое Движение «Демократическая Россия» взяло на вооружение концепцию Содружества, выступив учредителем Демократического конгресса 26-27 января 1991 г. в Харькове. В совместной декларации Конгресса от

---

[791] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10-11 декабря 1990 г. М., 1991. С. 7-9.
[792] Там же. С. 11-15.
[793] Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 1. С. 83.
[794] Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет. М., 1991. Т. 3. С. 311-312.

27 января 1991 г. позиционировалось строительство межреспубликанских отношений на принципах договора о Содружестве. Фактически этот договор предполагал создание рыхлого не надгосударственного объединения из независимых республик с консультативными и экономическими функциями. От признаков политического союза оставались лишь общие республиканские вооружённые силы и объединённое военное командование[795].

В дальнейшем идею Содружества поддержали отдельные участники Движения. Так, на совместном совещании пленума правления СДПР (Социал-демократическая партия России) и Координационного совета РПРФ (Республиканская партия Российской Федерации) от 2-3 февраля 1991 г. были приняты рекомендации к внесению дополнительного вопроса на мартовский референдум в РСФСР о создании Союза (Содружества) независимых государств путем заключения межгосударственных договоров между собой[796].

Активно пропагандировала и защищала ельцинскую концепцию газета РПРФ «Господин народ». Для придания авторитетности идеи Содружества в издании печатались публикации с поддержкой политических проектов оппозиции от влиятельных лиц Запада. К примеру, в № 2 газеты от 1991 г. была опубликована статья государственного деятеля США З. Бжезинского «Распад СССР». В ней автор предполагал, что демократам желательно превратить Советский Союз в свободную экономическую конфедерацию и консультативную лигу независимых государств[797].

Идея Содружества также противопоставлялась попыткам Центра навязать республикам союзный договор. В частности, в № 3 издания в статье А. Празаускаса «Диктатура аппарата» демократическая концепция рассматривалась в контексте критики второго мартовского проекта союзного договора. Автор видел новое объединение в виде альянса государств с разными политическими системами, где

---

[795] Совместная декларация политических партий, организаций и движений – участников Демократического конгресса // Информационный бюллетень. Движение «Демократическая Россия». 1991. № 5. С. 3.

[796] Рекомендации совместного совещания Пленума правления СДПР и Координационного совета РПРФ // Информационный внутрипартийный бюллетень: Новости социал-демократии. 1991. № 8. С. 1.

[797] Бжезинский, З. Распад СССР // Господин народ. 1991. № 2. С. 15.

нет места авторитарному Центру: «...например, Российский союз, демократические республики, социалистические эмираты»[798].

Несмотря на широкую поддержку в либеральной оппозиции идеи Содружества независимых государств, в среде демократического движения сформировались альтернативные мнения на этот счет. К примеру, такие партии, как ДПР (Демократическая партия России), РХДД (Российское христианское демократическое движение) и КДП (Конституционно-демократическая партия) в течение зимы-весны 1991 г. перешли на консервативные, державные позиции. Лидеры партий требовали сохранения, обновления союзной государственности, выступали против ее крушения.

Попутно критиковались леворадикальные силы, объединённые в структурах Демократического конгресса. О разрушительной тактике данного объединения писал Н. И. Травкин в первом номере «Демократической газеты», обосновывая причины отмежевания ДПР от подобных сепаратистских структур[799].

Против национального эгоизма демократов в первом номере газете РХДД «Путь» от 1991 г. выступал лидер партии В. Аксючиц в статье «Идеологическое и национальное». Автор соглашался с тем, что необходимо преодолеть коммунистическую империю. Однако делать это он предлагал, не разрушая союзные структуры, а сохраняя основы государственности. В этом плане Аксючиц даже не возражал против заключения союзного договора, но на справедливых началах[800].

Мнения партийных вождей ДПР и РХДД разделял лидер КДП М. Астафьев. Еще в декабре 1990 г. в интервью газеты «Путь» он подтвердил, что стоит вместе с РХДД на позиции государственного подхода к разрешению противоречий, в рамках которого можно бороться с правительством, но одновременно – против разрушения государства. По его мнению, большинство граждан было против распада Союза[801].

---

[798] Празаускас А. Диктатура аппарата? // Господин народ. 1991. № 3. С. 7.
[799] Травкин Н. И. Почему мы не вошли в «Демократический конгресс» // Демократическая газета. 1991. № 1. С. 2.
[800] Аксючиц В. Национальное и идеологическое // Путь. 1991. № 1. С. 2.
[801] Там же. С. 4.

Солидарность трех лидеров способствовала созданию 19 апреля 1991 г. конструктивно-демократического блока «Народное согласие». Объединение представляло собой третий, правоцентристский путь и противопоставляло себя коммунистам и левым демократам. Блок выступал за целостность СССР, его преобразование в новое союзное государство на основе подписанного всеми желающими республикам союзного договора[802].

В итоге идея Содружества не объединила, а разъединила российские демократические силы. Последним аргументом в нежизнеспособности данной модели стали результаты референдума о сохранности СССР. Подавляющем большинством граждане взыскались за целостность Союза.

Учитывая сильное сопротивление Центра, неэффективность прежних методов давления на союзные власти, а также раскол в оппозиции, все чаще в демократическом движении задумывались о «круглом политическом столе» с коммунистическим режимом, подразумевавшем конструктивные переговоры и гипотетическую передачу власти демократически избранным институтам мирным путем[803]. В частности, пункт о проведении «круглого стола» официально зафиксировали в принятом программном документе Демократической России – «Российской хартии-91» на Всероссийском совещании демократических сил 14 апреля 1991 г.[804].

На практике реализация идеи круглого стола трансформировалась в процесс переговоров, стартовавших 23 апреля в Ново-Огарево между лидерами республик и М. С. Горбачевым по вопросу согласования союзного договора и принятия новой Конституции. В тот же день было подписано заявление между 9 республиками и президентом СССР без Армении, Грузии, Прибалтики и Молдовы[805]. Тем самым М. С. Горбачев заставил республики вернуться за стол переговоров.

---

[802]Декларация конструктивно-демократического блока «Народное единство» // Путь. 1991. № 4. С. 5.

[803] Ковальская Г. Острые углы «Круглого стола» // Демократическая Россия. 1991. № 4. С. 8.

[804] Российская хартия-91 // Информационная бюллетень Демократическая Россия. 1991. № 10. С. 2.

[805] Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1. С. 491.

В рядах демократов также смягчилась позиции в отношении будущего советской федерации. В частности, на третьем съезде СДПР 29 апреля-3 мая 1991 г. сопредседатель партии О. Г. Румянцев просил соратников не участвовать в разрушении страны, а поддержать инициативу российской и союзной власти по заключению союзного договора и дальнейшего преобразования СССР в Союз суверенных государств[806].

Однако не все демократы соглашались перейти на примирительную и уж тем более прогосударственную позицию. Партия конституционных демократов заняла в данном вопросе принципиальную позицию. Например, на втором съезде 20-21 апреля 1991 г. ПКД приняла политическую резолюцию и резолюцию по национально-территориальному вопросу, где утверждалось об исчезновении СССР как единого политического субъекта. Для преодоления центробежных тенденций съезд предложил создать Содружество суверенных государств[807].

В противовес правоконсервативному «Народному согласию» ПКД организовала 30 мая 1991 г. собственный блок – «Союз ради прогресса». Это объединение базировалось на идеях трансформации СССР в содружество демократических правовых государств, объединённое только единым экономическим, военно-стратегическим и информационным пространством без политического Центра[808]. Летом 1991 г. блок был переименован в «Союз свободы и достоинства», куда вошли наиболее радикальные демократические партии и либеральные фракции умеренных партий[809].

В дальнейшем между блоком «Народное согласие» и блоком «Союз свободы и достоинства» развернулась ожесточённая информационная война в контексте

---

[806] Материалы III съезда Социал-демократической партии Российской Федерации // Информационный внутрипартийный бюллетень: Новости социал-демократии. 1991. № 19. С. 6-7.

[807] Политическая резолюция второго съезда партии конституционных демократов // Гражданское достоинство. 1991. № 2. С. 9.

[808] Заявление о блоке «Союз ради прогресса» // Гражданское достоинство. 1991. № 4. С. 9.

[809] Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. М., 1991. Кн. 3. С. 140.

дискуссии о дальнейшей судьбе союзного государства[810]. Политические баталии в демократическом движении не утихали вплоть до распада СССР в декабре 1991 г.

Тем временем представители Центра, республик, автономий пытались согласовать приемлемые условия союзного соглашения в рамках Подготовительного комитета. На первом заседании комитета 24 мая 1991 г. большинство высказалось за федеративное устройство Союза. Однако в ходе дискуссии Б. Н. Ельцин уточнил, что роль Центра должна сводиться к координации, тогда как вся внутренняя, внешняя политика и экономическая сфера должны принадлежать республикам. Тем самым российское руководство, по существу, снова продвигало идею конфедерации. Разногласия между сторонами возникли и по вопросам нового названия союзного государства, союзных налогов и места автономий в объединении[811]. По воспоминаниям В. И. Болдина, позицию близкую к российской заняли украинские представители[812]. Таким образом, сторонам не удалось договориться, а М. С. Горбачев предложил перенести обсуждение договора.

В том же конфронтационном духе прошли заседания комитета от 3 и 17 июня 1991 г.[813]. В итоге участникам переговорного процесса удалось согласовать основные пункты проекта договора, который опубликовали 27 июня 1991 г. в газете «Правда». Тем не менее процесс преобразования СССР на договорной основе искусственно тормозился руководителями России и Украины. Так, Б. Н. Ельцин заморозил свое участие в работе над договором до 12 июня из-за президентских выборов, а украинские власти подрывали экономическую целостность Центра, подчиняя союзные предприятия республике. К тому же негативную оценку договору от 27 июня дали Верховные Советы обеих республик. Парламентарии

---

[810] Артемов А. Что сулит нам «дезинтеграция империи», или несколько слов о лозунге «Содружества суверенных государств» // Путь. 1991. № 5. С. 5; Шишов А. Опасность слева // Демократическая газета. 1991. № 6. С. 3; Ихлов Е. Почему сегодня надо быть радикалом // Гражданское достоинство. 1991. № 6. С. 8.

[811] В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991). С. 696-700.

[812] Болдин В. И. Указ. соч. С. 400-401.

[813] Там же. С. 402.

России и Украины были убеждены, что без существенных исправлений данный договор не может быть одобрен[814].

Новый вариант союзного договора подвергся критике депутатами Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г. Более того, в ходе закрытого заседания Верховного Совета тем же вечером представители силовых ведомств Кабинета министров высказали несогласие с политикой Президента СССР и призвали к введению мер чрезвычайного характера[815].

М. С. Горбачев, не будучи способным одновременно противостоять давлению российско-украинского фактора и союзных структур, пошел на серьёзные уступки республикам.

Так, 23 июля 1991 г. состоялось заседание Совета Федерации, где стороны окончательно доработали проект «Договора о Союзе Суверенных государств». 5 августа проект направили на рассмотрение в республики, а 15 августа документ был опубликован в печати. Вопреки текстовому определению будущего объединения как федеративного Союза, по мнению Комитета Конституционного надзора СССР, а также ведущих правоведов страны, договор вел к созданию конфедерации[816]. О том, что речь теперь шла о «свободной конфедерации независимых государств», писал в мемуарах А. С. Черняев[817]. По тексту соглашения республикам предоставлялись широкие полномочия, а роль Центра сводилась к согласованию действий между субъектами Союза[818].

На 20 августа назначалось подписание данного договора республиками, минуя союзные органы. Хотя ранее срок был определен на начало осени 1991 г. Дело состояло в том, что М. С. Горбачев в разговоре в кулуарах 29-30 июля с Б. Н. Ельциным договорился о переносе даты, понимая, что нынешняя редакция договора не пройдёт съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР[819].

---

[814] Лукашин А. В. Разработка руководством СССР союзного договора (март-декабрь 1991 года). С. 127, 134.
[815] Крючков В. А. На краю пропасти. М., 2003. С. 401-407.
[816] Павлов, В. С. Август изнутри: Горбачев-путч. М., 1993. С. 105.
[817] Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. С. 476.
[818] Договор о Союзе Суверенных Государств // Правда. 1991. № 195. С. 2.
[819] Воротников В. И. Хроника Абсурда. Отделение России от СССР. М., 2011. С. 292.

Взамен на скорейшее подписание договора Горбачев обещал президенту России сменить членов Кабинета министров и передать предприятия Союза в собственность России. По воспоминаниям Б. Н. Ельцина, запись данного разговора КГБ спровоцировала в дальнейшем августовский путч ГКЧП[820]. Фактически принятые решения на этой встрече, как и содержание союзного договора, обозначали отказ союзного руководства от концепции переустройства СССР в рамках «дифференциации федеративных связей» в пользу предложений республиканских элит и перечёркивали итоги мартовского референдума 1991 г.

Последующие события августовского путча только ускорили политическое банкротство Центра и дезинтеграцию СССР. Условия соглашения, зафиксированные в июле, теперь оказались не актуальны, поскольку республики боялись непредсказуемого поведения Центра. По этой причине они взяли курс на обретение полной независимости. Пострадал авторитет и главного инициатора заключения союзного договора – М. С. Горбачева, его позиции были резко ослаблены[821].

Однако уже 27 августа, как вспоминал Г. Х. Шахназаров, М. С Горбачев рассматривал возможности заключения союзного договора в нынешних условиях. В эти же дни начались консультации со штабом Б. Н. Ельцина. Позиция демократов заключалась в легализации конфедеративного содержания договора, а по факту – в создании Содружества независимых государств. Команда Горбачева вновь настаивала просто на союзном государстве без привязки к федерации или конфедерации[822]. Переговоры по нахождению компромисса между сторонами продолжались в течение августа-сентября 1991 г.

Актуализировав обсуждение союзного договора, М. С. Горбачев вернулся в большую политику, поскольку умело воспользовался обозначившимися противоречиями, возникшими между руководством демократической России и

---

[820] Ельцин Б. Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... М., 2008. С. 53-54.
[821] Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993). Т. 1. С. 530.
[822] Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. С. 461-462.

бывшими партийными элитами Украины. Последние провозгласили независимость страны, приняв соответствующий акт 24 августа 1991 г. в Верховном Совете УССР.

Дело состояло в том, что недовольство российской стороны исходило из новой политической расстановки сил после победы в «августовском путче», когда Центр более не представлял серьёзной опасности, а РСФСР поглощала союзные структуры. Б. Н. Ельцин намеривался переформатировать Союз по своему усмотрению, выделив в новом объединении России ведущую роль[823]. Потенциальный выход из федерации экономически развитой Украины, а также других республик, нарушал его планы, подрывал работу хозяйственного комплекса СССР и ставил будущее страны под угрозу. Поэтому президент России вынужденно двигался к идее единого Союза и готовился пойти на компромисс с М. С. Горбачевым.

Формальное согласие руководства России возобновить разработку союзного договора М. С. Горбачев получил 27 августа. Взамен Президент СССР соглашался убедить народных депутатов СССР пойти на самороспуск. На последнем, пятом съезде народных депутатов СССР, проходившем 2-5 сентября 1991 г., депутаты приняли решение подготовить и подписать союзный договор, а также создать новый властный орган в переходный период – Государственный Совет в составе Президента СССР и руководителей республик. Именно этот орган должен был заниматься вопросами обновления советской федерации[824].

Таким образом, после августовской ликвидации партийно-союзных структур к началу сентября союзные силы распустили центральный орган – Съезд народных депутатов СССР, обладавший реальными полномочиями. В свою очередь, Верховный Совет СССР исключался из обсуждения союзного договора, как и представители автономий. Вывод из диалога автономий ставил крест на концепции «автономизации» и лишал генсека союзников, которые ратовали за сохранение Союза. В итоге М. С. Горбачев остался один на один с республиканскими лидерами.

---

[823] Плохий С. Н. Указ. соч. С. 231.
[824] Лукашин А. В. Разработка руководством СССР союзного договора (март-декабрь 1991 года). С.177-178, 181.

Хорошей новостью для переговорного процесса было то, что 10 сентября М. С. Горбачеву удалось уговорить Б. Н. Ельцина вернуться к практической разработке союзного договора. 1 октября президент России прислал правки к проекту соглашения. Тем не менее, как вспоминал Г. Х. Шахназаров, сторонам так и не удалось согласовать противоречия вокруг концепций, оформляющих контуры будущего союзного государства[825]. Так, горбачевская команда вернулась к идее «дифференцированных федеративных связей», а российские представители требовали конфедеративного союза государств. Конфликт подходов предстояло решить на Госсовете

К тому же осенью Б. Н. Ельцин все больше склонялся к принципам экономической программы государственного секретаря РСФСР Г. Э. Бурбулиса, раскрытым в записке экономиста Е. Т. Гайдара «Стратегия России в переходный период». Так, в ней упоминалось, что Россия при осуществлении реформ не может себе позволить финансировать другие республики. В свою очередь, это поднимало вопрос о целесообразности политического и экономического Центра, который, по мнению Гайдара, будет перераспределять ресурсы в пользу иных субъектов за счет богатств РСФСР. Тем самым программа априори рассматривала политику Центра как противоречащую интересам России, чем убеждала Ельцина вновь занять антисоюзную позицию[826].

В подобных условиях оказалось бы трудно рассчитывать на принятие Россией и другими суверенными государствами консолидирующей позиции Президента СССР. Однако М. С. Горбачев попытался навязать сторонам свою точку зрения, сыграв на важности подготавливаемого Г. А. Явлинским и его командой договора об экономическом сообществе как основы будущего Союза. Необходимость такого соглашения для предотвращения хозяйственного коллапса понимали и лидеры большинства республик.

Поэтому на заседании Госсовета 11 октября 1991 г. этот вопрос стал основным в прениях. Участники в ходе дискуссии пришли к выводу о

---

[825] Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. С. 464-467.
[826] Плохий С. Н. Указ. соч. С. 283-285.

желательности скорейшего подписания соглашения. М. С. Горбачеву также удалось договориться с членами Госсовета о порядке работы над союзным договором. На этом же заседании стало известно об особом положении Украины, которая до завершения референдума о независимости не будет принимать участия в подготовке союзного договора[827].

Несмотря на положительный настрой создать единую хозяйственную базу, за несколько дней до подписания 18 октября договора об экономическом сообществе состоялась личная беседа Г. А. Явлинского и Б. Н. Ельцина, в которой от президента России был получен отказ кооперироваться с другими республиками для преодоления экономического кризиса: «Россия пойдет одна, она не может ждать». 5 ноября Г. Э. Бурбулис уведомил Явлинского, что Россия в экономической политике будет действовать самостоятельно. Тем самым российские власти были полны решимости свести к нулю все договорённости хозяйственного характера, выбив из-под предполагаемого Союза его экономическую составляющую[828].

Экономический ревизионизм российского руководства подпитывался укрепившейся сепаратистской позицией Б. Н. Ельцина, озвученной им 28 октября 1991 г. на пятом съезде народных депутатов РСФСР. Президент России заявил, что новые межреспубликанские органы в будущем объединении призваны играть исключительно консультативно-координирующую роль, а реальную власть должны осуществлять только республики[829]. В этой речи Б. Н. Ельцин также официально одобрил экономические идеи программы Гайдара-Бурбулиса: либерализация цен, сокращение дефицита бюджета, ужесточение денежного обращения[830].

Ранее президент России публично о стратегии преобразований не говорил, но после личной встречи с Е. Т. Гайдаром в конце октября решился на легализацию глубоких реформ в рамках «шоковой терапии». Тем самым Б. Н. Ельцин не только

---

[827] РГАНИ. Ф. 121. Оп.3. Д. 103. Л. 2-3, 63, 103-108.
[828] Явлинский Г. А. «История ничему не учит, но сурово наказывает». О последствиях подписания соглашений Беловежской пуще // yavlinsky.ru: сайт. URL: https://www.yavlinsky.ru/article/belovezhie/ (дата обращения: 31.03.2025).
[829] Пятый (Внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР 10-17 июля, 28 октября-2 ноября 1991 г.: Стенографический отчет. М., 1992. Т. 2. С. 7.
[830] Там же. С. 4-29.

отверг все компромиссы и официально взял на вооружение план реформирования советской федерации в качестве слабой и декоративной конфедерации, но и отказался от принципов экономического сообщества. Российское руководство продолжало упорно двигаться к хозяйственной и политической независимости.

Подобный расклад мотивировал сторонников Центра идти в ответное наступление. Так, на заседании Госсовета от 4 ноября 1991 г. М. С. Горбачев ярко отреагировал на факты промедления совместной работы над союзным договором. Президент СССР просил членов Госсовета как можно быстрее подписать союзное соглашение, ссылаясь на сложное социально-экономическое положение в стране и мнения лидеров Запада, заинтересованных в сохранении СССР. Тем не менее Горбачева прервал Б. Н. Ельцин с требованием придерживаться повестки дня. Советскому лидеру не удалось развязать политическую дискуссию и принудить стороны придерживаться его условий, что свидетельствовало о неспособности Горбачева отстаивать свою особую позицию по союзному договору[831].

Политическая слабость М. С. Горбачева проявилась на заседании Госсовета от 14 ноября 1991 г. В начале обсуждения Президент СССР убеждал глав республик, что необходимо создать союзное государство с гармоничными федеративными, конфедеративными и ассоциативными началами, а не союз государств. Однако ему возразил президент Казахстана Н. А. Назарбаев, обосновывая реальность исключительно конфедерации в существующих условиях. Б. Н. Ельцин поддержал Назарбаева и говорил об объединении республик в конфедерацию в рамках Союза государств. К мнению России и Казахстана присоединился лидер Белоруссии С. С. Шушкевич[832]. Горбачев обвинял стороны в нарушении прежних договорённостей и даже пытался ультимативно покинуть заседание, однако его уговорили вернуться. В итоге Президент СССР и лидеры республик нашли компромиссную форму «конфедеративного демократического государства»[833].

---

[831] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 109. Л. 2-33.
[832] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 114. Л. 13-16, 21-28.
[833] Там же. Л. 31-36, 64-75.

Между тем публичное отступление М. С. Горбачева было еще одним ударом по его авторитету, а концепция союзного государства с «дифференцированными федеративными связями» потерпела полный крах. Генсек под давлением поддержал предложения республиканских представителей о создании химерного «конфедеративного демократического государства». Далее стороны продолжили постатейно обсуждать союзный договор. Парафирование договора с учетом правок Госсовет назначил на 25 ноября.

Однако от парафирования договора отказался Б. Н. Ельцин на заседании Госсовета от 25 ноября 1991 г. Его поддержали все участники, кроме М. С. Горбачева. Лидеры республик аргументировали свое решение тем, что Верховные Советы могут не принять окончательный вариант договора. Поэтому предлагалось обсудить текст документа в республиканских парламентах, а только потом парафировать договор. Более того, Б. Н. Ельцин попытался дезавуировать формулу «конфедеративного демократического государства». Вместо нее он предлагал утвердить полнокровную конфедерацию демократических суверенных государств. Президент России объяснял потребность в изменении формулы тем, что с юридической точки зрения формулировка государственного устройства от 14 ноября неграмотна, так как конфедерация всегда является союзом государств, но не государством[834].

К тому же Б. Н. Ельцин просил до 1 декабря, когда на Украине завершится референдум о независимости, не принимать окончательного решения по договору. Фактор Украины для президента России был единственным, что сдерживал его от полной сепарации от Центра[835]. Он не мыслил нового объединения без второй по экономической развитости республики с близкородственным славянским населением.

В итоге стороны вновь пришли к компромиссу. Текст союзного договора направили в республики в виде согласованного постановления Госсовета о необходимости его рассмотрения парламентами, а также парафирования,

[834] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 122. Л. 2-21.
[835] Зубок В. М. Указ. соч. С. 502.

подписания и ратификации договора до конца года[836]. Формула конфедеративного демократического государства сохранилась в последнем проекте союзного договора, опубликованного 27 ноября 1991 г.[837].

После демарша руководителей Белоруссии и России решающее слово оставалось за Украиной. К 1 декабря население республики проголосовало за независимость государства, а Л. М. Кравчука избрали президентом страны. 2 декабря независимость Украины признал Б. Н. Ельцин. Новое руководство Украины также не было заинтересовано в согласовании союзного договора.

8 декабря 1991 г. главы России, Белоруссии и Украины подписали «Соглашение о создании Содружества независимых государств», признав, что Союз ССР прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность[838]. При этом в качестве обоснования роспуска СССР юридический советник российского президента С. М. Шахрай предложил сослаться на тот факт, что союзное государство расформировывают три славянские республики-учредители, подписавшие договор 1922 г. об образовании СССР, за исключением распавшейся к 1936 г. закавказской федерации[839]. Так, легитимация и легализация феномена союзного договора Центром в 1990 г. послужила лидерам республик для оправдания ликвидации СССР в 1991 г. В совместном заявлении лидеры констатировали, что переговоры о новом союзном договоре зашли в тупик, а процесс выхода республик из СССР и образование независимых государств стал объективной реальностью[840]. Фактически славянские республики на практике легализовали отброшенную демократами весной 1991 г. идею Содружества независимых государств (СНГ).

Надо отметить, что радикальная позиция руководства Украины во время Беловежских переговоров стала решающей в контексте отказа делегаций предметно обсуждать финальную версию союзного договора. Президент Украины

---

[836] РГАНИ. Ф. 121. Оп. 3. Д. 122. Л. 22-52.
[837] Договор о Союзе Суверенных Государств // Правда. 1991. № 277. С. 1-2.
[838] Распад СССР. Документы / Составитель А. В. Шубин. М., 2006. С. 261-262.
[839] Зубок В. М. Указ. соч. С. 522-523.
[840] Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. С. 450-451.

Л. М. Кравчук не был нацелен участвовать в обновлённом Союзе. Он оправдывал сепаратистскую линию референдумом, во время которого народ определил путь страны к полной независимости. Б. Н. Ельцин выступал за союз трех славянских государств и, возможно, Казахстана, но видя нежелание Кравчука присоединятся к России и республикам даже на конфедеративных началах, Президент РСФСР пошел на уступки в вопросах ослабления интеграционных механизмов будущего объединения. К тому же при обсуждении соглашения о создании СНГ по настоянию украинской делегации из наименования объединения исключались термины «союз» и «демократических», а вместо них утверждались понятия «содружество» и «независимых»[841].

К 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате к Содружеству присоединились остальные 8 республик, кроме Прибалтики и Грузии. В принятой государствами «Декларации в поддержку Соглашения о создании Содружества независимых государств» отмечалось, что: «… Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование»[842]. 25 декабря по телевидению выступил М. С. Горбачев. Он заявил, что с формированием СНГ он завершает свою работу на посту Президента СССР. Так подошла к трагичному финалу 70-летняя история Советского Союза.

Таким образом, процесс обновления союзного государства был реализован советским руководством крайне неудачно. В частности, идеологическое обоснование трансформации «унитарной сталинской модели» путем актуализации принципов «ленинской национальной политики» полностью провалилось. Попытка преодолеть несовершенство государственного устройства с помощью старых положений не решила поставленной проблемы, а только обострила национальные противоречия и критику «имперского» Центра. Осознание этого пришло слишком поздно, но следующий шаг оказался не менее спорным, поскольку М. С. Горбачев открыл процесс перезаключения союзного договора. Тем самым реформаторы поставили под сомнение легальность Советского Союза как

---

[841] Плохий С. Н. Указ. соч. С. 388-397.
[842] Есть содружество президентов. Будет ли содружество народов? Алма-Атинская декларация // Правда. 1991. № 299. С. 1-2.

геополитического образования, чем нанесли существенный урон легитимности союзной власти. Далее на фоне упадка в политико-экономической сфере и усиления национальной конфронтации, Центр прервал апелляцию к ленинским и коммунистическим нормам, взяв на вооружение более прагматичные концепции «дифференциации федеративных связей» и «автономизации» для обоснования сохранения единства СССР. В противовес стратегии Центра республиканские элиты выдвинули идею конфедеративного устройства. К тому же наиболее радикальные российские политики пытались убедить советский народ принять концепцию Содружества с декоративным интегральным механизмом. В итоге процесс обновления федеративных отношений вышел из-под контроля, а политический и экономический кризис обернулся крахом партийно-правительственных органов власти, в том числе полным отказом советских реформаторов от собственных концепций. Слабость Центра спровоцировала республиканские элиты сначала навязать М. С. Горбачеву конфедерацию, а после из-за более выгодных перспектив распустить Советский Союз и утвердить СНГ. Вместе с этим завершились реформы М. С. Горбачёва, которые не выполнила ни одной из поставленных ранее задач в рамках укрепления и модернизации страны. СССР был дезинтегрирован, экономика республик находилась в упадке, социалистическая идея потерпела крах, а на периферии бывшего Союза велись кровопролитные конфликты и процветала политическая нестабильность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая исследование идеологического обоснования реформ М. С. Горбачева, можно заключить, что партийно-правительственная риторика и официальная идеология сыграли важную роль в формировании представлений советского народа о проводимых властью преобразованиях, а также временно утвердили новую стратегическую линию КПСС в общественном сознании. В данном контексте представляется возможным выделить ряд наиболее значимых этапов в эволюции идеологического обоснования реформ в 1985-1991 гг.

Изначально советские преобразования легитимизировались в рамках коммунистической доктрины, формирующей вполне традиционные механизмы идеологического сопровождения реформаторского курса КПСС. В этих условиях сосредоточение на мобилизационных, директивных методах информационного обеспечения перемен в базисе и надстройке было закономерным. Однако консервативный характер официальной идеологии не обусловил полную ортодоксальность теоретической части реформ, содержавшей незначительные неортодоксальные идеи, которые пока не посягали на системообразующие устои социализма. Так, в 1985 г. каноничность и необходимость экономических реформ обосновалась в контексте компромиссной концепции ускорения, базировавшейся как на законах социалистической политической экономии, так и на отдельных рыночных компонентах.

В дальнейшем для трудовой, духовной мобилизации народа в повестку политики ускорения кооптировали тезис о «человеческом факторе». Этот тезис актуализировал психологическую перестройку сознания индивида в условиях совершенствования социализма и постулировал значимость творчества, самодеятельности масс под партийным руководством. Частое обращение к «человеческому фактору» обусловило выбор политического руководства в пользу определённых приёмов пропагандистского сопровождения реформ, а также гуманизацию политического дискурса. Так, реформаторы использовали опыт публичных кампаний, призывающих общество, избавиться от нравственных

пороков, чтобы вернуться к коммунистическим моральным нормам. В частности, таковой была антиалкогольная кампания, а также политические акции гласности, обличавшие условных «врагов перестройки» в лице представителей партийного и государственного аппарата за коррупцию, «мещанское мышление» и устаревшие методы управления. С помощью гласности политическое руководство продвигало идею углубления социалистической демократии, а заодно объясняло причины торможения реформ в игнорировании и саботировании бюрократами партийно-правительственного курса.

Впрочем, к 1986 г. практические результаты политики ускорения оказались спорны и во многом не решили изначальной цели по активизации энтузиазма масс, с помощью которого планировалось преодолеть кризисное состояние СССР. В связи с этим политическое руководство рассматривало альтернативные проекты реформирования советского общества. Так, в 1986-1987 гг. апробируется волюнтаристская концепция революционной перестройки для обоснования более масштабных перемен. Это концепция не ограничивалась задачей совершенствования социалистического строя и была призвана оправдать кардинальное переустройство общественной системы в контексте преодоления «механизма торможения». В рамках перестройки, вытеснившей к 1987 г. концепцию ускорения из официального дискурса, наравне с коммунистической риторикой будут применяться либеральные идеи, нарративы для проектирования радикального курса реформ. В частности, в январе 1987 г. вектор демократических преобразований переходил в партийно-государственную плоскость, открыв путь к полноценной политической реформе. Более того, в хозяйственной теории и практике получили развитие рыночные принципы при реализации радикальной экономической реформы в июне 1987 г.

Эта идеологическая несогласованность мимикрировалась апелляцией к ленинской теории, объяснявшей активное использование товарно-денежных отношений, хозрасчета, кооперации, а также реформу партии и введение альтернативных выборов как творческое развитие социалистической теории. Однако наиболее полная и системная интеграция коммунистических идеалов с

либеральной теорией произошла в ходе оформления в 1985-1987 гг. внешнеполитической концепции «нового мышления». В интерпретации политического руководства «новое мышление» творчески развивало старую советскую концепцию «мирного сосуществования». Отчасти это соответствовало истине, поскольку концепция имела некоторые ленинские черты в части идеалистического визионерства, мессианского содержания. Но по большей части положения «нового мышления» отрицали традиционный советский подход к внешней политике, поскольку вместо классовой борьбы, национальных интересов и революционного нарратива в приоритет у новой теории были поставлены противоречащие марксизму идеи: общечеловеческие ценности, конвергенция систем вместе с деидеологизацией международных отношений. Тем не менее новое мышление М. С. Горбачева оказалось успешным в пропагандистском смысле, поскольку смогло убедить в искренности советских инициатив мировую общественность, а внутреннюю аудиторию в необходимости и каноничности внешнеполитических изменений. В связи с этим советское руководство успешно оправдало смену внешнеполитического вектора: отход в международных отношениях от имперских притязаний в связке с серьёзными уступками западным странам.

Во внутренней политике, как и в формах ее идеологического обоснования, также произошли серьезные изменения. К примеру, в политической жизни после январского пленума ЦК КПСС 1987 г. утверждается исторический аспект в мероприятиях гласности. С помощью исторической гласности советское руководство во многом снимало с себя ответственность за очевидные неудачи реформ и перекладывало вину за современное кризисное положение на брежневских и сталинских руководителей. По этой причине политической атаке подверглись конкретные исторические деятели, целые периоды прошлого. Более того, одобренные партией общественные дискуссии, критические статьи должны были убедить массы в изначальной искаженности советских структур и справедливости радикальных реформ, призванных исправить социалистическую систему. В связи с этим в СМИ и социуме возобладали радикальные подходы к

интерпретации советской истории, что нанесло удар по монополии партии на обладание объективной истиной. Заодно пострадал фундамент советского общества – система политических мифов СССР.

В мероприятиях по десакрализации политических мифов в 1988-1990 гг. активное участие приняли СМИ и либеральная часть партии, общества в рамках созданной КПСС новой «исторической политики». В ходе осуществления данной политики в общественном сознании оказалась полностью дискредитирована сталинская политико-экономическая система. В свою очередь, радикальные реформы, направленные на трансформацию деформированного социалистического строя, были идеологически обоснованы властью с помощью концепции «истинного социализма», формирующей на основе реабилитации бухаринских и ленинских положений политический идеал общественного устройства. Но непродуманность, хаотичность «исторической политики», в том числе очевидная искусственность, косность и архаичность концепции «истинного социализма», спровоцировали ранее неактивные социальные силы оспорить идеологическое и политическое лидерство реформаторов. В 1988 г. официальная повестка вступила в противостояние как с силами, защищавшими национальные и ортодоксально-коммунистические символы, так и с либерально-демократическим «мятежным дискурсом», настаивавшим не только на разоблачении сталинизма и тоталитаризма, но и на отторжении социализма и ленинизма в целом. К 1990 г. этот неразрешимый мировоззренческий конфликт надломил идеологический фундамент политического режима и дискредитировал базовые коммунистические символы, что привело к разочарованию масс в советской системе.

Задачу по оформлению системной концепции политических реформ возложили на XIX Всесоюзную партийную конференцию в 1988 г. Концепцию разработали на основе теории конвергенции, поэтому она содержала взаимоисключающие друг друга ленинские и либеральные идеи. Придав ленинским, либеральным принципам практическое выражение и соответствующее идеологическое оформление в 1989-1990 гг., «архитекторы перестройки» нанесли непомерный ущерб партийно-советской системе, политическому авторитету

КПСС. Так, либерализация политической сферы и внедрение «буржуазных» идей в общественное сознание разрушали социалистические ориентиры советского общества, что создавало питательную почву для рецепции в идеологический дискурс радикальных концепций общественного устройства. В этих условиях побочным эффектом реформ стало образование политической оппозиции в лице демократов и коммунистов-консерваторов. Сторонники либеральных сил были наиболее организованы, а заодно публично дискредитировали официальную горбачевскую повестку, предлагая обществу очистить реформаторскую парадигму от социалистической фразеологии и двигаться в сторону западной общественной модели. Для удержания власти советские руководители частично солидаризировались с либеральной риторикой демократической оппозиции, чтобы оправдать углубление несоциалистических нововведений. В связи с этим коммунистические нарративы подверглись строгому ограничению. В конце концов, реформаторы своими действиями обрекли однопартийное государство на уничтожение, а процесс идеологического обоснования реформ на неизбежную трансформацию.

В экономической сфере в 1988-1990 гг. советское руководство стремительно двигалось к капиталистическому строю. В этом контексте при идеологическом обосновании хозяйственных реформ партийное руководство отвергло разработанные им же на основе теории конвергенции концепции «социалистического рынка», «социалистической конкуренции», «многообразия форм социалистической собственности» в пользу «буржуазной» модели «регулируемой рыночной экономики». В свою очередь, серьезному лимитированию подверглась актуализация ленинского и бухаринского рыночного наследия. В этих условиях в официальном дискурсе доминирующую позицию заняли либерально-рыночные экономические идеи. С помощью них реформаторы подготовили общественное сознание к радикальным преобразованиям. Можно заключить, что к концу 1990 г. реставрация капиталистической модели считалась перспективой не столь отдалённого будущего, а коммунистические идеалы сознательно нивелировались советским руководством ввиду неэффективности и

публичной дискредитации оных, а также их несовместимости с полноценным рыночным хозяйством.

Тотальные изменения в общественном строе и массовом сознании неизбежно ставили вопрос об актуальности коммунистической идеологии партии применительно к новым условиям политической жизни. Дело заключалось в том, что марксистские догмы никак не согласовывались с происходившими в обществе процессами. Налицо был отрыв теории от практики, что неминуемо усиливало идеологические противоречия в официальной повестке. По этой причине советское руководство в 1990 г. приняло решение разработать новую партийную программу, которая соответствовала бы текущей политической ситуации. Вначале подготовленные программные материалы были внутренне противоречивы и эклектичны. Попытка синтезировать с друг другом принципы социал-демократии и идеи марксистской теории делали новую партийную идеологию непоследовательной и неэффективной в деле обоснования несоциалистических реформ. Только к концу лета 1991 г. проект программы КПСС в доктринальном и идейно-политическом плане полностью привели в соответствие с социал-демократической традицией. У «архитекторов перестройки» получилось оформить системную идеологию, отказавшись от архаичной коммунистической фразеологии уже на программном уровне. К тому же с помощью новой доктрины партийное руководство планировало убедительно обосновать либерально-демократический вектор развития советского общества. Так или иначе по-настоящему испробовать инновационную идеологию на практике помешал августовский путч. По его итогам КПСС распустили, а к власти пришли антикоммунистические силы с подчёркнуто либеральной реформаторской концепцией.

Во время трансформации политической, экономической риторики реформаторов, в том числе программных положений КПСС идея обновления союзного государства также проходила сложную идеологическую эволюцию. В частности, базовый политический нарратив о трансформации «унитарной сталинской модели» путем актуализации норм «ленинской национальной политики» был постепенно дезавуирован партийным руководством. Центр

вынужденно отказался от ленинских идеалов и одобрил идею демократической оппозиции о перезаключении союзного договора, чтобы перестроить СССР заново на новых принципах. Обоснованием радикальной национальной политики должны были стать прагматичные и деидеологизированные концепции «дифференцированных федеративных связей» и «автономизации». Однако на фоне легитимации альтернативных концепций конфедерации и содружества у республиканских элит, а также неудач политической и экономической реформы Центр вряд ли мог добиться устраивающих его условий в переговорах с союзными республиками. Суверенным республикам оказалось невыгодно дальше продолжать участвовать в Союзе на федеративных началах, учитывая регресс хозяйства и политическую нестабильность, дополняемых особым положением центральной власти. Поэтому закономерно, что наиболее развитые субъекты, вроде России, Украины и Прибалтики, претендовали на аморфную конфедеративную форму в новом объединении или политическую независимость. Тем самым союзные силы не имели убедительных аргументов в пользу устраивающего их государственного проекта. К тому же после августовского путча Центр утратил часть политической власти и ради сохранения Союза отверг модель обновлённой федерации, поддержав формулу республик о создании «конфедеративного демократического государства». В итоге победила тенденция, ведущая к полному обособлению республик, а процесс переформатирования федеративных отношений обернулся роспуском СССР и утверждением СНГ со слабым интеграционным механизмом.

Итак, процесс идеологического обоснования реформ в 1985-1991 гг., изначально основанный на коммунистической теории и риторике, на всем своём протяжении был неоднозначен и полон противоречий. В частности, быстро обнаружились тенденции, ведущие к трансформации прежних форм идеологического обоснования в контексте усвоения неортодоксальных, либеральных моделей политико-экономического развития. Поначалу реформаторы пытались объяснить такую рецепцию при помощи актуализации ленинского наследия, что приводило к внутренней несогласованности, неубедительности концепций, построенных, по сути, на синкретичном фундаменте теории

конвергенции. В дальнейшем на официальном уровне произошёл отказ от традиционных идеологических установок и коммунистической фразеологии в пользу более перспективных деидеологизированных и оппозиционных концепций, нарративов, способных намного эффективнее оправдать либеральные изменения, а также точнее определить демократические контуры предполагаемого общественного строя.

К тому же большую роль в отходе от традиционных доктринальных принципов сыграла «историческая гласность», которая, выйдя из-под контроля партии, дискредитировала большую часть базовых советских мифов и символов в общественном сознании. Тем самым антисоциалистическая эволюция преобразований, провал актуализации ленинского наследия и теории конвергенции, а также фактор «исторической гласности» вынудили партийных руководителей по политическим и репутационным соображениям нивелировать в идеологическом дискурсе коммунистическую фразеологию и перейти к ревизионистским механизмам идеологического обоснования реформ.

Вместе с тем постоянная смена доктринальных установок, в том числе вынужденная солидаризация с идеями политической оппозиции, отталкивала от партийно-государственного руководства народные массы. Отсутствие идеологической стабильности, преемственности подорвало авторитет партийных лидеров. По этой причине советские граждане уже слабо верили в принципиальность, идейность и искренность реформаторов. Вместе с падением престижа, популярности правящих верхов неминуемо была утрачена и легитимность реформ. В связи с этим идеологические уточнения реформаторов образца 1990-1991 гг. уже не могли вернуть былую лояльность к проводимой политике. Упадок доверия в массах был слишком глубок и масштабен, чтобы решить его одними только идеологическими средствами. Это окно возможностей политическое руководство упустило, что подтвердили итоги августовских событий, а потом и Беловежской встречи.

В свою очередь, противоречия идеологического обоснования реформ были детерминированы, с одной стороны, поспешной реализацией непоследовательных

преобразований, а с другой стороны, по причине качественного перехода структурного кризиса в СССР в системный вид. Таким образом, взаимосвязь практических и теоретических провалов партийно-правительственной элиты предопределила крах как процесса легитимации проекта перестройки, так и идейно-политическое банкротство его архитекторов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Неопубликованные источники

1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. Р-5446 – Совет министров СССР.
2. Ф. 10063 – Яковлев Александр Николаевич, государственный, политический и общественный деятель СССР и России, академик РАН.
3. Ф. 10202 – Ясин Евгений Григорьевич государственный, общественный и научный деятель России, доктор экономических наук.

1.2. Международный фонд социально-экономических и политологических исследований имени М. С. Горбачева (АГФ)

4. Ф. 2 – А. С. Черняев.
5. Ф. 6. – В. Т. Логинов.

1.3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ)

6. Ф. 1 – Съезды Коммунистической партии Советского Союза XX-XXVIII созыва (1955-1991 гг.).
7. Ф. 2 – Пленумы ЦК КПСС (1941-1991 гг.).
8. Ф. 84 – Горбачев Михаил Сергеевич - Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР (р. 1931).
9. Ф. 89 – Коллекция копий документов, рассекреченных при выполнении тематических запросов в процессе научно-исследовательской работы (1920-1991 гг.).
10. Ф. 101 – Комиссии ЦК КПСС (1989-1991 гг.).
11. Ф. 104 – Смирнов Георгий Лукич – помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, директор ИМЛ при ЦК КПСС, академик АН СССР (1922-1999 гг.).
12. Ф. 121 – Президент СССР (1990–1991 гг.).

1.4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

13. Ф. 653 – Рыжков Николай Иванович (р. 1929 г.).

1.5. The National Security Archive

14. Заседание Политбюро ЦК КПСС об итогах встречи М. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике // National Security Archive: site. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/25720-12-zasedanie-politbyuro-ck-kpss-ob-itogakh-vstrechi-mgorbach (дата обращения: 23.03.2025).
15. Рабочая запись совещания секретарей ЦК КПСС, состоявшегося у Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, с обсуждением итогов мартовского Пленума ЦК КПСС // National Security Archive: site. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/25710-2-rabochaya-zapis-soveschaniya-sekretarey-ck-kpss-sostoyavsh (дата обращения: 23.02.2025).

1.6. Архив автора

16. Интервью с И. К. Полозковым – член Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК КП РСФСР в 1990-1991 гг. Москва. 2025. 6 октября.

2. Опубликованные источники

2.1. Нормативно-правовые акты

17. Есть содружество президентов. Будет ли содружество народов? Алма-Атинская декларация // Правда. 1991. — № 299. — С. 1-2.
18. Закон РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/992670/paragraph/11455:0 (дата обращения: 29.04.2025).

19. Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об индивидуальной трудовой деятельности» // Правда. — 1986. — № 325. — С. 1, 3.
20. Закон СССР от 1 декабря 1988 года № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1988. — № 49 (2487). — С. 727.
21. Закон СССР от 10 апреля 1990 г. № 1421-I «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335646/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).
22. Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6321206/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).
23. Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-I «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335703/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).
24. Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/4094587/paragraph/10400:0 (дата обращения: 29.04.2025).
25. Закон СССР от 3 апреля 1990 г № 1409-I «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум.

Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/6335629/paragraph/1/ (дата обращения: 29.04.2025).

26. Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии(объединении)» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3962017/paragraph/9574:0 (дата обращения: 29.04.2025).
27. Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-I «О предприятиях в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/1549447/paragraph/1/ (дата обращения: 29.05.2025).
28. Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-I «О собственности в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/5171153/paragraph/9154:0 (дата обращения: 29.04.2025).
29. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М.: Юридическая литература, 1987. — С. 7–8.
30. Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике: 19 октября 1990 г. // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/b/osnovnye-napravleniia-stabi-bff3f7?page=1 (дата обращения: 28.03.2025).
31. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик от 28 февраля 1990 года № 1251-I «О земле» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/5226801/paragraph/9191:0 (дата обращения: 29.05.2025).

32. Основы законодательства СССР от 23 ноября 1989 г. № 810-I «Об аренде» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3960875/paragraph/9019:0 (дата обращения: 29.04.2025).
33. Постановление Совмина СССР от 5 февраля 1987 № 162 «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления» // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: https://bigenc.ru/b/o-sozdanii-kooperativov-po-dd71ea (дата обращения: 27.03.2025).
34. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1989 г. № 10277-XI «Об аренде и арендных отношениях в СССР» [Электронный ресурс]. — Доступ из системы ГАРАНТ // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». URL: https://garant.online-sps.ru/#/document/3975446/paragraph/844:0 (дата обращения: 29.04.2025).

2.2. Документы КПСС

35. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. — Москва: Политиздат, 1988. — Т. 1. — 352 с.
36. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г.: Стенографический отчет: в 2 т. — Москва: Политиздат, 1988. — Т. 2. — 399 с.
37. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2-13 июля 1990 г.: Стенографический отчет. — Москва: Политиздат, 1991. — Т. 1. — 639 с.
38. Записка т. Горбачева М. С. о недопустимости искажения фактического положения дел в сообщениях и информациях, поступающих в ЦК КПСС и другие руководящие органы // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 2. — С. 40-41.
39. К гуманному, демократическому социализму (Программное заявление XXVIII съезда КПСС) // Правда. — 1990. — № 178. — С. 1-2.

40. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1988). Т. 15. 1985–1988. — 9-е изд., доп. и испр. — Москва: Политиздат, 1989. — 671 с.
41. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня-1 июля 1988 г. — Москва: Политиздат, 1988. — 159 с.
42. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — Москва: Политиздат, 1986. — 352 с.
43. Материалы XXVIII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. — Москва: Политиздат, 1990. — 207 с.
44. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. — Москва: Политиздат, 1985. — 31 с.
45. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27-28 января 1987 г. — Москва: Политиздат, 1987. — 94 с.
46. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25-26 июня 1987 г. — Москва: Политиздат, 1987. — 112 с.
47. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 17-18 февраля 1988 г. — Москва: Политиздат, 1988. — 77 с.
48. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 29 июля 1988 г. — Москва: Политиздат, 1988 — 48 с.
49. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 января 1989 г. — Москва: Политиздат, 1989. — 31 с.
50. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15-16 марта 1989 г. — Москва: Политиздат, 1989. — 176 с.
51. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 25 апреля 1989 г. — Москва: Политиздат, 1989. — 127 с.
52. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. — Москва: Политиздат, 1989. — 255 с.
53. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 9 декабря 1989 г. — Москва: Политиздат, 1989. — 48 с.

54. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 5-7 февраля 1990 г. — Москва: Политиздат, 1990. — 384 с.
55. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. — Москва: Политиздат, 1990. — 208 с.
56. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 8-9 октября 1990 г. — Москва: Политиздат, 1990. — 206 с.
57. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10-11 декабря 1990 г. — Москва: Политиздат, 1991. — 96 с.
58. Материалы Учредительного съезда Коммунистической партии РСФСР 19-23 июня, 4-6 сентября июня 1990. — Москва: Политиздат, 1990. — 156 с.
59. О концепции новой Программы КПСС // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 2. — С. 17-22.
60. Обращение Инициативного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС и основные доклады, 21-22 апреля 1990. — Ленинград: б. и., 1990. — 61 с.
61. Пленум ЦК КПСС, октябрь 1987 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 2. — С. 239-286.
62. Программа Коммунистической партии Советского Союза. — Москва: Госполитиздат, 1961. — 144 с.
63. Программа КПСС (план-схема) // Известия ЦК КПСС. — 1991. — № 4. — С. 13-16.
64. Программа КПСС «Социализм, демократия, прогресс» // Правда. — 1991. — № 189. — С. 1-4.
65. Проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии (с предложениями редакционной комиссии пленума) // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3. — С. 95-115.
66. Проект Программы КПСС «Социализм, демократия, прогресс» // Независимая газета. — 1991. — № 86. — С. 2.

67. Резолюции Инициативного съезда Российской коммунистической партии в составе КПСС (I этап, 21-22 апреля 1990 года). — Ленинград: б.и., 1990. — 16 с.
68. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. — Москва: Политиздат, 1968-1988. Т. 16. Ч. 2: февраль-декабрь 1986 г. — Москва: Политиздат, 1988. — 558 с.
69. Справочник партийного работника, выпуск 27. — Москва: Политиздат, 1987. — 687 с.
70. Тезисы Центрального комитета КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции // Правда. — 1988. — № 148. — С. 1-2.

2.3. Материалы государственных учреждений

71. Внеочередная двенадцатая сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 28 ноября-1 декабря 1988 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет, 1988. — 251 с.
72. Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР, 12-15 марта 1990 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1990. — Т. 3. — 336 с.
73. Второй (внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР, 27 ноября-15 декабря 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. — Москва: Республика, 1991. — Т. 4 — 399 с.
74. Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1990. — Т. 1. — 640 с.
75. Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1990. — Т. 2. — 687 с.

76. Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1990. — Т. 3. — 573 с.
77. Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1990. — Т. 4. — 617 с.
78. Договор о Союзе Суверенных Государств // Правда. — 1991. — № 195. — С. 2.
79. Договор о Союзе Суверенных Государств // Правда. — 1991. — № 277. — С. 1-2.
80. Девятая Сессия Верховного Совета СССР (одиннадцатый созыв), 24-26 мая 1988 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1988. — 470 с.
81. Заявление Советского правительства // Правда. — 1986. — № 353. — С. 1.
82. Из постановления пленума Верховного суда СССР // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 1. — С. 120.
83. Первая сессия Верховного Совета СССР // Правда. — 1989. — № 216. — С. 1.
84. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. — Москва: Республика, 1992. — Т. 1. — 639 с.
85. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. — Москва: Республика, 1992. — Т. 2. — 640 с.
86. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. — Москва: Республика, 1992. — Т. 3. — 575 с.
87. Первый съезд народных депутатов РСФСР, 16 мая-22 июня 1990 г.: Стенографический отчет: в 6 т. — Москва: Республика, 1993. — Т. 5. — 608 с.
88. Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая-9 июня 1989 г. Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1989. — Т. 1. — 574 с.

89. Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая-9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1989. — Т. 2. — 479 с.
90. Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая-9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1989. — Т. 3. — 448 с.
91. Пятый (внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР, 10-17 июля, 28 октября-2 ноября 1991 г.: Стенографический отчет. — Москва: Республика, 1992. — Т. 2. — 590 с.
92. Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1991. — Т. 1. — 615 с.
93. Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 декабря 1990 г.: Стенографический отчет — Москва: изд. Верховный Совет СССР, 1991. — Т. 3. — 399 с.

2.4. Документы демократических партий РСФСР

94. Декларация конструктивно-демократического блока «Народное единство»// Путь. — 1991.— № 4. — С. 5.
95. Заявление о блоке «Союз ради прогресса» // Гражданское достоинство. — 1991. — № 4. — С. 9.
96. Материалы III съезда Социал-демократической партии Российской Федерации // Информационный внутрипартийный бюллетень: Новости социал-демократии. — 1991. — № 19. — С. 6-7.
97. Политическая резолюция второго съезда партии конституционно-демократической // Гражданское достоинство. — 1991. — № 2. — С. 9.
98. Рекомендации совместного совещания Пленума правления СДПР и Координационного Совета РПРФ // Информационный внутрипартийный бюллетень: Новости социал-демократии. — 1991. — № 8. — С. 1.

99. Российская хартия-91 // Информационная бюллетень Демократическая Россия. — 1991. — № 10. — С. 2.

100. Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. — Москва: РАУ-ПРЕСС, 1991. — Кн. 3. — 188 с.

101. Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы: сборник документов и материалов в 10 книгах. — Москва: РАУ-ПРЕСС, 1991. — Кн. 4. — 184 с.

102. Совместная декларация политических партий, организаций и движений – участников Демократического конгресса // Информационный бюллетень. Движение «Демократическая Россия». — 1991. — № 5. — С. 3.

2.5. Произведения, выступления и встречи партийных деятелей

103. Беседа М. С. Горбачева с группой деятелей мировой культуры // Советская Культура. — 1986. — № 126. — С. 1.

104. Власов А. В. Опирайтесь на опыт масс /А. В. Власов // Правда. — 1989. — № 83. — С. 2.

105. Выступление М. С. Горбачева по французскому телевидению // Правда. — 1985. — № 275. — С. 1-2.

106. Горбачев М. С. Быстрее перестраиваться, действовать по-новому // gorby.ru: сайт. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/chronicle_1986_04_6.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

107. Горбачев М. С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюз. научн.-практ. конф. «Совершенствование развитого социализма и идеолог. работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС», 10 дек. 1984 г. / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1984. — 47 с.

108. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1987. — Т. 2. — 510 с.

109. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1987. — Т. 3. — 511 с.

110. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1987. — Т. 4. — 511 с.

111. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1988. — Т. 5. — 576 с.

112. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1990. — Т. 7. — 624 с.

113. Горбачев М. С. К новому видению социального прогресса / М. С. Горбачев // Правда. — 1991. — № 15. — С. 1, 3.

114. Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещ. в ЦК КПСС по вопросам ускорения научн.-техн. прогресса, 11 июня 1985 г. / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1985. — 32 с.

115. Горбачев М. С. О проекте новой Программы КПСС / М. С. Горбачев // Правда. — 1991. — № 178. — С. 1-2.

116. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжеств. Заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвящ. 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском дворце съездов, 2 ноября 1987 г. / Михаил Сергеевич Горбачев. — Москва: Политиздат, 1987. — 62 с.

117. Горбачев М. С. Ответить на вопросы, волнующие общество / М. С. Горбачев // Правда. — 1991. — № 158. — С. 1-2.

118. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1988. — 271 с.

119. Горбачев М. С. Перестройка неотложна. Она касается всех и во всем: сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 г. / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1986. — 95 с.

120. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем / М. С. Горбачев. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Горбачев-Фонд, 2002. — 329 с.

121. Горбачев М. С. Революционной перестройке – идеологию обновления: речь на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 г.; Постановление Пленума ЦК КПСС / М. С. Горбачев. — Москва: Политиздат, 1988. — 48 с.

122. Горбачев М. С. Углубить перестройку, прибавить в работе: Сборник материалов о поездке М. С. Горбачева на Кубань и Ставрополье, 17-19 сентября 1986 г. — Москва: Политиздат, 1986. — 64 с.

123. Зайков Л. Н. Настойчиво бороться за победу перестройки / Л. Н. Зайков // Правда. — 1989. — № 70. — С. 2.

124. Заявление генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева // Правда. — 1985. — № 211. — С. 1.

125. Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Москва: Политическая литература, 1974. — Т. 35. — С. 195-205.

126. Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Москва: Политическая литература, 1968. — Т. 17. — С. 15-26.

127. Ленин В. И. О Кооперации // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. — 5-е изд. — Москва: Политическая литература, 1970. — Т. 45. — С. 369-377.

128. Лигачев Е. К. Избранные речи и статьи / Е. К. Лигачев. — Москва: Политиздат, 1989. — 317 с.

129. Лигачев Е. К. Курсом Октября, в духе революционного творчества / Е. К. Лигачев // Правда. — 1986. — № 311. — С. 1-2.

130. Похороны Константина Устиновича Черненко. Речь М. С. Горбачева // Правда. — 1985. — № 73. — С. 1.

131. Рабочая запись беседы М. С. Горбачёва с секретарями областных комитетов партии 16 октября 1985 г. // Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 3. — С. 34-36.

132. Советско-американская встреча на высшем уровне, Женева, 19-21 ноября 1985 г.: Документы и материалы. — Москва: Политиздат, 1985. — 79 с.

133. Советско-американская встреча на высшем уровне, Москва, 29 мая-2 июня 1988 г.: Документы и материалы. — Москва: Политиздат, 1988. — 137 с.

134. Троцкий Л. Д. Преданная революция / Л. Д. Троцкий. — Москва: НИИ культуры, 1991. — 254 с.

135. Чебриков В. М. Под знаменем Октября – к новым рубежам совершенствования социализма / В. М. Чебриков // Правда. — 1985. — № 311. — С. 1-2.

136. Щербицкий В. В. Больше весомых практических дел / В. В. Щербицкий // Правда. — 1989. — № 63. — С. 2.

137. Яковлев А. Н. Главное – практические дела и результаты // Реализм – земля перестройки: Избранные выступления и статьи / А. Н. Яковлев. — Москва: Политиздат, 1990. — С. 186-199.

138. Яковлев А. Н. Работать по совести, жить честно / А. Н. Яковлев // Правда. — 1989. — № 59. — С. 2

2.6. Документы общественных организаций

139. Восьмой съезд писателей СССР, 24-28 июня 1986 г.: Стенографический отчет. — Москва: Советский писатель, 1988. — 512 с.

140. Пятый съезд кинематографистов СССР, 13-15 мая 1986. Стенографический отчет. — Москва: Союз кинематографистов СССР, 1987. — 315 с.

141. Четвертый Всесоюзный съезд колхозников, 23-25 марта 1988 г.: Стенографический отчет. — Москва: Агропромиздат, 1988. — 399 с.

2.7. Публицистика

142. Аганбегян А. Г. Советская экономика – взгляд в будущее / А. Г. Аганбегян. — Москва: Экономика, 1988. — 254 с.

143. Адамович А. Оглянись окрест / А. Адамович // Огонек. — 1988. — № 39. — С. 28-30.

144. Аксючиц В. Национальное и идеологическое / В. Аксючиц // Путь. — 1991. — № 1. — С. 2.

145. Акуличев А., Памятных, А. Катынь: подтвердить или опровергнуть / А. Акуличев, А. Памятных // Московские новости. — 1989. — № 21. — С. 1.

146. Амлинский В. «На заброшенных гробницах…» / В. Амлинский // Юность. — 1988. — № 3. — С. 50-61.

147. Андреева Н. А. Не могу поступаться принципами / Н. А. Андреева // Советская Россия. — 1988. — № 60. — С. 3.

148. Анинский А. Отцы и сыны / А. Анинский // Октябрь. — 1987. — № 10. — С. 185-192.

149. Артемов А. Что сулит нам «дезинтеграция империи», или несколько слов о лозунге «Содружества суверенных государств» / А. Артемов // Путь. — 1991. — № 5. — С. 5.

150. Афанасьев Ю. Н. Ответы историка / Ю. Н. Афанасьев // Правда. — 1988. — № 208. — С. 3.

151. Афанасьев Ю. Н. Перестройка и историческое знание / Ю. Н. Афанасьев // Литературная Россия. — 1988. — № 24. — С. 2-3, 8-9.

152. Афанасьев Ю. Н. С позиций правды и реализма / беседовала Т. Меньшикова // Советская культура. — 1987. — № 35. — С. 3.

153. Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать. Политическая публицистика времен перестройки / Ю. Н. Афанасьев. — Москва: ПИК, 1991. — 394 с.

154. Баранов В. Правда Ленина, правда жизни / В. Баранов // Правда. — 1989. — № 345. — С. 2.

155. Белтов Э. Вины без боли не бывает / Э. Белтов // Литературная газета — 1987. — № 52. — С. 13.

156. Бжезинский З. Распад СССР / З. Бжезинский // Господин народ. — 1991. — № 2. — С. 15.

157. Больше социализма! // Огонек. — 1988. — № 12. — С. 4-5, 18-20.

158. Бордюгов Г. А., Козлов В. А. Николай Бухарин: эпизоды политической биографии // История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г. А. Бордюгов, В. А. Козлов. — Москва: Политиздат, 1992. — 352 с.

159. Борисов Ю. Человек и символ / Ю. Борисов // Наука и жизнь. — 1987. — № 9. — С. 62-64.

160. Бутенко А. Неотчуждаемый суверенитет / А. Бутенко // Правда. — 1990. — № 274. — С. 2.

161. Венгеров А. Заслон вождизму / А. Венгеров // Огонек. — 1988. — № 23. — С. 14-15.

162. Владова Н., Рабкина Н. Собственность и рынок / Н. Владова, Н. Рабкина // Вопросы экономики. — 1988. — № 10. — С. 76-86.

163. Волков Г. Хмурое утро? Размышление над письмами читателей о новом облике социализма / Г. Волков // Правда. — 1990. — № 3. — С. 4.

164. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волкогонов // Октябрь. — 1988. — № 10. — С. 3-55.

165. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина / Д. А. Волкогонов // Октябрь. — 1988. — № 11. — С. 16-129.

166. Волобуев П. Великий Октябрь и исторические судьбы нашей родины / П. Волобуев // Правда. —1987. — № 86. — С. 2.

167. Вормсбехер Г. Немцы в СССР / Г. Вормсбехер // Знамя. — 1988. — № 11.

168. Воскресенский Л. На пути к социалистическому рынку / Л. Воскресенский // Московские новости. — 1986. — № 48. — С. 193-204.

169. Гефтер М. Я. «Сталин умер вчера…» / беседовал Г. Павловский // Рабочий класс и современный мир. — 1988. — № 1. — С. 113-129.

170. Гласность: насущные вопросы и необходимые ответы: сборник / сост. А. М. Мещерский. — М.: Политиздат, 1989. — 430 с.

171. Горбачев В. Перестройка и подстройка / В. Горбачев // Молодая гвардия. — 1987. — № 7. — С. 220-248.

172. Громыко А. А., Ломейко, В. Б. Новое мышление в ядерный век / А. А. Громыко, В. Б. Ломейко. — М.: Международные отношения, 1984. — 292 с.

173. Данилов В. П. Письма в редакцию. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. и «демографической катастрофе» 30-40-х годов в СССР / В. П. Данилов // Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 116-121.

174. Дедков И., Лацис О. Путь выбран / И. Дедков, О. Лацис // Правда. — 1988. — № 213. — С. 3.

175. Демократия и инициативность // Правда. — 1987. — № 361. — С. 1.

176. Жарников А. Какой нам нужен договор / А. Жарников // Правда. — 1990. — № 80. — С. 3.

177. Залкинд А. Осторожнее с догмами! / А. Залкинд // Молодая гвардия. — 1988. — № 12. — С. 250-251.

178. Занин В. Не впадая в нигилизм / В. Занин // Правда. — 1990. — № 181. — С. 3.

179. Заславская Т. И. О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии // Избранные произведения. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии / Т. И. Заславская. — Москва: Экономика, 2007. — Т. 2. — С. 12-19.

180. Ильин А. Восстанавливая ленинскую концепцию партии / А. Ильин // Правда. — 1989. — № 2. — С. 2.

181. Ильин А. Громаду лет прорвав… / А. Ильин // Правда. — 1988. — № 340. — С. 4.

182. Ильин А., Ястребцов Г. Демократия и контроль / А. Ильин., Г. Ястребцов // Правда. — 1988. — № 134. — С. 4.

183. Ихлов Е. Неандертальцы мы / Е. Ихлов // Гражданское достоинство. — 1990. — № 10. — С. 2.

184. Ихлов Е. Почему сегодня надо быть радикалом / Е. Ихлов // Гражданское достоинство. — 1991. — № 6. — С. 8.

185. Капто А. С. Силой примера, силой убеждения / А. С. Капто // Правда. — 1989. — № 51. — С. 2.

186. Ковальская Г. Острые углы «Круглого стола» / Г. Ковальська // Демократическая Россия. — 1991. — № 4. — С. 8.

187. Кожинов В. В. Правда и истина / В. В. Кожинов // Наш современник. — 1988. — № 4. — С. 160-175.

188. Коэн С. Бухарин, НЭП и альтернатива сталинизму / С. Коэн // Экономика и организация промышленного производства. — 1988. — № 9. — С. 156-167.

189. Кудрявцев В. Н. Декларации о суверенитете и Союзный договор / В. Н. Кудрявцев // Правда. — 1990. — № 213. — С. 3-4.

190. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Наука, 1986. — 448 с.

191. Кудрявцев В. Н., Лукашева Е. А. На пути к социалистическому правовому государству // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют: сборник статей; сост. Ю. М. Батурин. — Москва: Прогресс, 1989. — 349 с.

192. Кузнецов П. Вопросы историку / П. Кузнецов // Правда. — 1988. — № 177. — С. 3.

193. Курашвили Б. П. Государственное управление народным хозяйством: перспективы развития / Б. П. Курашвили // Советское государство и право. — 1982. — № 6. — С. 38-48.

194. Лацис О. Перелом / О. Лацис // Знамя. — 1988. — № 6. — С. 193-204.

195. Матвеец Г. Не в нем одно дело / Г. Матвеец // Молодая гвардия. — 1988. — № 12. — С. 240-244.

196. Михайленко Н. Каков он был ленинский НЭП? / Н. Михайленко // Свободное слово. — 1990. — № 11. — С. 1, 3.

197. Наумов В. НЭП: Суть. Опыт. Уроки / беседовал Л. Курин // Правда. — 1988. — № 197. — С. 4-5, 18-20.

198. Наумов В. П. Ленинское завещание / беседовал Л. Курин // Правда. — 1988. — № 57. — С. 3-4.

199. Нестеров М. О Ленине и не только о нем / М. Нестеров // Свободное слово. — 1989. — № 27. — С. 1-2.

200. Новиков А. И. Классовый подход и новое мышление / А. И. Новиков. — Ленинград: Лениздат, 1988. — 173 с.

201. Новодворская В. И. Почему ДС против культа Ленина и ленинизма / В. И. Новодворская // Свободное слово. — 1988. — № 3. — С. 2-4.

202. Новый союзный договор: поиски решений: Сборник статей / ответственный редактор Лазарев Б. М. — Москва: ИГПАН, 1990. — 128 с.

203. Оников Л. А. Ленинский принцип жизни партии / Л. А. Оников // Правда. — 1989. — № 69. — С. 3.

204. Оников Л. А. Почему отстает авангард / Л. А. Оников // Правда. —1989. — № 191. — С. 2.

205. Орлов-Римин Н. О ленинизме в свете общечеловеческой морали / Н. Орлов-Римин // Свободное слово. — 1990. — № 5. — С. 3.

206. Осипов А. Уметь скрыть правду, или с коммунистическим приветом Ленин / А. Осипов // Свободное слово. — 1989. — № 14. — С. 2.

207. Основные этапы развития советского общества. «Круглый стол» журнала «Коммунист» // Коммунист. — 1987. — № 12. — С. 74-78.

208. Парфенов Ф. Живой труп, или Могила Ленина – колыбель человечества / Ф. Парфенов // Свободное слово. — 1990. — № 12. — С. 1.

209. Перестройка управления экономикой: проблемы, перспективы / Л. И. Абалкин, Н. Я. Петраков, Е. Г. Ясин и др.; отв. редактор Н. П. Федоренко и др.; сост. Ф. Г. Гурвич. — Москва: Экономика, 1989. — 351 с.

210. Попов Г. Х. С точки зрения экономиста / Г. Х. Попов // Наука и жизнь. — 1987. — № 4. — С. 54-56.

211. Празаускас А. Диктатура аппарата? / А. Празаускас // Господин Народ. — 1991. — № 3. — С. 7.

212. Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда. — 1988. — № 96. — С. 2.

213. С точки зрения маршала Жукова // Московские новости. — 1988. — № 19. — С. 9.

214. Самсонов А. М. Смотреть правде в глаза / А. М. Самсонов // Московские новости. — 1987. — № 18. — С. 9

215. Селюнин В. И. Реванш бюрократии // Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему: сборник статей / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. — Москва: Прогресс, 1988. — С. 205.

216. Селюнин В. Истоки / В. Селюнин // Новый мир. — 1988. — № 5. — С. 162-189.

217. Смирнов Г. Л. Революционная суть обновления / Г.Л. Смирнов // Правда. — 1987. — № 72. — С. 2-3.

218. Советы в условиях реформы политической системы: сборник статей / Редкол.: Е. И. Кореневская и др. — Москва: ИГПАН, 1989. — 119 с.

219. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации / ред. и сост. Э. А. Чиркин — Москва: Юрид. литература, 1990. — 318 с.

220. Старовойтова Г. В. Все доброе живо в русском народе // 10 лет без права передышки: статьи / Г. В. Старовойтова. — Санкт-Петербург: б.и., 1999. — С. 19-22.

221. Старцев В. Мы – с Лениным / В. Старцев // Правда. — 1990. — № 93. — С. 4

222. Струмилин С. Г. О социалистическом соревновании // Избранные произведения: в 5 т. / С. Г. Струмилин. — Москва: Наука, 1964. — Т. 4: Очерки социалистической экономики СССР. — С. 46.

223. Суханов А. Является ли СССР суверенным государством / А. Суханов // Гражданское Достоинство. — 1990. — № 1. — С. 2.

224. Тадевосян Э. Ленин, федерализм и наше время / Э. Тадевосян // Коммунист. — 1990. — № 6. — С. 15-23.

225. Тихиня В. Г. Проблемы формирования социалистического правового государства // Электронная библиотека БГУ: сайт. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/265785?ysclid=m8qas7t1k677718296 (дата обращения: 26.03.2025)

226. Тишков В. Тупики национальной государственности / В. Тишков // Правда. — 1990. — № 247. — С. 3.

227. Травкин Н. И. Почему мы не вошли в «Демократический конгресс» / Н. И. Травкин / Демократическая газета. — 1991. — № 1. — С. 2.

228. Тулупов А. Куда повернут русские? / А. Тулупов // Гражданское Достоинство. — 1990. — № 11. — С. 5

229. Через тернии: Пролог. Что дальше?: сборник статей / составитель А. А. Протащик. — Москва: Прогресс, 1990. — 792 с.

230. Шатров М., Коэн, С. Вернуться, чтобы идти вперед / М. Шатров, С. Коэн // Московские новости. — 1987. — № 24. — С. 9.

231. Шелестов Д. Продвижение к правде / беседовал К. Елютин // Огонек. — 1987. — № 47. — С. 2-4.

232. Шишов А. Опасность слева / А. Шишов // Демократическая газета. — 1991. — № 6. — С. 3.

233. Шмелев Г. И. «Не сметь командовать!» / Г. И. Шмелев // Октябрь. — 1988. — № 2. — С. 3-27.

234. Явлинский Г. А. Переход к рынку. Концепция программы (экономическая программа «500 дней») / Г. А. Явлинский, М. М. Задорнов, А. Ю. Михайлов, Н. Я. Петраков, Б. Г. Фёдоров, С. С. Шаталин, Т. В. Ярыгин и др. — Москва: ЭПИцентр, 1990. — 430 с.

235. Яковлев Е. В. Гласность, демократия, ответственность / Е. В. Яковлев // Московские новости. — 1987. — № 8. — С. 8.

2.8. Периодическая печать

236. Вопросы истории. Орган печати Института истории АН СССР. № 1-12 за 1988 г.

237. Вопросы экономики. Орган печати Института экономики АН СССР. № 1-12 за 1988 г.

238. Господин народ. Орган печати РПРФ. № 1-2 за 1990 г. № 2-16 за 1991 г.

239. Гражданское достоинство. Орган печати ПКД. № 1-26 за 1990 г. № 1-13 за 1991 г.

240. Демократическая газета. Орган печати ДПР. № 1-3 за 1990 г. № 1-27 за 1991 г.

241. Демократическая Россия. Орган печати ДПР. № 1-6 за 1990 г. Орган печати общественного движения «Демократическая Россия». № 1-35 за 1991 г.

242. Знамя. Орган печати Союза писателей СССР. № 1-12 за 1987-1990 гг.

243. Известия ЦК КПСС. Орган печати КПСС. № 1-12 за 1989-1990 гг. № 1-8 1991 г.

244. Информационная бюллетень Демократическая Россия. Орган печати общественного движения «Демократическая Россия». № 1-14 за 1991 г.

245. Информационный внутрипартийный бюллетень: Новости социал-демократии. Орган печати СДПР. № 1-5 за 1990 г. № 6-20, 23 1991 г.

246. Коммунист. Орган печати КПСС. № 1-18 за 1987-1990 гг.

247. Литературная газета. Орган печати Союза писателей СССР. № 52 за 1987 г.

248. Литературная Россия. Орган печати Союза писателей РСФСР. № 24 за 1988 г.

249. Молодая гвардия. Орган печати ВЛКСМ. № 1-12 за 1987-1990 гг.

250. Московские новости. Орган печати Агентства печати «Новости». № 1-52 за 1986-1990 гг.

251. Наука и жизнь. Орган печати Всесоюзного общества «Знание». № 1-12 за 1987 г.

252. Наш современник. Орган печати Союза писателей СССР. № 1-12 за 1987-1990 гг.

253. Независимая газета. Орган печати Московского городского Совета народных депутатов. № 86 за 1991 г.

254. Новый мир. Орган печати Союза писателей СССР. № 1-12 за 1988-1990 гг.

255. Огонек. Орган печати издательства «Правда». № 1-52 за 1986-1990 гг.

256. Октябрь. Орган печати Союза писателей РСФСР. № 1-12 за 1987-1990 гг.

257. Правда. Орган печати КПСС. № 1-365 за 1985-1987 гг., 1989-1990 гг. № 1-366 за 1988 г. № 1-306 за 1991 г.

258. Путь. Орган печати РХХД. № 1-2 за 1990 г. № 1-10 за 1991 г.

259. Рабочий класс и современный мир. Орган печати Института международного рабочего движения АН СССР. № 1-6 за 1988 г.

260. Свободное слово. Орган печати московской организации Демократического Союза. № 1-6 за 1988 г. № 1-30 за 1989 г. № 1-48 за 1990 г.

261. Советская культура. Орган печати КПСС. № 1-156 за 1986-1987 гг.

262. Советская Россия. Орган печати КПСС, Верховного Совета и Совета министров РСФСР. № 60 за 1988 г.

263. Советское государство и право. Орган печати Института государства и права АН СССР. № 6 за 1982 г.

264. Юность. Орган печати Союза писателей СССР. № 1-12 за 1988 г.

2.9. Опубликованные документы

265. Александр Яковлев. Перестройка: 1985-1991: неизданное, малоизвестное, забытое / сост. А. А. Яковлев. — Москва: МФД, 2008. — 872 с.

266. Горбачев М. С. Годы трудных решений: [Избранное. 1985-1992 гг.] / М. С. Горбачев. — Москва: Альфа Принт, 1993. — 351 с.

267. Загладин В. В. Хроника перестройки. Хроника внешнеполитических событий в СССР 1985 г. // Горбачев-фонд: официальный сайт. URL: https://www.gorby.ru/archival/expocenter/vneshpolitika/show_29322 / (дата обращения: 23.03.2025).

268. Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. С. Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам / Горбачев-Фонд. — Москва: Весь мир, 2010. — 944 с.

269. Распад СССР. Документы / Составитель А. В. Шубин. — Москва: ИВИ РАН, 2006. — 286 с.

270. Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. — 2-е изд., перераб. и доп.; под общей редакцией В. Т. Логинова. — Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. — 525 с.

2.10. Источники личного происхождения

271. Абалкин Л. И. Зигзаги судьбы: Разочарования и надежды / Л. И. Абалкин. — Москва: Институт экономики РАН, 1996. — 289 с.

272. Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве / Л. И. Абалкин. — Москва: Политиздат, 1991. — 304 с.

273. Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева / В. И. Болдина. — Москва: Республика, 1995. — 445 с.

274. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке / К. Н. Брутенц. — Москва: Международные отношения, 2005. — 652 с.

275. В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / [А. Черняев и др.]. — 2-е изд. — Москва: Горбачев-Фонд, 2008. — 800 с.

276. Волин Д. Автор забытой радикальной экономической реформы в СССР. К 90-летию Вадима Медведева // ТАСС: информационное агентство России: сайт. URL: https://tass.ru/politika/6273402?ysclid=m2xjrmd71373396115 (дата обращения 19.03.2025).

277. Воротников В. И. А это было так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. / В. И. Воротников. — Москва: Центрполиграф, 2020. — 591 с.

278. Воротников В. И. Хроника Абсурда. Отделение России от СССР / В. И. Воротников. — Москва: Алгоритм, 2011. — 320 с.

279. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед / Е. Т. Гайдар. — Москва: Вагриус, 1997. — 367 с.

280. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. / М. С. Горбачев. — Кн. 1. — Москва: Новости, 1995. — 600 с.

281. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. / М. С. Горбачев. — Кн. 2. — Москва: Новости, 1995. — 656 с.

282. Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом / М. С. Горбачев. — Москва: АСТ, 2017. — 415 с.

283. Горбачев М. С. Понять перестройку… Почему это важно сейчас / М. С. Горбачев. — Москва: Альпина Бизнес Букс, 2006. — 399 с.

284. Грачев А. С. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше / А. С. Грачев. — Москва: Эксмо, 2023. — 542 с.

285. Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву / О. А. Гриневский. — Москва: ОЛМА-ПРЕСС. Образование, 2004. — 622 с.

286. Дзасохов А. С. Как много событий вмещает жизнь / А. С. Дзасохов. — Москва: Центрполиграф, 2019. — 462 с.

287. Ельцин Б. Н. Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления... / Б. Н. Ельцин. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. — 447 с.

288. Крючков В. А. На краю пропасти / В. А. Крючков. — Москва: Эксмо, 2003. — 445 с.

289. Лигачев Е. К. Кто предал СССР? / Е. К. Лигачев. — Москва: Эксмо: Алгоритм, 2010. — 288 с.

290. Медведев В. А. В команде Горбачева. Взгляд изнутри / В. А. Медведев. — Москва: Былина, 1994. — 239 с.

291. Оников Л. А. Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. / Л. А. Оников. — Москва: Республика, 1996. — 221 с.

292. Павлов В. С. Август изнутри: Горбачев-путч / В. С. Павлов. — Москва: Деловой мир, газ. «Фрезер», 1993. — 125 с.

293. Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку / В. С. Павлов. — Москва: ТЕРРА, 1995. — 334 с.

294. Палажченко П. Р. Профессия и время // Журнальный зал: сайт. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2020/10/professiya-i-vremya.html?ysclid=m8luklrvxa221875744 (Дата обращения: 23.03.2025).

295. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней / Н. Я. Петраков. — Москва: Экономика, 1998. — 285 с.

296. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений / Н. И. Рыжков. — Москва: Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995. — 574 с.

297. Рыжков Н. И. ПРЕМЬЕР. Проект 2017 – миф или реальность? / Н. И. Рыжков. — Москва: Эксмо, 2011. — 365 с.

298. Сахаров А. Д. Воспоминания: в 3 т. / А. Д. Сахаров. — Москва: Время, 2006. — Т. 3. — 941 с.

299. Ситарян С. А. Уроки будущего / С. А. Ситарян. — Москва: Экономическая газета, 2010. — 560 с.

300. Смирнов Г. Л. Уроки минувшего / Г. Л. Смирнов. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 1997. — 303 с.

301. Фалин В. М. Конфликты в Кремле. Сумерки богов по-русски / В. М. Фалин. — Москва: Центрполиграф, 1999. — 393 с.

302. Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972-1991 годы / А. С. Черняев. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. — 1047 с.

303. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. / А. С. Черняев. — Москва: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1993. — 521 с.

304. Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью / С. С. Шаталин. — Москва: Экономическая газета, 2004. — 623 с.

305. Шахназаров Г. Х. С вождями и без них / Г. Х. Шахназаров. — Москва: Вагриус, 2001. — 590 с.

306. Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника / Г. Х. Шахназаров. — Москва: Россика: Зевс, 1993. — 626 с.

307. Шеварднадзе Э. А. Мой выбор – в защиту демократии и свободы / Э. А. Шеварднадзе. — Москва: Новости, 1991. — 331 с.

308. Явлинский Г. А. «История ничему не учит, но сурово наказывает». О последствиях подписания соглашений Беловежской пуще // yavlinsky.ru: сайт. URL: https://www.yavlinsky.ru/article/belovezhie/ (дата обращения: 31.03.2025).

309. Яковлев А. Н. Омут памяти / А. Н. Яковлев. — Москва: Вагриус, 2000. — 603 с.

310. Яковлев А. Н. Сумерки / А. Н. Яковлев. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва: Материк, 2005. — 687 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

1.1. Монографии и научные статьи

311. Абрамова Ю. А., Дмитриев, А. Е. Экономические преобразования периода перестройки: 1985–1991 гг. / Ю. А. Абрамова, А. Е. Дмитриев // Известия МГТУ «МАМИ». — 2013. — Т. 6. — № 1(15). — С. 43-46.

312. Артемов А. В. Идеология обновления в риторике М. С. Горбачева как базовый элемент образа перестройки (на примере подготовки выступления на февральском пленуме ЦК КПСС 1988 г.) / А. В. Артемов // Вестник Пермского университета. Серия: История. — 2017. — Вып. 2 (37). — С. 106-114.

313. Артемов А. В. Образ перестройки в диктовках М. С. Горбачёва на последнем этапе политических реформ (1990-1991 годы) / А. В. Артемов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки: научный журнал. — 2017. — № 2. — С. 33-40.

314. Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 г. // «Особый путь»: от идеологии к методу; составители: Т. Атнашев, М. Велижев, А. Зорин. 2-е изд. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — С. 189-242.

315. Атнашев Т., Велижев М. “Context is king”: Джон Покок — историк политических языков / Т. Атнашев, М. Велижев // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 134. — С. 21-44.

316. Барсенков А. С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985-1991. / А. С. Барсенков — Москва: МГУ, 2001. — 364 с.

317. Бельский В. В. Практический социализм В. И. Ленина. Некоторые особенности устройства и развития / В. В. Бельский // Свободная мысль. — 2023. — № 4(1700). — С. 179-195.

318. Борщевский Г. А. Уроки кадровой работы в государственном аппарате периода перестройки / Г. А. Борщевский // Управленческие науки, научно-образовательный журнал. — 2012. — № 3(4). — С. 4-13.

319. Бреслауэр Дж. Горбачев и Ельцин как лидеры / Джордж Бреслауэр; [перевод с англ. А. Разина]. — Санкт-Петербург: Academic Sudies Press / Библиороссика, 2021. — 479 с.

320. В. Г., Травин, Д. Я. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ». [Электронный ресурс] / В. Г. Гельман, Д. Я. Травин // Неприкосновенный запас. 2013. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2013/4/zagoguliny-rossijskoj-modernizaczii-smena-pokolenij-i-traektorii-reform.html?ysclid=m8cxuh05r6814172258 (дата обращения: 17.04.2025). (иноагент)

321. Ватлин А. В. поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки / А. В. Ватлин // Вопросы истории. — 2013. — № 2. — С. 59-72.

322. Вестов Ф. А. Политико-правовые представления о правовом государстве в советский период / Ф. А. Вестов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2009. — Т. 9. — В. 1. — С. 63-67.

323. Вилков А. А. Перестройка в СССР: между идеологическим концептом и реальностью / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2021. — Т. 21. — № 3. — С. 303-309.

324. Волгин Е. И. Проблема модернизации КПСС в преломлении внутрипартийного дискурса (начало 1990-х гг.) / Е. И. Волгин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2008. — № 2. — С. 36-45.

325. Волгин Е. И. Проблема реорганизации аппарата КПСС в условиях политических преобразований в СССР (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) / Е. И. Волгин // Вестник Московского университета. Серия 8: История. — 2008. — № 6. — С. 31-42.

326. Гаврилов С. О. Эволюция взаимоотношений местных Советов и партийных органов в 1930-е гг. / С. О. Гаврилов // Известия Томского политехнического университета. — 2003. — Т. 306. — № 2. — С. 129-133.

327. Елисеева Н. В. История перестройки в СССР: 1985-1991 гг.: учебное пособие / Н. В. Елисеева. — 2-е изд., стереотипное. — Москва: РГГУ, 2017. — 550 с.

328. Елисеева Н. В. Перестройка: советский проект реформирования СССР / Н. В. Елисеева // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2005. — № 5. — С. 54-63.

329. Елисеева Н. В. СССР: реформы и реформаторы: 1945-1991 гг.: монография / Н. В. Елисеева. — Москва: РГГУ, 2019. — 449 с.

330. Зубок В. М. Коллапс. Гибель Советского Союза / В. М. Зубок; [перевод Т. Алешичевой, А. Кана, Ю. Трепалиной]. — Москва: Издательство АСТ: ОГИЗ, 2023. — 656 с.

331. Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии / А. В. Иванченко, А. Е. Любарев. — Москва: Аспект Пресс, 2006. — 221 с.

332. Калинин Д. М. «От Ялты до Мальты»: проблемы правового оформления окончания «холодной войны» // Электронное приложение к «российскому юридическому журналу»: электрон. Версия. 2016. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-yalty-do-malty-problema-pravovogo-oformleniya-okonchaniya-holodnoy-voyny (дата обращения: 23.03.2025).

333. Козьменко В. М., Цай, В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х–1991 г. / В. М. Козьменко, В. И. Цай // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2012. — № 2. — С. 120-130.

334. Колесников А. В. Пять пятилеток либеральных реформ. Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара / А. В. Колесников. — Москва: НЛО, 2022. — 690 с. (иноагент)

335. Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. — Москва: Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с.

336. Костогрызов П. И. Большевики и советы: динамика взаимоотношений в период «триумфального шествия» «упрочения Советской власти» (на материалах Урала) / П. И. Костогрызов // Проблемы истории общества, государства и права. — 2013. — Вып. 1. — С. 289-309.

337. Котеленец Е. А. Ленин как предмет исторического исследования Новейшая историография: монография / Е. А. Котеленец. — Москва: РУДН, 1999. — 222 с.

338. Коткин С. Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000 гг./ С. Коткин; [перевод с английского: И. Христофоров]. — Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 233 с.

339. Кротов Н. И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов / Н. И. Кротов. — Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2019. — 708 с.

340. Маслов Д. В. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования / Д. В. Маслов, Л. Н. Лазарева, Н. И. Суханов. — Москва: Политическая энциклопедия, 2022. — 399 с.

341. Мау В. А. Экономика и власть. Политическая история экономических реформ в России, 1985-1994 гг. / В. А. Мау. — Москва: Дело Лтд, 1995. — 109 с.

342. Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни / Р. А. Медведев. — Москва: Время, 2015. — 413 с.

343. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке / А. Н. Медушевский. — Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.

344. Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965-1989 годах. Том 2 / Н. Митрохин. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 606 с. (иноагент)

345. Мусихин Г. И. Методология исследования идеологий: от поведенческого анализа к постструктуралистским контекстуальным моделям. [Электронный ресурс] // Политическая наука. — 2013. — № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-ideologiy-ot-

povedencheskogo-analiza-k-poststrukturalistskim-kontekstualnym-modelyam (дата обращения: 19.10.2025).

346. Мухаметов Р. С. Внешнеполитические концепции СССР: от пролетарского интернационализма до нового мышления / Р. С. Мухаметов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Политические науки. Востоковедение. — 2012. — Вып. 12. — № 33(287). — С. 7-11.

347. Надточий З. Ю., Бухтоярова И. М. Пагуошское движение ученых как ответ на коллективное сострадание / З. Ю. Надточий, И. М. Бухтоярова // Воздушно-космические силы. Теория и практика. — 2018. — № 6. — С. 241-245.

348. Никитинский Л. В. Михаил Горбачев: «Главное - начать» / Л. В. Никитинский. — Москва: АФК «Система», 2024. — 518 с.

349. Новикова М. В. Особенности исторической политики советского государства в годы перестройки 1985-1991 гг. / М. В. Новикова // Genesis: исторические исследования. — 2018. — № 2. — С. 24-38.

350. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман; [пер. с немецкого Н. С. Мансурова]. — Москва: Прогресс-Академия, 1996. — 352 с.

351. Обухов С. П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989-2005 гг.) / С. П. Обухов. — Москва: ИПЦ «Маска», 2005. — 582 с.

352. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР // История государства: сайт. URL: https://statehistory.ru/books/YU--Olsevich--P--Gregori_Planovaya-sistema-v-retrospektive--Analiz-i-intervyu-s-rukovoditelyami-planirovaniya-SSSR/11 (дата обращения: 19.03.2025).

353. Павликов С. Г., Ралько О. В. Феномен социалистического правового государства / С. Г. Павликов, О. В. Ралько // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2011. — № 3 (22). — С. 25-31.

354. Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия / А. А. Пасс, П. А. Рыжий // Социум и власть. — 2012. — № 5(37). — С. 114-122.

355. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985-2005 / Р. Г. Пихоя. — Москва: Русь-Олимп, Астрель, АСТ, 2007. — 554 с.

356. Плахов А. Последняя модернистская революция: как Пятый съезд кинематографистов похоронил советский официоз // Искусство кино: сайт. URL: https://kinoart.ru/opinions/poslednyaya-modernistskaya-revolyutsiya-kak-pyatyy-sezd-kinematografistov-pohoronil-sovetskiy-ofitsioz?ysclid=m8kjg8dct7138852834 (дата обращения: 22.03.2025).

357. Плохий С. Н. Последняя империя. Падение Советского Союза / С. Н. Плохий; [перевод с англ. С. Гирика, С. Лунина, А. Сагана]. — Москва: АСТ: CORPUS, 2016. — 621 с.

358. Полынов М. Ф. Внешняя политика М. С. Горбачева. 1985-1991 гг. / М. Ф. Полынов. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. — 502 с.

359. Полынов М. Ф. Гонка вооружений как метод изматывания СССР США. 1945-1991 гг. / М. Ф. Полынов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. — 2005. — Вып. 3. — С. 92-103.

360. Полынов М. Ф. М. С. Горбачев: начало реформаторской деятельности / М. Ф. Полынов // Общество. Среда. Развитие. — 2009. — № 3(12). — С. 41-48.

361. Полынов М. Ф. Реформаторская деятельность М. С. Горбачева: первый этап перестройки 1985-1986 гг. / М. Ф. Полынов // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. — 2016. — Т. 4. — С. 251-261.

362. Полынов М. Ф. Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки / М. Ф. Полынов // Вестник СПбГУ. История. — 2024. — Т. 69. — Вып. 2. — С. 384-385.

363. Поронян К. М. Сравнительно-правой анализ советского типа представительства с парламентаризмом в России / К. М. Поронян // Юристъ-Правоведъ. — 2008. — № 2 (27). — С. 88-92.

364. Придворов Н. А., Ларина, Е. А. Горбачевские реформы и либеральные правовые идеи / Н. А. Придворов, Е. А. Ларина // Ленинградский юридический журнал. — 2010. — № 1 (19). — С. 130-141.

365. Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачев в 1990-1991 гг.: монография / А. С. Пученков. — Калининград: БФУ им. И. Канта, 2024. — 592 с.

366. Сазонов Д. А. Критика западного пути развития в журналах «Почвеннической» направленности в эпоху «Перестройки» / Д. А. Сазонов // Russian Journal of Education and Psychology: электрон. журнал. — 2011. — № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kritika-zapadnogo-puti-razvitiya-v-zhurnalah-pochvennicheskoy-napravlennosti-v-epohu-perestroyki (дата обращения: 25.03.2025).

367. Саржан А. А. Экономическая политика СССР в начальный период «перестройки» (апрель 1985 – январь 1987 гг.) / А. А. Саржан // Журнал исторических, политологических и международных исследований. — 2018. — № 3(66). — С. 16-23.

368. Сафронов А. Большая советская экономика: 1917-1991 / А. Сафронов. — Москва: Individuum, Эксмо, 2025. — 792 с.

369. Серебрякова Е. Г. Шестидесятники: биография поколения / Е. Г. Серебрякова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25, № 1 (183). — С. 99-105.

370. Скиннер К. Истоки современной политической мысли: В 2 тт. / К. Скиннер. — Москва: Дело, 2018.

371. Снегирев В. Н. Александр Яковлев. Чужой среди своих. Партийная жизнь «архитектора перестройки» / В. Н. Снегирев. — Москва: АФК «Система», Политическая энциклопедия, 2023. — 672 с.

372. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2 т. Апогей и крах сталинизма / под общей ред. Ю. Н. Афанасьева. — Москва: РГГУ, 1997. — Т. 2. — 757 с.

373. Совэ Г. Потерпевшие победу: Советские либералы и крах демократии в России (1987-1993 гг.) / Г. Совэ; [пер. с фр. А. Герцик, Г. Совэ]. — Москва: Новое литературное обозрение, 2025. — 344 с.

374. Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: от Горбачева до Ельцина / В. Согрин. — Москва: Прогресс-Академия, 1994. — 192 с.

375. Спицын Е. Ю. Разгадка Горбачева. 1985-1987 годы. От «ускорения» к «перестройке», 1985-1987 годы / Е. Ю. Спицын. — Москва: Концептуал, 2025. — 608 с.

376. Сулейманова С. А., Комлев П. А. Реформа Андропова: политика ускорения и проблемы формирования интеллектуального потенциала / С. А. Сулейманова, П. А. Комлев // Политический вектор-L. Комплексные проблемы современной политики. — 2015. — № 1. — С. 110-120.

377. Султыгов А. А. Доктрина завершения холодной войны, или «Новое мышление М. Горбачева» / А. А. Султыгов // Вестник российской нации. — 2019. — № 5(69). — С. 81-103.

378. Уотмор Р. Что такое интеллектуальная история? / Р. Уотмор; [пер. с англ. Н. Эдельмана]; послесл. Т. Атнашева и М. Велижева. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 200 с.

379. Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники / С. Н. Ушакова. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2013. — 213 с.

380. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; [пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой]. — Санкт-Петербург: Университетская книга, 2004. — 416 с.

381. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. / Г. И. Ханин. — Новосибирск: НГТУ, 2010. — Т. 2: Экономика СССР и РСФСР в 1988-1991 годах. — 408 с.

382. Чернышев Б. В. Альтернативность и гласность при подготовке государственных решений / Б. В. Чернышев // Информационная безопасность регионов. — 2010. — № 2(7). — С. 33-39.

383. Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985-1993): в 2 т. / В. Л. Шейнис. — Москва: Моск. Центр Карнеги, 2005. — Т 1. — 331 с.

384. Шерлок Т. Исторические нарративы и политика в Советском Союзе и постсоветской России / Т. Шерлок; [пер. с англ. А. Л. Раскина и А. А. Пешкова]. — Москва: Политическая энциклопедия, 2014. — 321 с.

385. Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977-1985 гг. / А. В. Шубин. — Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 768 с.

386. Шубин А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР / А. В. Шубин. — Москва: Вече. 2007. — 320 с.

387. Юрчак А. В. Если бы Ленин был жив, он бы знал, что делать: голая жизнь вождя… / А. В. Юрчак // Новое литературное обозрение. — 2007. — № 83(1). — С. 189-204.

388. Ялышев Р. А. Второй Съезд народных депутатов СССР: кризис плавной модернизации и дискуссия о судьбе союзного государства / Р. А. Ялышев // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: международная научная конференция: сборник научных статей в 2 ч. — Спб.: 2021. — Ч. 2. — С. 145-151.

389. Яник А. А. История современной России. Истоки и уроки последней российской модернизации (1985-1999): научное издание / А. А. Яник. — Москва: Изд-во Московского университета, 2012. — 760 с.

390. Dunn J. The History of Political Theory and Other Essays / J. Dunn. — Cambridge, 1996. — 235 pp.

391. Freeden M. Liberalism divided: A study in British political thought, 1914-1939 / M. Freeden. — Oxford: Clarendon press, 1986. — 399 pp.

392. Freeden M. The morphological analysis of ideology // Oxford handbook of political ideologies / M. Freeden. — Oxford: Oxford univ. press, 2013. — P. 115-137.

393. Pocock J. G. A. Intellectual History: 5 Questions / J. G. A. Pocock / Ed. by M. H. Jeppesen, F. Stjernfelt, M. Thorup. — Copenhagen, 2013. — 200 pp.

394. Reform in modern Russian history: Progress or cycle? / Ed. a. trasl. by Theodore Taranovski with the assistance of Peggy McInerny. — Washington: Woodrow Wilson center press; Cambridge univ. press, 1995. — 436 pp.

395. Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas / Q. Skinner // History and Theory. — 1969. — Vol. 8. — № 1. — P. 3-53.

1.2. Диссертации

396. Аблаев Д. М. Межрегиональная депутатская группа: становление, развитие и итоги: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Аблаев Денис Михайлович. — Москва, 2008. — 232 с.

397. Головченко В. И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России: дис. ... док. полит. наук: 23.00.02. / Головченко Владимир Иванович. — Саратов, 2009. — 403 с.

398. Гордина Е. Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987-1991 гг. Тематический анализ: дис. …канд. истор. наук: 07.00.09 / Гордина Елена Дмитриевна. — Нижний Новгород, 2004. — 228 с.

399. Короева И. Д. КПСС и трансформация общественно-политической системы СССР (1985-1991 гг.): дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Короева Инга Давидовна. — Москва, 2004. — 197 с.

400. Лукашин А. В. Разработка руководством СССР союзного договора (март-декабрь 1991 года): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Лукашин Александр Владимирович. — Москва, 2012. — 253 с.

401. Никитин К. М. Эволюция внешнеполитической доктрины СССР: дис. ...канд. истор. наук: 07.00. 02 / Никитин Кирилл Михайлович. — Москва, 2008. —185 с.

402. Петропавловская Е. М. Проблемы отечественной истории в литературно-художественных и общественно-политических журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» 1985-1991 годов (структурно-тематический анализ): дис. …канд. истор. наук: 07.00.09. / Петропавловская Елена Михайловна. — Нижний Новгород, 2008. — 258 с.

403. Ялышев Р. А. Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. / Ялышев Ренат Амируллович. — Москва, 2011. — 270 с.

Справочные материалы

1. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. — Москва: Советская Энциклопедия, 1983 — 839 с.

Список сокращений

АОН – Академия общественных наук

АПК – Аграрно-промышленный комплекс

ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению

ДКИ – Движение коммунистической инициативы

ДП – Демократическая платформа

ДПР – Демократическая партия России

ЕЭС – Европейское экономическое сообщество

ИМЛ – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

КДП – Конституционно-демократическая партия

КП РСФСР – коммунистическая партия Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

КПК – Комитет партийного контроля

МБР – Межконтинентальные баллистические ракеты

МГК – Московский городской комитет

МДГ – Межрегиональная депутатская группа

МП – Марксистская платформа

НТР – Научно-техническая революция

ПКД – Партия конституционных демократов

РАПО – Районное агропромышленное объединение

РПРФ – Республиканская партия Российской Федерации

РСД – Ракеты средней дальности

РХДД – Российское христианское демократическое движение

СДПР – Социал-демократическая партия России

СНВ – Стратегические наступательные вооружения

СОИ – Стратегическая оборонная инициатива

СЭВ – Совет экономической взаимопомощи

ЦИАМ – Центральный институт авиационного моторостроения

ЦЭМИ – Центральный экономико-математический институт